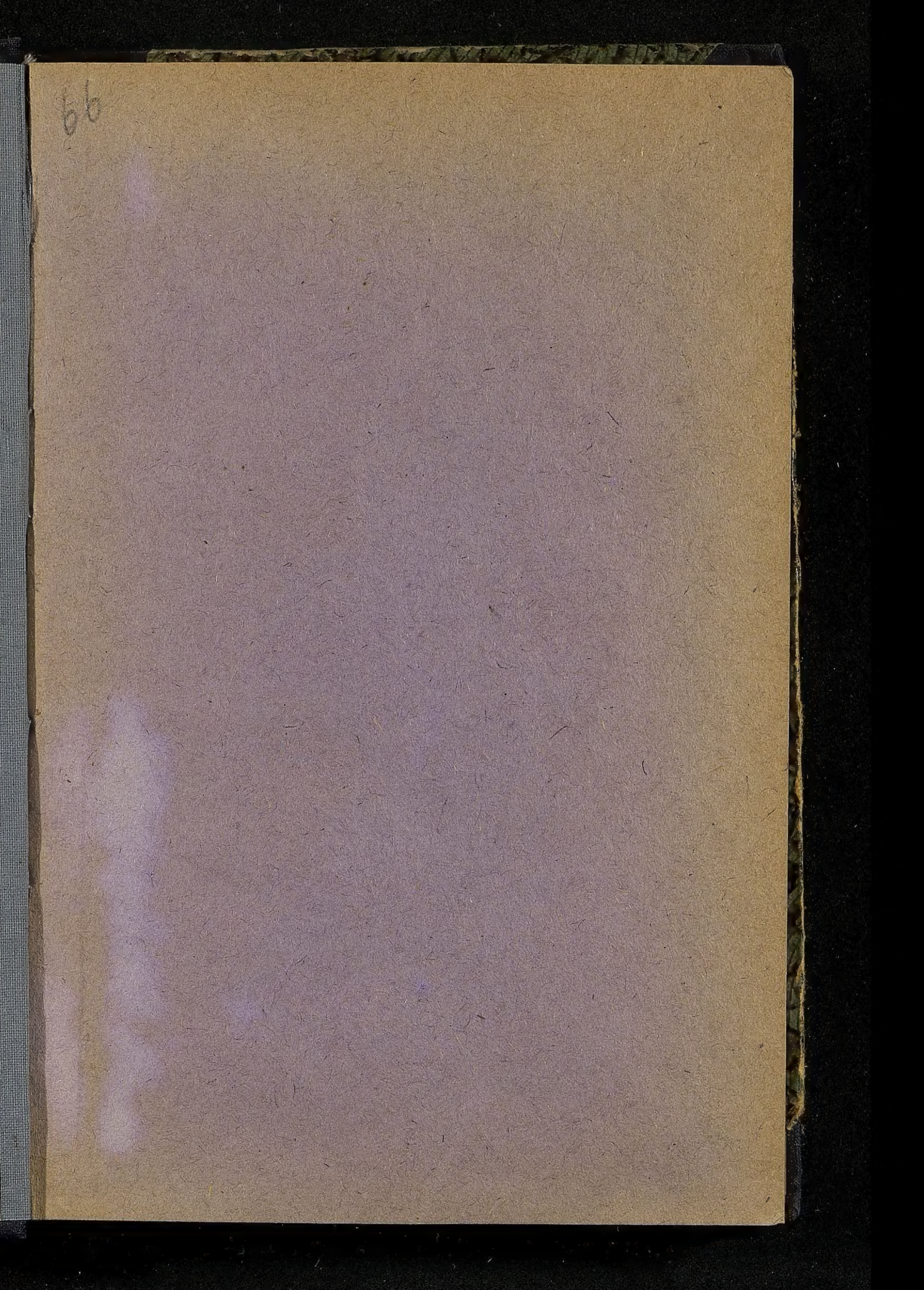

66

МАКСИМЪ КОВАЛЕВСКІЙ.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ СОВРЕМЕННОЙ ДЕМОКРАТІИ

ТОМЪ IV

Изданіе К. Т. Солдатенкова.

Цѣна 2 руб.

МОСКВА
ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА
ЛЕОНТЬЕВСКІЙ ПЕР., Д. МАМОНТОВА.
1897

… всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Россіи продаются слѣдующія изданія К. Т. Солдатенкова:

Брайсъ, Д. Американ. республика. 3 т. Пер. *В. Невѣдомскаго.* 1890. Ц. 10 р. 50 к.

Буасье, Г. Цицеронъ и его друзья. Пер. *Корсакъ.* 1880. Ц. 2 р.

— Паденіе язычества. Пер. подъ ред. *М. Корелина.* 1893. Ц. 4 р.

Бэръ. Ист. всемір. торговли. 3 ч. Пер. *Э. Циммермана.* 1876. Ц. 7 р. 50 к.

Веберъ, Г. Всеобщая исторія. 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8 и 9 т. по 1 руб. за каждый.

Вегеле, Ф. Дантъ Алигьери. Пер. *А. Веселовскаго.* 1881. Ц. 3 р.

Вейсъ. Внѣшній бытъ народовъ. 5 ч. Пер. *В. Чаева* и *И. Васильева.* 1879. Ц. 20 р.

Викторовъ, П. Ученіе о личности. Т. I. 1887. Ц. 1 р. 50 к.

Гартманъ. Сущность мірового процесса или философія безсознательнаго *А. Козлова.* М. 1876 г. Т. II. Ц. 2 р. 50 к.

Гаймъ, Р. Гердеръ. Пер. *В. Невѣдомскаго.* 2 т. 1889. Ц. 10 р.

— Романтич. школа въ Германіи. Пер. *В. Невѣдомскаго.* 1891. Ц. 5 р.

Гаспари, А. Исторія итальян. литерат. т. I. Пер. *К. Бальмонта.* 1895. Ц. 3 р.

Гервинусъ, Г. Автобіографія. Пер. *Э. Циммермана.* 1895. Ц. 1 р. 50 к.

Геттнеръ. Ист. всеобщ. литерат. XVIII в. т. III ч. I. 1872. Ц. 2 р.

Гиббонъ. Ист. упадка и разруш. Римск. имп. Пер. *В. Невѣдомскаго.* 7 т. 1886. Ц. 26 р.

Гизо. Ист. цивилиз. во Фран[illegible] т. III и IV. Пер. *П. Виноградов*[illegible] 1877. Ц. 4 р.

Гнейстъ, Р. Ист. государств. учрежд. Англіи. Пер. *С. Венгерова.* 18[illegible] Ц. 4 р. 50 к.

Гомеръ. Иліада. Пер. *Н. Минскаго* 1896. Ц. 75 к.

Горнъ, Ф. Исторія скандинавской литературы. Пер. *К. Бальмонта.* 1894 Ц. 2 р. 50 к.

Грегуаръ, Л. Ист Франціи XIX в. 3 т. Пер. подъ ред. *И. Лучицкаго* 1893. Ц. 12 р.

Гринъ, Д. Ист. англ. народа. 4 т. Пер. *П. Николаева.* 1892. Ц. 10 р. 50

Гюббаръ, Г. Ист. соврем. литерат. въ Испаніи. Пер. *Ю. Доппельмай*[illegible] 1892. Ц. 2 р.

Давидъ-Соважо, А. Реализмъ и натурализмъ въ литературѣ и искусст[illegible] Пер. *А. Серебряковой.* М. 1891 г. Ц. 2 р.

Дройзенъ. Ист. эллинизма. 3 т. Пер. *М. Шелгунова.* [illegible]891. Ц. 11 р.

Забѣлинъ, И. Е. Кунцево и древній Сѣтунскій станъ. М. 1872 г. Ц. 2

Зиберъ, Н. Очерки первоб. эконом. культуры. 1883. Ц. 4 р. 50 к.

Игерингъ. Борьба за право. Пер. *П. Волкова.* М. 1872 г. Ц. 75 к.

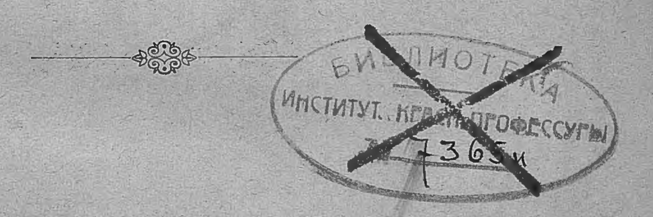
Іодла. Исторія этики Пер. под. ред. *Вл. Соловьева.* Т. I. 1896. Ц. 2 р.

МАКСИМЪ КОВАЛЕВСКІЙ.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ СОВРЕМЕННОЙ ДЕМОКРАТІИ

ТОМЪ IV

Изданіе К. Т. Солдатенкова.

МОСКВА
ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА
ЛЕОНТЬЕВСКІЙ ПЕР., Д. МАМОНТОВА.
1897

КОНЕЦЪ АРИСТОКРАТИЧЕСКИХЪ ПРАВИТЕЛЬСТВЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Часто указываютъ, какъ на противорѣчіе, что великая революція, поставившая себѣ задачей упроченіе народнаго самодержавія, упразднила столько же, если не болѣе республикъ, сколько и монархій. Генуя и Венеція, Нидерландская федерація, старые кантоны Швейцаріи или пали подъ ея ударами, или понесли существенный уронъ въ своей независимости и свободѣ самоопредѣленія. То, что оставалось еще отъ Рѣчи Посполитой, не нашло поддержки въ такъ долго дружественной ей Франціи и, несмотря на геройскую защиту Костюшки, погибло подъ ударами Суворова, сдѣлалось предметомъ новаго раздѣла.

Какъ объяснить такое равнодушіе и подчасъ такую враждебность къ видимымъ единомышленникамъ? Многіе находятъ источникъ ихъ въ требованіяхъ политики, въ готовности жертвовать принципами для интересовъ, въ стремленіи обезпечить не столько торжество свободы, равенства и народнаго самодержавія, сколько собственное преобладаніе въ Европѣ. Но я не раздѣляю такого воззрѣнія; я не вижу противорѣчія тамъ, гдѣ дѣло идетъ о расширеніи основъ правительства, объ упраздненіи исключительныхъ привилегій, гражданскихъ и политическихъ, о торжествѣ равенства, хотя бы и подъ единоначаліемъ. Установленное еще Руссо различіе между суверенитетомъ и правительствомъ, между формой государ-

ственнаго устройства и образомъ правленія, поможетъ мнѣ выяснить мой взглядъ и разрѣшить видимое только противорѣчіе.

Эволюція политическихъ формъ, однимъ изъ главныхъ факторовъ которой былъ французскій переворотъ прошлаго столѣтія, сказалась не въ перемѣнѣ образовъ правленія, а въ расширеніи основъ суверенитета. Что въ томъ, если республиканская Франція своими договорами о мирѣ содѣйствовала упроченію прусской монархіи, поглощенію мелкихъ государствъ Германіи, въ формѣ такъ называемой секуляризаціи церковныхъ леновъ, расширенію частныхъ владѣній австрійскаго дома въ ущербъ не только Имперіи, но и бывшей республики Святого Марка? Что въ томъ, если Генуя и Венеція, а также двѣ вѣковыя федераціи городскихъ муниципій и деревенскихъ общинъ, нидерландская и швейцарская, временно сошли со сцены, уступая мѣсто новымъ образованіямъ, когда повсюду въ Европѣ, подъ прямымъ или косвеннымъ вліяніемъ Франціи, суверенитетъ изъ рукъ феодальныхъ сословій, дворянства, духовенства и городской олигархіи, перемѣстился въ руки, если не всего народа, то всего класса крупныхъ, среднихъ и мелкихъ собственниковъ, владѣльцевъ земли, капитала или промышленнаго предпріятія? Всеобщее голосованіе было еще впереди, и простой народъ продолжалъ считаться не только черныо, но и сбродомъ (canaille). Зато среднее сословіе во всемъ его составѣ включено было „въ ряды верховниковъ“ и приняло въ свои руки осуществленіе задачъ самодержавія.

Эта сторона революціонной программы была вызвана всѣмъ предшествующимъ развитіемъ политической мысли, не меньше борьбы съ абсолютизмомъ. Руссо, Мабли, Рейналь, Сіейсъ въ такой же, если не въ большей мѣрѣ подготовили равнодушіе республиканской Франціи къ судьбамъ аристократической Польши и не менѣе аристократической Венеціи, какъ и паденіе не знающей ограниченій монархіи. Когда въ отвѣтъ на ходатайство Костюшки о заступничествѣ противъ общаго

врага, правительство Конвента отвѣчало упрекомъ въ непониманіи поляками основъ народнаго суверенитета [1]), оно дѣйствовало въ духѣ принциповъ 1789 года, точно такъ же, какъ упраздняя въ Голландіи не только власть штатгальтера, но и тѣхъ городскихъ олигарховъ, которые присвоили себѣ права верховенства. Провозглашая открыто систему невмѣшательства въ вопросы внутренняго устройства освобожденныхъ ею народовъ, французская республика и въ Ломбардіи, и въ Нидерландахъ, поддерживала скрытую игру своихъ агентовъ и, при ихъ посредствѣ, вызывала болѣе или менѣе искусственные перевороты, доставлявшіе торжество дорогимъ ей принципамъ единаго, нераздѣльнаго, равноправнаго и самодержавнаго народовластія. Борьба съ феодализмомъ продолжалась и тамъ, гдѣ этотъ феодализмъ давно вымеръ или никогда не существовалъ. Французскій агентъ въ Амстердамѣ Ноэль поддерживалъ борьбу патріотовъ съ аристократами, не желавшими „жертвовать частными интересами общему", и полагавшими, что свобода возможна и безъ установленія точной пропорціи между представительствомъ и числомъ населенія [2]). Въ 1799 году Малэ-дю-Панъ такъ несправедливо и такъ же тщетно будетъ возставать противъ войны съ швейцарскими республиками и упраздненія городскихъ олигархій Берна, Базеля и Цюриха, какъ годами ранѣе Барцони противъ директоріи и героя италійскаго похода за отмѣну ими той вѣковой конституціи, на которой венеціанскій патриціатъ опиралъ свое политическое владычество и надъ среднимъ сословіемъ, и надъ дворянствомъ подвластныхъ провинцій. Отвѣтомъ на эти обвиненія будетъ созданіе политически-централизованныхъ народныхъ и равноправныхъ республикъ, батавской, гельветской, ломбардской, лигурійской, не говоря о болѣе эфемерныхъ въ Римѣ, Неаполѣ и Болоньи. Во всѣхъ ихъ не будетъ и помину о при-

---

1) Sorel. L'Europe et la révolution française, часть IV, стр. 51.

2) La révolution française en Hollande, la république Batave. Paris, 1794 года, стр. 122 и 123 и 125.

вилегіяхъ рожденія, объ историческомъ правѣ отдѣльныхъ провинцій и о томъ зависимомъ, подвластномъ отношеніи, въ какомъ, напримѣръ, Аппенцель и Ваадтъ стояли къ старымъ кантонамъ [1]), Брабантъ и Голландская Фландрія къ главнымъ участникамъ нидерландской лиги, а континентальные города и провинціи республики Святого Марка къ Венеціи. Démocratie temperée sans patriciat et sans privilèges обзоветъ батавскую республику голландскій патріотъ Схимельпенингъ, и никто другой, какъ Бенжаменъ Констанъ будетъ привѣтствовать Гельветскую, какъ обѣщающую равноправіе его родинѣ Лозанѣ съ тираническимъ Берномъ [2]).

Такимъ образомъ современная демократія зарождается подъ непосредственнымъ вліяніемъ событій 1789-го года не только въ формѣ торжества парламентаризма, но и въ формѣ вымиранія аристократій. Вслѣдъ за Польшей гибнетъ бывшая владычица морей—Венеція и входитъ въ новый фазисъ развитія ея счастливая соперница—республика соединенныхъ Нидерландовъ. Проходятъ годы, и та же судьба постигаетъ не только городскія олигархіи Швейцаріи, но и ганзейскаго союза. Всѣ эти явленія, какъ и насажденіе новыхъ демократическихъ республикъ въ Италіи, въ ущербъ не одному императору и папѣ, но и старинной буржуазіи ломбардскихъ и романскихъ общинъ,— отдѣльныя звенія одной и той же эволюціи, перемѣщенія суверенитета изъ рукъ привилегированнаго меньшинства въ руки равноправнаго большинства. Это конецъ аристократическихъ правительствъ, конецъ въ которомъ самымъ бьющимъ въ глаза моментомъ является паденіе республики Святого Марка.

Недаромъ же сторонники и противники, Монтескьё и Рейналь, объявляли ее въ одно слово совершеннѣйшимъ типомъ аристократіи и на ея примѣрѣ основывали ученіе объ умѣренности въ пользованіи властью, какъ о жизненномъ принципѣ этой формы правленія. Если паденіе стараго порядка во Фран-

---

1) Смотри Bluntschli. Geschichte der schweizerischen Eidgenossenschaft.

2) Lettres de Benjamin Constant à sa famille.

ціи можетъ считаться поворотнымъ моментомъ въ исторіи, то такимъ же факторомъ переживаемой нами политической эволюціи является конецъ аристократій и, въ частности, паденіе республики Святого Марка. Тѣмъ самымъ указано мѣсто, какое въ общей исторіи происхожденія демократіи занимаетъ и это, повидимому, частное и мѣстное явленіе, значеніе котораго тѣмъ не менѣе должно быть признано всемірнымъ.

ГЛАВА I.

Венеціанская конституція въ оцѣнкѣ итальянскихъ и иностранныхъ публицистовъ.

§ 1.

Мы на столько свыклись съ мыслью о конституціонной монархіи и парламентаризмѣ, публицисты прошлаго и текущаго столѣтія такъ пріучили насъ смотрѣть на Англію, какъ на образецъ государственнаго устройства, что намъ трудно представить себѣ то время, когда Европа, не исключая и самой Англіи, считала нужнымъ учиться политической мудрости въ Италіи и въ частности въ Венеціи. А между тѣмъ это время едва отстоитъ отъ нашего на два или на три столѣтія.

Современникъ Елизаветы Гарисонъ въ своемъ описаніи собственной родины еще считалъ нужнымъ нападать на своихъ, какъ онъ выражается, «итальянизированныхъ» соотечественниковъ [1]). Альберикъ Джентилисъ, родомъ итальянецъ, своимъ преподаваніемъ въ Оксфордѣ и своими наполовину англійскими, наполовину латинскими трактатами, одновременно становился пропагандистомъ не только идей международнаго права, но и того ученія о неограниченномъ правителѣ, которому Макіавелли проложилъ путь, систиматизируя правила поведенія народныхъ диктаторовъ, такъ называемыхъ тирановъ, въ его время упразднившихъ свободу самоуправлявшихся республикъ Аппенинскаго полуострова. Прежде, чѣмъ рекомендовать подобную же практику собственной родинѣ, другой современникъ Елизаветы Мельвиль

---

[1]) Italionates. Description of England.

считалъ нужнымъ побывать въ Италіи и воспользоваться всѣмъ слышаннымъ и видѣннымъ. Полстолѣтія спустя, въ эпоху заостренной борьбы парламента съ королемъ, никто иной, какъ будущій авторъ «Защиты англійскаго народа», Мильтонъ, предпринимаетъ поѣздку въ Италію для завершенія своего гуманитарнаго образованія и находитъ въ ней, на ряду съ торжествомъ тѣхъ самыхъ началъ абсолютизма, съ которыми Стюарты связали свою судьбу, и мудрое сочетаніе аристократіи, демократіи и монархіи въ славной еще не однимъ прошлымъ республикѣ Святого Марка.

Одна изъ младшихъ ея сестеръ, воспитанная въ ея принципахъ, надѣленная ея учрежденіями, но сумѣвшая соединить съ ними уваженіе къ исконнымъ обычаямъ своихъ прадѣдовъ, славянская Рагуза, извѣстная намъ подъ именемъ Дубровника, въ серединѣ XVII-го столѣтія ставится въ образецъ англійскимъ республиканцамъ, которыхъ привлекаетъ болѣе демократическій характеръ ея учрежденій.

И въ Голландіи, издавна сдѣлавшейся очагомъ свободы печати, итальянскіе, въ частности венеціанскіе, порядки становятся еще съ XVII-го столѣтія предметомъ особаго вниманія. Въ 1631-омъ году эльзевирская типографія выпускаетъ въ латинскомъ переводѣ извѣстное сочиненіе флорентинца Донато Джанотти и трактатъ кардинала Гаспара Контарини, въ которыхъ венеціанскія учрежденія объявляются самымъ удачнымъ сочетаніемъ единовластія съ аристократіей и народнымъ участіемъ въ дѣлахъ правленія. Въ Амстердамѣ и Утрехтѣ не перестаютъ выходить сочиненія, посвященныя описанію венеціанскихъ порядковъ.

Италія, значится въ посвященіи «Новой реляціи о городѣ и республикѣ Святого Марка» француза Фрошо, всегда привлекала къ себѣ вниманіе всѣхъ націй міра; онѣ учились въ ней хорошему вкусу, манерамъ, искусствамъ и наукѣ. Венеція въ частности сдѣлалась издавна школой, въ которой всѣ правители ищутъ примѣра и назиданія [1]).

Возвращающіеся изъ дипломатической миссіи послы герман-

---

1) Nouvelle relation de la ville et république de Venise. Utrecht chez Gullaume van Poolsum. 1709-й годъ.

скаго императора также не въ состояніи скрыть своего удивленія къ величію венеціанскаго правительства. Признавая его не отвѣчающимъ ни монархіи, ни аристократіи, ни демократіи, они принуждены отнесть Венецію къ числу тѣхъ смѣшанныхъ республикъ, которыми гордилась древность [1]).

Хотя Франція Людовика XIV всего менѣе была призвана оцѣнить преимущества умѣреннаго образа правленія, но такіе даже суровые критики венеціанскихъ порядковъ, какъ Амело-де-ла-Гуссэ, котораго сенатъ обвинилъ въ клеветѣ, а король счелъ нужнымъ заключить въ Бастилію, тѣмъ не менѣе объявляютъ государственный строй Венеціи вѣрнымъ снимкомъ съ республикъ древней Греціи и потому самымъ образцовымъ [2]).

Сенатъ, пишетъ онъ, даетъ народу возможность жить въ лѣни и удовольствіяхъ, а это лучшее средство сдѣлать его покорнымъ. Свое распутство венеціанцы называютъ свободой. Венеціанская чернь хвалитъ милосердіе и гуманность своихъ патроновъ и тѣмъ болѣе привязана къ правительству, что послѣднее ставитъ на равную съ нимъ ногу континентальное дворянство, которое также лишено всякаго участія въ дѣлахъ. Въ свою очередь подданные Terra Ferma, т. е. провинцій, расположенныхъ на континентѣ Италіи, признаютъ управленіе венеціанской синьеріи самымъ мягкимъ и справедливымъ, въ виду той доступности, какою отличаются посылаемые ею губернаторы (подеста) и сами государственные инквизиторы, внимательно относящіеся къ жалобамъ народа на знать. Чтобы избѣжать упрека въ олигархіи, венеціанское правительство не только призываетъ всѣхъ дворянъ Венеціи къ участію въ большомъ совѣтѣ, но и включаетъ въ составъ сената, составъ, ежегодно возобновляемый, не менѣе трехъ-сотъ дворянъ. Совѣты республики говорятъ доступнымъ народу языкомъ; употребленіе латинской рѣчи всегда встрѣчало противодѣйствіе въ томъ соображеніи, что не всѣ владѣютъ ею въ равной степени и потому не всѣ

---

[1]) Смотри Relazione ed esame della Serenissima Republica di Venezia fatta da S. E. il Sig-Conte della Torre; ambasciatore appresso la medesima per Sua maesta Cesarea dell'anno 1695 (рукопись библ. Querini — Stampaglia. Class. IV. cod. 596).

[2]) Histoire du gouvernement de Venise, вступленіе.

будутъ имѣть равную возможность служить своимъ мнѣніемъ и совѣтомъ. Отсутствіе права первородства поддерживаетъ равенство въ средѣ дворянъ; той же цѣли достигаетъ запрещеніе владѣть феодальной собственностью въ Terra Ferma. Чтобы сдѣлать невозможнымъ образованіе клерикальной партіи въ стѣнахъ совѣтовъ, у членовъ духовенства, хотя бы и принадлежащихъ къ дворянскому званію, отнято право присутствія. И тотъ-же запретъ распространяется и на ближайшихъ родственниковъ кардиналовъ или другихъ верховныхъ должностныхъ лицъ римской куріи.

Условное признаніе, какое Амело-де-ла-Гуссэ даетъ венеціанскому правительству, смѣняется въ XVIII-мъ вѣкѣ болѣе симпатичнымъ къ нему отношеніемъ. Въ своемъ путешествіи по Италіи Монтескьё довольно долго останавливается въ Венеціи. Едва онъ вступилъ въ предѣлы республики Святого Марка, какъ его поражаетъ высокое благосостояніе ея жителей. Съ перваго взгляда, пишетъ онъ о Фріулѣ, убѣждаешься въ томъ, что страна отличается изобиліемъ, а народъ мало обложенъ. Нѣтъ подданныхъ въ мірѣ, съ которыми обращались бы лучше; они платятъ мало въ казну. Дворяне Terra Ferma часто уклоняются отъ всякихъ взносовъ и въ этомъ отношеніи находятъ поддержку въ дворянахъ Венеціи, которые также рады не нести налоговъ. Благодаря этому, государство менѣе могущественно, чѣмъ могло бы быть. Можно назвать случаи, въ которыхъ не только за дворяниномъ, но и за крестьяниномъ считается двадцати-лѣтняя недоимка. Дворяне должны республикѣ болѣе двадцати милліоновъ.

Это лучшій народъ въ мірѣ, пишетъ Монтескьё о жителяхъ самой Венеціи. Нѣтъ необходимости даже держать полицейскихъ въ театрахъ, такъ какъ все обходится спокойно и не бываетъ ни споровъ, ни дракъ. Люди простого званія даже терпѣливо выносятъ неплатежъ имъ долга дворяниномъ; зато и дворянинъ, разъ обѣщавшій простолюдину свое покровительство, сдержитъ слово во чтобы то ни стало. Рѣдко гдѣ можно встрѣтить больше уваженія къ начальству и больше повиновенія. Бѣдный сенаторъ можетъ, не опасаясь противодѣйствія, стащить рыбу на рынкѣ и положить въ свой карманъ. Монтескьё за-одно съ

Амело-де-ла-Гуссэ не знаетъ въ Венеціи другой свободы, кромѣ той, которая состоитъ въ распутствѣ; это свобода, которую большинство порядочныхъ людей не хотѣли бы имѣть— «свобода—ходить среди бѣла дня къ женщинамъ легкаго поведенія, вступать съ ними въ бракъ, не соблюдать Пасхи и быть вполнѣ независимымъ «въ частномъ поведеніи», другими словами—свобода общественная. Въ двухъ, трехъ мѣстахъ Монтескьё отмѣчаетъ и то впечатлѣніе, какое производятъ на него государственныя учрежденія Венеціи. Поклонникъ англійскихъ порядковъ, онъ не щедръ на похвалы венеціанскимъ. Заслуживаетъ однако вниманія то снисходительное отношеніе, съ какимъ онъ судитъ поведеніе совѣта десяти. Это собраніе, внушавшее въ свое время такой страхъ, не кажется ему болѣе заслуживающимъ боязни. Грозный совѣтъ десяти, пишетъ онъ, пересталъ быть грознымъ. Дворянинъ изъ трусости сдавшій неприступную крѣпость въ Мореѣ, приговоренъ былъ имъ только къ пожизненному заключенію. Декреты, постановляемые совѣтомъ десяти, болѣе не исполняются съ прежней строгостью. Такъ какъ на должности члена совѣта никто не остается больше одного года, то не удивительно, что занимающій ее боится мести родственниковъ своей жертвы. Вся бѣда лежитъ такимъ образомъ въ постоянной смѣнѣ правителей и въ замѣщеніи должностей жребіемъ [1]).

Эти летучія замѣтки даютъ уже возможность предугадать то, что Монтескьё скажетъ о Венеціи и ея порядкахъ въ «Духѣ Законовъ». Онъ похвалитъ умѣренность, съ какой венеціанская аристократія пользуется своей властью,—умѣренность, которой она обязана симпатіями простонародья. Съ другой стороны онъ подвергнетъ критикѣ ея систему выборовъ и частаго возобновленія должностей путемъ жребія.

Признавъ жизненнымъ принципомъ аристократіи умѣренность въ пользованіи властью, Монтескьё въ VIII-й главѣ V-й книги хвалитъ венеціанцевъ за то, что они старались по возможности ослабить тѣ преимущества, какими пользуется дворянство.

---

[1]) Voyages de Montesquieu, publiés par le Baron Albert de Montesquieu, томъ I, страницы отъ 21-й – по 26-ую.

Отсюда, пишетъ онъ запрещеніе заниматься торговлей,—запрещеніе препятствующее венеціанскимъ патриціямъ накоплять чрезмѣрныя сокровища, отсюда же отсутствіе маіоратовъ и равный раздѣлъ наслѣдствъ, также мѣшающій установленію чрезмѣрнаго неравенства.

Законы должны подавлять стремленіе къ владычеству и дворянскую гордость; необходимъ поэтому такой трибуналъ, который заставилъ бы дрожать предъ собою всѣхъ безъ различія. Таковъ былъ институтъ эфоровъ въ Лакедемоніи и такимъ является трибуналъ инквизиторовъ въ Венеціи. Они не связаны формальностями и могутъ прибѣгнуть къ самымъ крайнимъ мѣрамъ. Bocca di leone, вдѣланный въ каменную стѣну ящикъ, принимаетъ доносы любого [1]. Монтескьё возвращается къ вопросу о счастливыхъ особенностяхъ венеціанской аристократіи въ главѣ, посвященной законамъ о роскоши. Въ Венеціи, пишетъ онъ, само государство принуждаетъ дворянъ къ скромному образу жизни. Они такъ привыкли къ сбереженіямъ, что однѣ куртизанки способны принудить ихъ къ расточительности. Самыя презрѣнныя женщины сорятъ деньгами въ то время, какъ ихъ содержатели ведутъ заурядный образъ жизни [2]. Венеція, замѣчаетъ тотъ же писатель въ главѣ, посвященной изученію причинъ извращенія аристократіи, лучше всѣхъ другихъ респуб-

---

1) Духъ Законовъ, книга пятая, глава VIII-я.

2) Не трудно открыть источникъ этихъ утвержденій. Въ путевомъ дневникѣ встрѣчается слѣдующее замѣчаніе: публичныя женщины, число которыхъ доходитъ до 10,000, приносятъ Венеціи большую пользу; только онѣ способны склонить молодыхъ людей къ издержкамъ, и надо сказать, что купцы только отъ нихъ и получаютъ деньги. Раньше Монтескьё тоже замѣчено было Фрошо, авторомъ уже упомянутый нами реляціи о городѣ и республикѣ Святого Марка. Защищая венеціанцевъ отъ упрека въ скупости, какой дѣлаетъ имъ Амело-де-Ла-Гуссэ, Фрошо замѣчаетъ, что венеціанскіе дворяне воздерживаются отъ безумныхъ затратъ изъ желанія подать добрый примѣръ. Они сознаютъ, что умѣренность (modération) является условіемъ сохраненія республикъ, которымъ, наоборотъ, грозитъ неравенство,—этотъ виновникъ несогласій и нарушенія внутренняго мира (стр. 289-я). Вотъ зародышъ ученія объ умѣренности, какъ о жизненномъ принципѣ аристократій, ученія, развитіе котораго представляетъ третья книга Духа Законовъ. (La modération est l'âme des gouvernements aristocratiques, книга III-я глава IV-я).

ликъ съумѣла законами ослабить недостатки наслѣдственнаго дворянства [1]).

Но если Монтескьё высоко цѣнитъ въ венеціанскихъ порядкахъ искусство, съ какимъ предупреждено было вырожденіе аристократіи въ олигархію и обезпечено сочувственное отношеніе массы народа къ дворянству, то, съ другой стороны, онъ довольно строго критикуетъ самый порядокъ ея учрежденій. Онъ противникъ той системы жребія, который въ ходу въ Венеціи при замѣщеніи всѣхъ должностей. Жребій необходимъ въ демократіи, гдѣ онъ поддерживаетъ равенство гражданъ. Но въ аристократическомъ государствѣ, гдѣ существуютъ самыя прискорбныя различія, выбранный жребіемъ не сдѣлался бы отъ этого менѣе ненавистнымъ. За исключеніемъ этой критики, зародышъ которой можно найти въ путевыхъ замѣткахъ, мы не находимъ въ разсужденіяхъ Монтескье объ аристократическомъ образѣ правленія ни одного замѣчанія, свидѣтельствующаго о томъ, чтобы Венеція не казалась ему наиболѣе совершеннымъ типомъ аристократическихъ порядковъ. Всего болѣе отвѣчающимъ природѣ аристократіи онъ считаетъ именно то, образецъ чему представляетъ республика Святого Марка, какъ-то: включеніе всего дворянства въ правящій классъ, сосредоточеніе въ рукахъ болѣе тѣснаго собранія тѣхъ же дворянъ главнаго руководительства политикой, предоставленіе народу или по крайней мѣрѣ выбраннымъ изъ народа нѣкоторыхъ публичныхъ должностей и, слѣдовательно, доли участія въ государственномъ суверенитетѣ, наконецъ, контроль за поведеніемъ дворянства, въ интересахъ сохраненія существующаго порядка, и установленіе съ этою цѣлью особаго органа, надѣленнаго той неограниченностью правъ, какая принадлежала римскому диктатору. Большой совѣтъ, включающій въ свои ряды болѣе двухъ тысячъ дворянъ [2]); сенатъ, составленный изъ трехсотъ членовъ того же сословія и сосредоточивающій въ своихъ рукахъ важнѣйшія функціи управленія; канцлерскій постъ, замѣщаемый на ряду съ посольскими и нѣкоторыми другими второстепенными, лицами не дворянскаго про-

---

[1]) Книга VIII-я, глава V-я.

[2]) Эта цифра указана въ путевыхъ замѣткахъ.

исхожденія, наконецъ, всемогущій трибуналъ инквизиторовъ, способный привлечь всякаго къ отвѣту за посягательство противъ общественнаго спокойствія, — вотъ что имѣлъ въ виду Монтескьё въ только что приведенныхъ нами общихъ разсужденіяхъ о соотвѣтствіи законовъ съ природою аристократіи [1]).

Не менѣе сочувственно отношеніе къ венеціанскимъ порядкамъ другого знаменитаго писателя о законахъ и политикѣ, Рейналя. Въ своей «исторіи обѣихъ Индій» этотъ представитель идей современной демократіи называетъ венеціанское правительство самой совершенной изъ всѣхъ аристократій съ тою, однако, оговоркою, что аристократія вообще худшее изъ всѣхъ правительствъ [2]). Всѣ власти, пишетъ онъ, распредѣлены въ Венеціи между дворянами и уравновѣшиваютъ другъ друга съ изумительной гармоніей. Знать правитъ безъ шума, соблюдая извѣстное равенство, точно звѣзды среди ночной тиши. Народъ восхищается этимъ зрѣлищемъ, довольствуясь хлѣбомъ и играми. Различіе плебеевъ и патриціевъ вызываетъ въ Венеціи меньшій антагонизмъ, чѣмъ въ другихъ странахъ, такъ какъ законы сдѣлали все необходимое, чтобы устрашить дворянъ и привлечь ихъ къ отвѣтственности.

Самъ авторъ «Общественнаго договора» и родоначальникъ ученія о неотчуждаемости и недѣлимости народнаго суверенитета, Жанъ-Жакъ Руссо, далеко не относится къ венеціанскимъ порядкамъ съ тою враждебностью, какую внушаютъ ему англійскіе. Ошибкой было бы, пишетъ онъ, считать Венецію настоящей аристократіей. Если народъ не участвуетъ въ правленіи, то само дворянство является здѣсь народомъ. Множество захудалыхъ семей, извѣстныхъ подъ наименованіемъ барнаботовъ (отъ прихода свят. Варнавы, въ которомъ жило большинство этихъ дворянъ), не имѣютъ доступа къ должностямъ и другой привилегіи, кромѣ права титуловаться превосходительными и засѣдать въ большомъ совѣтѣ. Самъ этотъ совѣтъ столь же многолюденъ, какъ и женевскій; его члены такъ же мало поль-

[1]) Духъ Законовъ, книга II, глава III.

[2]) Le gouvernement de Venise seroit le meilleur de tous, si l'aristocratie n'étoit peut être le pire. Histoire politique des Deux Indes, томъ VII, стр. 176.

зуются какими-либо гражданскими преимуществами, какъ и члены женевскаго совѣта; однимъ словомъ, если отвлечься отъ тѣхъ различій, какія представляютъ между собою эти республики,—можно сказать, что буржуазія Женевы отвѣчаетъ венеціанскому патриціату, наши «поселенцы и обыватели»—венеціанскому гражданству, а крестьяне—подданнымъ Terra Ferma; въ концѣ концовъ, венеціанское правительство ничуть не аристократичнѣе женевскаго. Если имѣть въ виду высокую оцѣнку, какую Руссо даетъ женевской конституціи, принципы которой кажутся ему на столько образцовыми, что онъ объявляетъ ихъ наиболѣе согласными съ естественнымъ закономъ и наиболѣе обезпечивающими порядокъ и благополучіе частныхъ лицъ, то намъ придется сказать, что вслѣдъ за Рейналемъ женевскій философъ можетъ быть отнесенъ къ числу рѣшительныхъ почитателей государственнаго строя Венеціи.

§ 2.

Чѣмъ-же, спрашивается, снискала себѣ Венеція такую завидную извѣстность? Что заставило даже демократическихъ писателей дѣлать оговорки въ ея пользу, и гдѣ впервые сложилось то ученіе, которое ставило учрежденія этой республики въ образецъ всѣмъ прочимъ? Если мы примемъ во вниманіе, что послѣднія три столѣтія, предшествующія французской революціи, были свидѣтелями повсемѣстной борьбы королевской власти съ феодальными сословіями и торжества абсолютизма, то намъ легко будетъ понять причину успѣха, какимъ должна была пользоваться въ глазахъ европейскаго общества аристократія, съумѣвшая не только обуздать съ самаго начала всѣ попытки къ установленію цезаризма, но и сохранить свое мирное преобладаніе въ теченіе пятисотъ лѣтъ. Я говорю пятисотъ, не болѣе, такъ какъ началомъ торжества аристократіи слѣдуетъ признать закрытіе большого совѣта дожемъ Пьетро Градениго въ 1297 году для всѣхъ, кто не принималъ въ немъ участія за послѣднія пять лѣтъ. До этого времени венеціанская буржуазія, сдѣлавшаяся родоначальницей позднѣйшаго патриціата, успѣла уже отвоевать у дожей, своего рода избираемыхъ королей, значи-

тельнѣйшую долю участія въ государственной власти, но она принуждена была еще считаться съ простонародьемъ, собираемымъ въ церкви и на площади святого Марка для провозглашенія дожа. Этотъ часто волнующійся демосъ легко могъ вступить, по примѣру того, что имѣло мѣсто въ большинствѣ городскихъ республикъ Италіи, въ опасный для свободы и аристократическаго верховенства союзъ съ тѣмъ пожизненнымъ правителемъ, какимъ являлся дожъ.

Возстаніе Баямонтэ Тьеполо въ защиту отмѣненныхъ Градениго порядковъ, показываетъ, что простонародье, имъ предводительствуемое, не отнеслось безразлично къ потерѣ своихъ правъ и готово было поставить во главѣ себя популярнаго представителя родовитаго дворянства, который въ случаѣ успѣха легко сдѣлался бы такимъ же народнымъ тираномъ, какимъ былъ, напримѣръ, Тадео Пеполи въ Болоніи, Скалигеры въ Веронѣ, Каррары въ Падуѣ и Гонзаги въ Мантуѣ. Даже послѣ торжества аристократическихъ притязаній и закрытія большого совѣта, одинъ изъ преемниковъ Градениго, дожъ Марино Фальеро, съумѣвшій долгими услугами республикѣ завоевать себѣ любовь простонародья, едва не вышелъ побѣдителемъ изъ затѣяннаго имъ государственнаго переворота, цѣлью котораго было ослабленіе роли дворянства и упроченіе народнаго цезаризма. Казнь Фальеро не избавила аристократовъ отъ того страха, какой внушало имъ недовольство простого народа ихъ господствомъ въ такую эпоху, когда свободолюбивая даже Флоренція изъ ненависти къ гибеллинской знати, готова была ввѣрить свои судьбы чужеземцу и единоличному правителю, графу аѳинскому, за которымъ стояла торжествующая въ Неаполѣ при содѣйствіи папы анжуйская династія. Этотъ страхъ побудилъ ихъ восполнить существующія учрежденія новымъ — знаменитымъ совѣтомъ десяти, которому ввѣрено было то, что можно назвать государственной полиціей, другими словами, охрана существующаго политическаго порядка отъ всякаго рода заговоровъ и попытокъ къ его низверженію. Съ этого времени суверенитетъ сосредоточился въ рукахъ не одного только дожа и окружающей его коллегіи ближайшихъ совѣтниковъ, большого совѣта, иниціатора законовъ и избирателя на всѣ должности, обособившагося отъ него сената, еже-

годно назначаемаго изъ собственной его среды и сосредоточивающаго въ своихъ рукахъ верховное руководство внѣшней и внутренней политикой, но и совѣта десяти, также избираемаго на годъ, опять-таки дворянами и изъ среды дворянъ. Этотъ совѣтъ надѣленъ былъ тѣми чрезвычайными правами, необходимость которыхъ вызывается интересами общественной безопасности и нигдѣ, ни прежде, ни послѣ, ни въ Римѣ, ни у современныхъ народовъ, не поручались никому иначе, какъ временно, въ минуту опасности для внутренняго порядка и спокойствія.

Изъ среды совѣта десяти выдѣлились постепенно три лица, признанныя его главами и сдѣлавшіяся подъ именемъ государственныхъ инквизиторовъ своего рода исполнительной комиссіей, принимавшей мѣры къ немедленному задержанію и опросу заподозрѣнныхъ. Эта комиссія присвоила себѣ мало-по-малу и право самостоятельнаго судебнаго разбирательства, такъ что на языкѣ офиціальныхъ актовъ XVIII-го вѣка она значилась уже верховнымъ трибуналомъ. Присоединимъ къ этимъ единоличнымъ и коллегіальнымъ органамъ еще «прокураторовъ общины» (procuratori del comun), своего рода цензоровъ, облеченныхъ властью протеста противъ несогласныхъ съ конституціей законовъ, комиссіи мудрыхъ, приставленныхъ къ управленію заморскими владѣніями и провинціями континента (Savi del mare e Savi di Terra Ferme), а также двѣ судебныя палаты (гражданская и уголовная «кваранція»), полицейскія коллегіи «ночныхъ синьеровъ» (signori della notte), завѣдывавшихъ безопасностью города и каналовъ, прокураторовъ Святого Марка, озабоченныхъ не только внутренней полиціей храма, администраціей принадлежащихъ ему имуществъ, но и общественной благотворительностью, для которой эти имущества отчасти были предназначены, наконецъ, тѣ многочисленные также коллегіальные органы, между которыми были распредѣлены различныя вѣтви полиціи благосостоянія — и мы получимъ общую картину не однихъ государственныхъ, но и административныхъ учрежденій республики святого Марка. Остается затѣмъ еще болѣе почетная, чѣмъ отвѣтственная должность — государственнаго секретаря или канцлера, главы того многочисленнаго персонала секрета-

рей, который вербовался не изъ среды засѣдавшаго въ большомъ совѣтѣ дворянства, а изъ высшихъ слоевъ буржуазіи и тѣхъ захудалыхъ родовъ, которыхъ закрытіе большого совѣта и участіе въ заговорѣ Баямонтэ Тьеполо выбросили изъ среды дворянства. Посольскія должности обыкновенно отправлялись членами этого посредствующаго класса между дворянствомъ и простонародьемъ; изъ него же вербовались правители провинцій и городовъ, тѣ многочисленные подеста, которымъ Венеція изъ недовѣрія къ мѣстному дворянству завоеванныхъ ею или добровольно присоединившихся провинцій поручала почти всѣ заботы объ управленіи. Армія и флотъ, по причинѣ той же ревнивой охраны республики отъ заговора провинціаловъ, ввѣрялись исключительно попеченію венеціанскихъ патриціевъ и секретарей. Дворянство Terra Ferma не имѣло къ нимъ доступа.

Съ XIV-го столѣтія, когда впервые возникла эта сложная правительственная машина, по крайней мѣрѣ, въ цѣломъ ея объемѣ, венеціанская конституція подверглась сравнительно малымъ перемѣнамъ. Ея консерватизмъ ни мало не уступаетъ консерватизму того гражданскаго и уголовного права, какое примѣнялось въ ея судахъ и имѣло источникомъ статутъ, редактированный еще въ XIII-мъ вѣкѣ. Постановленія большого совѣта, или такъ называемыя parti, да еще клятвенныя обѣщанія дожа при его воцареніи, извѣстныя подъ наименованіемъ promissioni ducali, сдѣлались главнымъ источникомъ тѣхъ перемѣнъ, безъ какихъ не можетъ обойтись ни одна конституція, желающая примѣниться къ обстоятельствамъ времени и требованіямъ общественнаго мнѣнія, но которыя ни мало не измѣняютъ разъ принятыхъ основъ.

Этими путями положены были новыя границы власти дожа и восполненъ составъ большого совѣта включеніемъ въ него зажиточныхъ родовъ венеціанской буржуазіи и дворянъ Terra Ferma, согласившихся купить такія преимущества дорогою цѣною въ минуты, когда опустѣвшая государственная казна не имѣла другого источника для покрытія неотложныхъ военныхъ издержекъ. Тѣмъ же порядкомъ умножено число судовъ и административныхъ коллегій, создана между прочимъ вторая гражданская кваранція, мудрые для завѣдыванія арсеналомъ и та

consulta изъ дожа, членовъ его коллегіи и особо назначаемыхъ большимъ совѣтомъ мудрыхъ, которой суждено будетъ играть выдающуюся роль въ послѣдніе годы существованія республики. Не столько законами, сколько практикой, расширена также власть государственныхъ инквизиторовъ въ ущербъ не одному только совѣту десяти, но и всѣхъ прочихъ единоличныхъ и коллегіальныхъ органовъ. Эта узурпація, противъ которой тщетно борятся, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, нѣкоторые реформаторы второй половины XVIII-го столѣтія, постепенно придаетъ венеціанскимъ порядкамъ тотъ характеръ олигархіи, какой былъ чуждъ имъ въ эпоху полнаго ихъ расцвѣта.

Эта эпоха совпадаетъ съ періодомъ возрожденія наукъ и искусствъ и полнымъ торжествомъ монархическаго принципа на протяженіи всей Италіи, не исключая такъ долго державшейся демократическаго режима Флоренціи. Неудивительно поэтому, если тѣ изъ ея публицистовъ, которые остались вѣрны республиканскимъ принципамъ, съ особенною любовью останавливались на изученіи государственныхъ учрежденій Венеціи, если изъ ихъ рядовъ вышелъ первый не столько теоретикъ, сколько систематизаторъ ея политическихъ основъ. Я разумѣю уже упомянутаго мною Донато Джанотти, сочиненіе котораго «О республикѣ венеціанцевъ» появилось въ 1526 году въ формѣ разговора между двумя лицами, изъ которыхъ одинъ, флорентинецъ, а другой уроженецъ республики Святого Марка. Встрѣтившись въ домѣ извѣстнаго историка Пьетро Бембо, собесѣдники проводятъ время въ обмѣнѣ мыслей о характерѣ венеціанскихъ учрежденій и самомъ механизмѣ ихъ устройства. Венеціанецъ Трифонэ Габріэлло объявляетъ учрежденія своей родины не только свободными отъ порчи времени, но еще имѣющими право считаться самыми совершенными изъ всѣхъ, когда-либо существовавшихъ. Трудно найти законы, способные умѣрить въ большей степени крайности республики или обезпечить возможность мирнаго и безмятежнаго управленія. Венеціанцамъ чужды внутреннія междуусобія и все, что производитъ гибель государствъ. Благосостояніе послѣднихъ не зависитъ отъ обширности владѣній, но отъ возможности жить подъ ихъ сѣнью въ спокойствіи и порядкѣ. Въ этомъ отношеніи венеціанская республика превосхо-

дитъ даже римскую. Государство подобно человѣческому тѣлу; оно создано природой и только усовершенствовано искусствомъ. Какъ и человѣческое тѣло, оно имѣетъ свои органы; въ тѣлѣ всѣ части согласованы, то же и въ государствѣ, гдѣ отдѣльные органы должны соблюдать извѣстную пропорцію, безъ чего немыслима внутренняя гармонія. Въ этомъ отношеніи Венеція имѣетъ право считаться образцовой. Ея учрежденія представляютъ подобіе пирамиды, широкую основу которой кладетъ большой совѣтъ; за нимъ слѣдуетъ сенатъ или pregadi, а верхушку образуетъ дожъ со своей коллегіей. Совѣтъ десяти не признается участникомъ самодержавія; это не органическое учрежденіе, а приростъ, который можетъ быть уподобленъ римской диктатурѣ. Авторъ сознается, что неограниченностью своей власти этотъ совѣтъ нерѣдко вызывалъ къ себѣ такую ненависть, что трудно было найти лицъ, готовыхъ принять на себя наслѣдіе выходящихъ въ отставку членовъ. Джанотти удѣляетъ значительную часть своего трактата описанію судебныхъ порядковъ республики. Онъ настаиваетъ на тѣхъ гарантіяхъ, какія бѣднѣйшія изъ тяжущихся находятъ, въ существованіи даровой адвокатуры, посредническаго суда для исковъ, цѣнность которыхъ не превышаетъ 50 дукатовъ, и особыхъ разъѣздныхъ комиссій, составленныхъ изъ трехъ авдиторовъ и посѣщающихъ каждые два года города и провинціи итальянскаго континента, такъ называемой Terra Ferma, для принятія жалобъ на мѣстную юстицію и передачи ихъ въ апелляціонномъ порядкѣ въ одну изъ трехъ кваранцій [1]).

Насколько венеціанскіе порядки кажутся самому Джаннотти заслуживающими подражанія, доказываетъ другой его трактатъ— о государственномъ устройствѣ Флоренціи. Въ немъ онъ рекомендуетъ своимъ соотечественникамъ реформу внутренняго управленія и сосредоточеніе народнаго самодержавія въ четырехъ главныхъ органахъ: въ большомъ совѣтѣ, сенатѣ, коллегіи и князѣ. Но что это, какъ не воспроизведеніе существеннѣйшихъ чертъ

---

1) Libro della republica de'Veniziani (Opere politiche e letterarie di Donato Giannotti. Firenze. Felice le Monnier 1850, томъ II-ой, стр. 13 и слѣдующія: 123, 135 и 141).

венеціанской конституціи [1]). Въ самой организаціи и при распредѣленіи функцій между этими коллегіальными и единоличными органами Джанноти слѣдуетъ венеціанскому образцу. Такъ, напримѣръ, онъ поручаетъ большому совѣту выборъ на всѣ должности, допускаетъ въ него и людей моложе 25-ти лѣтъ, слѣдуя въ этомъ, какъ самъ говоритъ, практикѣ венеціанцевъ, предоставившихъ прокураторамъ общины посылать ежегодно въ общее собраніе дворянъ пятую часть всѣхъ юношей, которые съ 20-го года жизни по 25-ый явятся для записи своего имени въ ихъ протоколы [2]).

Мы не станемъ продолжать далѣе нашихъ параллелей между рекомендуемыми Джаннотти и существующими въ Венеціи порядками; достаточно сказать, что на послѣдніе встрѣчаются ссылки почти во всѣхъ главахъ, отведенныхъ флорентинскимъ публицистомъ реформѣ политическихъ учрежденій его родины. Джаннотти заводитъ рѣчь объ ограниченіи правъ князя, по примѣру того, что сдѣлано было въ Венеціи съ властью дожа [3]), объ установленіи особыхъ прокураторовъ, напоминающихъ собою знаменитыхъ цензоровъ новыхъ законовъ или advocatori del comun [4]), и особой коллегіи десяти, близкой по характеру къ грозному трибуналу республики Св. Марка [5]).

Но не у однихъ иностранцевъ вызываютъ венеціанскіе порядки восторгъ и удивленіе. То же можетъ быть сказано и о туземныхъ публицистахъ, прежде всего о знаменитомъ Паоло Парута, авторѣ «Политическихъ разсужденій, о дѣяніяхъ князей и республикъ, древнихъ и новыхъ». Это сочиненіе, появившееся впервые въ 1599-омъ году, занимается и вопросомъ о характерѣ венеціанскихъ учрежденій. Венеція, значится въ немъ, достигла превосходнаго государственнаго устройства, но не

---

[1]) Sarà, adunque, la nostra Republica composta di quattro membri principali: del Consiglio grande, del Senato, del Collegio e del Principe. Discorso intorno alla forma della Republica di Firenze. Opere, томъ I, стр. 175.

[2]) Ibid., томъ I, стр. 182; томъ II, стр. 60 и 61.

[3]) Ibid., стр. 201.

[4]) Ibid., стр. 189.

[5]) Ibid., стр. 190 и 191.

сразу: она не всегда управлялась тѣми законами, которые нынѣ дѣйствуютъ въ ней. Разныя обстоятельства изощрили мудрость ея гражданъ; новые порядки присоединены были къ прежнимъ, что и сдѣлало возможнымъ то совершенство, какимъ отличаются ея учрежденія въ наши дни. Всего этого легко было достигнуть потому, что городъ этотъ родился со свободой и съ самаго начала былъ устроенъ такимъ образомъ, чтобы служить не цѣлямъ завоеванія, а гражданскаго сожитія, согласію, миру и тѣсному общенію гражданъ [1]).

Венеція, не въ примѣръ Флоренціи, благодаря счастливымъ особенностямъ своей конституціи, которую можно признать смѣшанной изъ демократіи и аристократіи, съ замѣтнымъ преобладаніемъ послѣдней, избѣжала той порчи, которой подвержены другія государства. Ничто не нарушило мирнаго теченія ея гражданской жизни. Сами учрежденія стали поперекъ тѣмъ, кто затѣвалъ что-либо противъ политической свободы. Такимъ образомъ, республика могла сохраниться неизмѣнной въ то самое время, какъ другія, не нашедшія въ своихъ порядкахъ равныхъ устоевъ, постоянно подвергались опасностямъ и переворотамъ [1]).

Парута возвращается къ вопросу объ особенностяхъ венеціанскаго строя и въ другомъ своемъ сочиненіи, еще болѣе извѣстномъ, въ трактатѣ «О превосходствѣ политической жизни». Здѣсь онъ проводитъ параллель между учрежденіями Спарты и Венеціи. Въ Спартѣ короли были могущественны во всемъ, что касается военнаго управленія, и ограничены въ гражданскомъ сенатомъ и эфорами. Сенатъ былъ въ рукахъ дворянъ, эфоры въ рукахъ простонародья. Такимъ образомъ всѣ части города-республики участвовали въ правительствѣ, каждая въ той сферѣ, которая болѣе отвѣчала ея характеру. Вотъ почему всѣ граждане были довольны и всему предпочитали свободу и независимость родины. Подобно Спартѣ и Венеціанская республика заключаетъ въ себѣ всѣ стороны лучшихъ правительствъ. Дожъ представляетъ въ ней монархическую власть, такъ какъ его должность пожизненна и окружена общимъ по-

[1]) Discorsi Politici, libro I, discorso I. Opere politiche di Paolo Paruta, Firenze, le Monnier 1852-ой, томъ II, стр. 27.

[1]) Ibid., стр. 103-я, libro I, discorso VIII.

четомъ; его именемъ обнародуются всѣ постановленія, посылаются и принимаются депеши. Какъ глава, онъ представляетъ собою всю республику.

Въ свою очередь, что такое сенатъ, коллегія (совѣтниковъ дожа и начальниковъ кварапцій), совѣтъ десяти, какъ не аристократическія власти, органы владычества оптиматовъ?

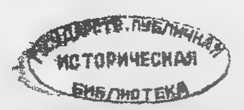
Съ другой стороны право, предоставленное большому совѣту, избирать на всѣ должности и издавать основные законы, въ виду участія въ немъ всего полноправнаго гражданства, можетъ считаться чертою народнаго правительства. То же смѣшеніе принциповъ разныхъ правительствъ встрѣчается и въ организаціи отдѣльныхъ властей, въ томъ, напримѣръ, что опредѣленіе на должность зависитъ частью отъ выбора, обезпечивающаго интересы наиболѣе достойныхъ (аристократовъ), частью отъ жребія, отвѣчающаго требованіямъ народовластія, или еще въ томъ, что однѣ должности сообщаютъ только почетъ, а другія выгоду [1]).

Вслѣдъ за Парутой пьемонтецъ, проведшій большую часть жизни въ Ломбардіи и Испаніи, Джіованни Ботеро, знаменитый авторъ «Разсужденій о государственной необходимости», въ особомъ отчетѣ «О венеціанской республикѣ», на ряду съ международной политикой и экономическимъ законодательствомъ, трактуетъ и вопросъ о природѣ ея государственныхъ учрежденій. Оставляя въ сторонѣ чисто описательную часть, которая, какъ и у Джаннотти, занимаетъ главное мѣсто, мы отмѣтимъ общее замѣчаніе Ботеро, что Венеція отъ демократіи, какой она была на первыхъ порахъ, постепенно перешла къ одной изъ самыхъ совершенныхъ аристократій, когда-либо существовавшихъ въ мірѣ.

Въ противность Джаннотти и Парута и въ большемъ соотвѣтствіи съ историческими фактами и принятой Аристотелемъ классификаціей формъ правленія, Ботеро признаетъ Венецію аристократіей потому, что и во внутреннемъ управленіи, и въ администраціи провинцій участвуютъ только члены извѣстныхъ дворянскихъ фамилій, или возникшихъ съ самаго начала го-

---

[1]) Della perfezione della vita politica, libro terzo. Opere, томъ I, p. 397-я.

сударства, или включенныхъ впослѣдствіи по разнымъ причинамъ [1]). Весьма цѣнно то, что Ботеро сообщаетъ объ отношеніи простого гражданства и крестьянъ къ учрежденіямъ республики. Всѣ они, въ особенности же уроженцы Винченцы, преданы какъ нельзя больше святому Марку, потому между прочимъ, что большинству ихъ позволено управляться собственными законами, что многіе изъ провинціальныхъ обывателей находятъ занятіе въ исполненіи обязанностей кастеляновъ и управителей отдѣльныхъ земель, должности которыхъ замѣщаются муниципальными совѣтами путемъ выборовъ; всего же больше потому, что самое управленіе республики мягко, что въ администраціи уголовной юстиціи не замѣтно суровости, господствуетъ равенство и руководитъ опытъ многихъ и многихъ десятилѣтій. Рѣдко кого приговариваютъ къ смерти и строго проводится различіе между преднамѣреннымъ и непреднамѣреннымъ преступленіемъ [2]).

Ко всѣмъ этимъ восхвалителямъ венеціанскихъ порядковъ надо присоединить въ XVII-омъ столѣтіи кардинала Гаспаро Контарини, сочиненіе котораго «О венеціанской республикѣ и ея сановникахъ», вскорѣ сдѣлалось классическимъ и дошло до насъ въ многочисленныхъ изданіяхъ, коментируемое позднѣйшими публицистами. Въ немъ Венеція, въ разрѣзъ съ тѣмъ, что было сказано Ботеро, объявляется образцомъ смѣшанныхъ государствъ. Авторъ возвращается къ тѣмъ взглядамъ, какіе высказаны были раньше Джаннотти и Парутою, но даетъ имъ болѣе или менѣе самостоятельное развитіе. Такъ какъ, говоритъ онъ, со времени ея основанія и до нашихъ дней, т. е. въ теченіе 1100 лѣтъ, Венеція сохранила свою независимость и въ то же время сдѣлалась однимъ изъ богатѣйшихъ въ мірѣ городовъ, то я считаю вѣрной ту высокую оцѣнку, какую даютъ ей всѣ писатели, имѣвшіе случай коснуться ея исторіи. Но не въ этомъ только лежитъ ея величіе. Выше всего надо поставить совершенство ея политическаго устройства. Республика держится не войскомъ, а добродѣтелью; но

---

[1]) Relatione della republica venetiana di Giovanni Botero. Venetia. Appresso Giorgio Varisco. a. 1605-й., folio 28.

[2]) Ibid., folio 43 и 44-ая.

только тотъ законодатель заслуживаетъ похвалы, который умѣетъ направить всѣ учрежденія къ этой цѣли.

Такимъ образомъ Гаспаръ Контарини задолго до Монтескьё уже говоритъ о добродѣтели, какъ о жизненномъ принципѣ не однѣхъ демократій, но всякихъ вообще республикъ. Монархія не встрѣчаетъ его сочувствія. Если стадомъ управляетъ не членъ стада, а существо высшаго порядка, то и людьми долженъ управлять не единоличный властитель, а безличный законъ, который бы во власти человѣка оставилъ рѣшеніе только немногихъ вещей, не поддающихся регулированію. Для нихъ-то и создаются правители, вся обязанность которыхъ состоитъ въ расширительномъ толкованіи законовъ и подведеніи подъ нихъ и этихъ предоставленныхъ его произволу случаевъ. «Хотя, по мнѣнію многихъ, охрану законовъ лучше всего поручить одному человѣку, но, такъ какъ жизнь коротка и человѣку свойственно заблуждаться, то правленіе многихъ мнѣ кажется болѣе желательнымъ». Въ этомъ убѣждаетъ и опытъ. Недаромъ же у древнихъ никакая монархія не удержалась долго, не выродившись въ тиранію, и то же можетъ быть сказано о новыхъ народахъ. Наоборотъ, многія республики просуществовали цѣлые вѣка и среди мира, и среди войны. Несомнѣнно однако, что толпа, взятая въ цѣломъ, не способна образовать изъ себя правительства. Оно возможно только въ томъ случаѣ, когда по тѣмъ или другимъ причинамъ наличный составъ народныхъ правителей не растетъ численно (очевидно, намекъ на тѣ порядки, при которыхъ древнѣйшіе роды одни сохраняютъ въ своихъ рукахъ политическую власть, тогда какъ новые поселенцы остаются подданными). Гражданское общежитіе погибло бы, если бы и множеству нельзя было придать нѣкотораго единства. Вотъ почему самые знаменитые философы считали нужнымъ умѣрять владычество толпы владычествомъ дворянъ такъ, чтобы ни одна часть не имѣла рѣшительнаго перевѣса надъ другой и избѣгнуты были неудобства какъ чистой демократіи, такъ и чистой аристократіи. То же сознали и наши предки при устройствѣ венеціанской республики.

Въ ней мы находимъ поэтому монархическаго главу, правительство дворянъ и народное устройство, другими словами смѣше-

ніе всѣхъ правильныхъ образовъ правленія [1]). Тѣ, въ чьихъ рукахъ находится верховная власть, въ томъ числѣ законодательство и назначеніе на всѣ должности, начиная отъ членовъ сената и оканчивая послѣднимъ чиновникомъ и судьею, никто иной, какъ *всѣ граждане дворяне* (tutti i cittadini nobili), достигшіе 25-лѣтняго возраста и пятая часть тѣхъ, кто, имѣя отъ 20—до 25-ти лѣтъ, попалъ по жребію въ большой совѣтъ. Контарини слѣдующимъ образомъ защищаетъ исключеніе простонародія изъ его состава. Не всѣ, пишетъ онъ, въ комъ нуждается городъ и кто живетъ въ его стѣнахъ, могутъ считаться гражданами. Нѣтъ города, которому бы не были нужны ремесленники, наймиты и частные служители, но никто изъ этихъ лицъ не можетъ по истинѣ считаться гражданиномъ. Гражданинъ—человѣкъ свободный, это же—люди зависимые. Животное природою создано такъ какъ государство—искусствомъ людей, но въ животномъ многія части не имѣютъ души и все же онѣ необходимы для его жизни. Точно такъ и въ государственномъ сообществѣ потребны многіе люди, которые не могутъ считаться его частью или быть отнесены къ гражданамъ; на основаніи всего этого мы въ правѣ сказать, что наши предки поступили благоразумно, рѣшивъ, что народъ въ полномъ своемъ составѣ не будетъ имѣть верховной власти. Однимъ этимъ они обезпечили республикѣ продолжительное существованіе. Безпорядки и волненія — обычное дѣло тамъ, гдѣ высшая власть въ рукахъ народа. Этому учитъ примѣръ многихъ республикъ и сочиненія философовъ. Даже тѣ государства, которыя допустили къ верховной власти богатыхъ, создали для себя великія затрудненія; такъ какъ въ такомъ случаѣ можетъ произойти слѣдующее: лица низкаго происхожденія, какъ занимающіяся доходными промыслами, постепенно возьмутъ верхъ надъ дворянами, посвящающими себя благороднымъ профессіямъ и пренебрегающими поэтому

[1]) Nostri maggiori... fecero quella mescolanza di tutti li stati che giusti sono acciochè questa sola republica havesse il principato Regio, il governo de' nobili, el reggimento de cittadini, di modo che paiono con una certa bilanzia equale haver mescolato le forme di tutti. (Della Republica e Magistrati di Venezia libri cinque di Gasparo Contarino Venetia 1678, стр. 28).

накопленіемъ достатка. Такимъ образомъ, въ то время, какъ лица незнатнаго происхожденія, благодаря богатству, сдѣлаются гражданами, люди родовитые поставлены будутъ въ необходимость лишиться его, а это поведетъ къ волненіямъ и вызоветъ замѣшательство въ государствѣ. Чтобы избѣжать такого исхода, мудрость нашихъ предковъ и рѣшила предоставить благородству крови, а не преимуществу богатства перевѣсъ въ дѣлахъ республики, перевѣсъ, но не исключительное участіе.

Вотъ почему не однѣ родовитыя семьи, но и тѣ, кто съ самаго начала извѣстенъ былъ доблестью и услугами государству, допущены были къ заботамъ управленія. Другіе присоединены были со временемъ, такъ какъ послужили родинѣ своими имуществами. Нѣкоторые иностранцы включены были въ то же число или въ виду своего высокаго рожденія или въ виду благопріятнаго отношенія къ республикѣ. Изъ всѣхъ и образовался тотъ большой совѣтъ, въ рукахъ котораго верховная власть. Онъ представляетъ собою народное правленіе [1]). Дожъ же, не знающій срока въ отправленіи власти и правящій пожизненно, можетъ быть уподобленъ королю; его окружаетъ тотъ же почетъ, всѣ законы и офиціальные акты исходятъ отъ его имени, какъ въ другихъ мѣстахъ отъ имени короля. Сенатъ, начальники совѣта десяти, члены состоящей при дожѣ коллегіи, наконецъ, тѣ, которые извѣстны у насъ подъ наименованіемъ мудрыхъ, представляютъ собою тотъ элементъ дворянства или аристократіи, который входитъ третьей составною частью въ нашу конституцію. Контарини настаиваетъ на необходимости равенства правъ между дворянами, безъ различія бѣдныхъ и богатыхъ. Поддерживающимъ такое равенство, онъ считаетъ правило, въ силу котораго члены одной и той же семьи не могутъ занимать болѣе одной должности; иначе, говоритъ онъ, власть сосредоточилась бы въ рукахъ немногихъ и республика выродилась бы въ олигархію [2]).

Но не такъ смотрятъ на дѣло позднѣйшіе совѣтники венеціанской синьеріи и въ частности тотъ Паоло Сарпи, которому

---

[1]) Questo Gran Consiglio, appresso il quale la somma autorità di tutta la Republica, hà nella Republica similitudine dell' stato popolare (ibid., стр. 31).

[2]) Ibid., стр. 48.

съ бо́льшимъ или меньшимъ правомъ приписываютъ рѣшающее вліяніе на ходъ внутренней политики въ теченіе всего XVII и XVIII вѣковъ. По его словамъ, величайшая опасность лежитъ въ слѣдующемъ: «правители слишкомъ многочисленны въ Венеціи, чтобы позволить ей быть аристократіей»; этотъ офиціально признанный государствомъ «консультантъ» (consultore di Stato) рекомендуетъ поэтому пользоваться всякимъ удобнымъ случаемъ для того, чтобы склонить собраніе дворянъ или Maggior Consiglio, къ передачѣ возможно большей власти сенату и совѣту десяти [1]). Этого надо достигнуть тайными путями и исподволь. То, что сперва будетъ признано временнымъ, можетъ сдѣлаться затѣмъ постояннымъ. Такая практика позволитъ внести существенныя улучшенія въ организацію всѣхъ властей, не исключая и судебной.

Вообще совѣты Сарпи клонятся къ тому, чтобы ослабить вліяніе народнаго элемента въ дѣлахъ государства. Отсюда между прочимъ такіе прецепты: избѣгать какъ чумы всякаго численнаго сборища, хотя бы въ составъ его и входили дворяне. Разлагающіе элементы, какіе имѣются въ каждомъ тѣлѣ, дѣйствуя въ одиночку, безвредны, въ массѣ же они могутъ сдѣлаться смертельными; но то, что происходитъ въ тѣлѣ человѣка, воспроизводится и въ томъ общественномъ тѣлѣ, какимъ является государство. Необходимъ поэтому строгій надзоръ за бесѣдами даже отвлеченнаго характера, разъ онѣ направлены къ критикѣ правительственной дѣятельности. Вѣдь и ересь, причинившая столько зла церкви, была на первыхъ порахъ только предметомъ любопытства и облекалась въ форму простой шутки [2]).

Съ тою же цѣлью консультантъ республики совѣтуетъ назначать «адвокатовъ общины» изъ членовъ сената или совѣта десяти, а не изъ молодыхъ патриціевъ, ищущихъ популярности.

---

[1]) Il diffetto della Republica è l'esser troppo numerosa, per voler esser aristocratica, onde sarà sempre bene con ogni artifizio fare, si che il Maggior Consiglio deleghi quando più grande autorità si può al Senato, ed al Consiglio de X (Ricordi del P. Paolo Sarpi nell'ordine de'Servi al Principe e senato veneto intorno il modo di regolare il governo della Republica. Friburgo. 1767, стр. 22 и 23). Многіе считаютъ это произведеніе апокрифическимъ, но никто не рѣшается утверждать, чтобы высказанныя въ немъ мысли не были разсѣяны въ сочиненіяхъ Сарпи.

[2]) Ibid., стр. 16.

Критикуетъ онъ и ежегодную замѣну сенаторовъ путемъ новыхъ выборовъ, и широкую власть судебныхъ кваранцій, которыя кажутся ему слишкомъ демократичными. Не столько безпокоитъ его передача имъ гражданскаго, сколько уголовнаго суда. Онъ совѣтуетъ воздержаться отъ дальнѣйшей делегаціи имъ тѣхъ или другихъ функцій сенатомъ и синьоріей; несравненно лучше расширять этимъ путемъ права совѣта десяти. Особенно опаснымъ считаетъ Сарпи критику рѣшеній послѣдняго «адвокатами общины». Онъ желалъ бы, наоборотъ, отмѣнить обязанность ежегоднаго возобновленія совѣта. Лучше, пишетъ онъ, повиноваться немногимъ истиннымъ вельможамъ, нежели множеству лицъ второстепенныхъ [1]).

Совѣты этого новаго Макіавелли отличаются въ общемъ большой практичностью и проникнуты непривычнымъ въ монархіяхъ стараго порядка духомъ справедливости. Въ высшей степени важно, говоритъ онъ, возлагать подати равномѣрно какъ на дворянъ, такъ и на прочихъ гражданъ. Тягость налоговъ менѣе чувствительна, когда является общей. Обложеніе справедливо, пока оно лишено пристрастія [2]) .

Сарпи желаетъ также мѣръ къ обезпеченію народнаго продовольствія; онѣ располагаютъ подданныхъ къ правительству и удаляютъ отъ него тѣ опасности, какими грозитъ голодный желудокъ, всегда способный породить въ людяхъ рѣшимость сразу рискнуть жизнью, чтобы не подвергать ее постоянной, хотя и медленной гибели. Чтобы обезпечить всѣмъ заработокъ, Сарпи хотѣлъ бы запретить дворянству занятіе торговлей. Самый характеръ ея таковъ, что она въ короткое время можетъ и обогатить и разорить человѣка вмѣстѣ съ его семьею, но ни то, ни другое не желательно въ республикѣ. Торговля дѣлаетъ человѣка космополитомъ, но дворянинъ не долженъ имѣть расположенія къ другимъ странамъ, кромѣ родины. Опасность представляетъ и чрезмѣрная роскошь; хорошо, если ею пользуются только богатые, такъ какъ въ этомъ случаѣ она содѣйствуетъ установленію равенства. Но за богатыми тянутся менѣе богатые изъ самолюбія и чувства чести, а это можетъ повесть только къ об-

[1]) Molto meglio ubidire a pochi grandi che a molti inferiori (ibid., стр. 48).
[2]) Ibid., стр. 4.

щему разоренію [1]). Въ интересахъ того же равенства Сарпи требуетъ строгаго примѣненія законовъ безразлично ко всѣмъ лицамъ, надѣленія почестями постепенно по мѣрѣ заслугъ и опредѣленія служащимъ лишь невысокаго жалованья. Послѣднее отвѣчаетъ въ его глазахъ и той главной цѣли—приниженія второстепеннаго дворянства въ пользу высшаго, къ которой направлены всѣ его совѣты. Дорого также Сарпи и нелицепріятное отправленіе гражданскаго правосудія. Что же касается до уголовнаго, то онъ не прочь рекомендовать бо́льшую суровость въ наказаніи преступленій, совершенныхъ противъ дворянъ, такъ какъ видитъ въ этомъ своего рода удержь по отношенію къ низшимъ классамъ [2]).

Въ какой мѣрѣ выполненіе подобныхъ совѣтовъ должно было содѣйствовать переходу венеціанской аристократіи въ олигархію, можно судить по тому, что въ концѣ XVII-го вѣка имперскій посолъ графъ де-ла-Торрэ уже считалъ возможнымъ въ виду перевѣса, принадлежащаго въ дѣлахъ сенату, и безмолвія большинства дворянства въ вопросахъ обложенія, войны, мира и международныхъ соглашеній, говорить о Венеціи, какъ о своего рода олигархіи, правда слишкомъ многочисленной, чтобы считаться образцовой [3]). А что эти совѣты не оставались мертвой буквой, въ этомъ убѣждаютъ насъ всѣ, кому удалось посѣтить Венецію во второй половинѣ XVIII - го столѣтія. Уже Монтескье говоритъ о существованіи между дворянами вообще и тою высшей знатью, какая обыкновенно попадаетъ въ составъ сената, соревнованія и зависти. «Я нигдѣ не понялъ въ такой мѣрѣ, пишетъ онъ, причинъ, по которымъ римскій народъ любилъ Цезаря, какъ во время моего пребыванія въ Венеціи» [4]). Она знаетъ всѣ междоусобія, на какія способны трусы. Между дворянами происходятъ постоянныя пренія, каждый желаетъ помѣшать другому въ осуществленіи честолюбивыхъ замысловъ. Никто искуснѣе венеціанцевъ не умѣетъ подставить ногу ближнему. Сарпи совѣтовалъ держать низшее дворянство и въ особенности дворянство Terra Ferma какъ

---

1) Ibid., стр. 27 по 34.

2) Ibid., стр. 14.

3) Relazione et esame della serenissima Republica di Venezia, 1695 г.

4) Voyages de Montesquieu, томъ I, стр. 30.

можно далѣе отъ дѣлъ—и Монтескьё констатируетъ тотъ фактъ, что это дворянство не несетъ ни гражданской, ни военной службы, если не говорить о ничтожныхъ должностяхъ въ магистратурѣ и муниципальномъ управленіи, да и то лишь въ тѣхъ городахъ, которые выговорили себѣ нѣкоторыя вольности и привилегіи. Въ Падуѣ, напримѣръ, должности подеста, капитана или начальника надъ мѣстнымъ отрядомъ и двухъ камерленговъ, приставленныхъ къ финансовому управленію, находятся въ рукахъ венеціанскихъ дворянъ. Падуанскія аристократическія семьи засѣдаютъ только въ низшемъ трибуналѣ; сколько-нибудь важныя дѣла рѣшаются венеціанцами. Континентальное дворянство вообще близко къ разоренію, а немногія зажиточныя семьи попали въ ряды венеціанской знати [1]).

Сарпи совѣтовалъ болѣе снисходительное отношеніе къ преступленіямъ, совершаемымъ дворянами по отношенію къ простонародью, болѣе суровое въ обратномъ случаѣ. И какъ бы въ подтвержденіе тому, что этотъ совѣтъ нашелъ послѣдователей, Монтескьё говоритъ: хотя закономъ республики и предписано конфисковать имущества убійцъ, но это примѣняется только тогда, когда жертвою былъ венеціанскій патрицій или какой нибудь вельможа Terra Ferma, но если убійство совершено дворяниномъ надъ купцомъ и вообще человѣкомъ средняго сословія, нечего разсчитывать на правосудіе [1]).

Фрошо, авторъ «Новаго отчета о венеціанской республикѣ», который въ 1709 году пишетъ свое сочиненіе съ цѣлью опровергнуть навѣты, возведенные на венеціанское дворянство Амело-де-ла-Гуссэ, признаетъ тѣмъ не менѣе, что Венеція сдѣлалась уже правительствомъ однихъ дворянъ и даже не всѣхъ, какъ въ Голландіи, а только пребывающихъ въ столицѣ. Хотя, говоритъ онъ, не прошло еще ста лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Паоло Сарпи преподалъ свои совѣты, можно однако сказать, что, слѣдуя имъ, венеціанцы сосредоточили всю дѣйствительную власть въ рукахъ немногихъ семей, которыя и образуютъ собою настоящую олигархію [2])

---

[1]) Ibid., стр. 83 и 88.

[1]) Ibid., стр. 90.

[2]) Quoi qu'il n'y ait pas encore cent ans que l'avis est donné, on peut

Немало содѣйствуетъ этому исходу и та имущественная зависимость, въ какой живутъ по отношенію къ знатнѣйшимъ и богатѣйшимъ дворянамъ захудалые роды или такъ называемые барнаботы. Чтобы избѣжать возможности подкупа со стороны иностранныхъ державъ, говоритъ Фрошо, на богатыхъ дворянъ возложена обязанность приходить на помощь бѣднымъ деньгами, виномъ, хлѣбомъ и т. д. Но эта помощь вознаграждается сторицею тѣмъ вліяніемъ, какое даетъ патронамъ поддержка ихъ кліентовъ не только при выборахъ въ большомъ совѣтѣ, но и въ такихъ, повидимому, постороннихъ вопросахъ, какъ назначеніе приходскимъ собраніемъ новаго пресвитера. Въ отличіе отъ другихъ мѣстностей Италіи, въ Венеціи священники выбираются паствой; но въ этой паствѣ господствующую роль играютъ эти самые барнаботы, которые обыкновенно и предлагаютъ ту или другую кандидатуру по соглашенію съ патронами [1]).

Фрошо какъ нельзя лучше оттѣняетъ тотъ фактъ, что, частью благодаря захудалости нѣкоторыхъ дворянскихъ родовъ, частью благодаря обогащенію другихъ, власть въ государствѣ сосредоточилась въ рукахъ немногихъ семей. Онѣ всѣмъ располагаютъ, пишетъ онъ, правда, не благодаря насилію, а въ виду того, что множество лицъ, поставлено въ необходимость слѣдовать ихъ руководительству. Въ Венеціи совершилось такимъ образомъ то же, что и въ Польшѣ, гдѣ шляхта раздѣлилась между нѣсколькими аристократическими родами и служила имъ своимъ голосомъ и вліяніемъ. Такъ какъ въ то же время правящіе изъ страха государственнаго переворота относились съ большимъ недовѣріемъ къ тѣмъ, кто пользовался извѣстной популярностью въ народѣ, то неудивительно, если этотъ ростъ немногихъ дворянскихъ семей отразился въ общемъ весьма невыгодно на направленіи внутренней политикѣ. Уже Амело-де-ла-Гуссэ позволилъ себѣ замѣтить, что популярность приравнивается въ Венеціи къ преступленіямъ. Фрошо критикуетъ его взглядъ, говоря, что для нея не существуетъ наказанія. Но и онъ принужденъ допустить,

---

dire cependant qu'il a eu quasi tout son effet, que tout le gouvernement effectif est entre les mains de peu de familles, ce qui constitue une véritable oligarchie à Venise. Du Gouvernement de Venise, стр. 256.

[1]) Ibid., стр. 258.

что популярность—достаточное основанiе къ недовѣрiю и опасенiямъ и что правительство считаетъ нужнымъ слѣдить съ особенной бдительностью за тѣми, кто съумѣлъ прiобрѣсть народныя симпатiи, хотя бы, напримѣръ, чрезмѣрной щедростью. Онъ приводитъ въ подтвержденiе случаи, въ которыхъ начальство принуждало благотворителей расточать свои милости чрезъ третьихъ лицъ, изъ страха, чтобы передача денегъ изъ рукъ въ руки не породила между сторонами слишкомъ большой близости [1]).

Паоло Сарпи рекомендовалъ дворянству воздержанiе отъ чрезмѣрной роскоши, опасаясь, чтобы ею не возбуждено было то стремленiе къ равенству, которое присуще всякой черни. Слѣдуя этому совѣту, венецiанцы не только допускаютъ равенство въ одеждѣ, позволяя ношенiе тоги и кафтана лицамъ средняго сословiя, но и воздерживаются, по крайней мѣрѣ въ предѣлахъ самой Венецiи, отъ слишкомъ многолюдныхъ пиршествъ, особенно внѣ дома; зато въ своихъ лѣтнихъ дачахъ, на берегахъ Брентны или въ Местрѣ и окрестностяхъ Тревизо, они проводятъ время въ постоянныхъ увеселенiяхъ, ни чѣмъ не уступая въ гостепрiимствѣ и внѣшнемъ блескѣ континентальному дворянству [2]).

Фрошо доказываетъ, что не изъ скупости, какъ думаетъ Амело, а изъ благоразумнаго разсчета венецiанцы не хотятъ разстаться съ умѣренностью, которая является необходимымъ жизненнымъ принципомъ для республикъ.

Ревнивая охранительница своихъ правъ, венецiанская олигархiя боится всяческаго вмѣшательства духовенства. Хотя допущена инквизицiя, но ея сфера ограничена исключительно областью церковной ереси и у инквизиторовъ отнято то опасное орудiе, какое въ другихъ государствахъ, напримѣръ, въ Испанiи, составляетъ конфискацiя имуществъ въ пользу церкви. Республика не знаетъ другого конфискатора, кромѣ государства. Нигдѣ, за исключенiемъ Тосканы, евреи и греки не пользуются большей свободой культа. Лютеране и кальвинисты официально не считаются терпимыми, но они мирно проживаютъ подъ сѣнью республики и самое тѣло ихъ предается погребенiю, но только

---

1) Ibid., стр. 271.

2) Смотри стр. 259, 278 и 281.

католическими священниками [1]). Такая практика обусловливается желаніемъ сохранить въ глазахъ народа представленіе о единствѣ вѣры. Все, что можетъ породить сомнѣніе въ этомъ — строго воспрещается. Отсюда запрещеніе публичнаго культа лютеранамъ и кальвинистамъ, отнюдь однако не грекамъ, привлеченнымъ въ Венецію еще ранѣе паденія Византіи широкими льготами. Въ частныхъ же домахъ позволено отправленіе богослуженія всѣмъ безъ различія, не исключая армянъ и турокъ. Послѣдніе имѣютъ свой кварталъ, который запирается на ночь, подобно еврейскому гето. Недаромъ же, прибавляетъ Фрошо, римляне называютъ Венецію большой Женевой, намекая тѣмъ на терпимость, съ какой допускаются въ ней всякаго рода нечестія (abominations) [2]).

Вліяніе совѣтовъ Сарпи сказывается и въ порядкѣ отправленія правосудія. Изъ страха уронить дворянъ въ глазахъ простонародья, венеціанцы избѣгаютъ публичности казни. Въ теченіе моего шестилѣтняго пребыванія, пишетъ Фрошо, я только однажды видѣлъ висѣлицу на площади. Самые аресты, производимые по распоряженію совѣта десяти, происходятъ обыкновенно ночью, чтобы избѣжать шума. Задержанный съ этого момента исчезаетъ изъ глазъ толпы и даже въ случаѣ признанной невинности обязанъ покинуть предѣлы государства [3]).

Еще рѣзче выступаетъ перемѣна въ характерѣ учрежденій и внутренней политики, какому подверглась Венеція въ теченіе XVIII вѣка, въ сочиненіи другого француза, также изданномъ въ Голландіи не далѣе, какъ въ 1780 году. Я разумѣю «Трактатъ о городѣ и республикѣ венеціанцевъ» Сенъ-Дидье, важность котораго уже признано Башэ въ извѣстномъ сочиненіи о венеціанской дипломаціи. За характеристикой отдѣльныхъ учрежденій, между которыми распредѣлена верховная власть, и общей оцѣнкой государственныхъ порядковъ, во многомъ напоминающей приведенную выше теорію Гаспаро Контарини, Сенъ-Дидье останавливается на томъ развитіи, какое за послѣднее время дано было институту государственныхъ инквизиторовъ. Этотъ три-

---

1) Смотри страницы 323, 306, 309, 382, 383.

2) Ibid., стр. 384.

3) Ibid., стр. 389.

буналъ, пишетъ онъ, самый ужасный изъ всѣхъ, какіе можно себѣ представить. Такъ какъ подсудны инквизиторамъ наиболѣе деликатные вопросы, въ которыхъ надо дѣйствовать съ быстротою и рѣшимостью, то неудивительно, если они обнаруживаютъ большую строгость, можно сказать, неумолимую суровость. Должности ихъ замѣщаются двумя членами совѣта десяти и однимъ изъ совѣтниковъ дожа. Эти три лица могутъ располагать жизнью всѣхъ и каждаго изъ подданныхъ республики, не исключая дворянъ и самого главы государства. При единогласіи они не обязаны давать отчета въ своихъ рѣшеніяхъ никому, кромѣ совѣта десяти. Приговоры этого трибунала приводятся въ исполненіе безъ огласки съ соблюденіемъ глубокой тайны, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда преступленіе совершено на глазахъ у всѣхъ. Чтобы избѣжать тѣхъ нареканій, какія можетъ вызвать казнь людей, повинныхъ иногда въ одномъ необдуманномъ словѣ, инквизиторы нерѣдко приказываютъ потопить ночью виновнаго. Рѣшеніе принимается часто по доносу однихъ шпіоновъ, послѣ очной ставки свидѣтелей между собой. Чрезъ посредство такихъ агентовъ инквизиторы слышатъ и видятъ все, что происходитъ въ городѣ. Человѣкъ считается погибшимъ безвозвратно, разъ на него поступилъ доносъ къ инквизиторамъ. Жалобы, на несправедливость такого разбирательства, побудили къ введенію слѣдующей мѣры. Инквизиторамъ запрещено присуждать дворянина къ смерти, не выслушавъ предварительно его оправданія. Уже по одному этому можно судить, чему подвергаются лица другихъ сословій. Одно подозрѣніе въ государственномъ преступленіи можетъ имѣть въ Венеціи болѣе тяжкія послѣдствія, чѣмъ завѣдомыя злодѣйства въ другихъ мѣстахъ. Но государственнымъ преступленіемъ считается даже ношеніе оружія, которое повсюду считается простымъ полицейскимъ проступкомъ. Самая меньшая опасность, какой подлежитъ иностранецъ, навлекшій на себя подозрѣніе инквизиторовъ,—это быть изгнаннымъ изъ Венеціи. Ему дается двадцать четыре часа для ея оставленія.

Страхъ инквизиторовъ заставляетъ венеціанское дворянство строго соблюдать запретъ всякихъ сношеній съ иноземными послами. Дворяне идутъ далѣе этого и по собственной иниціа-

тивѣ отказываются отъ всякаго общенія съ иностранцами, все изъ-за страха впасть въ число заподозрѣнныхъ. Сенъ-Дидье говоритъ о тайныхъ экзекуціяхъ, производимыхъ инквизиторами. Часто, замѣчаетъ онъ, приписываютъ несчастному случаю смерть, причиненную исполнителемъ приговоровъ этого верховнаго трибунала. Такъ Леонардо Лореданъ признанъ былъ погибшимъ отъ удара, причиненнаго ему случайно чужой лодкой въ то время, какъ ночью онъ садился въ гондолу. Въ дѣйствительности же онъ сброшенъ былъ въ каналъ сбиромъ по распоряженію инквизиторовъ и изъ подозрѣнія, что у одной куртизанки онъ встрѣчается съ испанскимъ посломъ [1]).

Новѣйшие венеціанскіе историки и во главѣ ихъ Фулинъ подвергли тщательному изслѣдованію архивъ инквизиторовъ, отъ котораго революція 5 мая 1797 года оставила, къ сожалѣнію, весьма мало. Восполняя эту недостачу разборомъ актовъ совѣта десяти, Фулинъ своими многочисленными статьями положилъ основы будущей документальной исторіи этого института. Мы обязаны ему между прочимъ фактическимъ обоснованіемъ того взгляда, что установленіе инквизиторовъ восходитъ не къ 1529 году, какъ принимаемо было дотолѣ, а къ 1310-му, т. е. что они возникли одновременно съ совѣтомъ десяти.

Такъ какъ вторая половина XIII и начало XIV столѣтія были эпохой полнаго расцвѣта введеннаго канонистами инквизиціоннаго процесса, то неудивительно, что этотъ порядокъ разбирательства былъ усвоенъ съ самаго начала и совѣтомъ десяти, а также и тѣми двумя лицами, оторымъ предоставлено было отправленіе при немъ исполнительныхъ функцій или, какъ выражается одинъ декретъ 1313 года, древнѣйшій изъ тѣхъ, въ какихъ заходитъ рѣчь объ инквизиторахъ, право «разслѣдовать порученныя имъ дѣла и всякими средствами добиться смерти измѣнниковъ» [2]).

Фулинъ не отрицаетъ того, чтобы инквизиторы не прибѣ-

---

1) La ville et république de Venise, часть II, отъ 230 по 237.

2) Examinare, inquirere et facere facta sibi commissa perquirere et tractare omnibus modis qui sibi videbantur necem proditorum. Смотри Gl'inquisitori dei dieci, memoria di Rinaldo Fulin. Archivio Veneto, № 1, стр. 21.

гали къ пыткѣ и суровымъ наказаніямъ, которыя, на ряду съ членовредительствомъ и публичнымъ отсѣченіемъ головы, состояли также въ тайномъ повѣшаніи, удушеніи, отравленіи и потопленіи [1]).

Встрѣчаются и случаи закапыванія живымъ и колесованія, но все это дѣйствія, примѣры которыхъ можно найти въ XV и XVI столѣтіи, когда подобныя казни составляли обычное явленіе и въ другихъ государствахъ Европы. Въ позднѣйшія столѣтія экзекуціи такого рода встрѣчаются гораздо рѣже. Тѣмъ не менѣе профессору Ламанскому, а за нимъ и Масъ Латри удалось открыть примѣры такой же жестокости и въ болѣе близкое къ намъ время [2]).

Большинство этихъ тайныхъ каръ въ послѣднія два столѣтія направлено было противъ лицъ, живущихъ внѣ предѣловъ Италіи и между прочимъ противъ всякаго рода самозванцевъ и заговорщиковъ въ Албаніи и Далмаціи. Обычнѣйшей формой наказаній сдѣлалось заключеніе, нерѣдко пожизненное въ такъ называемыя pozzi и piombi, при чемъ, какъ показываютъ изслѣдованія того же Фулина, первыя предназначены были для обыкновенныхъ преступниковъ, а вторыя—для политическихъ. Подъ именемъ pozzi разумѣлись подземныя тюрьмы, доселѣ показываемыя при осмотрѣ дворца дожей, подъ piombi же—камеры, расположенныя въ томъ же дворцѣ непосредственно подъ его свинцовой крышей. Хотя Августинъ Сагредо въ своемъ извѣстномъ сочиненіи «Венеція и ея лагуны» и объявляетъ, что при вскрытіи pozzi, 5-го мая 1797 года, не оказалось ни одного заключеннаго, но этотъ фактъ нисколько не доказываетъ, чтобы республика Святого Марка распорядилась ихъ закрытіемъ еще въ началѣ XVII столѣтія [3]).

Предвидя близкій конецъ аристократіи, инквизиторы, выдача

[1]) Ibid., стр. 19.

[2]) Смотри Secrets d'état de Venise par Vladimir Lamansky. St.-Petersbourg, 1884; въ частности, страницы отъ 114-ой по 154-ую, а также сообщенія, сдѣланныя въ 1894 году Масъ Латри въ академіи надписей въ Парижѣ.

[3]) Это утверждаетъ Romanin въ своей Storia documentata di Venezia, томъ III, стр. 77, томъ VIII, стр. 48.

которыхъ уже потребована была Наполеономъ, распорядились переводомъ арестованныхъ въ другія тюрьмы.

До насъ дошли имена этихъ послѣднихъ жертвъ грознаго судилища, а также, свѣдѣнія о характерѣ ихъ преступленій. За исключеніемъ одного Антоніо Брунъ изъ Портогруаро, всѣ четыре узника повинны были, кто въ лжесвидѣтельствѣ, кто въ клеветѣ, кто въ противоестественныхъ порокахъ, а кто въ кощунствѣ и невѣріи. Одному только Антоніо Брунъ ставится въ вину и пристрастіе къ новымъ французскимъ доктринамъ, другими словами, къ тѣмъ принципамъ свободы, равенства и братства, къ торжеству которыхъ стремилась революція 1789 года [1]).

Что же касается до piombi, то съ ними связана память о знаменитомъ интриганѣ Джакомо Казанова, поплатившемся пятилѣтнимъ заточеніемъ за свои продѣлки. Задержанный въ іюлѣ 1755 года Казанова бѣжалъ изъ тюрьмы, какъ доказываетъ Фулинъ съ вѣдома и согласія самихъ инквизиторовъ; въ 1780 году онъ сдѣлался ихъ агентомъ, однимъ изъ тѣхъ confidenti, которыхъ Сенъ Дидье, объявляетъ вездѣсущими очесами верховнаго трибунала. Отпечатанныя Фулиномъ письма Казановы какъ нельзя лучше изображаютъ намъ тѣ обязательства, какія принимали на себя служители инквизиторовъ. 28-го октября Казанова доводитъ до ихъ свѣдѣнія, что отнынѣ онъ сосредочитъ свое вниманіе на всемъ, что касается религіи, обычнаго образа жизни, торговли и мануфактуръ, вообще, на всемъ, что можетъ интересовать общественную безопасность. Онъ обѣщаетъ зорко слѣдить за тѣми, кто позволитъ себѣ неуважительныя рѣчи объ инквизиторахъ. Человѣкъ, котораго въ 1754 году другой confidente изображалъ «проходимцемъ, живущимъ на чужой счетъ въ обществѣ развратниковъ, пороки которыхъ поощряются имъ самимъ», принимаетъ теперь обязательство преслѣдовать легкость поведенія, оскорбленіе доброй нравственности на сценѣ и въ клубахъ; безбожникъ обѣщаетъ доносить обо всѣхъ писаніяхъ, которыя покажутся ему зажигательными или мятежными; однимъ

---

[1]) I Prigionieri nei pozzi al cadere della Republica (Studi nel'archivio degli inquisitori di stato. Венедія, 1868 года, R. Fulin, стр. 74).

словомъ, прибавляетъ Казанова, все, что носитъ характеръ новизны, будетъ внушать мнѣ подозрѣніе, и обо всемъ этомъ я буду докладывать, не упуская ни малѣйшей подробности, какъ бы невинна она ни была [1]).

Уже на основаніи сдѣланныхъ выписокъ можно судить о томъ, какія услуги могли оказать интересамъ государственной безопасности такъ называемые confidenti. Число ихъ, весьма незначительное въ 1780 году, когда Казанова раздѣлилъ эти функціи съ нѣкіимъ Анжелло Таміаццо, быстро возросло съ того момента, когда торжествующая во Франціи революція сдѣлалась угрозой старому порядку и за предѣлами Альпъ. Въ архивѣ инквизиторовъ сохранились ежегодные отчеты о мѣрахъ, принимаемыхъ съ цѣлью воспрепятствовать разливу новыхъ принциповъ и изъ желанія удержать подданныхъ въ должномъ повиновеніи. Секретарь трибунала Джузеппе Градениго пишетъ въ 1793 году, что для этого установленъ былъ надзоръ за всѣми даже временно пребывавшими въ Венеціи французами. Тѣ изъ нихъ, которые позволяли себѣ свободолюбивыя бесѣды, подлежали немедленному удаленію изъ предѣловъ государства. Если кто изъ подданныхъ выражалъ открыто пристрастіе къ новымъ лжеученіямъ, его призывали для внушеній и выговора, а при вторичной винѣ слѣдовало и болѣе или менѣе суровое наказаніе. Губернаторы провинцій, въ частности тѣхъ, которыя лежали по ту сторону Минчіо и особенно заражены были «ядомъ якобинизма», приглашены были извѣщать инквизиторовъ о впечатлѣніи, какое производятъ на подданныхъ французскія событія, такъ какъ по одному этому, замѣчаетъ Градениго, можно судить и о степени ихъ привязанности къ существующему порядку. Одновременно обращено было вниманіе и на всѣ тѣ элементы внутренняго броженія, какія представляли собою остатки недавно разсѣянныхъ масонскихъ ложъ. Чтобы обезпечить народное довольство, произведены были значительные запасы хлѣба въ общественныхъ магазинахъ, что сдѣлало возможнымъ сохраненіе довольно низкихъ цѣнъ на этотъ предметъ первой необходимости, и съ тою

---

[1]) Смотри Giacomo Casanova e gl'inquisitori di Stato di Rinaldo Fulin. Венеція, 1877 года, стр. 5, 27 и 28.

же цѣлью открыты были преслѣдованія противъ разбойниковъ Фріуля, Истріи и Веронской провинціи [1]. Въ ближайшіе затѣмъ годы инквизиторы подвергаютъ бдительному надзору всѣхъ, кто въ предшествующее десятилѣтіе извѣстенъ былъ либерализмомъ своихъ принциповъ и поведенія. Предписанъ захватъ всякаго рода книгъ и брошюръ, направленныхъ противъ религіи и правительства. Сдѣланъ запросъ дипломатическимъ агентамъ, пребывающимъ въ Миланѣ, Туринѣ, Неаполѣ и Генуѣ, о поведеніи проживающихъ за границею венеціанцевъ. Резиденту въ Базелѣ Санъ-Фермо поручено было развѣдать о томъ, не предназначена ли часть посланныхъ французами въ Швейцарію денегъ для подготовленія возстаній въ Италіи, въ частности въ предѣлахъ венеціанскихъ владѣній. Содержателямъ гостиницъ и ресторановъ приказано слѣдить за поведеніемъ постояльцевъ. Губернаторы провинцій одновременно прислали сообщенія о числѣ и именахъ иностранцевъ, проживающихъ въ ихъ областяхъ, а въ самой Венеціи уже упомянутый нами Джузеппе Градениго составилъ родъ указателя именъ и поведенія всѣхъ чужеземцевъ какъ въ столицѣ, такъ и внѣ ея. Значительное число священниковъ, оказавшихся въ средѣ французскихъ эмигрантовъ, также возбудило подозрѣніе инквизиторовъ, особенно въ виду того, что въ сосѣднихъ государствахъ Италіи многіе изъ недовольныхъ скрывались подъ священнической рясой. Дано знать епископамъ, чтобы они не допускали такихъ лицъ къ отправленію таинствъ исповѣди и причастія. Установленъ одновременно особый надзоръ за служащими въ арсеналѣ, арміи и флотѣ. Во многихъ кофейняхъ не дозволено чтенія газетъ, и тотъ же запретъ распространенъ на всѣ села Бергамской провинціи. Предписано вскрытіе писемъ, приходившихъ изъ-за границы къ подданнымъ республики, что, прибавляетъ новый секретарь инквизиторовъ, Джовани Андреа Фонтана въ докладѣ отъ перваго октября 1794 года, доставило верховному трибуналу много полезныхъ свѣдѣній. «Съ помощью всѣхъ этихъ мѣръ и Божескаго содѣйствія венеціанскія владѣнія избѣжали тѣхъ печальныхъ послѣдствій, какія производятъ въ другихъ госу-

---

[1] Archivio di Stato in Venezia. Inquisitori di Stato, Busta 209.

дарствахъ Италіи пагубныя ученія. Трибуналъ имѣлъ возможность убѣдиться въ преданности и признательности подданныхъ“ [1]).

Этотъ счастливый результатъ не ослабилъ бдительности государственной полиціи. Въ реляціи секретаря инквизиторовъ отъ 1796 года говорится объ увеличеніи штата confidenti. Но такъ какъ трудно было найти необходимый для того персоналъ и лица, на которыхъ палъ выборъ, не оправдали довѣрія, то рѣшено было поручить вновь призываемымъ только опредѣленныя функціи. Такъ, Луиджи Зуффо порученъ надзоръ за тѣмъ, чтобы селящіеся въ Мурано и на сосѣднихъ островахъ иностранцы не распространяли опасныхъ принциповъ въ средѣ мѣстнаго населенія, а маркизъ Франческо Агдоло уполномоченъ слѣдить за поведеніемъ французовъ, прибывшихъ въ Верону вмѣстѣ съ старшимъ братомъ короля Людовика XVI-го, проживавшимъ здѣсь подъ названіемъ графа Лильскаго [2]).

По соглашенію съ мѣстнымъ губернаторомъ Фоскарини, маркизу Агдоло, какъ владѣющему французскимъ языкомъ, приказано посѣщать тѣ кофейни, въ которыхъ всего чаще бываютъ иностранцы, и принимать участіе въ их бесѣдахъ съ цѣлью узнать характеръ и тенденціи каждаго. Для покрытія издержекъ ему назначено было 15 цекиновъ ежемѣсячно. Надзоръ за прессою усиленъ и запрещенъ ввозъ газетъ, печатавшихся въ Миланѣ и Кремонѣ. Книгопродавцы подвергались частымъ обыскамъ съ цѣлью открыть опасныя для внутренняго спокойствія брошюры и книги, въ частности тѣ памфлеты, какіе печаталъ въ Нимингенѣ знаменитый аббатъ Курти, прикрывавшійся именемъ гражданина Ботанъ. Особенную бдительность вызывало поведеніе молодыхъ дворянъ Бресчіи, которыхъ заподазривали въ духѣ неповиновенія. Трое, собравшихся отбыть во Францію, были задержаны, и одному только Николини удалось достигнуть Парижа и войти въ комитетъ общественнаго спасенія съ предложеніемъ поднять бресчіанцевъ противъ Венеціи; проектъ этотъ, по свѣдѣніямъ, дошедшимъ до инквизиторовъ, не

---

[1]) Inquisitori di stato, filza 209.

[2]) Графъ Прованскій, будущій король Людовикъ XVIII.

встрѣтилъ ни малѣйшаго сочувствія. Для болѣе бдительнаго надзора за иностранцами запрещено поселеніе ихъ иначе, какъ въ административныхъ центрахъ. Монастырямъ приказано воздержаться отъ пріема иноковъ иноземцевъ. Всѣ эти мѣры и на этотъ разъ оправдали, по словамъ секретаря инквизиторовъ, возложенныя на нихъ надежды. Никакого серьезнаго безпорядка, опаснаго для мира и благосостоянія республики, не воспослѣдовало ни отъ иностранцевъ, ни отъ собственныхъ подданныхъ.

Эти утѣшительные результаты отмѣчены почти наканунѣ возстаній въ Бергамо, Бресчіи и Кремонѣ. Не прошло года, и не осталось слѣда не только отъ спеціальныхъ мѣръ государственной охраны, но и отъ предписывавшаго ихъ трибунала.

ГЛАВА II.

Экономическій и общественный строй Венеціи во второй половинѣ XVIII вѣка въ связи съ господствующими соціальными доктринами.

§ 1.

Ходячая поговорка, объявлявшая Венецію царицей моря, какъ нельзя лучше передаетъ дѣйствительный источникъ ея первоначальнаго величія и послѣдовавшаго упадка. Пока Средиземное море съ впадающимъ въ него Мраморнымъ и Чернымъ оставалось въ рукахъ венеціанцевъ, оспариваемое только Генуей, съ которой въ отдаленныхъ колоніяхъ въ Танѣ и Кафѣ заключены были соглашенія и установленъ послѣ долгихъ и разорительныхъ войнъ мирный modus vivendi, Венеція продолжала оставаться торговымъ посредникомъ востока съ западомъ и средоточіемъ товаровъ, шедшихъ изъ Индіи, Багдада и Алеппо, Сиріи и Египта, не говоря уже о Византіи, Мореѣ, Далмаціи и островахъ Архипелага. Принужденная на первыхъ порахъ довольствоваться монопольнымъ торгомъ соли и даже вести войны и заключать договоры, съ цѣлью отнять у сосѣдей возможность такого же торга [1]), Венеція становится въ XV вѣкѣ, осо-

---

[1]) Въ 1341 году Венеція заключаетъ договоръ съ венгерскимъ королемъ, обязывая его, взамѣнъ ежегоднаго платежа семи тысячъ золотыхъ дукатовъ, отказаться отъ дальнѣйшей разработки соляныхъ копей въ Кроаціи и Далмаціи. Еще раньше она захватываетъ въ свои руки солончаки Червіи и въ теченіе того же столѣтія принуждаетъ владѣтельныхъ князей Феррары отказаться отъ разработки солончаковъ въ Коммакіо (Sulla grandezza della Republica Veneta e sulle cause principali della sua caduta. Memoria di X. Z. 1797 года, стр. 15).

бенно съ момента паденія Константинополя, почти единственнымъ поставщикомъ драгоцѣнныхъ тканей и парчей, жемчуга, кристалловъ, бриллiантовъ, изумрудовъ, цѣнившихся на вѣсъ золота аптечныхъ товаровъ, духовъ и пряностей отдаленнаго востока. Завоеванныя ею три царства: Кипръ, Кандія и Морея, служили складочными пунктами для этихъ товаровъ, которые однако не раньше поступали на европейскіе рынки и ярмарки, какъ послѣ уплаты высокой дани венеціанской таможнѣ [1]). Одни суда метрополіи развозили ихъ по портамъ Италіи, Франціи и Каталоніи, Англіи и Балтійскаго побережья [2]). Иностранныя суда передъ отплытіемъ обязаны были представить залогъ въ 1000 дукатовъ въ обезпеченіе того, что вывозимые ими товары не будутъ проданы въ предѣлахъ венеціанскихъ морей. Этого было достаточно, чтобы парализовать ихъ съ каждымъ поколѣніемъ все болѣе и болѣе опасную конкурренцію.

Изъ Венеціи, въ которой ганзейскіе купцы имѣли постоянную факторію, такъ называемый fondaco dei tedeschi, восточные товары направлялись также сухимъ путемъ черезъ Тироль и Регензбургъ или Виллахъ и Аусбургъ въ Германію для обмѣна на нѣмецкіе, скандинавскіе и русскіе продукты и издѣлія, доставляемые на знаменитую нюренбергскую ярмарку. Еще ревнивѣе охраняла Венеція монополію исключительнаго торга западнымъ товаромъ на востокѣ. Mercanciae de Ponente non conducantur ad partes Levantis nisi prins conducantur Venetias, гласитъ извѣстный декретъ, постановленный по предложенію «адвоъкатов общины» [3]).

Какъ и во времена финикіянъ или смѣнившихъ ихъ греческихъ

---

[1]) Mercantiae caricatae per Venetias non possint per scalas exonerari. Marin. Storia del commercio dei Veneziani, томъ VII, стр. 343.

[2]) Le navi venete hanno prerogativa per decreti publici d'essere in questo porto anteposte nel caricare alle forastiere le quali per ciò sono sforzate a partire vuote, e prima di partire han obbligo di dar piggiaria di ducati 1000, di non caricare in golfo. Scrittura inedita di Simone Giogalli negoziante veneto del secolo XVII interno alla decadenza del commercio di Venezia. Издана Emmanuele Cigogna въ 1856 году (по случаю брачнаго союза между семьями Реалэ и Беретта).

[3]) Marin. Storia del commercio dei Veneziani, томъ VII, documenti, стр. 343.

купцовъ, «міръ оканчивался» въ XV вѣкѣ берегами Атлантики, Нѣмецкаго и Балтійскаго морей. На сѣверѣ венеціанцы не имѣли еще предъ собою могущественнаго англійскаго флота, и только фландрскія и нѣмецкія суда соперничали съ ними въ каботажной торговлѣ между портами, входившими въ составъ знаменитой ганзейской лиги. Франція, занятая нескончаемыми войнами со своимъ вѣковымъ соперникомъ, успѣвшимъ отвоевать у нея Калэ и Бордо, только южными гаванями, въ частности Марселемъ, могла участвовать въ обмѣнѣ своихъ товаровъ на заграничные. Испанія, еще тѣснимая маврами, только въ Барселонѣ находила открытый портъ для сбыта своей шерсти. Одинъ Неаполь, сдѣлавшійся со временъ Альфонса V аррагонской колоніей, начиналъ занимать первенствующее мѣсто въ средиземноморскомъ торгѣ. Ливорно и Анкона, еще не объявленные порто-франко, далеки были отъ мысли о конкурренціи съ Венеціей. Такимъ образомъ, обстоятельства складывались какъ нельзя лучше для интересовъ республики Святого Марка. и самое занятіе крымскаго полуострова татарами, стѣсняя дѣятельность генуэзскихъ факторій, становилось благопріятнымъ условіемъ для развитія венеціанской торговли. Неудивительно поэтому, если въ XV вѣкѣ, до эпохи открытія новыхъ морскихъ путей и новыхъ материковъ, Венеція своимъ торговымъ флотомъ превосходила всѣ прочія державы и если кораблестроеніе занимало въ ней многія тысячи рукъ, въ томъ числѣ членовъ четырнадцати самостоятельныхъ цеховъ, всецѣло отдавшихся изготовленію матерьяла для судовъ и самымъ ихъ снаряженіемъ [1]).

Торговля носила еще въ то время тотъ, можно сказать, воинствующій характеръ, какой дѣлалъ ее неразрывной съ успѣхами военнаго флота. Отправлявшіяся въ Тану и Сирію суда сопровождались военными галерами, защищавшими ихъ отъ корсаровъ

---

[1]) Свѣдѣнія на этотъ счетъ можно найти въ рукописной реляціи, написанной по распоряженію публичныхъ властей нѣкіимъ Джанъ Андреа Бонъ въ 1737 году; она хранится въ библіотекѣ Святого Марка въ Венеціи. Class. VII, cod. 1531, и послужила однимъ изъ источниковъ для этюда, посвященнаго Джузеппе Очіони Бонафонсъ характеристикѣ венеціанской торговли въ XVIII в. Смотри мемуары Institutо veneto di scienze etc., за 1891 г., стр. 751.

Африки и Архипелага. Всѣхъ торговыхъ флотилій насчитывалось до семи; изъ нихъ важнѣйшими были ходившія къ устью Дона, въ Малую Азію и къ фландрскому побережью [1]). Не менѣе развита была торговля венеціанцевъ по воднымъ путямъ во внутрь Италіи. Болѣе 30 тысячъ лодочниковъ находили въ ней средства къ жизни и въ то же время своими рядами увеличивали персоналъ привычныхъ къ дѣлу матросовъ. Число всѣхъ судовъ какъ большихъ, такъ и малыхъ, фландрскихъ галеръ и галіоновъ, ходившихъ въ Сирію, въ эпоху наибольшаго расцвѣта венеціанской торговли, было не меньше трехъ тысячъ пятисотъ. Такова, по крайней мѣрѣ, цифра, приводимая въ официіальномъ отчетѣ чрезвычайной коммиссіи, составленной изъ пяти мудрыхъ, завѣдовавшихъ торговой политикой республики, и пяти спеціальныхъ делегатовъ, приставленныхъ къ этому вѣдомству въ 1717 году [2]).

Этотъ расцвѣтъ торговли сопровождался и подъемомъ внутренней промышленности. Венеція и Кипръ сдѣлались средоточіемъ широкаго производства золоченыхъ суконъ, бархатовъ, вышитыхъ цвѣтами, парчи. Почти весь производимый въ Италіи шелкъ поступалъ на ихъ фабрики, но и его часто не хватало, такъ что недостача пополнялась шелками изъ Леванта.

Въ шелковомъ производствѣ венеціанцы нашли учителей въ лукезцахъ, но превзошли ихъ размѣрами своего производства; въ шерстяномъ же они не знали другихъ соперниковъ, кромѣ флорентинцевъ [3]).

Въ началѣ XVIII столѣтія завѣдовавшія торговлею власти официіально заявляли, что въ эпоху наибольшаго своего процвѣтанія выдѣлка шелковъ и бархата занимала 3000 рабочихъ рукъ, а число производимыхъ одновременно штукъ сукна равнялось 28,000. Болѣе десяти милліоновъ дукатовъ затрачи-

[1]) Del commercio di Venezia nel secolo XVIII, Bonafons, стр. 5 отдѣльнаго оттиска.

[2]) Scrittura del 22 settembre 1717 dei deputati al commercio e V savi alla mercanzia, inserta nel decreto di approvazione del Senato 7 ottobre successivo, tratta dal manorsritto originale del R. Archivio Veneto, filza Senato, Rettori № 181, отпечатано Cognati въ 1872 г. (per le nozze Bisacco—Palazzi).

[3]) Sulla grandezza della Repubblica veneta e sulle cause principali della sua caduta. 1797 годъ, стр. 16.

ваемо было ежегодно на покупку иноземныхъ товаровъ, большая часть которыхъ состояла изъ сырья и поступала въ выдѣлку какъ въ самой метрополіи, такъ и въ ея заморскихъ владѣніяхъ [1]).

Обстоятельства радикально измѣнились съ открытія морского пути въ Индію и американскаго материка. Сперва торговля, а затѣмъ промышленность венеціанцевъ отодвинуты были на задній планъ конкурренціей португальцевъ и испанцевъ, къ которой вскорѣ присоединилось еще болѣе грозное соперничество голландскаго, а за нимъ и англійскаго торговаго флота, фландрскихъ, французскихъ и британскихъ мануфактуръ. Эти событія тѣмъ печальнѣе отразились на судьбахъ венеціанской торговли и промышленности, что совпали съ другими не менѣе тревожными обстоятельствами. Не столько паденіе Константинополя въ руки турокъ, сколько побѣды Сулеймана и Селима, поведшія къ потерѣ острововъ архипелага и Кипра, нанесли венеціанской торговлѣ ударъ, отъ котораго она не въ состояніи была подняться даже послѣ пораженія турокъ при Лепантѣ [2]). Англичане и голландцы, озабоченные мыслью о присвоеніи себѣ выгодъ торговаго обмѣна съ Левантомъ, стали основывать съ этой цѣлью компаніи и испросили у султана особыя привилегіи къ невыгодѣ венеціанцевъ. Составляя въ 1737 году свою реляцію о происхожденіи, развитіи и упадкѣ венеціанской торговли, Джіованъ Андрея Бонъ какъ нельзя лучше могъ объяснить причину, по которой его соотечественникамъ не удалось сохранить монопольнаго торга даже съ Малой Азіей, Сиріей и Египтомъ, говоря: «почему бы страны запада удовольствовались полученіемъ левантійскаго товара изъ вторыхъ рукъ, разъ у нихъ имѣлась возможность получать ихъ изъ первыхъ?».

Чтобы представить себѣ послѣдствія, къ какимъ повели только что указанныя событія, надо принять во вниманіе, что всѣ тѣ товары, которые прежде доставлялись съ востока частью ка-

---

[1]) Scrittura del 22 settembre 1717 dei deputati al commercio e. V Savi alla mercanzia, изданная Cognati, стр. 10.

[2]) Въ недавнемъ этюдѣ объ экономическомъ бытѣ Италіи въ моментъ открытія Америки и пути въ Индію Jéhan de Iohannes настаиваетъ на томъ, что эти факты далеко не были главной причиной упадка венеціанской торговли (См. La Vita italiana nel cinquecento, ч. I, стр. 176 и слѣд.).

раваннымъ, частью морскимъ путемъ исключительно чрезъ посредство венеціанцевъ, шли теперь болѣе дешевымъ транспортомъ непосредственно изъ Индіи и американскихъ колоній; что сами эти товары пріобрѣтались почти задаромъ у туземцевъ, обмѣнивавшихъ золото, серебро, жемчугъ и драгоцѣнные камни на бездѣлушки или уплачивавшихъ, какъ это имѣло мѣсто въ португальскихъ колоніяхъ въ Индіи, свои налоги дорогими на западѣ пряностями. Съ того момента, когда слабосильный трудъ краснокожихъ, по предложенію Ласъ Казаса, замѣненъ былъ выносливымъ трудомъ негра, и заведенныя испанцами, португальцами, а за ними голландцами и англичанами, плантаціи запрудили европейскіе рынки американскимъ товаромъ, а богатства востока потекли чрезъ посредство тѣхъ компаній, какія французы и англичане завели постепенно въ Индіи, Венеціи трудно было сохранить то положеніе преимущественнаго посредника между востокомъ и западомъ, какое обезпечено было ей со временъ крестовыхъ походовъ и основанія Латинской имперіи въ Константинополѣ. Но и въ границахъ Средиземнаго моря ея торговый обмѣнъ встрѣтилъ серьезныя препятствія какъ въ непрекращающейся враждебности турка, такъ и въ конкурренціи голландцевъ и англичанъ, къ которой не замедлило присоединиться съ XVII столѣтія соперничество установленныхъ въ Анконѣ и Ливорно порто-франко.

Шестнадцатое столѣтіе считается эпохой наибольшаго упадка венеціанскаго обмѣна. Вотъ какъ объясняли причину его во второй половинѣ слѣдующаго столѣтія опытные въ торговлѣ и знакомые съ условіями другихъ странъ писатели-коммерсанты, въ числѣ которыхъ былъ и упомянутый нами Симонъ Джіогалли. По просьбѣ сановниковъ, завѣдовавшихъ интересами венеціанской торговли, по всей вѣроятности пяти приставленныхъ къ ней мудрыхъ, Джіогалли 27-го августа 1671 года представляетъ отчетъ «О причинахъ упадка и средствахъ оживленія венеціанскаго обмѣна».

«Мореплаваніе по направленію какъ къ востоку, такъ и къ западу, пишетъ онъ, встрѣчаетъ препятствія со стороны англичанъ и голландцевъ. И тѣмъ, и другимъ удается сократить издержки транспорта въ гораздо большей степени, нежели намъ; то, что доходно имъ, для насъ убыточно. Прежде востокъ посылалъ свои товары въ Александрію и порты Леванта, от-

куда мы забирали ихъ въ Венецію и распредѣляли уже затѣмъ между народами Европы, такъ что нашъ городъ можно было назвать таможеннымъ складомъ всѣхъ богатствъ Азіи. Нынѣ эти преимущества перешли къ голландцамъ и англичанамъ; со своими судами они обходятъ берега Африки и проникаютъ въ восточную Индію, товары которой развозятся затѣмъ во всѣ концы міра. Мало этого, чрезъ Гибралтарскій проливъ тѣ же голландцы и англичане входятъ въ Средиземное море и въ его предѣлахъ отымаютъ торговлю изъ рукъ венеціанцевъ. Ревность къ мореплаванію и способность сокращать издержки даютъ имъ рѣшительный перевѣсъ надъ нами. Дай Богъ, чтобы я ошибся, но какъ дѣло поставлено въ настоящее время, мнѣ кажется невозможнымъ возстановить венеціанское мореплаваніе» [1]).

Къ этимъ можно сказать естественнымъ причинамъ упадка внѣшней торговли Венеціи надо присоединить еще искусственныя, созданныя ея фискальной политикой. Злоупотребляя исключительностью положенія, венеціанцы въ эпоху своего торговаго владычества установили такія высокія ввозныя и вывозныя пошлины, что ихъ однѣхъ почти безъ содѣйствія прямого налога было достаточно для покрытія государственныхъ издержекъ. Но съ появленія голландской и англійской конкурренціи эти пошлины сами по себѣ должны были сдѣлаться препятствіемъ ко входу иностранныхъ судовъ въ венеціанскій портъ. Стоило другимъ государствамъ, Италіи, Тосканѣ и папской области, объявить Анкону, Горо и Ливорно свободными портами, а Австріи обратить Тріестъ въ порто-франко, и иностранные корабли покинули негостепріимную венеціанскую лагуну, причаливая въ болѣе открытыя имъ гавани. Въ 1717 году сами власти признали неудобства такихъ порядковъ, говоря устами мудрыхъ, приставленныхъ къ торговлѣ: благодаря порто-франко, уже установленнымъ въ разныхъ мѣстностяхъ Италіи, а нынѣ затѣваемому и въ Тріестѣ почти на глазахъ у Венеціи, а также благодаря торговымъ договорамъ, заключеннымъ съ Турціей по примѣру англичанъ и голландцевъ, французами и жителями Дубровника или Рагузы, иностранныя суда добились возможности платить

---

[1]) Смотри стр. 11 и 12.

въ портахъ не болѣе трехъ процентовъ, тогда какъ венеціанцы требуютъ въ однѣхъ гаваняхъ пяти, въ другихъ девяти, въ третьихъ пятнадцати, а въ четвертыхъ и двадцати процентовъ за входъ. Эти поборы не были столь значительны въ прежнее время и установились постепенно, благодаря причинамъ, указаннымъ въ самомъ отчетѣ.

Древнѣйшимъ изъ существующихъ поборовъ мудрые признаютъ тотъ, который съ 1400 года взимается въ Венеціи за бросаніе якоря; это такъ называемый ancoraggio; источникъ его лежитъ въ притязаніи на исключительное владычество Адріатикой, которое мудрые признаютъ правильнымъ. Но на ряду съ этимъ платежомъ созданы были подъ разными предлогами и другіе. Такъ, въ 1595 году въ виду того, что иностранныя суда не подчинялись обязательству свозить весь поступавшій изъ Босніи и Герцоговины товаръ исключительно въ далматинское Спалато, они обложены были особымъ платежемъ, извѣстнымъ подъ наименованіемъ «mezzi noli». Точно также подъ предлогомъ, что торговые корабли, отправляющіеся изъ Спалато, нуждаются въ защитѣ особой галеры, установленъ былъ со времени окончанія войнъ изъ-за Кандіи такъ называемый quarto dei noli, продолжавшій взиматься даже тогда, когда галера перестала сопровождать торговыя суда. Наконецъ, въ 1688 году созданъ былъ особый сборъ подъ наименованіемъ «новаго налога съ залива», предназначенный для оплаты издержекъ, необходимыхъ для защиты Адріатики противъ корсаровъ. Онъ продолжалъ взиматься и послѣ того, какъ исчезла вызвавшая его къ жизни причина. Если прибавить ко всему сказанному еще расходы на госпиталь и на подачки многочисленнымъ чиновникамъ, приставленнымъ къ гавани и таможнѣ, то легко будетъ понять причину, по которой, какъ свидѣтельствуютъ сами мудрые, голландскія суда по годамъ не показывались въ венеціанскихъ портахъ, и то же въ большей или меньшей степени могло быть сказано о сицилійскихъ, неаполитанскихъ и рагузинскихъ. Въ виду такого сокращенія числа входящихъ въ гавань кораблей, немудрено, если доходъ, получаемый казной отъ самихъ сборовъ, постепенно упалъ до того, что въ 1717 году mezzinoli доставляли всего 700 дукатовъ въ годъ, а quarto dei noli—

800 [1]). Въ такихъ условіяхъ неудивительно, если въ XVII в. пробудился въ Венеціи запросъ на свободу торговли и если къ числу первыхъ фритредеровъ надо отнести того самаго Симона Джіогалли, негоціанта и писателя, у котораго публичныя власти рѣшились искать совѣта и помощи. «Было бы весьма благоразумно, пишетъ онъ, отказавшись отъ мысли объ увеличеніи морской торговли, мысли несбыточной, устранить тѣ препятствія, какія мѣшаютъ входу въ наши порты иностранныхъ судовъ. Боюсь, чтобы всѣ декреты, принятые въ пользу нашихъ кораблей и противъ иностранныхъ, не принесли чувствительнаго убытка торговлѣ. Мнѣ кажется, полезно было бы сдѣлать все необходимое для того, чтобы иностранцы могли со своими судами проникать въ наши гавани безъ явнаго для себя убытка. Пусть свободно торгуетъ каждый, чѣмъ и какъ хочетъ. Общественное благосостояніе можетъ быть обезпечено какъ подданными, такъ и чужеродцами, въ теперешнемъ же положеніи вещей скорѣе послѣдними, чѣмъ первыми» [2]). Въ противномъ случаѣ, говоритъ Джіогалли, иностранныя суда скорѣе будутъ причаливать въ Анкону и Горо, нежели въ Венецію, да это на самомъ дѣлѣ уже и наступило. Авторъ предлагаетъ не только установить свободу порта, но и снять вывозныя пошлины съ риса, сѣры и оливковаго масла, отправляемыхъ на западъ на корабляхъ, имѣющихъ временную стоянку въ Венеціи. Достаточно будетъ обложить ихъ незначительнымъ транзитнымъ сборомъ. «Всякій долженъ довольствоваться малымъ, когда большее для него невозможно». Привлеченіе въ Венецію иностранныхъ судовъ имѣло бы для нея весьма выгодныя послѣдствія. Множество рабочихъ нашло бы занятіе въ разгрузкѣ и нагрузкѣ; склады не оставались бы незанятыми, и торговцы получили бы выгоду отъ продажи всего, что необходимо для снаряженія су-

---

1) Scrittura intorno al commercio veneto, 1717 года.

2) Parerebbe adunque ottima risolutione il ridurre le cose in stato che ancora le navi forastiere potessero praticare questo porto senza aggravio, concedendosi che con libertà negotii chi sa e chi puo negotiare, dovendosi il bene pubblico tanto gradire da sudditi quanto da forastieri, massime nel tempo presente ch'è facile riceverlo da questi, e difficile da quelli (стр. 13).

довъ въ дальнія плаванія. Слѣдующее соображеніе заслуживаетъ быть отмѣченнымъ; оно, какъ и петиція въ пользу свободы торговли, могло считаться новинкой въ эпоху полнаго расцвѣта меркантилизма, когда писатели по вопросамъ экономической политики были исключительно заняты теоріей металлическаго фонда или торговаго баланса и не вполнѣ сознавали ту связь, въ какой богатство казны стоитъ съ матеріальнымъ благосостояніемъ подданныхъ. «Перечисленные источники заработка, пишетъ Джіогалли, повидимому, содѣйствуютъ обогащенію однихъ частныхъ лицъ. На самомъ же дѣлѣ они полезны и для правительства. Чѣмъ больше зарабатываютъ рабочіе и вообще подданные, тѣмъ больше они могутъ тратить на покупку предметовъ потребленія, обложенныхъ казною высокимъ налогомъ». Джіогалли предвидитъ и другое выгодное послѣдствіе отъ открытія венеціанскаго порта иноземнымъ судамъ. Привозимые ими товары понизятъ цѣны, а это позволитъ конкуррировать съ тѣми, какія существуютъ въ Ливорно, гдѣ, благодаря значительности ввоза, возможенъ отпускъ товаровъ на такихъ условіяхъ, что вся Ломбардія предпочитаетъ обращаться за нужнымъ ей въ Ливорно, а не въ Венецію, хотя издержки транспорта изъ Ливорно въ Ломбардію выше тѣхъ, какихъ требуетъ доставка товара изъ Венеціи рѣчнымъ путемъ. Вѣдь изъ Ливорно приходится перевозить все на мулахъ и ослахъ, при томъ черезъ Апеннины. Если тѣмъ не менѣе вся Ломбардія предпочитаетъ обращаться въ Ливорно, то еще потому, что въ Венеціи приходится платить девять процентовъ при вывозѣ, а въ Ливорно почти ничего. Но девять процентовъ вполнѣ покрываютъ излишекъ тѣхъ затратъ, какихъ требуетъ перевозка товаровъ изъ Ливорно, или, вѣрнѣе, эти затраты значительно меньше, особенно если товаръ не грузенъ. Венеція терпитъ также отъ конкурренціи другого порта, Горо, куда за послѣднее время стали посылать оливковое масло изъ Апуліи, опять таки по причинѣ меньшихъ пошлинъ.

Республика Святого Марка не осталась равнодушной свидѣтельницей постепеннаго упадка своего внѣшняго обмѣна. Въ виду быстраго развитія Анконы, объявленной папами порто-франко, что не исключало, впрочемъ, возможности легкаго обложенія товаровъ въ пользу римской казны, она рѣшилась въ 1664 году

отмѣнить семипроцентный сборъ съ ввоза и уменьшить на половину вывозныя пошлины, которыя въ то время доходили до десяти процентовъ. Но ожиданія ея не оправдались главнымъ образомъ въ виду сохраненія портовыхъ сборовъ, удалявшихъ иностранные корабли отъ ея пристани. Вотъ почему въ 1684 году возстановлена была ввозная пошлина въ размѣрѣ четырехъ процентовъ, и вывозная снова увеличена вдвое.

Все это, разумѣется, только усилило шансы торговыхъ соперниковъ Венеціи не только въ Средиземномъ морѣ, но и въ самой Адріатикѣ.

Чтобы привлечь иностранныя суда въ Анкону, Римъ, дотолѣ преслѣдовавшій Венецію за ея терпимость къ иновѣрцамъ, обѣщалъ свободу совѣсти голландскимъ и англійскимъ морякамъ во время ихъ пребыванія въ Анконѣ. Еще раньше окончательнаго освобожденія анконской гавани Климентомъ XII отъ всякаго рода сборовъ и вывозныхъ пошлинъ (14 февраля 1732 года), послѣдовало объявленіе Тріеста порто-франко (въ 1717 году), что между прочимъ отразилось увеличеніемъ въ республикѣ Святого Марка контрабанднаго торга получаемыми изъ Истріи товарами, какъ-то: оливковымъ масломъ, солью, соленой рыбой, виномъ и лѣсомъ [1]).

Въ эпоху посѣщенія Италіи Монтескье, т. е. въ 1728 году, Венеція испытывала на себѣ уже всѣ послѣдствія своей убыточной фискальной политики. Авторъ Духа Законовъ говоритъ, что большія суда не могутъ подходить къ Венеціи на разстояніе ближе четырехъ лье; мало этого, нерѣдко и на этомъ разстояніи корабли поставлены въ необходимость ждать прилива: такъ сильно занесенъ портъ Лидо пескомъ каналовъ, и такъ мало озабочены венеціанцы его очисткой. Сановники, читаемъ мы въ его дневникѣ, исключительно заняты выборами; они видятъ грозящую имъ опасность и не принимаютъ никакихъ мѣръ противъ нея. Ихъ лагуна мелѣетъ ежедневно, и то, что десять лѣтъ назадъ было подъ водою, выступаетъ на поверхность [2]). Монтескье отмѣчаетъ вліяніе, какое на запустѣніе порта оказали высокія

---

[1]) Bonaffons, стр. 17.

[2]) Voyages de Montesquieu, томъ I, стр. 40.

поборы съ иностранныхъ судовъ. Французскихъ кораблей, пишетъ онъ, приходитъ ежегодно не болѣе двадцати, да и то фрахтовыхъ, на которыхъ доставляется тростниковый сахаръ съ острововъ и вывозится хлѣбъ. Этимъ и ограничивается вся наша торговля съ республикой. Весьма незначительна также та, которая существуетъ между Венеціей и государствами Италіи, а между тѣмъ Венеція лучше расположена для такого обмѣна, чѣмъ Генуя и Ливорно, такъ какъ товары могутъ доставляться изъ нея не сухимъ путемъ, а вверхъ по теченію По и Адды [1]). Венеція не только страдаетъ отъ конкурренціи Анконы, но и отъ той, какую оказываетъ ей за послѣднія десять лѣтъ ярмарка въ Сенегаліи, гдѣ можно купить тѣ же товары по болѣе дешевой цѣнѣ, такъ какъ нѣтъ пошлинъ и провіантъ дешевле [2]). Торговый обмѣнъ между Англіей и Венеціей также замеръ. Венеціанцы подвергали англичанъ такимъ стѣсненіямъ при вывозѣ изюма изъ Занте, что послѣдніе предпочли замѣнить его изюмомъ изъ Испаніи и Леванта. Большинство товаровъ идетъ теперь не въ Венецію, а въ Ливорно, и сами венеціанцы посылаютъ туда свои транспорты для востока. Дѣлается это, чтобы избѣжать, во-первыхъ, большихъ таможенныхъ пошлинъ, во-вторыхъ, тѣхъ стѣснительныхъ порядковъ, какихъ венеціанцы продолжаютъ держаться въ своей морской торговлѣ съ Левантомъ. Суда отходятъ въ восточные порты большими партіями, которыя ставятся подъ защиту военнаго корабля; но образованія такихъ партій приходится нерѣдко ждать три мѣсяца, и проходитъ годъ прежде ихъ возвращенія на родину. Между тѣмъ черезъ Ливорно можно получить обмѣнный товаръ на разстояніи трехъ мѣсяцевъ. Венеціанцы дорожатъ сохраненіемъ этихъ устарѣлыхъ порядковъ, повидимому, только отъ того, что съ «конвоя», или судовъ, отходящихъ партіей, посолъ въ Константинополѣ взыскиваетъ извѣстныя права. Жалкій видъ представляютъ эти «конвои»; въ нихъ рѣдко когда участвуетъ болѣе пяти или шести судовъ, нагруженныхъ стекломъ и другими тяжеловѣсными, но малоцѣнными предметами [3]).

---

[1]) Ibid., стр. 46.
[2]) Ibid., стр. 51.
[3]) Ibid., стр. 70.

Во второй половинѣ XVIII столѣтія не послѣдовало замѣтныхъ улучшеній въ венеціанскомъ мореплаваніи и торговомъ обмѣнѣ. Миръ въ Пасаровицѣ, окончившій изнурительную войну съ Турціей, заставилъ венеціанцевъ отказаться отъ ихъ владѣній въ Пелопонезѣ. Озабоченные тѣмъ, чтобы создать новые рынки для своихъ товаровъ, они уполномочили своего посла при петербургскомъ дворѣ [1]) предложить Россіи, мирно вступившей въ обладаніе Крымомъ, заключить съ ними торговый трактатъ. Надѣялись, что русскія женщины, имѣющія обыкновеніе носить платки на головѣ и шеѣ, предъявятъ значительный запросъ на итальянскіе шелка и что ихъ мужьямъ можно будетъ сбыть въ не маломъ количествѣ водку и мараскинъ, тогда какъ оливковое масло, шафранъ и изюмъ доставятъ равное наслажденіе обоимъ поламъ. Труднѣе было ожидать сбыта хрусталя и зеркалъ, такъ какъ русскіе уже привыкли получать ихъ изъ Англіи и Франціи. Но венеціанцы возложили надежду на высшее качество своего товара; точно также въ вопросѣ о сбытѣ шелковъ и сукна большая дешевизна казалась имъ залогомъ широкаго спроса. Въ обмѣнъ на эти товары они собирались вывозить изъ Россіи мѣха, ленъ, ревень, столь необходимый для выдѣлки тріака, и воскъ, низкая цѣна котораго обезпечила бы имъ рѣшительный перевѣсъ надъ свѣчными фабриками, заведенными Австріей въ Тріестѣ и Фіумѣ. 17 іюля 1795 года послѣдній изъ венеціанскихъ министровъ-резидентовъ въ Россіи писалъ: «великая императрица (Екатерина II) готова оказать всякое покровительство венеціанскимъ торговцамъ; черноморскіе же порты изобилуютъ предметами, необходимыми для нашихъ мануфактуръ; ихъ можно пріобрѣсть здѣсь дешевле, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Никогда время не казалось болѣе подходящимъ для заключенія торговаго договора. Надо спѣшить, такъ какъ другія націи хотятъ воспользоваться нашимъ недостаткомъ энергіи и предпріимчивости, чтобы обезпечить себѣ серьезныя преимущества. Если и нынѣ купцы, отправляющіеся изъ Зантэ и Кефалонію, заключаютъ выгодныя

---

[1]) Его звали: nobile di Pietroburgo. Этотъ постъ занимали послѣдовательно Federico Foscari, Pietro Grimani, Nicolo Venier.

сдѣлки въ русскихъ портахъ, то какія бы преимущества могъ обезпечить намъ правильный торговый обмѣнъ на судахъ, отправляющихся изъ самой Венеціи. Николо Веньеръ возлагалъ неограниченныя надежды на успѣхъ торговыхъ сношеній съ Россіей. Дешевизна венеціанскаго товара казалась ему гарантіей широкаго сбыта; особенно разсчитывалъ онъ на продажу тѣхъ сортовъ венеціанскаго сукна, которые извѣстны были подъ наименованіемъ «лондонскихъ» (londrine). Большій запросъ повелъ бы къ расширенію туземнаго производства. Венеція могла бы увеличить число своихъ станковъ и пріобрѣсть въ портахъ Чернаго и Азовскаго морей, тѣ самыя преимущества, какія обезпечивали ей прежде гавани Леванта, почти потерянныя нынѣ для ея торговли [1]). Времени не хватило для осуществленія этихъ надеждъ. Не прошло двухъ лѣтъ, и забота о торговыхъ интересахъ Венеціи перешла въ руки австрійскаго правительства.

§ 2.

Уже изъ сказаннаго легко заключить, что въ XVIII вѣкѣ Венеція въ своей торговой политикѣ преслѣдовала цѣли, отличныя отъ тѣхъ, какія озабочивали ее въ XV вѣкѣ. Тогда какъ въ періодъ своего полнаго расцвѣта венеціанскій обмѣнъ носилъ на себѣ искусственный характеръ монополіи, поддерживаемой силой оружія и трактатовъ и направленной къ тому, чтобы обезпечить собственнымъ подданнымъ исключительный торгъ чужимъ восточнымъ товаромъ, въ XVIII столѣтіи онъ принялъ форму нормальнаго соперничества съ промышленными странами Европы въ качествѣ и дешевизнѣ производимыхъ самой страною продуктовъ.

Это обстоятельство должно было существенно повліять и на оживленіе внутренней промышленности, которая дѣйствительно съ XVI столѣтія сдѣлала значительные успѣхи, благодаря прямому покровительству государства, и несмотря на

[1]) Dispaccio di Nicolo Veniero, nobile veneto, ambasciatore a Pietroburgo nel 1795 diretto al magistrato dei cinquè savii alla mercanzia (Venezia. 1767, ed. da G. B. Venier per nozze Emo-Capodilista-Venier).

опасную конкурренцію со стороны англійскихъ и французскихъ мануфактуръ. Подъемъ промышленности начинается съ конца XVII столѣтія и продолжается въ теченіе всей первой половины XVIII. Но несмотря на всѣ усилія, Венеціи не удается занять и въ этомъ отношеніи того первенствующаго положенія, какое принадлежало ей прежде. Причину этого понять не трудно. Тѣ два производства, въ которыхъ въ XV вѣкѣ венеціанцы превосходили другіе народы Европы—выдѣлка шелковъ и бархата и приготовленіе тонкихъ суконъ, въ XVII вѣкѣ сдѣлались достояніемъ другихъ націй. Кольберомъ основаны были ліонскія мануфактуры, а въ Англіи, взамѣнъ прежняго вывоза шерсти сырьемъ въ предназначенные для монопольнаго торга города, Калэ, Миддельбургъ, Антверпенъ (такъ называемые staple-towns), установилась практика собственной обработки и выдѣлки суконъ, не уступавшихъ по качеству аррагонскимъ и венеціанскимъ, нерѣдко изготовляемымъ въ прежнее время изъ англійской же шерсти. Неудивительно поэтому, если въ началѣ XVIII столѣтія публичныя власти Венеціи вспоминали, какъ о давно прошедшемъ, то время, когда три тысячи ткачей заняты были изготовленіемъ шелковыхъ тканей и ежегодно выдѣлывалось въ Венеціи до двадцати восьми тысячъ суконъ [1]). Тщетными оказались всѣ попытки публичныхъ властей и цеховыхъ старѣйшинъ воспрепятствовать распространенію венеціанскихъ пріемовъ производства въ другихъ странахъ; тщетны распоряженія такъ называемыхъ proveditori del comun, приказывавшихъ сжигать станки, заводимые въ предѣлахъ Terra Ferma [2]); тщетны угрозы, какими статуты бархатниковъ, напримѣръ, преслѣдовали всякаго, кто обучитъ ремеслу лицъ постороннихъ или уроженцевъ чужихъ городовъ и провинцій. Конкурренція болѣе дешевыхъ англійскихъ суконъ убиваетъ, по замѣчанію одного изъ первыхъ по времени венеціанскихъ экономистовъ, Антоніо Занонъ, суконное производство даже въ такихъ центрахъ, какъ Верона [3]), что не мѣ-

[1]) Scrittura intorno al commercio veneto, 1717 года, стр. 10.

[2]) Cecchetti. Dell'introduzione dell'arte della seta in Venezia, per nozze Agosti-Franceschini. Venezia, 1866 годъ.

[3]) Въ седьмомъ изъ своихъ писемъ о пользѣ мануфактуръ и промысловъ Антоніо Занонъ пишетъ: Верона заодно съ другими городами

шаетъ ему однако удержаться и даже получить въ XVIII в. новое развитіе въ Падуѣ. Въ эпоху посѣщенія Монтескьё сукна Вероны начали пріобрѣтать извѣстность, и французскій путешественникъ говоритъ о нихъ, какъ о недурныхъ (assez bons) [1].

На смѣну шерстяного производства явилось въ XVIII вѣкѣ шелковое. Веронцы, говоритъ маркизъ Маффеи [2]), занялись шелководствомъ съ такимъ успѣхомъ, что ежегодно получаютъ съ него до 700,000 дукатовъ. Эта цифра возросла до 1,000,000 во второй половинѣ XVIII вѣка, когда Антоніо Занонъ редактировалъ свои уже упомянутыя письма о промышленности и мануфактурахъ [3]). Самъ Занонъ занялся мыслью о привитіи того же производства во Фріулѣ и основалъ въ Удинѣ фабрику въ триста станковъ. Въ 1738 году онъ переселился въ Венецію и положилъ здѣсь основаніе выдѣлкѣ бархатовъ высокаго качества (velluti alla piana) [4]). Еще раньше, а именно въ 1685 году, основана была фабрика дамасскихъ шелковъ въ Удинѣ. Отмѣна запретовъ, тяготѣвшихъ надъ промышленностью Terra Fermà, дозволила почти одновременно основать подобныя же фабрики въ Винченцѣ, получавшей часть сырца изъ Фріуля. Здѣсь число фабрикъ возросло скоро до десяти. Правительство затратило около четырехъ милліоновъ на заведеніе въ Падуѣ особой выдѣлки лентъ и платковъ.

Въ самой Венеціи завелось шитье по шелку рисункомъ, напоминающимъ миніатюры рукописей, и производство знаменитыхъ на весь міръ шелковыхъ кружевъ. Шерстяное производство, временно пришедшее въ упадокъ въ Terra Ferma, ожило на островахъ Архипелага и въ частности въ Скіо, гдѣ двадцать пять фабрикъ получили правительственную привилегію и занялись выдѣлкой пурпуровыхъ тканей, соперничавшихъ съ

Ломбардіи лишилась своего суконнаго производства или по собственному нерадѣнію, или по причинѣ иностранной конкурренціи. Scrittori classici italiani di economia politica, parte moderna, томъ XVIII, стр. 193.

[1]) Voyages de Montesquieu. Томъ I, стр. 81.

[2]) Maffei. Verona illustrata, часть III, стр. 27.

[3]) Zanon. Lettere, стр. 193.

[4]) Ibid. Notizie sopra la vita di Antonio Zanon, написанныя Bianchini (томъ XVIII, стр. 6).

лейденскими. Уже упомянутыя нами лондонскія сукна, или лондрины стали, одновременно выдѣлываться въ Фолинэ, а «славянскія и еврейскія», предназначенныя служить платками для прикрытія плечъ во время богослуженія, въ самой Венеціи въ приходѣ «Madonna dell'Orto» [1]). Полотняное производство, для котораго закупался ленъ не только въ Литвѣ и Помераніи, но и въ Египтѣ, доставляло заработокъ 1,100 ткачамъ на извѣстной фабрикѣ Линуссіо во Фріулѣ не далѣе, какъ въ 1788 году. Въ третьей четверти XVIII столѣтія подобныя же фабрики процвѣтали въ Чивидалѣ, Боволента, Мирано и самой Венеціи. Изъ ангорской шерсти выдѣлывались и продаваемыя туркамъ «camellotti», названныя такъ потому, что выдавались за верблюжье сукно. Немало также рабочихъ занимало производство пеньки и корабельныхъ снастей; прежде ея нельзя было выдѣлывать иначе, какъ въ Танѣ, т. е. въ окрестностяхъ Азова, теперь посадка конопли сдѣлалась обычнымъ явленіемъ и умножилась въ Болоньѣ и Монтаньянѣ. Къ XVIII вѣку относятся также успѣхи стеклянной промышленности; Монтескье говоритъ уже о выдѣлкѣ въ Венеціи того хрусталя, который доселѣ не имѣетъ себѣ равнаго. Онъ сообщаетъ со словъ мѣстныхъ обывателей, что необходимый для того матеріалъ идетъ изъ Вероны и Винченцы. Будущій авторъ «Духа Законовъ» запасается образцами его, такъ какъ имѣетъ въ виду сравнить ихъ съ тѣми камушками и глиной, какіе служатъ при производствѣ зеркалъ въ Сенъ-Гобенѣ [2]). Къ этимъ главнымъ формамъ обрабатывающей промышленности надо присоединить въ Венеціи еще нѣсколько второстепенныхъ, какъ, напримѣръ, выдѣлку посеребреныхъ или позолоченыхъ металлическихъ пуговицъ въ Бергамо, кожевенное и желѣзное производство въ Сало, фарфоровое и фаянсовое на фабрикахъ въ приходѣ S. Giobbe, въ Нови и т. д. [3]).

XVIII-е столѣтіе во всей Италіи было свидѣтелемъ усиленныхъ попытокъ къ развитію промышленности съ помощью пра-

---

[1]) Bonaffons, отдѣльный оттискъ, стр. 24 и 25.
[2]) Voyages, томъ первый, стр. 33.
[3]) Bonaffons, стр. 26 и 27.

вительственныхъ поощреній и нерѣдко прямыхъ государственныхъ затратъ. Экономисты высказывались въ пользу такого покровительства и открыто проповѣдовали необходимость слѣдовать въ этомъ отношеніи просвѣщенному примѣру Фридриха Великаго, Іосифа ІІ-го и Леопольда Тосканскаго. Начало движенію положено было, впрочемъ, внѣ Италіи. У французскаго экономиста Мелонъ, сочиненіе котораго не разъ цитируется Антоніо Занонъ, уже значится, что заводчики и мануфактуристы заслуживаютъ полнаго вниманія законодателя. Ихъ надо поддерживать и награждать, такъ какъ ими создаются школы, изъ которыхъ постоянно выходятъ творцы народнаго благосостоянія. Просвѣщенная политика можетъ обезпечить занятіе всякому возрасту и полу. Люди благотворительные даютъ милостыню,—люди государственные находятъ занятіе [1]). Но, высказывая эти мысли, Мелонъ только давалъ теоретическое выраженіе правительственной практикѣ, родоначальникомъ которой надо признать Кольбера. Венеціанскіе писатели пошли по его слѣдамъ. Раздѣливши всѣ виды ремеслъ и мануфактуръ на полезные, необходимые и безразличные; поставивъ выше всѣхъ тѣ, которые избавляютъ отъ необходимости покупать товаръ у иностранцевъ, Занонъ объявляетъ, вслѣдъ за Локкомъ, что промышленники увеличиваютъ въ нѣсколько разъ стоимость сырья, а слѣдовательно могутъ считаться участниками въ образованіи цѣнностей. Они даютъ возможность получать въ обмѣнъ отъ государствъ, богатыхъ драгоцѣнными металлами, большое количество золота, серебра и денегъ. Ошибочно было бы думать, что только мореплаваньемъ и войною можно добыть государству тотъ металлическій фондъ, въ которомъ видѣли прежде источникъ его экономическаго преобладанія надъ сосѣдями. То же можетъ быть достигнуто и мануфактурами. Въ обмѣнъ на нихъ испанцы отдаютъ, напримѣръ, французамъ получаемое изъ колоній золото и серебро, такъ что богатства Вестъ-Индіи сосредоточиваются въ рукахъ не тѣхъ, кому они принадлежатъ, а тѣхъ, кто первенствуетъ въ промышленности [2]).

---

[1]) Melon. Essai politique sur le commerce, стр. 118.

[2]) Lettere dell'utilità delle arti e manifatture. Lettera II, стр. 104, 115, 117, 118, lettera IV, стр. 137.

Занонъ полагаетъ, что нѣтъ города въ мірѣ, который бы имѣлъ большее число ремеслъ и промысловъ, чѣмъ Венеція; въ доказательство онъ приводитъ родъ статистики «осѣдлыхъ и бродячихъ промысловъ», какимъ предаются венеціанцы. Изъ собранныхъ имъ данныхъ оказывается, что ихъ не меньше 255. Онъ не думаетъ, чтобы для мануфактурнаго производства необходима была близость моря или большихъ рѣкъ, содѣйствующихъ сбыту. Флоренція и Лукка, Парижъ и Ліонъ, кажутся ему доказательствомъ противнаго [1]). Иниціатива правительства много можетъ сдѣлать для развитія промышленности въ мѣстностяхъ, неблагопріятно расположенныхъ для вывоза. Занонъ съ радостью констатируетъ тотъ фактъ, что въ его время нѣтъ въ Европѣ правителя, который бы не думалъ о мануфактурахъ и торговлѣ и не считалъ бы ихъ развитіе важнѣйшей задачей государства [2]). Примѣру Европы должна бы послѣдовать и Венеція, которая распространеніемъ одного шелковаго производства способна дать занятіе всѣмъ безработнымъ и лѣнтяямъ какъ въ столицѣ, такъ и въ Terra Ferma [3]).

Занонъ полагаетъ, что безъ наказаній и наградъ трудно обезпечить процвѣтаніе туземныхъ мануфактуръ и защитить ихъ отъ конкурренціи иностранцевъ тѣмъ болѣе, что послѣдніе прибѣгаютъ къ тѣмъ же мѣрамъ поощренія по отношенію къ собственной промышленности. Если Венеція не вступитъ на этотъ путь, указываемый опытомъ другихъ странъ, «ей предстоитъ закупкой чужого товара содѣйствовать успѣху своихъ соперниковъ и дать имъ возможность отнять хлѣбъ и заработокъ у собственныхъ рабочихъ; но въ этомъ случаѣ придется помириться не только съ существованіемъ бродягъ и нищихъ, но и со всѣми тѣми безпорядками, какіе причиняютъ безработные. Необходимость не знаетъ законовъ» [4]).

Однимъ изъ средствъ поощренія промышленности должно быть реальное образованіе. Занонъ распространяется въ жалобахъ на тотъ вредъ, какой причиняетъ росту мануфактуръ почти

[1]) Ibid., стр. 152 и 153.
[2]) Ibid., стр. 157.
[3]) Ibid., стр. 178
[4]) Ibid., стр 179 и 180.

исключительное занятіе латынью. Лучшіе годы жизни, пишетъ онъ, проходятъ въ изученіи тонкостей мертваго языка, точно готовятъ учениковъ къ возраженіямъ на рѣчи Цицерона. Трудно представить себѣ, сколько терпитъ коммерческая наука отъ такихъ порядковъ [1]).

Каждая провинція, разсуждаетъ онъ, отличается какимъ-нибудь продуктомъ первой или второй необходимости, обработка котораго можетъ сдѣлаться средствомъ существованія для ея жителей и источникомъ увеличенія въ ней населенія. Мануфактуры не только освобождаютъ отъ зависимости по отношенію къ иностранцамъ, но и даютъ возможность увеличенія національнаго капитала, привлекая деньги въ страну. Но отъ постояннаго и пропорціональнаго населенію обращенія денегъ въ государствѣ зависитъ не только благосостояніе жителей, но и ростъ ихъ числа; наоборотъ, если деньги будутъ то приходить, то уходить изъ страны, населенность ея неизбѣжно уменьшится [2]).

Если промышленность нуждается въ поощреніи, то торговля могла бы обойтись и безъ наградъ и наказаній, лишь бы въ обществѣ исчезъ предразсудокъ, мѣшающій, напримѣръ, венеціанскимъ патриціямъ заниматься подъ собственнымъ именемъ коммерческими операціями. «Приходится слышать, пишетъ Занонъ, рѣчи, направленныя къ тому, чтобы поколебать въ людяхъ уваженіе къ заслуженному классу торговцевъ. Хотя онѣ лишены всякаго основанія, но лица, ихъ ведущія, обнаруживаютъ при этомъ столько искусства и ловкости, что вводятъ въ заблужденіе даже благонамѣренныхъ и разумныхъ». Чтобы опровергнуть эти рѣчи, Занонъ старается доказать, что купцы всегда отличались вѣрностью государству и миролюбіемъ. Отъ нихъ правительству нельзя ждать дурныхъ совѣтовъ. Вѣдь они только ищутъ покровительства и свободы,—свободы не въ произволѣ, а въ подчиненіи законамъ. Само покровительство, въ которомъ они нуждаются, не идетъ далѣе защиты ихъ внутри государства и внѣ его предѣловъ отъ всякаго рода вымогательствъ и при-

---

[1]) Ibid., стр. 186 и 187.

[2]) Ibid., стр. 206.

тѣсненій [1]). Купцы миролюбивы по необходимости, которая затѣмъ переходитъ у нихъ въ привычку и сообщается прочимъ гражданамъ. Занонъ ссылается въ подтвержденіе на двадцатую книгу Духа Законовъ, главу первую и вторую, въ которыхъ между прочимъ говорится, что естественнымъ послѣдствіемъ торговли надо считать то, что она располагаетъ людей къ миру [2]).

Ища причинъ того нерасположенія, съ какимъ многіе относятся къ купцамъ, Занонъ говоритъ о зависти, какую внушаетъ ихъ зажиточное существованіе. Такъ какъ, замѣчаетъ онъ, они воздерживаются отъ внѣшней роскоши дворянъ, то достатокъ позволяетъ имъ украшать свои жилища и не отказывать себѣ въ богатыхъ одеждахъ. Но тѣ, кто выше ихъ по своему общественному положенію, думаютъ, что эти затраты вызваны желаніемъ стать съ ними на равную ногу [3]). Не всякая роскошь можетъ быть признана вредной для государства, и потому законы противъ роскоши, съ трудомъ примѣняемые, не заслуживаютъ того признанія, какое многіе даютъ имъ. «Свобода надѣляетъ каждаго правомъ такъ или иначе распоряжаться своимъ имуществомъ, не нарушая, однако, законовъ ни божескихъ, ни человѣческихъ. Какое основаніе ограничивать ее по отношенію къ коммерсантамъ? Почему унижать ихъ, почему не признать, что занятіе торговлей такъ же почтенно, какъ и всякое другое. Если оно полезно для общества, то не въ его ли интересахъ поддерживать и внѣшній декорумъ купцовъ?». Занонъ не находитъ у писателей эпохи возрожденія той враждебности къ торговцамъ, какою отличаются нѣкоторые изъ его современниковъ. Онъ приводитъ отрывокъ изъ сочиненія, написаннаго въ 1458 году рагузинцемъ Бенедетто Котрули. Оно отпечатано было 115 лѣтъ спустя подъ заглавіемъ: «О торговлѣ и совершенномъ коммерсантѣ». «Достоинство купца велико, писалъ авторъ, по многимъ причинамъ: его занятіе полезно для государства, такъ какъ доставляетъ жителямъ то, въ чемъ они чувствуютъ недостачу. Оно служитъ импульсомъ для промышлен-

[1]) Apologia della mercatura. Lettere di Antonio Zanon udinese. Economisti classici italiani, t. XIX, стр. 58.

[2]) Ibid., стр. 43.

[3]) Ibid., стр. 45.

ности, даетъ заработокъ бѣднымъ, принуждаетъ крестьянъ посвящать свои заботы разведенію стадъ и обогащаетъ казну акцизами и таможенными пошлинами».

Процитировавъ это мѣсто, доказывающее въ его глазахъ, что старинное процвѣтаніе Венеціи стояло въ тѣсной связи съ тѣмъ уваженіемъ, какимъ пользовалась въ ней профессія торговцевъ, Занонъ констатируетъ тотъ фактъ, что во всѣхъ сколько-нибудь просвѣщенныхъ націяхъ купцы пользовались признаніемъ, и ихъ занятіе не считалось ни позорнымъ, ни недостойнымъ дворянина. Венеціанцы въ частности въ старые годы цѣнили торговлю такъ высоко, что сама синьерія ежегодно посылала въ Сирію и другія мѣстности свои суда для закупки товаровъ, слѣдуя въ этомъ отношеніи примѣру древнихъ Аѳинъ, гдѣ и Солонъ и Фалесъ, и Иппократъ, и Платонъ одно время были купцами. «Чѣмъ просвѣщеннѣе становится міръ, разсуждаетъ Занонъ, тѣмъ больше чувствуется въ немъ необходимость въ богатствахъ; но нѣтъ другого средства къ ихъ пріобрѣтенію, кромѣ торговли. Бѣдные болѣе опасны для государства, чѣмъ зажиточные. Необходимость нерѣдко учитъ обману. Вотъ почему правительства съ бо̀льшимъ сочувствіемъ относятся къ богатымъ подданнымъ, зная, что они болѣе заинтересованы въ ихъ сохраненіи. Вотъ почему на нихъ и возлагается отправленіе публичныхъ должностей, такъ какъ имъ легче довѣриться» [1]).

Такимъ образомъ Занонъ является рѣшительнымъ сторонникомъ оживленія той политики покровительства торговымъ и промышленнымъ классамъ, которому Венеція обязана была своимъ прежнимъ процвѣтаніемъ и величіемъ. Но высказывая эти взгляды, онъ только присоединяется къ тому общему теченію, которое одновременно заставляло популярнѣйшаго изъ итальянскихъ экономистовъ, Антоніо Дженовези, обнародовать свои «Лекціи о торговлѣ». Занонъ высказываетъ свое удивленіе передъ нимъ не только многочисленными выдержками изъ его сочиненій, но и въ слѣдующей общей оцѣнкѣ его дѣятельности, вызванной извѣстіемъ о кончинѣ «безсмертнаго аббата». «Съ честью и пользою для Италіи печаталъ онъ свои ученыя

---

[1]) Письмо V, томъ XIX, стр. 74.

творенія. Его лекціями о торговлѣ прониклись, хотя еще въ недостаточной мѣрѣ, всѣ жители полуострова. Онѣ разошлись во многихъ изданіяхъ и встрѣтили признаніе со стороны всѣхъ католическихъ правительствъ» [1]). Но что проповѣдовалъ знаменитый аббатъ, какъ не то, что величіе и благосостояніе государствъ и народовъ имѣетъ своимъ источникомъ дѣятельность земледѣльца, пастуха, ткача, купца, мореплавателя; другими словами, что его источникомъ являются всѣ занятія, которыя и землю и море заставляютъ приносить цѣнности. Чѣмъ больше будетъ промышленниковъ, тѣмъ больше будетъ и благосостояніе государства. Промыслы могутъ однако процвѣтать только тамъ, гдѣ лицамъ, занимающимся ими, дана полная свобода [2]).

Но высказывая это, Дженовези только повторяетъ французскаго экономиста Мелона, утверждавшаго, что промышленность и торговля нуждаются больше въ свободѣ, чѣмъ въ покровительствѣ, такъ какъ со свободой они и сами по себѣ могутъ возрасти и защититься, тогда какъ безъ свободы это немыслимо.

Тотъ же призывъ къ оживленію промышленной и торговой дѣятельности встрѣчаемъ мы и въ устахъ государственныхъ дѣятелей Венеціи, между прочимъ въ извѣстной рѣчи, произнесенной 29-го мая 1784 года Андреемъ Тронъ въ полномъ собраніи сената. Констатируя тотъ фактъ, что торговля и промышленность только тогда могутъ принести всѣ ожидаемыя отъ нихъ выгоды, когда богатые и могущественные капиталисты примутъ въ нихъ участіе, Тронъ съ прискорбіемъ замѣчаетъ, что презрѣніе, съ какимъ дворянство въ Венеціи относится къ этимъ занятіямъ, заставляетъ лицъ другихъ сословій краснѣть при мысли объ источникѣ своихъ заработковъ и готовить дѣтей къ другимъ профессіямъ. Я предлагаю, говоритъ онъ, изданіе особаго манифеста, который оживилъ бы старинную традицію венеціанскаго сената—покровителя ремеслъ, торговли и мореплаванія, и призвалъ бы не только патриціевъ столицы, но и дворянъ Terra Ferma къ открытію фа-

---

1) Estrato del trattato dell'utilita morale, economica e politica delle accademie di agricoltura, arti e conmmercio. Ibid., стр. 149.

2) Lezioni, часть первая, стр. 64.

брикъ и заводовъ, постройкѣ судовъ и участiю въ коммерческихъ операцiяхъ, внутреннихъ и внѣшнихъ. Прежде всего надо объявить открытую войну тому предразсудку, который заставляетъ людей и въ особенности дворянъ видѣть въ этихъ занятiяхъ уронъ для своей чести. Такимъ предразсудкомъ объясняется, почему нѣкоторыя лица, занятыя производствомъ шелковъ, замѣняютъ себя прикащиками, боясь, чтобы личное участiе въ производствѣ не помѣшало имъ прiобрѣсть дворянство [1]).

Но эта свобода промышленной и торговой дѣятельности, проповѣдниками которой, по примѣру англiйскихъ и французскихъ писателей, являлось большинство итальянскихъ экономистовъ, не могла не встрѣтить серьезныхъ препятствiй въ цеховой организацiи ремеслъ и тѣхъ промышленныхъ привилегiяхъ, какими надѣлило ихъ государство еще съ XII и XIII столѣтiя. Понятно, что члены этихъ замкнутыхъ сообществъ протестовали и противъ допущенiя иностранцевъ къ однохарактернымъ съ ними занятiямъ, и противъ отмѣны тѣхъ запретовъ, какими стѣснена была фабричная и заводская промышленность Terra Ferma. Законы, изданные съ 1714 года съ цѣлью поощренiя мануфактуръ и торговли, прямо или косвенно задѣвали привилегiи цеховъ. Экономистамъ пришлось въ защиту этихъ законовъ выставить сложившееся во Францiи ученiе о противорѣчiи общаго и частнаго интереса и необходимости жертвовать послѣднимъ первому.

Итальянскiе экономисты, какъ, напримѣръ, Джiанъ Батиста Васко и Пiетро Верри, не замедлили поэтому высказаться открыто противъ дальнѣйшаго существованiя цеховъ. Повторяя сказанное уже Тюрго, Васко доказываетъ, что цеховые запреты мѣшаютъ развитiю кустарнаго производства, которое послужило бы серьезнымъ подспорьемъ земледѣльцамъ и дало бы имъ занятiе въ зимнюю пору. Онъ настаиваетъ на искусственномъ сокращенiи цехами размѣровъ обрабатывающей промышленности и справедливо замѣчаетъ, что интересъ предпринимателя заставляетъ его стремиться къ производству не лучшаго, а наиболѣе доходнаго товара; безсильны поэтому всѣ цеховые регламенты, пред-

---

[1]) Romanin, Storia documentata di Venezia, томъ XI, стр. 101, 102 и 107.

писывающіе извѣстный порядокъ производства мануфактуръ [1]). Говорятъ, что предоставленная самой себѣ промышленность станетъ производить товары, негодные для сбыта, но интересъ продавцевъ и покупателей едва ли не лучшая удержь для обмановъ [2]).

Разсужденіе Васко написано было въ отвѣтъ на вопросъ, поставленный веронской академіей земледѣлія, ремеслъ и промышленности, и заслужило автору включеніе въ члены этой академіи. Къ однохарактернымъ съ Васко выводамъ приходитъ и Верри въ своихъ «Разсужденіяхъ о политической экономіи». Послѣдствія цеховой регламентаціи ремеслъ передаются имъ слѣдующимъ образомъ: она затрудняетъ занятіе промышленной дѣятельностью, сосредоточиваетъ ее въ немногихъ рукахъ, обременяетъ мануфактуристовъ и торговцевъ множествомъ таксъ и платежей и не допускаетъ совершенствованій въ самомъ производствѣ. Безконечные споры цеховъ между собою изъ-за права заниматься выдѣлкой тѣхъ или другихъ продуктовъ, непроизводительныя затраты въ пользу общей казны, потеря времени на формальности, соперничество, ненависть и открытая вражда со всѣми, кто старается превзойти другихъ въ предпріимчивости,—вотъ къ чему ведетъ сохраненіе промышленныхъ монополій цеховъ. Искусственно уменьшая размѣръ предложенія, цехи содѣйствуютъ вздорожанію товаровъ, ограничиваютъ промышленную энергію и сокращаютъ размѣръ воспроизводимыхъ ежегодно цѣнностей [3]).

Этотъ запросъ касательно упраздненія цеховой организаціи далеко не раздѣляется однако самымъ выдающимся изъ венеціанскихъ экономистовъ, Джіаммаріа Ортесъ. Спрошенный своимъ флорентинскимъ корреспондентомъ, Михаиломъ Чіани, о лучшихъ

---

[1]) Vasco. Delle universita delle arti e mestieri. Economisti classici italiani, томъ XXXIII, стр. 225, 227, 232, 235. Заключеніе автора слѣдующее: цеховые регламенты ни мало не содѣйствуютъ совершенству мануфактуратовъ и успѣхамъ промышленности, а только стѣсняютъ внутреннюю торговлю.

[2]) Ibid., стр. 241.

[3]) Pietro Verri, Meditazioni sulla economia politica. Economisti classici italiani, parte moderna, томъ XV, § 7, стр. 68 и 69.

средствахъ къ освобожденію ремеслъ отъ тѣхъ узъ, какія налагаютъ на нихъ старинные цеховые статуты, Ортесъ въ письмѣ отъ 24 декабря 1785 года отвѣчаетъ: «Если эти узы даютъ перевѣсъ внутренней торговлѣ надъ внѣшней, ихъ не только нужно сохранить, но и пріумножить. Чѣмъ больше будетъ поощряться внѣшняя торговля, тѣмъ хуже сдѣлается положеніе внутренней. Но внѣшняя обогащаетъ только немногихъ, оставляя большинство націи въ бѣдности, тогда какъ внутренняя, пріумножая въ слабой степени имущества богатыхъ, служитъ подспорьемъ для множества бѣдныхъ» [1]).

Вообще ходячія въ его время теоріи объ искусственномъ развитіи мануфактуръ и торговли съ помощью правительственнаго поощренія и о пользѣ, какую въ этомъ отношеніи можетъ оказать новый принципъ экономической свободы, не удовлетворяютъ Ортеса. Онъ объявляетъ себя противникомъ наиболѣе извѣстныхъ писателей вѣка и не считаетъ возможнымъ возводить въ философовъ, воспрославленныхъ за свое поощреніе промышленности и торговлѣ, королей и императоровъ въ родѣ Фридриха Великаго и Іосифа II-го [2]). Основной принципъ его экономической теоріи лежитъ въ томъ, что богатство народовъ зависитъ не отъ массы обращающихся у нихъ денегъ, которыя для него не болѣе, какъ мѣновые знаки, а отъ численности производительнаго населенія [3]). Въ каждомъ государствѣ имѣется равное количество богатствъ, если имѣть въ виду пропорцію ихъ къ числу населенія. Въ провозглашеніи этого принципа, говоритъ Ортесъ, высказаннаго мною еще въ «Трактатѣ о національной экономіи», я нѣкоторое время колебался, но теперь онъ кажется

---

[1]) Lettere al conte Francesco Algarotti ed al signore auditore Michele Ciani. Economisti classici italiani, томъ XXIV, стр. 454 и 455.

[2]) Письмо отъ 9 іюня 1786 года.

[3]) Il danaro non è gia ricchezza ma sola immaginazione di ricchezza (письмо отъ 29 генваря 1785 г.), ibid., стр. 445. Ella ha rilevato molto bene quel principio d'economia nazionale che ho pur io rilevato, vuole a dire che le occupazione economiche per arti e commercio, e i beni consumabili che la conseguono e che mantengono una nazione son determinati della popolazione in essa che esercita quelle occupazione e che consuma quei beni, e che non possono eccedere in alcuni senza mancare di altrettanto negli altri.

мнѣ несомнѣннымъ [1]). Изъ того обстоятельства, что дѣйствительныя и потребляемыя цѣнности, которыя однѣ составляютъ богатство народа, зависятъ отъ числа населенія, ихъ затрачивающаго, слѣдуетъ, что нельзя придать имъ ту или другую форму и качество, не уничтоживъ тѣхъ, какія они имѣли прежде; другими словами, нельзя развить одного вида обрабатывающей промышленности или торговли безъ ущерба для другихъ. Вотъ источникъ, благодаря которому законы, направленные современными правителями къ тому, чтобы улучшить положеніе народа искусственнымъ привитіемъ ему тѣхъ или другихъ ремеслъ и видовъ обмѣна, не достигаютъ поставленной себѣ цѣли. Такъ, въ Тосканѣ развитіе шелковаго производства произошло только въ ущербъ шерстяному. Послѣдовало перемѣщеніе богатствъ, но не созданіе новыхъ. Вообще забота экономистовъ объ умноженіи богатствъ кажется Ортесу совершенно праздной. Съ его точки зрѣнія они не подлежатъ умноженію иначе, какъ съ ростомъ населенія, такъ что послѣдствіемъ искусственнаго насажденія бываетъ не созданіе новыхъ цѣнностей, а обогащеніе богатыхъ и обѣднѣніе бѣдныхъ [2]).

Эти воззрѣнія выступаютъ во всѣхъ и каждомъ изъ сочиненій Ортеса, но нигдѣ они не представлены болѣе систематично, какъ въ первыхъ четырехъ письмахъ о національной экономіи. Повторивши свое основное положеніе, что масса имуществъ, какими обладаетъ та или другая нація, опредѣляется численностью ея населенія и пропорціональна послѣднему, Ортесъ объявляетъ ошибочной ту оцѣнку, какая дается благосостоянію націй ссылкой на число и величину сокровищъ, какими обладаютъ немногіе. Если одни владѣютъ въ два раза больше противъ другихъ, это значитъ, что другіе владѣютъ въ два раза меньше. Но всѣ усилія экономистовъ направлены къ тому, чтобы увеличить имущества немногихъ въ томъ предположеніи, что послѣдствіемъ этого будетъ благосостояніе всѣхъ. Вотъ почему они предпочитаютъ другимъ видамъ промышленности тѣ, которые направлены къ выдѣлкѣ наиболѣе цѣнныхъ мануфактуратовъ, и внѣш-

---

1) Ibid., письмо отъ 14 іюля 1786 года, стр. 462.
2) Ibid., стр. 463, 464 и 465, 430 и 431.

ней торговлѣ внутреннюю. Но этимъ они только содѣйствуютъ упроченію имущественнаго неравенства. Въ частности внѣшняя торговля не ведетъ, по мнѣнію Ортеса, къ обогащенію всей націи; такъ какъ сумма богатствъ опредѣляется размѣромъ потребляющаго ихъ населенія, то одна нація не можетъ уступить другой путемъ обмѣна ничего, кромѣ эквивалента того, что получаетъ отъ нея. Но этотъ результатъ затемняется тѣмъ обстоятельствомъ, что современные экономисты признаютъ деньги за богатство, а это позволяетъ имъ говорить о торговомъ балансѣ и объявлять выгоднымъ тотъ обмѣнъ, который доставляетъ націи избытокъ деньгами. Что промышленность и внѣшняя торговля только создаютъ противорѣчіе богатства и бѣдности, это, по мнѣнію Ортеса, вытекаетъ между прочимъ изъ того, что они преслѣдуютъ надѣленіе другихъ націй тѣмъ, что дешево на родинѣ, но отъ этого только дорожаютъ продукты на собственномъ рынкѣ, и туземные покупатели обѣдняются одновременно съ обогащеніемъ немногихъ мануфактуристовъ и негоціантовъ, занимающихся вывозомъ. Общій выводъ тотъ, что ни одна нація не можетъ сдѣлаться богаче другой, благодаря промысламъ и внѣшней торговлѣ, и что возрастаніе богатствъ однихъ гражданъ идетъ рука объ руку съ обѣднѣніемъ другихъ. Если въ Англіи встрѣчаются такіе богачи, какихъ нѣтъ въ Тосканѣ, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы послѣдняя была беднѣе первой, а только то, что промышленность и торговля породили въ одной странѣ большее неравенство богатствъ, нежели въ другой.

Изъ этихъ общихъ положеній вытекаетъ и отношеніе Ортеса къ вопросу о торговой и промышленной политикѣ. Онъ врагъ привилегій, создаваемыхъ въ пользу тѣхъ или другихъ промысловъ и видовъ обмѣна, и сторонникъ той свободы, которая бы позволила каждому «избрать видъ занятій, къ которому онъ болѣе всего склоненъ по природѣ» [1]). Это замѣчаніе приложимо и къ цѣлымъ народамъ. Вредно навязывать имъ тѣ или другіе виды производства и обмѣна; необходимо, чтобы каждый народъ по собственному выбору предавался тѣмъ занятіямъ, которыя ему болѣе любы.

---

1) Ibid., стр. 114.

Починъ долженъ исходить отъ народовъ, а не отъ правителей. Такъ какъ монополіи и привилегіи создаютъ богатства немногихъ, то противоположная имъ экономическая свобода должна, наоборотъ, обусловить большее равенство состояній. Въ этомъ отношеніи Италія кажется автору превосходящей всѣ прочія страны. Въ ней меньше большихъ капиталистовъ, но за то и меньше неравенства [1]).

Въ связи съ общимъ ученіемъ о томъ, что богатства націи опредѣляются численностью ея населенія и размѣромъ потребленія, стоитъ и другое оригинальное рѣшеніе, даваемое Ортесомъ вопросу объ искорененіи бродяжничества и нищенства. Экономисты говорятъ, что искусственное поощреніе ремеслъ и торговли можетъ доставить занятіе всѣмъ нуждающимся. Но Ортесъ не согласенъ съ ними. Утверждая какъ разъ обратное тому, чему учитъ Мальтусъ, венеціанскій экономистъ говоритъ, что производство предметовъ потребленія въ количествѣ достаточномъ для удовлетворенія запроса цѣлой націи, не требуетъ всего времени, какимъ располагаютъ лица ее составляющія; а потому, чтобы доставить всѣмъ работу, необходимо уменьшить количество труда для каждаго и такимъ образомъ сдѣлать богатства менѣе неравномѣрными. Какова же, восклицаетъ онъ, непослѣдовательность экономистовъ, которые для уменьшенія бѣдности рекомендуютъ принужденіе бѣдныхъ къ труду и въ то же время несогласны уменьшить богатства богатыхъ, сокращая срокъ занятія каждаго. Что если бы бѣдные въ отвѣтъ потребовали раздѣла имуществъ и капиталовъ? [2]).

Такимъ образомъ, Ортесъ, хотя и сторонникъ свободы промышленности, не прочь однако ввести нѣкоторую правительственную регламентацію занятій между различными классами общества. Только этимъ, думаетъ онъ, можно предупредить забастовки и нищету. Существованіе особаго сословія дворянъ и самостоятельныхъ классовъ, духовныхъ, ремесленниковъ, простонародья, съ этой точки зрѣнія, находитъ себѣ полное оправданіе. Ортесъ надѣется избѣжать упрека въ противорѣчіи объявляя, что

---

[1]) Ibid., стр. 143 и 145.
[2]) Ibid., стр. 151 и 152.

въ предѣлахъ каждаго дѣленія неограниченоб удетъ признанъ принципъ экономической свободы [1]). Нежеланіе соблюдать различія признается чертою болѣе грубыхъ народовъ и объясняется жаждою обогащенія, заставляющей каждаго посвятить себя тѣмъ видамъ занятій, которые въ данный моментъ кажутся наиболѣе доходными.

Тѣ же соображенія о невозможности занять всѣхъ и каждаго производствомъ потребляемыхъ цѣнностей, изъ которыхъ только и состоятъ дѣйствительныя богатства націи, заставляютъ Ортеса высказаться въ пользу сохраненія того перерыва въ промышленной дѣятельности, какое предпологаетъ строгое соблюденіе воскреснаго и праздничныхъ дней [2]). И на этотъ разъ онъ выступаетъ противникомъ экономистовъ, которые, жалуется онъ, въ наши дни, не въ примѣръ прежнимъ столѣтіямъ, озабочены не столько возможно справедливымъ распредѣленіемъ имуществъ, сколько мыслью объ ихъ накопленіи въ возможно большемъ числѣ [3]).

Въ противность этому Ортесъ рекомендуетъ, въ интересахъ свободы и счастія, умѣренность въ накопленіи и справедливость къ ближнему [4]). Но для этого необходимъ отказъ отъ роскоши и отъ высокихъ цѣнъ за товары.

Ортесъ—сторонникъ регулированія этихъ цѣнъ. Если прежніе пріемы къ установленію средней цѣны оказывались недѣйствительными, то только потому, что тарифъ распространяемъ былъ лишь на извѣстные предметы обрабатывающей промышленности. Земледѣльцамъ же предоставлена была свобода требовать что вздумаютъ. Но такъ какъ цѣна мануфактуратовъ непосредственно зависитъ отъ цѣны сырья, то бросается въ глаза противорѣчіе, въ какое законодатель впадалъ съ самимъ собою и неосуществимость его предписаній. Необходимы поэтому таксы и на хлѣбъ, и на вино, и на дрова, и на мясо, и на шерсть, и вообще на всѣ растительные и животные продукты, такса, опредѣляемая средней цѣной въ годы средняго урожая [5]).

1) Ibid., стр. 154.
2) Ibid., стр. 162.
3) Ibid., стр. 174.
4) Ibid., стр. 19.
5) Ibid., стр. 242 по 247.

Въ общемъ ученіе Ортеса является скорѣе истолкованіемъ тѣхъ основъ, на которыхъ держался средневѣковой порядокъ народнаго хозяйства съ его теоріей justum pretium, регламентаціей цѣнъ и видовъ народнаго труда, нежели провозвѣстникомъ новыхъ воззрѣній, родоначальниками которыхъ можно считать Локка, Юма, Монтескьё и Дженовези. Самъ авторъ какъ нельзя вѣрнѣе указываетъ на нихъ, какъ на противниковъ защищаемыхъ имъ взглядовъ [1]). Они въ такой же степени являются предвѣстниками ходячаго нынѣ принципа laissez faire, въ какой онъ можетъ считаться эпигономъ отжившихъ свое время воззрѣній. Насколько эти послѣднія восприняты были соціализмомъ, Ортесъ— предшественникъ критиковъ существующаго экономическаго порядка. На немъ въ частности можно прослѣдить вліяніе, какое католицизмъ и защищаемая имъ соціальная доктрина нестяжанія, общественной справедливости и милосердія къ ближнимъ оказали на подготовленіе отрицательныхъ доктринъ нашего времени.

Никто не станетъ, разумѣется, поддерживать болѣе основную гипотезу Ортеса, что «всѣ государства равно богаты, такъ какъ богатство націи опредѣляется не размѣрами производства, а размѣромъ потребленія и стоитъ поэтому въ прямой зависимости отъ численности населенія». Но тѣ различія въ благосостояніи, какія бросаются въ глаза нынѣ, при сопоставленіи, напримѣръ, потребленія англійскаго рабочаго или крестьянина съ тѣмъ, какимъ довольствуется средній итальянскій, не поражали въ равной мѣрѣ сто лѣтъ назадъ, когда начавшееся въ Англіи машинное производство и процессъ огораживаній впервые создали обширный классъ безработныхъ и пролетаріевъ [2]). Вопіющая бѣдность французскаго крестьянина въ сопоставленіи съ роскошью придворныхъ могла также навести на мысль о томъ, что различие въ богат-

1) Ibid., стр. 260.

2) Въ письмахъ къ Микаэлэ Чіани Ортесъ сравниваетъ въ отношеніи къ богатству Англію съ Тосканой и говоритъ: одной только силой воображенія можно объяснить причину, по которой Англія признается богаче Тосканы; но тотъ, кто руководствуется не воображеніемъ, а разумомъ, скажетъ, что если богатые англичане живутъ съ большей роскошью, чѣмъ богатые тосканцы, то только потому, что бѣдные тосканцы живутъ въ меньшей бѣдности и не подвержены тѣмъ же бѣдствіямъ и той же нищетѣ, какія терпятъ бѣдные англичане; томъ XXIV, стр. 463.

ствѣ двухъ странъ не болѣе, какъ видимое, и имѣетъ источникомъ различіе въ распредѣленіи. Любопытенъ тотъ фактъ, что въ отношеніи къ этому распредѣленію Италія выступаетъ, согласно описанію Ортеса, въ болѣе выгодномъ свѣтѣ, чѣмъ прочія государства Европы; и что этотъ результатъ приписывается авторомъ менѣе искусственной экономической политикѣ. Тогда какъ во Франціи система, связанная съ именемъ Кольбера, и замѣнившая ее съ середины XVIII вѣка физіократія, направлены были къ перемѣщенію капиталовъ въ руки, сперва промышленниковъ и внѣшнихъ торговцевъ, а затѣмъ земельныхъ собственниковъ, въ Италіи, и въ частности въ Венеціи, промышленность, торговля и земледѣліе были въ значительной мѣрѣ предоставлены самимъ себѣ. Онѣ пользовались той общей свободой, враждебной монополіямъ и привилегіямъ [1]), которую Ортесъ объявляетъ лучшимъ и вѣрнѣйшимъ союзникомъ природы и источникомъ правильнаго роста богатствъ и справедливаго распредѣленія. Эта мысль, впрочемъ, не выступаетъ у него съ той исключительностью, какую придали ей Гурне, Тюрго и пошедшая отъ нихъ школа фритредеровъ, сторонниковъ теоріи «laissez faire». Ортесъ, и въ этомъ лежитъ другая особенность его ученія, придерживается того взгляда, что природа, создавъ различіе потребностей и способностей, въ то же время установила между ними извѣстное неизмѣнное отношеніе, благодаря которому въ каждомъ обществѣ въ опредѣленной пропорціи необходимо присутствіе и земледѣльцевъ, и ремесленниковъ, и купцовъ (распредѣлителей), и лицъ, занятыхъ военной и духовной профессіей (администраторовъ) [2]). Онъ считаетъ даже возможнымъ дать цифровое выраженіе этой пропорціи, разумѣется совершенно произвольное. Предшественникъ въ этомъ отношеніи Кондорсэ и всей той новѣйшей школы, которая признаетъ математическій методъ приложимымъ въ политической экономіи, Ортесъ объявляетъ, что геометрія не только можетъ быть примѣнена съ

---

[1]) На языкѣ Ортеса тѣ и другія передаются терминомъ частной свободы (liberta particolare).

[2]) Della economia nazionale libri sei, книга 3-я, въ частности глава 24-я, томъ XXI, стр. 215 и 356.

пользой къ ней, но что это примѣненіе даже необходимо [1]. Согласно его таблицѣ, одна треть населенія вовсе не участвуетъ въ производительномъ трудѣ, другія же двѣ трети распредѣляются въ неравной степени между земледѣльцами, ремесленниками, торговцами и администраторами. Земледѣльцевъ меньше ремесленниковъ, торговцевъ или распредѣлителей меньше земледѣльцевъ, администраторовъ же меньше всѣхъ [2]. На два милліона человѣкъ, занятыхъ производительнымъ трудомъ, согласно Ортесу, приходится четыреста пятьдесятъ тысячъ постоянныхъ и сто пятьдесятъ тысячъ временныхъ земледѣльцевъ, 650,000 постоянныхъ и 215,000 временныхъ ремесленниковъ, 250,000 постоянныхъ и 83,000 временныхъ торговцевъ, 150,000 постоянныхъ и 50,000 временныхъ администраторовъ.

Только въ границахъ отдѣльныхъ группъ долженъ дѣйствовать принципъ свободы занятій.

Ортесъ, такимъ образомъ, лишь настолько расходится въ своихъ мечтаніяхъ съ средневѣковымъ складомъ общества, насколько этотъ послѣдній задавался мыслью о регулированіи разнообразнѣйшихъ видовъ промышленной, торговой и, въ меньшей степени, сельско-хозяйственной дѣятельности. Но и въ этомъ отношеніи онъ не выступаетъ открытымъ противникомъ старыхъ порядковъ и сохраняетъ отъ цеховой и гильдейской организаціи одну изъ существеннѣйшихъ ея чертъ—стремленіе установить легальную цѣну товаровъ. Экономическое законодательство Венеціи не разошлось съ нимъ въ этомъ. Необходимѣйшіе для народа продукты: хлѣбъ, сыръ, рыба, продолжали зависѣть въ своей цѣнѣ отъ такихъ цеховыхъ и гильдейскихъ сообществъ, какъ булочники (pictori), владѣльцы 32 сырныхъ лавокъ (formaggicri) и скупщики морской рыбы (arte di compravendi). Государство предоставляло послѣднимъ привилегію оптоваго торга съ цѣлью устранить колебанія въ цѣнахъ на товаръ [3]. Благодаря этимъ монополіямъ, сыръ, стоившій въ

[1]) La geometria applicata all'economia nazionale ed a ogni altra specie di affari pratici è cosa invero utile e necessaria, Lettere all' Michele Ciani, 14 генваря 1786. Economisti classici italiani, томъ 24, стр. 456.

[2]) Томъ XXI, стр. 356. (Economisti classici).

[3]) Quadro sessioni publiche, № 30 и 35, 41 и 48. Засѣданіе 15 авгу-

Пезаро 14 солидовъ, продавался въ Венеціи за 26 и 28, не далѣе, какъ въ 1797 году, когда членомъ временнаго муниципалитета, Дандало, предложено было упраздненіе цеха торговцевъ сыромъ (arte de casaroli)[1]. Вообще принципъ свободы промышленности провозглашенъ будетъ въ Венеціи только со времени торжества демократіи, да и то не въ полномъ размѣрѣ, такъ какъ не хватитъ времени для проведенія общей отмѣны цеховъ. Въ средѣ временнаго муниципалитета сдѣланы будутъ предложенія не только объ упраздненіи монополій булочниковъ, продавцевъ сыра и рыбы, но и о провозглашеніи правъ каждаго покупать и продавать, не подвергаясь обязанности держаться разъ установленныхъ тарифомъ цѣнъ[2].

§ 3.

Упадокъ внѣшней торговли, начало которому положено было открытіемъ морскаго пути въ Индію и американскаго материка, а также переходомъ Константинополя и всего юго-восточнаго побережья Средиземнаго моря въ руки турокъ, заставилъ венеціанскихъ патриціевъ открыть новое поле для своей предпріимчивости и затратить накопленные торговлею капиталы на пріобрѣтеніе земельной собственности. Совершившееся въ томъ же столѣтіи расширеніе венеціанскихъ владѣній на материкѣ, открыло возможность пріобрѣтенія обширныхъ помѣстій во Фріулѣ, Истріи и Далмаціи, Тревизанѣ, Белунезѣ и Кодорѣ, а также и въ болѣе сосѣднихъ къ Венеціи областяхъ, въ Вичентинѣ, Веронезѣ, Падуанѣ и пограничныхъ съ Ломбардіей округахъ Бресчіи, Бергамо и Кремы. Венеціанская Terra Ferma образовалась не сразу, а постепенно, и не путемъ одного завоеванія, но и добровольнаго подчиненія. Прежде другихъ, а именно въ 1337 и 1339 году, Конельяно и Тревизо поступили подъ высокую руку

ста 1797 г., въ которомъ предложена отмѣна гильдіи оптовыхъ скупщиковъ рыбы, стр. 400.

1) Ibid., № 41, стр. 236, смотри также № 44, стр. 370 и 371.

2) Ibid., № 55, засѣданіе 27 августа. Dandalo propone la liberta della vendita senza tariffa abolita l'arte de'Compravendi (стр. 442).

республики Святого Марка, первый по собственной инціативѣ, второй въ силу договора, заключеннаго съ правителями Вероны и Падуи, Альбертомъ и Мастино изъ династіи Скалигеровъ.

Белуно, Винченца, Верона и Падуя съ прилегающими къ нимъ землями сдѣлались венеціанскими провинціями въ 1404 и 1405 году, Фріуль и Фелтре въ 1420, Бресчія, Салò и Бергамо въ 1424, 1426 и 1428, Ровиго въ 1484. Но раньше всѣхъ этихъ владѣній республика пріобрѣла приморскіе города Истріи и Далмаціи, а съ возникновенія Латинской имперіи въ Константинополѣ, кромѣ отпавшихъ со временемъ Мореи, Кипра и Кандіи, Албанію и Іоническіе острова. Все это вмѣстѣ взятое образовало еще въ 1780 г. обширную территорію съ населеніемъ въ 2,700,000 жителей, не считая 140,000, поселенныхъ въ самой Венеціи. Далеко не всѣ вошедшія въ составъ государства области отличались одинаковой населенностью. Terra Ferma одна заключала въ себѣ 2,097,000, но и въ ней Тревизо и Белуно, Фріуль, Фелтре, Салò, Ровиго, Бресчіа и Крема, были менѣе заселены, чѣмъ падуанская, вичентинская или веронская провинціи. Такое же различіе существовало и въ производительности почвы, и въ характерѣ заработковъ. Фріуль, какъ видно изъ отчетовъ венеціанскихъ правителей, вмѣстѣ съ тревизской областью, отличались особымъ плодородіемъ, но въ первомъ много было запустѣвшихъ земель, такъ называемыхъ pustota (очевидно, латинская передѣлка славянскаго термина, равнозначительнаго пустоши). Удержавшаяся здѣсь феодальная система, обиліе общинныхъ земель и чрезполосныхъ владѣній, налагали особый отпечатокъ на мѣстное хозяйство, расширяя скотоводство въ ущербъ земледѣлію [1]). Послѣднее можетъ быть сказано также о Фельтринѣ, въ которомъ обрабатывающая промышленность почти отсутствовала, и о Белунезѣ, странѣ бѣдной и непромышленной [2]).

Иначе сложились землевладѣніе и сельское хозяйство въ Тревизанѣ, а также въ тѣхъ округахъ падуанской области, которые расположены въ окрестностяхъ Эстэ, Монтаньяны и Ко-

---

1) См. реляцію Доменика Михіель отъ 1780 года.
2) Реляція Андреа Джустиніани отъ 1797 года.

лоньи [1]). Здѣсь лежали загородныя дачи и помѣстья венеціанской знати, роскошные парки, сады и плантаціи конопли, которыя въ Винчентинѣ и Веронезѣ смѣнялись посадкою тутовыхъ деревьевъ, виноградниками, нивами, а также пастбищами для разведенія овецъ. Въ Ровиго хлѣбъ, ленъ и конопля составляли главный предметъ сельскаго хозяйства. Климатическія условія дозволяли, правда, разведеніе и тутовыхъ деревьевъ, но частью нерадѣніе жителей, частью запретъ многочисленнымъ здѣсь евреямъ заниматься шелководствомъ, парализовали этотъ выгоднѣйшій промыселъ [2]). Берега озера Гварды съ главнымъ городомъ Салò и Бресчіанская область, мало производили вина, но отличались минеральными богатствами, пастбищами и посадкою льна [3]). Ближайшія къ Милану провинціи Бергамо и Кремы стояли въ радикально противоположныхъ условіяхъ. Гористая по природѣ Бергамская область производила хлѣба въ количествѣ недостаточномъ для удовлетворенія потребностей собственныхъ жителей, но изобиловала пастбищами и тутовыми плантаціями, а также желѣзными копями. Наоборотъ, Крема богата была хлѣбомъ, коноплею, шелкомъ, который по качеству уступалъ только піемонтскому [4]).

Столь же различны были природныя и хозяйственныя условія Истріи, Далмаціи, Албаніи и венеціанскаго Леванта, подъ которымъ въ концѣ XVIII вѣка разумѣлись Іоническіе и нѣкототорые другіе острова Архипелага.

Слабая густота населенія мѣшала успѣшному земледѣлію Истріи, тогда какъ климатъ допускалъ разведеніе винограда и оливковыхъ деревьевъ [5]). О Далмаціи и Албаніи, странахъ гористыхъ, мало плодородныхъ и болѣе удобныхъ для овцеводства, чѣмъ для земледѣлія, но богатыхъ фруктовыми садами,

---

1) Реляція Франческо Кверини отъ 1793 года. Отрывки изъ всѣхъ этихъ реляцій приведены у Романина. Томъ IX, стр. 123, 124 и 126.

2) Смотри реляцію, представленную въ 1790 году Фламиніо Корнеръ; она приведена въ извлеченіи у Романина, томъ IX, стр. 126.

3) Реляція Одоардо Коллальто отъ 1792 г.

4) Смотри реляцію Отавіо Трента отъ 1793 года, также въ извлеченіи у Романина. Ibid., стр. 128.

5) Реляція Марино Бадоэръ отъ 1795 года.

оливковыми деревьями и виноградниками, генеральный провизоръ Франческо Фальеръ писалъ въ 1786 году буквально слѣдующее: «населеніе обнаруживаетъ слабое пристрастіе къ сельскому хозяйству; мануфактуръ не существуетъ; торговля въ полномъ упадкѣ; жители едва способны покрыть своимъ доходомъ издержки существованія» [1].

Что же касается до Іоническихъ острововъ, то эти, по природѣ своей плодородныя страны, способныя производить всѣ продукты южнаго климата, страдали отъ недостатка населенія и инерціи жителей, плохого состоянія дорогъ и весьма несовершенныхъ общественныхъ порядковъ, въ которыхъ родовое возмездіе еще заступало мѣсто правосудія и необходимость защиты отъ пиратовъ и часто повторявшихся турецкихъ высадокъ отвлекала отъ болѣе мирныхъ занятій [2].

Патриціанскія латифундіи съ самаго начала встрѣтили серьезное препятствіе въ существованіи обширныхъ помѣстей дворянъ Terra Ferma и феодальныхъ сеньеровъ Фріуля. Многолѣтніе ливеллы съ занимающими ихъ половниками смѣнили въ Сѣверо-Восточной Италіи еще съ XIV-го столѣтія крѣпостное владѣніе колоновъ-крестьянъ; ими положено было начало тому порядку долгосрочной аренды, которая въ такой же степени была выгодна для крестьянства, какъ и убыточна для сельскаго хозяйства.

Система земельныхъ держаній приближалась къ тому типу, который извѣстенъ былъ въ южной Франціи подъ наименованіемъ шампаръ и признанъ Кенэ и физіократами главнымъ препятствіемъ къ болѣе интензивной культурѣ и къ сельско-хозяйственнымъ улучшеніямъ.

Въ большинствѣ случаевъ лишенные капитала крестьяне изъ года въ годъ обработывали свои земли на началахъ издавна установленнаго трехполія, не рѣшаясь перейти ни къ посадкѣ кормовыхъ растеній, ни къ разведенію искусственныхъ луговъ. Треть, рѣдко гдѣ половина, валового дохода поступала въ пользу собственника, и требовались особыя условія для предваритель-

---

[1] Реляція эта издана Чигони.

[2] Смотри Романинъ, томъ IX, стр. 136—138.

наго вычета изъ дѣлимой суммы сѣмянъ для посѣва. Сборъ винограда и оливокъ обыкновенно дѣлился пополамъ, но крестьянинъ получалъ взамѣнъ даровое пользованіе пустошью и выгономъ, а кое-гдѣ и лѣсомъ для топлива [1]) Во Фріулѣ, бывшемъ до 1420 года феодальнымъ владѣніемъ патріарха аквилейскаго, уцѣлѣли еще къ эпохѣ французской революціи и отчасти до нашихъ дней тѣ разнообразные виды ленныхъ держаній, которые извѣстны были нѣкогда всему западу, но вымерли не только въ Англіи, но и во Франціи въ XVII и XVIII вѣкахъ. Мы встрѣчаемся здѣсь и съ той формой земельнаго пожалованія, которая служила наслѣдственнымъ вознагражденіемъ за воинскую службу и извѣстна подъ наименованіемъ «ариманіи», и ту, источникомъ которой являются всякаго рода личныя услуги, въ родѣ доставки писемъ, исполненія обязанностей лѣсной стражи и т. п. Это такъ называемый «feudum ministerii». Рядомъ съ ними большинство земель сосредоточено было въ рукахъ крестьянства на общихъ началахъ крѣпостного права, обложенное барщиной и платежами въ пользу помѣщиковъ. Это такъ называемые цензуальные феоды, платившіе чиншъ и особый выкупъ, именуемый, laudemium. Его взносомъ пріобрѣталось право отчужденія участка въ чужія руки и выхода изъ личной зависимости [2]). За земельными собственниками признавалось также другое преимущество, однохарактерное съ тѣмъ, какимъ они пользовались на всемъ протяженіи феодальной Европы, а именно право сеньеріальнаго выкупа, которое ограничено было однако общей земской давностью; послѣдняя же по венеціанскому статуту была 30-тилѣтняя [3]).

Это обстоятельство позволяло крупнымъ собственникамъ округлять свои владѣнія, упраздняя тѣ чрезполосности, которыя, какъ послѣдствіе общиннаго владѣнія землею, обратили на себя вниманіе экономистовъ только съ того момента, когда воз-

---

[1]) Подробности объ этомъ можно найти у Gloria, Agricultura nel Padovano.

[2]) Смотри Acceni intorno ai feudi del Friule. I feudi in Friule; indirizzo della congregazione provinciale di Udine al commissario del Re., стр. 60.

[3]) Statuto patrio del Friule; del retratto, in quali contratti e casi abbia luogo, cap. XCI.

никла мысль о болѣе интензивной культурѣ и упраздненіи мірской собственности.

Мы не станемъ вдаваться въ дальнѣйшія подробности о характерѣ имущественныхъ отношеній въ другихъ частяхъ венеціанской территоріи, въ которыхъ, какъ, напримѣръ, въ Далмаціи и Албаніи, земледѣліе стояло на заднемъ планѣ. Эти провинціи скорѣе служили факторіями для венеціанскихъ купцовъ, нежели средоточіемъ патриціанскихъ помѣстій. Іоническіе острова въ свою очередь были слишкомъ отдалены отъ метрополіи и слишкомъ безлюдны, чтобы сдѣлаться благодарной почвою для обширныхъ сельско-хозяйственныхъ эксплоатацій. Зантэ, какъ мы видѣли, начинала съ каждымъ годомъ играть все большую и большую роль въ промышленной дѣятельности, благодаря обширнымъ затратамъ сеньеріи. Но число плантацій было все же ограничено и большинство ихъ не состояло въ рукахъ дворянъ метрополіи.

Такимъ образомъ, Terra Ferma и Фріуль однѣ должны быть приняты въ разсчетъ при изученіи судебъ патриціанскаго землевладѣнія.

Того немногаго, что было сказано нами объ ихъ хозяйственныхъ и юридическихъ порядкахъ, достаточно для признанія, что пріобрѣтеніе латифундій встрѣчало здѣсь серьезное препятствіе, какъ въ издавна установившейся системѣ долгосрочныхъ, или наслѣдственныхъ и всегда релулируемыхъ обычаемъ арендъ колоновъ или массаріевъ, такъ и въ экстензивномъ пользованіи почвой, связаннымъ съ господствомъ трехъ-польной системы и обиліемъ пустопорожнихъ земель, служившихъ выгономъ для стадъ. Эта послѣдняя черта особенно рѣзко выступала во Фріулѣ и Фельтринѣ, съ которыхъ и началась агитація экономистовъ въ пользу болѣе раціональнаго хозяйства.

Инициаторомъ въ этомъ дѣлѣ явился уже упомянутый нами Занонъ. Въ трехъ письмахъ о пользѣ земледѣлія онъ подвергъ серьезной критикѣ существовавшія на его родинѣ условія землевладѣнія и сельскаго хозяйства, поднимая кличъ въ пользу крестьянской собственности, общинныхъ раздѣловъ и огораживаній, осушенія и ассенизаціи почвы и сокращенія скотоводства въ пользу земледѣлія. «Наши крестьяне свободны, во-

склицалъ онъ, но ихъ положеніе не лучше того, какимъ пользовались рабы у римлянъ; ибо они не владѣютъ въ собственность ни малѣйшимъ участкомъ обрабатываемой ими почвы. Отсюда происходитъ, что при ея утилизаціи они обнаруживаютъ слабое прилежаніе, затрачивая на землю лишь столько труда, сколько нужно, чтобы урожаемъ оплатить ренту собственнику и покрыть издержки собственнаго полунищенскаго существованія. Ихъ удерживаетъ отъ улучшеній страхъ тѣхъ надбавокъ, какія собственники дѣлаютъ къ прежней арендѣ въ случаѣ увеличившейся выручки» [1]).

На земледѣліе, продолжаетъ Занонъ, не хотятъ смотрѣть, какъ на искусство, имѣющее свои правила, основанныя на опытѣ, и различныя смотря по качеству почвы и климату. Невѣжественный землевладѣлецъ поручаетъ заботу о своихъ поляхъ столь же невѣжественному земледѣльцу, а послѣдній слѣпо придерживается традиціи своего невѣжественнаго отца и дѣда [2]).

Образцомъ сельско-хозяйственныхъ улучшеній служитъ для нашего автора, какъ и для французскихъ физіократовъ, Англія. Она первая постигла ту истину, что земледѣліе главный источникъ богатства для націи [3]). Однимъ изъ препятствій къ успѣшному занятію сельскимъ хозяйствомъ служитъ регулированіе цѣнъ правительствомъ. Видя, что продукты земель по этой причинѣ едва оплачиваютъ трудъ ихъ обработки, земледѣльцы покидаютъ поля и ищутъ другихъ занятій. Свобода же каждому продавать по цѣнѣ, условленной съ покупателемъ, другими словами, по наивысшей изъ возможныхъ цѣнъ, можетъ только содѣйствовать подъему земледѣлія. Другимъ средствомъ было бы упраздненіе общинныхъ земель и свобода огораживаній. Девять мѣсяцевъ въ году эти земли вытравляются скотомъ, который не даетъ расти травѣ. Въ нашей провинціи особенно чувствительны всѣ неудобства мірского владѣнія, не говоря уже о порождаемыхъ имъ распряхъ и междоусобіяхъ. Можно было бы доказать, что самимъ крестьянамъ оно приноситъ больше вреда, чѣмъ пользы. Только

---

[1]) Economisti classici italiani, parte moderna, томъ XVIII.
[2]) Ibid., стр. 20 и 21.
[3]) Ibid., стр. 30.

при раздѣлѣ возможно будетъ заведеніе тѣхъ искусственныхъ луговъ, которые въ Кадорѣ, Каринтіи и Тиролѣ уже принесли столько выгодъ. Недаромъ же англійскій парламентъ считаетъ нужнымъ дозволять огораживаніе всѣмъ, кто ходатайствуетъ о подобной свободѣ [1]).

Занонъ расходится съ экономическими воззрѣніями среднихъ вѣковъ и въ вопросѣ о томъ, слѣдуетъ ли запрещать скупку хлѣба. Онъ думаетъ, что такая практика, на которую народъ смотритъ съ подозрѣніемъ и ненавистью, можетъ принесть свою пользу: она устраняетъ до нѣкоторой степени колебаніе цѣнъ и обезпечиваетъ образованіе запасовъ на случай неурожая и голода [2]).

Занонъ сторонникъ открытія земледѣльческихъ академій, которыя бы выдачей премій за лучшія сочиненія по сельскому хозяйству могли содѣйствовать его прогрессу [3]). Повторяя сказанное раньше его аббатомъ Дженовези и членами академіи георгофиловъ во Флоренціи, Занонъ сокрушается о томъ, что дворяне слишкомъ свыклись съ городскимъ образомъ жизни и не живутъ среди полей, показывая примѣръ раціональнаго хозяйства сосѣднимъ крестьянамъ. Онъ не прочь сдѣлать тотъ же упрекъ лицамъ духовнаго званія, призываетъ и ихъ къ пріобрѣтенію агрономическихъ свѣдѣній и доказываетъ, что занятіе сельскимъ хозяйствомъ ни мало не противорѣчитъ слову Божію и характеру ихъ служенія [4]).

Занонъ далеко не стоитъ особнякомъ въ средѣ прочихъ итальянскихъ экономистовъ; высказанныя имъ мысли на разные лады повторяются и Васко, и Верри, не говоря уже о болѣе раннихъ писателяхъ, между прочимъ о Дженовези. Отвѣчая на вопросъ, поставленный въ 1767 году петербургскимъ Вольно-Экономическимъ Обществомъ: «полезнѣе ли владѣніе крестьянъ землею или сосредоточеніе въ ихъ рукахъ одной движимой собственности и какъ далеко въ этомъ послѣднемъ случаѣ должны простираться права крестьянъ на землю?». Васко высказывается въ пользу

---

1) Ibid , стр. 52, 53 и 55.

2) Ibid., стр. 62.

3) Tratato dell'utilità morale, economica e politica delle Accademie di agricultura, arti e commercio, томъ XIX, стр. 143.

4) Ibid., стр. 193 и 197.

крестьянской собственности. Общее благосостоянiе, пишетъ онъ, болѣе равномѣрно распредѣлено тамъ, гдѣ крестьяне владѣютъ недвижимостью [1]). Онъ не вѣритъ, однако, въ необходимость того, чтобы всѣ крестьяне были собственниками или владѣли на столько значительными участками, чтобы не нуждаться въ постороннемъ заработкѣ; иначе пришли бы въ упадокъ земли тѣхъ, кто не можетъ обойтись безъ вольно-наемнаго труда, и пала бы надежда на болѣе интензивную культуру [2]). Слишкомъ мелкая собственность не выгодна, такъ какъ для ея обработки требуется содержанiе той же пары быковъ, которой хватило бы и для участка средней величины. Законодатель долженъ ввести поэтому ограниченiе свободы раздѣловъ, какъ въ случаѣ наслѣдованiя, такъ и въ силу договоровъ. Необходимо, опредѣлить—далѣе чего не пойдетъ дробленiе и избрать этой предѣльной величиною участокъ земли, требующiй для своей утилизацiи труда одного взрослаго мужчины [3]). Васко желалъ бы также установить границу накопленiю земель въ однѣхъ и тѣхъ же рукахъ. Онъ думаетъ, что женатому человѣку законъ не долженъ дозволить прiобрѣтенiя болѣе восьми манзовъ, т. е. пространства, обрабатываемаго ежегодно болѣе чѣмъ восемью рабочими. Холостые должны довольствоваться половиной этого количества [4]). Скажутъ, что такiя мѣры грозятъ потерею дворянства и дворянскаго землевладѣнiя; но, отвѣчаетъ Васко, который въ данномъ случаѣ не нашелъ бы поддержки въ венецiанскихъ экономистахъ, ничто не убѣждаетъ меня въ пользѣ для государства этихъ роскошествующихъ семей. Само дворянство не болѣе, какъ продуктъ болѣзненнаго воображенiя (una pura stravaganza dell'opinione degli huomini), а польза, имъ приносимая государству, чисто фантастическая [5]). Чтобы сохранить равномѣрное

---

[1]) Economisti classici italiani, parte moderna, т. XXXIV. La felicità publica considerata nei coltivatori di terre proprie di Giambattista Vasco, torinese гл. VI, стр. 60. La totale felicità di una nazione è piu egualmente distribuita fra membri dove il contadino possiede terreni.

[2]) Ibid., стр. 69.

[3]) Ibid., стр. 74.

[4]) Ibid., стр. 81.

[5]) Ibid., стр. 86.

распредѣленіе собственности Васко рекомендуетъ такія мѣры, какъ запрещеніе холостякамъ пріобрѣтать новыя земли, если размѣръ ихъ владѣнія уже достигъ указанной нормы, освобожденіе отъ части налоговъ тѣхъ, кто, невладѣя землею, впервые пріобрѣлъ участокъ ея, предпочтеніе, оказываемое при продажѣ съ торговъ лицамъ безземельнымъ, и тому подобное [1]).

И Верри въ своихъ «Размышленіяхъ о политической экономіи» ратуетъ противъ излишествъ неравенства, но онъ въ то же время не желаетъ, чтобы законы препятствовали округленію помѣстій въ интересахъ болѣе хозяйственной ихъ эксплоатаціи или раздѣлу земель между наслѣдниками. Къ этому можно стремиться только косвенныхъ путемъ. Всякое же прямое средство заключало бы въ себѣ посягательство на принципъ собственности [2]).

Беккарія въ своихъ «Элементахъ публичной экономіи» также протестуетъ противъ монополизаціи земельной собственности въ немногихъ рукахъ, не требуя въ то же время законодательныхъ мѣръ противъ скупщиковъ и отрицая въ корнѣ возможность равенства состояній [3]).

Переходя отъ этихъ сѣверо-италійскихъ экономистовъ къ неаполитанскимъ, которымъ особенно были знакомы всѣ неудобства крупнаго землевладѣнія и плохо утилизированной собственности, мы уже въ сочиненіяхъ аббата Дженовези встрѣчаемъ рѣшительный протестъ противъ латифундій. Грубая неравномѣрность въ распредѣленіи земель, значится въ его «Лекціяхъ о гражданской экономіи», одно изъ препятствій къ увеличенію населенія; большинство народа или лишается всякой собственности, или владѣетъ ею въ количествѣ недостаточномъ. Но абсолютное равенство—бредъ, и все, чего можно желать, это, чтобы не было чрезмѣрной непропорціональности [4]).

Проповѣдь въ пользу средняго размѣра собственности выгоднымъ образомъ отличаетъ итальянскихъ экономистовъ отъ французскихъ физіократовъ, которые въ лицѣ Кенэ высказывались

---

1) Ibid., стр. 106.

2) Economisti classici italiani, томъ XV, стр. 61—65.

3) Economisti classici italiani, томъ XI, стр. 131.

4) Economisti classici italiani, томъ VII, Lezioni di economia civile стр. 149 и 150.

въ пользу возможно широкихъ сельско-хозяйственныхъ эксплоатацій, заставляя даже «Друга людей», Мирабо Старшаго, отказаться въ интересахъ цѣльности доктрины отъ своего пристрастія къ крестьянамъ-собственникамъ.

Изъ того же желанія избѣжать чрезмѣрнаго неравенства и установить болѣе хозяйственную обработку почвы вытекла въ Италіи, не въ примѣръ Англіи агитація въ пользу раздѣла общинныхъ земель. Въ Англіи стремленіе къ огораживанію и упраздненію открытыхъ полей имѣло источникомъ желаніе крупныхъ собственниковъ перейти отъ земледѣлія къ болѣе выгодному для нихъ скотоводству и отъ вѣчно-наслѣдственной аренды къ краткосрочному фермерству [1]); въ Италіи же и въ частности въ Неаполѣ, Фріулѣ и Ломбардіи, оно обусловливалось обратнымъ стремленіемъ: перейти отъ нехозяйственной утилизаціи вытравляемыхъ скотомъ и овцою мірскихъ земель и пустошей къ земледѣльческой ихъ обработкѣ.

Въ числѣ причинъ, пишетъ Пальміери, препятствующихъ успѣхамъ земледѣлія, одну изъ важнѣйшихъ, представляетъ отсутствіе или злоупотребленіе собственностью. Одна только собственность можетъ сообщить земледѣлію жизненную силу, необходимую для его энергіи. Земледѣліе чуждается тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ частная собственность неизвѣстна. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда ему временно приходится примириться съ отсутствіемъ индивидуальнаго владѣнія, это послѣднее обстоятельство сказывается въ его относительной вялости и непродуктивности. Таковы именно условія, въ какихъ мы застаемъ его на общинныхъ земляхъ, на такъ называемыхъ Demani Апуліи. Поздно мы хватились за эту истину которая уже давно сознана и утилизирована другими націями (намекъ на англичанъ и французовъ).

Теперь признано, что эти земли должны быть раздѣлены въ частную собственность. Пора положить конецъ старому варварскому обычаю, сохраненному и защищаемому во вредъ и къ

---

1) Смотри мой «Общественный строй въ Англіи въ XV-мъ вѣкѣ» и статью «Поворотный моментъ въ исторіи англійскаго землевладѣнія», отпечатанную мною въ Историческомъ обозрѣніи профессора Карѣева, томъ III.

позору нации. Только невозможность согласить мнѣнія по вопросу о томъ, какъ долженъ быть произведенъ этотъ раздѣлъ, мѣшаетъ доселѣ его осуществленію. Пальміери протестуетъ противъ дальнѣйшихъ проволочекъ. Послѣдуйте любому методу, говоритъ онъ, но только поскорѣе осуществите раздѣлъ. Да здравствуетъ частная собственность на протяженіи общинныхъ земель, кому бы она ни принадлежала; достаточно того, чтобы надѣленный имѣлъ желаніе и возможность воздѣлывать почву. Вотъ единственный принципъ, который долженъ руководить ея распредѣленіемъ. Въ защиту общинныхъ земель ссылаются на мнимыя выгоды, какія извлекаютъ изъ нихъ неимущіе; но я думаю, говоритъ Пальміери, что тѣ, кому мы обязаны будемъ улучшеніемъ почвы, прежде всего заслуживаютъ любовь и уваженіе общества. Къ тому же опытъ доказалъ, что деревенскія угодья выгодны только для богатыхъ, которые и противились ихъ раздѣлу всяческими средствами. Тѣ же заботы о бѣдныхъ вызвали мысль о раздѣлѣ угодій на мелкіе участки, поступающіе въ пользу неимущихъ, но давать землю тѣмъ, кто ищетъ хлѣба, то же, что предлагать взамѣнъ его камень. Почва даетъ, правда, хлѣбъ, но чтобы произвести его, необходимы средства для покрытія первыхъ издержекъ обработки, а также тѣхъ, какихъ требуетъ она ежегодно, не говоря уже объ издержкахъ на содержаніе собственника до момента урожая; а если такъ, то надѣленіе бѣднаго землею только въ томъ случаѣ цѣлесообразно, если связано съ надѣленіемъ его деньгами (капиталомъ): иначе оно не принесетъ ничего, кромѣ вреда, какъ ему лично, такъ и всей націи. Не только не послѣдуетъ никакого улучшенія въ его участи и въ производительности данныхъ ему земель, но, наоборотъ, замѣтно будетъ ухудшеніе. Какъ бы ни былъ рѣшенъ вопросъ о раздѣлахъ, бѣдный всегда найдетъ въ нихъ свою выгоду. Если землею надѣлены будутъ только богатые или вѣрнѣе способные подвергнуть ее утилизаціи, сразу возрастетъ запросъ на трудъ, а поэтому и его вознагражденіе. Всѣ затраты, дѣлаемыя богатыми на обработку, поступаютъ въ руки бѣдныхъ. Послѣднихъ, впрочемъ, никто не предлагаетъ устранить отъ полученія надѣловъ. Вообще забота о выгодахъ бѣдныхъ и богатыхъ имѣетъ то неудобство, что изъ-за нея

теряется изъ виду забота объ общественномъ благѣ, которая одна должна руководить раздѣлами; почему землю и слѣдовало бы давать только тѣмъ, кто можетъ и хочетъ ее обрабатывать.

Пальміери полагаетъ, что разверстка общинныхъ земель можетъ служить источникомъ образованія мелкой собственности. При равныхъ условіяхъ, безземельнымъ, говоритъ онъ, надо отдавать предпочтеніе, но онъ въ то же время протестуетъ противъ мысли, что собственность одна можетъ быть средствомъ противъ бѣдности. Владѣть землею вовсе не составляетъ необходимости, пишетъ онъ; смотря потому, кто будетъ надѣленъ ею, собственность можетъ сдѣлаться столько же вредной, сколько и полезной. Повторяя мысль, уже высказанную Тюрго [1], Пальміери замѣчаетъ: «желаніе, чтобы всѣ были собственниками, столь же неосновательно, какъ и требованіе, чтобы всѣ рабочіе были предпринимателями. Найди оно удовлетвореніе, земледѣліе и промышленность исчезли бы сами собой; послѣдовалъ бы вне запный поворотъ къ тому состоянію, въ какомъ они находились въ эпоху своего зарожденія. Хотите вы улучшить положеніе крестьянъ, дайте собственникамъ средства къ лучшей обработкѣ» [2]).

Трудно не видѣть въ этихъ послѣднихъ словахъ прямого отраженія физіократической доктрины, по которой собственники являются только распредѣлителями цѣнностей, и чистый продуктъ земель, т. е. избытокъ полученій надъ затратами, является фондомъ для заработной платы.

Пальміери не требуетъ, впрочемъ, раздѣла всѣхъ вообще деревенскихъ угодій. Не всякая земля, пишетъ онъ, должна быть подвергнута обработкѣ, надо сохранить пастбища и лѣса, доставляющіе желудь, топливо и строительный матеріалъ. Въ Апуліи полезно было бы сдѣлать то же со степью и лугами, доставляющими траву, нужную для тонкоруннаго овцеводства, а въ Калабріи и Абруццахъ нѣкоторыя лѣсныя насажденія, обезпечивающія доходъ болѣе значительный, чѣмъ пахоти [3]).

---

[1]) См. Происхожденіе современной демократіи, т. I, общественныя доктрины.

[2]) Смотри Della ricchezza nazionale di Ginseppe Palmieri. Economisti italiani, parte moderna, томъ 38, стр. 175 по 180.

[3]) Смотри Riflessione sulla publica felicita relativamente all regno di

Верри высказывается еще категоричнѣе противъ сохраненія всякаго рода коллективной собственности. Пока, пишетъ онъ, въ государствѣ будутъ существовать земли невоздѣланныя, общинныя имущества (fondi comunali), пастбища, годныя къ обработкѣ и способныя обезпечить пропитаніе бо́льшему числу людей при обращеніи ихъ въ пахоть, многое еще можетъ быть сдѣлано въ интересахъ земледѣлія. Чтобы оно достигло кульминаціоннаго пункта, необходимы исчезновеніе пустырей, обработка рукою человѣка общинныхъ угодій и ограниченіе числа пастбищъ и луговъ площадью, нужною для содержанія рабочаго скота и того, который поступаетъ въ пищу; даже овцеводство кажется Верри доказательствомъ дурного состоянія земледѣлія. Стада, содержимыя на пастбищахъ для того, чтобы доставлять сырой продуктъ для мануфактуръ, пишетъ онъ, препятствуютъ густотѣ населенія; чѣмъ значительнѣе ихъ число, тѣмъ меньше жителей въ государствѣ [1]).

Но никто не высказывается такъ рѣшительно противъ всякихъ формъ коллективной собственности, какъ авторъ знаменитаго въ свое время трактата «Наука законовѣдѣнія» (La scienza della legislazione). Филанджіери самъ объявляетъ себя ученикомъ Монтескье, но его можно также назвать послѣдователемъ всей вообще французской школы, не различая физіократовъ отъ энциклопедистовъ. И для него, какъ для Кенэ, положеніе земледѣлія является главнымъ указателемъ населенности и благосостоянія отдѣльныхъ странъ. Ему, какъ и Верри, существованіе ненужныхъ лѣсовъ, пустошей и жалкихъ пастбищъ съ дико растущей травою служитъ доказательствомъ и нищенскаго земледѣлія, и малочисленности жителей. За исключеніемъ нѣкоторыхъ мелкихъ государствъ Италіи (намекъ на Тоскану), всѣ страны Европы кажутся ему не вышедшими изъ этого состоянія. Обиліе пустопорожнихъ или плохо воздѣланныхъ земель является въ его глазахъ причиною низкаго уровня заработной

Napoli di Giuseppe Palmieri napoletano. Ibid., parte moderna, томъ 37, стр. 113.

[1]) Meditazioni sulla economia politica di Pietro Verri milanese con annotazioni di Jian-Rinaldo Carli. Economisti italiani, parte moderna, томъ XV, стр. 232 и 233.

платы, которая, даже въ страдную пору, рѣдко превышаетъ въ Неаполитанскомъ королевствѣ двадцать су въ день; такъ какъ въ теченіе трети года не представляется работы, то можно сказать, что цѣлая семья поставлена въ необходимость жить на десять или двѣнадцать су. Чѣмъ болѣе мы удаляемся отъ городовъ, центровъ промышленности и торговли, тѣмъ бѣдственнѣй рисуется намъ положеніе лицъ, принужденныхъ добывать пропитаніе работой. Въ чемъ, какъ не въ условіяхъ земледѣлія лежитъ источникъ этой нищеты? Крупныя помѣстья отвѣтственны въ этомъ. Нѣтъ лучшаго стимула для предпріимчивости, какъ собственность; латифундіи вызываютъ обезземеленіе большинства. Но они вредятъ земледѣлію еще тѣмъ, что препятствуютъ быстрому росту населенія, удерживая въ дикомъ видѣ, внѣ хозяйственной утилизаціи, часть принадлежащихъ ихъ владѣльцамъ земель. Если допустить, что сокращеніе посѣва всего на два модія въ годъ лишаетъ государство возможности содержать цѣлую семью, то какое обезлюденіе должны произвесть всѣ тѣ необъятные лѣса, которые служатъ почти исключительно для охоты большихъ баръ?

Въ числѣ препятствій къ размноженію населенія и усовершенствованію земледѣлія далеко не послѣднюю роль играетъ и существованіе общинныхъ угодій, такъ называемыхъ fondi demaniali. Принадлежа всѣмъ, пишетъ Филанджіери, они не принадлежатъ никому. Всюду, гдѣ удержались еще пастушескія наклонности (spirito di pastura), которыя проглядываютъ въ нашихъ варварскихъ законахъ, эти общинныя угодья продолжаютъ держаться, несмотря на очевидность того вреда, какой причиняется ими, вреда, сказывающагося прежде всего въ сокращеніи числа собственниковъ. Еще большій убытокъ причиняетъ право свободнаго выпаса. «Во многихъ государствахъ Европы, пишетъ Филанджіери, мы встрѣчаемъ законы, которые, повидимому, не имѣютъ другой цѣли, кромѣ вреда земледѣлію. Во главѣ ихъ я поставлю тотъ, который препятствуетъ собственникамъ огораживать ихъ земли: и разумъ и опытъ доказали, что загороди содѣйствуютъ обилію урожаевъ, усиливаютъ и ускоряютъ воспроизводство. Въ Англіи доходъ огороженныхъ участковъ на одну четверть больше дохода, доставляемаго неогороженными. Доста-

точно побывать на земляхъ, лежащихъ открытымъ полемъ, чтобы убѣдиться, насколько запретъ огораживаній парализуетъ энергію воздѣлывателей. Ежегодно они теряютъ половину выручки, благодаря потравамъ. Нѣтъ возможности воспротивиться или предупредить причиняемый послѣдними убытокъ; а сколько вреда почвѣ приноситъ проѣздъ по полямъ. Желая избѣжать дурныхъ дорогъ, подводы сворачиваютъ на сосѣднія пахоти, не щадя посѣвовъ. При отсутствіи загородей нѣтъ возможности уберечься также отъ полевыхъ воровъ, словно поставленныхъ подъ защиту закона. Однажды, прибавляетъ Филанджіери, мнѣ пришлось бесѣдовать съ разумнымъ поселяниномъ о его хозяйствѣ. Почему не садите вы, спросилъ я, тутовыхъ деревьевъ, столь доходныхъ въ виду развивающагося шелководства? Вздохнувши, онъ отвѣтилъ мнѣ: «я хорошо сознаю ту выгоду, какую принесла бы подобная посадка, но что же дѣлать, если законъ препятствуетъ ей. Правда, ничто не мѣшаетъ мнѣ развести на моемъ участкѣ, что мнѣ вздумается, но въ то же время законъ запрещаетъ мнѣ оградить мою землю стѣною; знайте же, что десяти козловъ, случайно забравшихся въ поле, достаточно для истребленія пятидесяти отводковъ; если бы даже я имѣлъ право воспрепятствовать пастьбѣ скота на моемъ участкѣ, на что законъ уполномочиваетъ меня только извѣстное число мѣсяцевъ въ году, все же мнѣ было бы невозможно услѣдить за потравами. Было бы безуміемъ поэтому производить затраты на усовершенствованія, когда сами законы обрекли сельское хозяйство на прозябаніе. Пусть дозволятъ мнѣ ту же свободу распоряжаться моимъ полемъ, какую я имѣю по отношенію къ моему двору, и вы увидите на немъ на разстояніи немногихъ мѣсяцевъ отводки тутовыхъ и оливковыхъ деревьевъ, вообще всего, что способна взрастить почва». Меня поразилъ этотъ простой отвѣтъ, прибавляетъ отъ себя Филанджіери; онъ раскрылъ мнѣ глаза на препятствія, какія законъ кладетъ успѣхамъ земледѣлія, и на тотъ ударъ, какой наносится имъ священнымъ правамъ собственности. Мнѣ непонятно, какъ могли законодатели оказать имъ такъ мало уваженія. Законъ, запрещающій загороди, кажется мнѣ несправедливостью, посягательствомъ на неотчуждаемыя права собственности.

Ближайшія строки заслуживаютъ особеннаго вниманія. Онѣ рисуютъ намъ Филанджіери не только сторонникомъ теоріи естественныхъ и неотчуждаемыхъ правъ, во главѣ ихъ права собственности, но и однимъ изъ первыхъ по времени противниковъ того, что въ наши дни привыкли обозначать терминомъ католическаго соціализма. Не надо, пишетъ онъ, смѣшивать порядковъ, призванныхъ управлять сообществомъ монаховъ, съ законами, ставящими себѣ цѣлью руководить гражданскимъ общежитіемъ. Въ монастырѣ все принадлежитъ всѣмъ, и ничто не принадлежитъ никому въ отдѣльности; самъ онъ представляетъ единое цѣлое, одну личность, будь въ немъ 20, 30, 40, 1000 или 10000 человѣкъ. Далеко не то же можетъ быть сказано о гражданскомъ обществѣ, въ которомъ каждый является самостоятельной личностью, держитъ въ своихъ рукахъ отдѣльную собственность, часть общаго богатства, надъ которой онъ одинъ повелѣваетъ, которой онъ можетъ пользоваться и даже злоупотреблять по своему усмотрѣнію. Если бы общественное благо потребовало, чтобы имуществу дано было извѣстное назначеніе, законодатель не вправѣ принудить къ тому собственника. Онъ долженъ прибѣгнуть къ косвеннымъ средствамъ, устроить такъ, чтобы сами интересы побудили собственника къ такому распоряженію имуществомъ, какое входило бы въ виды законодателя.

Едва ли кто изъ итальянскихъ писателей XVIII вѣка высказалъ болѣе категорично теорію неограниченной свободы собственности и позволилъ себѣ такое злоупотребленіе терминами римской юриспруденціи, придавая выраженію usare et abusare тотъ смыслъ, какого не связывали съ нимъ впервые провозгласившіе его юристы. Историческое происхожденіе собственности, господство нѣкогда коллективныхъ формъ владѣнія и пользованія, совершенно неизвѣстны Филанджіери, какъ неизвѣстны ему и тѣ ограниченія, какія Локкъ ставитъ индивидуальному присвоенію, требуя, чтобы оно не шло во вредъ ближнимъ и оставляло въ ихъ распоряженіи нужное количество равнокачественныхъ предметовъ. Филанджіери такъ же абсолютенъ въ своемъ признаніи за собственникомъ неограниченной свободы самоопредѣленія, какъ и физіократы и вся пошедшая отъ нихъ буржуазная экономическая доктрина съ Тьеромъ и Бастіа во главѣ.

Отправляясь отъ принципа ничѣмъ нестѣсняемой свободы и священной по природѣ собственности (sacrosanta proprieta), Филанджіери требуетъ раздѣла общинныхъ владѣній. Такой раздѣлъ, утверждаетъ онъ, на одну треть увеличилъ бы массу ежегодно производимыхъ цѣнностей.

Страхъ повредить интересамъ бѣднѣйшихъ гражданъ мѣшаетъ, по его мнѣнію, производству этого раздѣла; ему же надо приписать во многихъ мѣстахъ запрещеніе огораживаній. Не хотятъ понять, что расцвѣтъ земледѣлія, какимъ будетъ сопровождаться такая мѣра, пойдетъ прежде всего на пользу неимущихъ. «Бѣдное человѣчество, варварство, невѣжество, предразсудки, сама даже жалость къ ближнимъ, все конспирируетъ въ пользу сохраненія твоего нищенскаго состоянія». Такъ заканчиваетъ Филанджіери свою филиппику противъ уцѣлѣвшихъ слѣдовъ архаическаго комунизма, которыми еще богата была Италія въ концѣ прошлаго столѣтія. Его горячая проповѣдь сошлась съ болѣе холодной разсудочной аргументаціей другихъ экономистовъ. И такъ какъ новая теорія вполнѣ отвѣчала запросу средняго сословія на землю и проявившемуся въ общественномъ мнѣніи стремленію къ болѣе интензивному земледѣлію, къ перемѣщенію части капиталовъ изъ торговли и промышленности въ сельское хозяйство, то неудивительно, если призывъ ихъ былъ услышанъ не только законодателями, но и членами тѣхъ сельскихъ сообществъ, которыя непосредственно были заинтересованы въ ближайшей судьбѣ мірскаго владѣнія.

Вліяніе экономистовъ сказалось, впрочемъ, не сразу; прошли цѣлыя десятилѣтія, прежде чѣмъ правительства Италіи рѣшились послѣдовать ихъ совѣту. Этотъ результатъ былъ достигнутъ не безъ иноземнаго вмѣшательства. Политическія судьбы Италіи въ эпоху ея насильственнаго сближенія съ Франціей имѣли въ числѣ другихъ послѣдствій и законодательное признаніе физіократическаго ученія о вредѣ, наносимомъ сельскому хозяйству коллективной собственностью. 23-го февраля 1792 г. въ правленіе Фердинанда IV Бурбонскаго, рѣшенъ былъ только въ принципѣ вопросъ о раздѣлѣ общинныхъ земель. Въ обнародованномъ имъ законѣ значилось, что такъ называемыя demani, какъ общее правило, должны поступить въ надѣлъ неимущимъ.

Сочиненіе Филанджіери отпечатано было въ Венеціи и, насколько можно судить по содержанію памфлетной литературы 90-хъ годовъ, оказало не малое вліяніе на ходъ развитія общественной мысли. Его доводы въ пользу необходимости общинныхъ раздѣловъ воспроизведены были между прочимъ въ брошюрѣ, изданной при покровительствѣ земледѣльческаго общества въ Удинѣ и рекомендовавшей разверстку мірскихъ земель во Фріулѣ [1]).

Увеличившійся запросъ на землю со стороны не одной венеціанской знати, но и купечества, встрѣтилъ серьезное препятствіе въ раздѣляемомъ многими предразсудкѣ, что среднему сословію долженъ быть закрытъ доступъ къ другимъ занятіямъ, кромѣ торговли и промысловъ. Авторъ уже цитированной нами брошюры о причинахъ величія и паденія коммерческихъ предпріятій въ Венеціи считаетъ даже началомъ рѣшительнаго упадка своей родины тотъ моментъ, когда капиталисты, и въ числѣ ихъ древнѣйшіе роды, рѣшились вложить свободные капиталы въ землю и озаботились пріобрѣтеніемъ недвижимыхъ имуществъ въ Terra Ferma. Занону въ свою очередь приходится сражаться съ тѣмъ предубѣжденіемъ, которое мѣшаетъ купцамъ помѣщать свои сбереженія въ землю, и доказывать, что пріобрѣтаемыя ими помѣстья не только принесутъ выгоду земледѣлію, но и сдѣлаются серьезной гарантіей прочности затѣваемыхъ ими промышленныхъ и торговыхъ предпріятій. Предубѣжденіе было тѣмъ не менѣе такъ сильно, что въ извѣстной своей рѣчи Тронъ указывалъ, какъ на общественное бѣдствіе, на отвлеченіе капиталовъ отъ торговли и затрату ихъ на покупку недвижимостей. Въ этомъ отношеніи Венеція не расходилась съ прочей Европой и въ частности съ Франціей, въ которой, какъ мы видѣли, почти наканунѣ революціи еще господствовало убѣжденіе, что дворянскій образъ жизни настолько же связанъ съ землевладѣніемъ, насколько буржуазный съ промышленными и торговыми операціями. Но какъ во Франціи среднее сословіе своими наказами и запросомъ на секуляризацію неотчуждаемой церковной собственности протестовало противъ исключенія его изъ сферы землевладѣнія, точно

[1]) Gervasio. Sui beni comunali.

также въ Италіи, и въ частности въ Венеціи, разбогатѣвшіе наслѣдники прежнихъ мореплавателей и обладающіе достаткомъ семьи невключеннаго въ большой совѣтъ высшаго гражданства (такъ называемые секретари, банкиры, негоціанты и т. д.), предъявляли все болѣе и болѣе неотвязныя требованія о томъ, чтобы изъятыя отъ обложенія и не поступающія на рынокъ земли духовныхъ корпорацій подвергнуты были экспропріаціи и продажѣ съ публичныхъ торговъ.

Начало этому движенію положено было еще въ эпоху кровопролитныхъ войнъ съ Турціей. Подъ предлогомъ, что они призваны вести интересующую весь христіанскій міръ борьбу съ невѣрными, венеціанцы испросили у папы Александра VII въ 1656 году упраздненія нѣкоторыхъ монастырей, имущества которыхъ были проданы и обогатили казну на цѣлый милліонъ дукатовъ [1]).

Но въ обширныхъ размѣрахъ вопросъ о секуляризаціи поставленъ былъ не раньше 1766 года, когда 12 апрѣля сенатъ рѣшился оживить старинные законы, мѣшавшіе уже съ 1258 г. переходу земель въ руки монастырей, церквей и лицъ духовнаго званія, иначе, какъ съ сохраненіемъ правъ государства (nisi salva ratione communis). Позднѣйшія мѣропріятія отмѣнили свободу завѣщаній и дареній въ пользу церкви, разъ предметомъ ихъ была недвижимость, и запретили пріобрѣтеніе новыхъ земель духовными корпораціями безъ согласія сената (законы 1536 и 1605) [2]). Все это сдѣлано было съ цѣлью сократить размѣръ земель, изъятыхъ отъ податного обложенія и государственныхъ повинностей. Отправляясь отъ тѣхъ же соображеній, сенатъ въ 1766 году предписалъ строгое разслѣдованіе всѣхъ случаевъ отступленія отъ только что перечисленныхъ мѣропріятій. Оказалось, что религіозныя сообщества за послѣднія столѣтія присоединили къ своимъ землямъ столько новыхъ владѣній, что доходъ съ нихъ, который въ 1564 году равнялся не болѣе, какъ 1.190.000 дукатовъ въ самой Венеціи и 1.881.000 въ заморскихъ владѣніяхъ, представлялъ въ 1767 году излишекъ въ 8.657.000 дука-

[1]) Смотри Bartolomeo Cecchetti, La Republica di Venezia e la corte di Roma, томъ I, стр. 213 и 357.

[2]) Ibid., томъ II, Documenti, стр. 121, 123 и 125.

товъ. Въ этихъ цифрахъ дѣло идетъ только о постоянныхъ рентахъ съ недвижимой собственности; но такъ какъ законъ 1564 г. предписалъ продажу въ теченіе двухъ лѣтъ всѣхъ земельныхъ дареній въ пользу церкви, то сверхъ недвижимостей накопилось еще въ ея рукахъ не мало капиталовъ, такъ что общая сумма постояннаго дохода, не считая требъ и случайной милостыни, достигла цифры 85.057.000. За одно десятилѣтіе, съ 1755 по 1765 годъ, легаты въ пользу церкви возросли въ предѣлахъ Венеціи до суммы 2.400.000.

Коммиссія, назначенная сенатомъ, предложила принятіе трояkаго рода мѣръ: остановить дальнѣйшій переходъ земель и постоянныхъ рентъ въ руки церквей и монастырей; сократить массу уже имѣющихся у нихъ имуществъ съ цѣлью вернуть послѣднія къ тѣмъ размѣрамъ, какіе они представляли въ годъ изданія первыхъ запретовъ; наконецъ, распредѣлить между монастырями болѣе пропорціонально доходу каждаго число самой братіи. Изъ этихъ предложеній насъ интересуетъ только то, которое направлено было къ сокращенію земельныхъ владѣній церкви и духовныхъ корпорацій. Декретомъ 10 сентября 1767 года сенатъ принялъ рѣшеніе приступить къ скорѣйшей продажѣ съ публичныхъ торговъ излишка земельныхъ имуществъ, «объявляя его вреднымъ для государственной казны, пагубнымъ для бѣдныхъ и влекущимъ за собою растрату имуществъ мірянъ». Продажа съ публичныхъ торговъ началась не ранѣе 1770 года и продолжалась до 1773 года [1]).

127 монастырей подверглись упраздненію. Не нашедшія покупателей земли предложено объявить принадлежностью фиска и распредѣлить затѣмъ между городами, замками и мѣстечками съ обязательствомъ принять на себя содержаніе церковнаго причта. Всѣ эти совѣты не были однако приняты во вниманіе, и земли проданы въ полную собственность частнымъ лицамъ, при чемъ на ихъ пріобрѣтеніе затрачено около 3.000.000 дукатовъ [2]).

---

[1]) Ibid., томъ I, стр. 224 и 225.

[2]) Эту цифру даетъ Андреа Тронъ въ рѣчи, произнесенной имъ въ сенатѣ 29 мая 1784 года. Романинъ, томъ IX, стр. 106.

Подобныя же секуляризаціи церковныхъ имуществъ въ цѣломъ ихъ объемѣ или въ части происходили одновременно въ другихъ государствахъ Европы, такъ что коммиссія ad pias causas, которой поручена была выработка мѣръ противъ монастырскихъ латифундій, могла сослаться на примѣры Испаніи, Германіи, Австріи, Баваріи, Тосканы, Милана, Генуи, Модены, Лукки, Пармы и Мантуи [1]).

Эта общность движенія, увлекавшаго народы Европы въ открытую борьбу съ имущественнымъ преобладаніемъ церкви, имѣла дѣйствительнымъ источникомъ повсемѣстный запросъ средняго сословія на землю, а правительства на увеличеніе доходовъ казны и расширеніе податной системы на изъятые дотолѣ участки. Оно неминуемо должно было встрѣтить поэтому дружный откликъ въ средѣ европейскихъ, и въ частности итальянскихъ, экономистовъ, этихъ ближайшихъ союзниковъ средняго сословія и просвѣщеннаго абсолютизма, этихъ провозвѣстниковъ новаго ученія о равенствѣ всѣхъ передъ налогомъ и о вредѣ всякаго рода имущественныхъ привилегій и изъятій. Неудивительно, если, заодно съ Тюрго и энциклопедистами, такіе послѣдователи ихъ ученія, какъ Филанджіери и еще ранѣе аббатъ Дженовези, открыто привѣтствовали политику секуляризацій.

Дженовези едва ли не первый подымаетъ въ своихъ лекціяхъ вопросъ о вредѣ церковныхъ латифундій, жалуется на то, что двѣ трети земель находятся въ рукахъ корпорацій, лишенныхъ права отчуждать ихъ (manimorti), и что едва девятая часть всей земельной площади составляетъ собственность дѣйствительныхъ воздѣлывателей [2]). Онъ останавливается на указаніи тѣхъ невыгодныхъ послѣдствій, къ какимъ ведетъ церковное многоземелье, препятствующее интензивности земледѣлія и тормозящее естественный ростъ населенія.

Дженовези не приходитъ однако къ заключенію о необходимости секуляризировать церковную собственность. Онъ не революціонеръ, а реформаторъ; мало этого, въ своихъ проектахъ

---

[1]) Cecchetti, томъ II, стр. 145.

[2]) Смотри Ragionamento intorno all'agricoltura con aplicazioni al regno di Napoli (Scritori classici italiani di economia politica, parte moderna, т. IX, Milano 1803 года, стр. 317 и слѣд.).

онъ столько же подчиняется вліянію средневѣковыхъ традицій, сколько и передовымъ требованіямъ вѣка. Для борьбы съ латифундіями онъ не находитъ другого средства, кромѣ возвращенія къ средневѣковымъ формамъ долгосрочной и вѣчно-наслѣдственной аренды, и заканчиваетъ свой призывъ обращеніемъ къ папѣ и церковнымъ іерархамъ съ просьбою рекомендовать отдачу монастырскихъ земель въ ливеллярное владѣніе съ уплатой натуральной ренты [1]).

Гораздо радикальнѣй его относится къ вопросу о церковной собственности Филанджіери. На латифундіяхъ, пишетъ онъ, опирается могущество убѣжищъ безбрачія и безплодія, какими являются монастыри. Онѣ не поступаютъ въ гражданскій оборотъ, свободны отъ налоговъ и не приносятъ такимъ образомъ государству никакого дохода. Сколько наймитовъ могло бы сдѣлаться собственниками, если бы государство отмѣнило неотчуждаемость церковныхъ имуществъ [2]).

Общее теченіе вѣка не увлекаетъ собою однако самаго выдающагося изъ венеціанскихъ экономистовъ, Джіанъ-Маріа Ортеса. Законодательство 1767 года встрѣчаетъ въ немъ рѣшительнаго противника. Въ письмахъ къ Михаэлю Чіани отъ 24 мая 1783 года и 31 января 1784 года онъ открыто объявляетъ себя сторонникомъ всякаго рода фидеикоммиссовъ, учреждаемыхъ какъ въ пользу дворянства, такъ и въ пользу церкви.

По своему первоначальному назначенію, упрочить существованіе аристократическихъ родовъ и обезпечить отправленіе культа и помощь нуждающимся, фидеикоммиссы безподобны (eccellenti), но и они могутъ подвергнуться вырожденію на практикѣ.

Ортесъ издаетъ цѣлое сочиненіе въ защиту церковныхъ фидеикоммиссовъ. Самое стремленіе къ ихъ упраздненію, по вѣрному его замѣчанію, вызвано желаніемъ открыть болѣе широкое поле дѣятельности для людей предпріимчивыхъ и облегчить имъ задачу обогащенія. «Но мнѣ кажется, что этого именно слѣдовало бы избѣгать, ибо когда всякому предпріимчивому человѣку дана будетъ возможность накопить столько имуществъ, сколько онъ

---

[1]) Ibid., стр. 319.
[2]) La scienza della legislaziono.

самъ пожелаетъ, національныя богатства неминуемо сосредоточатся въ рукахъ людей наиболѣе жадныхъ, наиболѣе скупыхъ и наиболѣе честолюбивыхъ. Всѣ же менѣе предпріимчивые сдѣлаются ихъ кліентами и рабами» [1]). Аргументація Ортеса въ пользу церковной собственности не опирается исключительно, какъ у англійскихъ или французскихъ писателей, на томъ основаніи, что монастыри—«кормильцы бѣдныхъ», что ихъ собственность такъ же священна и неприкосновенна, какъ и всякая другая, и что самый характеръ требованій, предъявляемыхъ ими земельнымъ съещикамъ, отличается большею мягкостью и человѣчностью. Народная поговорка, гласящая: «хорошо жить подъ церковнымъ жезломъ» (il fait bon vivre sous le crosse) на языкѣ экономистовъ и сельско-хозяйственныхъ писателей XVI и XVII столѣтія обыкновенно передавалась заявленіемъ, что церковь въ силу самой вѣчности своего установленія озабочена не столько высотою, сколько постоянствомъ платимыхъ ей рентъ. Это соображеніе заставляетъ ее предпочитать регулируемую обычаемъ наслѣдственную аренду срочному фермерству. Англійскіе и французскіе писатели, принимавшіе на себя защиту церковныхъ имуществъ, на всѣ лады развивали ту тему, что желаніе жить въ мирѣ съ собственной паствой, содѣйствуя ея какъ духовному, такъ и матеріальному благосостоянію, причина тому, что монастырскія корпораціи обыкновенно сохраняютъ землю за ея наслѣдственными воздѣлывателями и удерживаютъ въ силѣ тѣ отношенія вѣчнаго эмфитевзиса съ характеризующей его неизмѣнностью рентъ, которыя такъ много содѣйствовали расцвѣту крестьянскаго благосостоянія въ средніе вѣка, гарантируя отдаленнѣйшему потомству возможность утилизаціи затратъ, сдѣланныхъ предками. Подобнаго рода соображенія отсутствуютъ въ сочиненіи Ортеса «О народныхъ предразсудкахъ въ области экономіи и въ частности въ вопросѣ о церковномъ землевладѣніи». Противникъ историческаго метода и сторонникъ чистой дедукціи, Ортесъ строитъ свою защиту на основномъ принципѣ всей проповѣдуемой имъ доктрины. Если, разсуждаетъ онъ, богатство народовъ прямо пропорціонально населенію или, что

[1]) Ortes, т. IV, стр. 421 и 422.

то же, числу потребителей, то для него безразлично, кто производитъ цѣнности; важно только одно, чтобы это производство сдѣлало возможнымъ увеличеніе потребленія или, что то же, умножило число жителей. Отсюда тотъ выводъ, что упраздненіе церковныхъ имуществъ, открывая возможность обогащенія для немногихъ, наиболѣе жадныхъ и предпріимчивыхъ, въ концѣ концовъ только сократитъ размѣры потребленія, а слѣдовательно и богатства народнаго [1]).

Мы закончили нашъ очеркъ экономическаго состоянія республики Святого Марка наканунѣ тѣхъ событій, разсказъ о которыхъ составитъ задачу ближайшихъ главъ.

Какъ и при обзорѣ конституціи, мы старались показать, въ какой мѣрѣ венеціанскіе порядки отвѣчали или расходились съ господствующими въ XVIII вѣкѣ доктринами. Мы вправѣ сдѣлать въ настоящее время нашъ общій выводъ о томъ, въ какой мѣрѣ новые въ концѣ прошлаго столѣтія принципы экономической и личной свободы, равенства предъ налогомъ и судомъ, вѣротерпимости и народнаго участія въ законодательствѣ и управленіи, отвѣчали ходячимъ въ Венеціи взглядамъ, а также существующимъ въ ней учрежденіямъ.

Что касается до сферы общественныхъ реформъ, затѣянныхъ и отчасти проведенныхъ революціей, то онѣ всѣ были намѣчены и осуществились бы несомнѣнно и безъ иностраннаго вмѣшательства. Кто прочелъ настоящую главу, не могъ не вынести того впечатлѣнія, что соціальныя задачи, какія ставила себѣ Франція наканунѣ переворота, интересовали въ равной мѣрѣ и подданныхъ республики Святого Марка. Равенство постепенно проникало въ нравы, сказывалось и въ общности одежды, и въ сходномъ образѣ жизни въ кофейняхъ и клубахъ, и въ при-

---

1) Errori popolari intorno all'economia nazionale considerati sulle presenti controversie tra i laici e i chierici in ordine al possedimento de'beni di Giummaria Ortes, veneziano, т. V сочиненія, стр. 118, 119, „quanto sarà con questa impedito né chierici l'aumento delle ricchezze o quanto ne sarà tolto, tanto saratolto o impedito de ricchezze nella nacione intiera, della quale effettivamente son tutte le rendite, di qualunque genere, specie o ceto di persone, sian esse nominate o acquistate (ibid., стр. 193).

Сравни также Lampertico, монографію объ Ортесѣ, стр. 152 и 156.

страстіи къ просвѣтительной литературѣ, представляемой энциклопедистами и шедшими по ихъ слѣдамъ писателями о хозяйствѣ, промышленности, торговлѣ и общественномъ благополучіи. Съ каждымъ поколѣніемъ все яснѣе и яснѣе сознавалась невозможность поддерживать тѣ искусственныя границы, какія законодательство и нравы, въ особенности примѣръ монархій, опиравшихся на феодальное дворянство, создали въ самыхъ занятіяхъ и средствахъ пріобрѣтенія отдѣльныхъ сословій. Патриціанскіе роды, вспоминая про подвиги предковъ въ отдаленныхъ морскихъ предпріятіяхъ и ту наживу, съ какой возвращались на родину снаряжаемыя ими галеры, внимательно прислушивались къ совѣтамъ экономистовъ и готовы были вернуться къ прежнимъ занятіямъ торговлею и мореплаваніемъ. Авторъ одной рукописной реляціи о положеніи города и республики въ концѣ XVIII вѣка говоритъ, что дворяне участвуютъ во многихъ промышленныхъ и торговыхъ предпріятіяхъ, обыкновенно не подъ собственнымъ именемъ, а на правахъ компаньоновъ того или другого купца и промышленника [1]). Въ свою очередь среднее сословіе обнаруживало, какъ мы видѣли, стремленіе къ пріобрѣтенію земельной собственности и находило къ тому возможность въ покупкѣ секуляризированныхъ церковныхъ имуществъ.

Само духовенство, поставленное въ непосредственную зависимость отъ государства и паствы, вербовавшееся, какъ общее правило, изъ среды простолюдиновъ, не обнаруживило того раздвоенія, какое одновременно присуще было ему во Франціи; его высшіе слои не тянули къ дворянству и, какъ лишенные всякаго участія въ политической власти, жили близкою къ народу жизнью. Различіе богатства и бѣдности, единственно уцѣлѣвшее отъ революціи, сказывалось не въ отношеніи сословій между собою, а въ средѣ самихъ сословій. Оно выдѣляло барнаботовъ въ особый классъ, весьма доступный къ новымъ идеямъ, и образовывало изъ родовитаго, но лишеннаго всякаго участія въ самодержавіи континентальнаго дворянства обширную

---

1) Relazione della città e republica di Venezia. Padova, bibl. universitatis. MS. 132.

группу людей, недовольныхъ существующимъ порядкомъ и готовыхъ пойти заодно съ буржуазіей въ требованіи политической реформы. Сознаніе, что всѣ въ равной мѣрѣ отвѣтственны предъ судомъ, поддерживалось нелицепріятнымъ гражданскимъ правосудіемъ и вызывало недовольство тѣми отступленіями отъ строгости наказаній, какія въ интересахъ политическихъ допускались синьеріей въ пользу патриціевъ.

Принципъ равнаго участія всѣхъ гражданъ въ несеніи государственныхъ тягостей не подвергался въ Венеціи тѣмъ грубымъ нарушеніямъ, какія представляли во Франціи податные иммунитеты, свобода отъ платежа прямого налога (taille), признаваемая не только въ пользу церкви и дворянства, но, какъ справедливо замѣчалъ Тюрго, въ пользу всѣхъ, кто, пріобрѣтши должность цѣною денежныхъ пожертвованій, достигалъ тѣмъ самымъ облагораживанія. Эта вопіющая несправедливость уже потому не могла повториться въ республикѣ Святого Марка, что ея податная система, долгое время построенная на началѣ исключительнаго обложенія продуктовъ потребленія, восполнилась только со времени пріобрѣтенія Terra Ferma свѣтскимъ подобіемъ церковной десятины. Взимаемая въ пользу государства безразлично со всѣхъ недвижимостей, а равно и съ дохода промысловъ, эта подать не щадила ни дворянъ, ни духовныхъ. Ей подлежали исключительно владѣнія венеціанскихъ уроженцевъ и тѣхъ, кто имѣлъ постоянное мѣстожительство въ Венеціи и ея древнѣйшей территоріи, въ такъ называемомъ «Догадо». Разверстка повторялась каждыя десять лѣтъ. Жители же Terra Ferma несли подобіе французской taille, которая и носила это имя въ провинціяхъ, расположенныхъ на правомъ берегу Минчіо; на лѣвомъ же берегу она извѣстна была подъ названіемъ «dada». Кромѣ того, республика прибѣгала ко взысканію обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ субсидій, число которыхъ увеличилось въ послѣдніе годы венеціанской независимости. Если гдѣ сохранились дворянскіе и церковные иммунитеты, то̀ только въ Terra Ferma. Провинціи и города поступали подъ власть республики со своими статутами и общественнымъ укладомъ. Венеція обязывалась сохранить ихъ за ними съ большей или меньшей неприкосновенностію. Въ самой же метрополіи, или такъ называемыхъ domi-

nante, церковь и патриціи несли децимы со своихъ земель, домовъ и мануфактуръ ни больше, ни меньше прочихъ гражданъ [1]).

Это не значитъ, разумѣется, чтобы государственныя тягости были распредѣлены и здѣсь равномѣрно; одинъ фактъ существованія мельничныхъ монополій и пошлинъ на оливковое масло, вино, соль, свидѣтельствуютъ о томъ, что законодателю было чуждо современное стремленіе освободить отъ всякаго сбора предметы первой необходимости. Это доказываетъ только, что неравномѣрность обложенія не носила обидныхъ для народа формъ, что подать не являлась, какъ въ другихъ странахъ, стигматомъ неблагородства крови. Неудивительно, послѣ сказаннаго, если стремленіе реформировать систему существующихъ податей не приняло въ Венеціи характера односторонней агитаціи въ пользу установленія единой земельной подати, которой бы подлежали всѣ недвижимости, не исключая тѣхъ, владѣльцами которыхъ являлись церковь и дворянство. Устами Ортеса [2]) венеціанскіе экономисты объявляли, что подати подлежитъ не вѣроятный, а настоящій доходъ собственника и капиталиста, доходъ, представляемый продуктами потребленія, затрачиваемыми имъ самимъ или уступаемыми другимъ. Если же правители Европы въ настоящее время склонны привлекать къ обложенію преимущественно земли своихъ подданныхъ, то только потому, что онѣ больше всякаго другого имущества отличаются неизмѣнностью дохода (perchè i terreni sono i fondi piu stabili) [3]).

Но ничто не можетъ быть произвольнѣе такой разверстки: земли постоянно возрастаютъ или падаютъ въ своей производительности, смотря по обстоятельствамъ времени и разнаго

---

[1]) См. Romanin. Storia documentata di Venezia, т. VIII, стр. 363.

[2]) Che ogni parte di beni che a titolo sia d'offerta sia d'imposizione passi dai sudditi al sovrano, per ogni regola di ragione dee esser tolta dai beni attuali o dalle rendite annuali e consumabili per se o per altri da ciascun possedute, e non mai dai possibilli o dai fondi ed altri capitalistabili dai quali posson ritrarsi quelle rendite attuali; perchè i beni attuali son qualche cosa e i possibili come tali non son nulla, e da cosa si puo traar cosa, ma da nulla non si può mai trar nulla. Ortes, томъ III, стр. 377.

[3]) Ibid., стр. 379, 380.

рода соглашеніямъ, возникающимъ между народами и государствами (разрѣшеніе и запрещеніе хлѣбнаго вывоза и вообще свобода торговли или протекціонизмъ). Поэтому, нельзя правильно обложить земли, не зная условій, въ какія поставлены ихъ владѣльцы. Но эти условія не могутъ быть раскрыты чиновниками, производящими разверстку, и кратчайшій путь состоялъ бы въ обращеніи къ самимъ владѣльцамъ. Такимъ образомъ Ортесъ приходитъ къ заключенію о необходимости непосредственнаго ихъ участія въ рѣшеніи вопросовъ обложенія. Въ общемъ онъ ближе стоитъ къ сторонникамъ подоходнаго налога, нежели той единой земельной подати, о которой мечтали физіократы. Такъ какъ доходность измѣнчива, то никакая разверстка на долгій срокъ не можетъ считаться правильной. Ортесъ рекомендуетъ поэтому возможно частое обращеніе къ владѣльцамъ за указаніями о размѣрахъ ихъ дѣйствительной ренты. Но что значитъ это, какъ не установленіе на практикѣ той періодичности въ распредѣленіи налоговыхъ тягостей, съ совѣта и участія землевладѣльцевъ, котораго добивались составители наказовъ 1789 года и дѣятели Конституанты!

Переходя отъ сферы соціальныхъ вопросовъ къ политическимъ, мы, разумѣется, не находимъ въ венеціанской конституціи того начала народнаго суверенитета, какой провозглашенъ былъ Руссо; но зато другой принципъ, столь же дорогой людямъ 89 года, принципъ раздѣленія властей находилъ въ ней широкое признаніе. Власть дожа, разумѣется, не представляла ничего общаго съ монархическимъ самодержавіемъ; выбираемый, отвѣтственный, если не за свою политику, то за измѣну государству и присвоеніе себѣ и родственникамъ средствъ, отпущенныхъ на поддержаніе внѣшняго достоинства и блеска его должности [1]), судимый поэтому послѣ смерти исключительно со стороны соотвѣтствія его затратъ съ отпущенными на нихъ государственными средствами въ разсчетѣ, что, какъ этого требуетъ законъ, недостача будетъ покрыта изъ оставленнаго имъ наслѣдства; наконецъ, связанный въ своей дѣятельности какъ постояннымъ присутствіемъ членовъ коллегіи, безъ которыхъ онъ не можетъ

---

[1]) См. у Gianone и Contarini, главы о дожѣ.

принять ни иностраннаго посла, ни провинціальнаго администратора, такъ и святостью должностной присяги, текстъ которой передъ его воцареніемъ тщательно пересматривается и восполняется особо назначенными для того «корректорами», дожъ является только тѣнью самодержавнаго властителя, какимъ онъ былъ въ первые вѣка республики, и вполнѣ приближается къ типу сильно ограниченнаго конституціоннаго монарха. Широкія основы, на которыхъ опиралось владычество венеціанской аристократіи, поголовное присутствіе всѣхъ патриціевъ въ большомъ совѣтѣ, участіе ихъ въ законодательствѣ и въ выборахъ, передача административныхъ функцій въ руки болѣе тѣсныхъ совѣтовъ и независимость избираемыхъ судей, устроенныхъ на коллегіальномъ началѣ,—все это вмѣстѣ взятое также поддерживало какъ въ подданныхъ республики, такъ и въ чужеземцахъ, представленіе, что всѣ части конституціи уравновѣшаны и не могутъ посягать взаимно другъ на друга. Если прибавить къ сказанному, что буржуазія, по крайней мѣрѣ въ лицѣ ея высшихъ слоевъ, не была окончательно устранена отъ дѣлъ, что отвѣтственныя и широкія полномочія канцлера, пословъ и государственныхъ секретарей, поручались лицамъ, не входившимъ въ составъ большого совѣта, и слѣдовательно непатриціямъ, то сходство венеціанскихъ порядковъ съ тѣми, какихъ придерживались смѣшанныя правительства древности, все еще признававшіяся образцовыми, покажется еще болѣе бьющимъ въ глаза. Раздѣленіе властей понималось венеціанской конституціей не только въ смыслѣ обособленія законодательства, суда и исполненія, но и въ томъ, какое предполагаетъ раздѣлъ суверенитета между единоличнымъ правителемъ, немногими «лучшими людьми» и массою если не всѣхъ полноправныхъ гражданъ, то всѣхъ потомковъ первыхъ обывателей, участвовавшихъ въ созданіи силы и величія родины. Венеціанскій патриціатъ въ сущности вѣдь не болѣе, какъ старинная буржуазія,—буржуазія исключительная, не допускавшая новыхъ гражданъ къ другому положенію, кромѣ того, какое, напримѣръ, въ старыхъ кантонахъ Швейцаріи или въ женевской республикѣ занимали такъ называемые поселенцы (domiciliaires, manans, Beisassen или Hintersassen) въ отличіе отъ Gross-bürger

или «житіи людей». Противорѣчіе такихъ порядковъ съ заявленнымъ публицистикой XVIII вѣка требованіемъ объ участіи народа въ дѣлахъ на ряду съ королемъ и знатью бросалось меньше въ глаза, благодаря тому обстоятельству, что въ самой Англіи, этомъ образцѣ политическихъ новаторовъ, допускаемый къ дѣламъ народъ состоялъ исключительно изъ земельныхъ собственниковъ, удовлетворявшихъ требованіямъ довольно высокаго избирательнаго ценза и попадавшихъ въ депутаты не иначе, какъ въ силу патроната немногихъ аристократическихъ семей.

Республика Святого Марка удовлетворяла также тому идеалу секуляризированнаго государства, какой, по примѣру абсолютныхъ правителей прошлаго столѣтія, преслѣдовался просвѣтительной философіей въ лицѣ далеко не одного Вольтера и энциклопедистовъ, но и Монтескьё и Руссо. Можно съ увѣренностью сказать, что въ католическомъ мірѣ не было ни монархіи, ни республики, которая бы въ меньшей степени испытывала на себѣ клерикальное вліяніе, чѣмъ Венеція. Мы видѣли, что духовенство, даже высшее, не входило въ составъ ея совѣтовъ; мало этого, стоило тому или другому патрицію сдѣлаться кардиналомъ или занять другой выдающійся постъ въ римской куріи, и всѣ члены его семьи искусственно удалялись отъ дѣлъ, лишенные права засѣдать въ совѣтахъ и занимать публичныя должности [1]. Нигдѣ также церковная инквизиція не пользовалась меньшимъ вліяніемъ и не принуждена была подѣлиться въ такой мѣрѣ своею властью со свѣтскими органами, съ тѣми чиновниками, задачей которыхъ было преслѣдованіе богохульства (bestemie).

Терпимость, если не свобода культа, положительно выигрывала отъ такихъ порядковъ; въ то время, какъ гугеноты изгонялись десятками тысячъ изъ Франціи, а Вальденцы изъ Пьемонта; въ то время, какъ въ Испаніи зажигались костры и конфисковались въ пользу церкви имущества еретиковъ: греки, армяне, евреи, турки, лютеране и гугеноты, имѣли право отправленія

[1]) Декретъ 19 іюля 1487 г. Leggi Venete intorno agli ecclesiastici sino al secolo XVIII, ed. da Angelo Popadopoli, Venezia, a 1864.

своего культа, одни (греки и евреи) въ открытыхъ храмахъ и синагогахъ, другіе (лютеране и кальвинисты, турки и армяне) въ домашнихъ молельняхъ. Ихъ гражданское состояніе было признано, заключаемые ими браки не были причисляемы къ конкубинату, какъ во Франціи браки гугенотовъ до законодательства Людовика XVI о гражданскомъ положеніи не католиковъ, или какъ въ Ирландіи, гдѣ послѣдователи «римской вѣры» не знали ни законности рожденія, ни родительской власти до 1792 года, когда Питомъ Младшимъ положено было начало ихъ эмансипаціи.

Неприкосновенность имущества, другое изъ тѣхъ естественныхъ правъ, какія приняты были въ 1789 году въ число обѣщанныхъ народу вольностей, также находила въ Венеціи серьезную гарантію въ независимости судовъ, нелицепріятномъ отправленіи гражданской юстиціи и запретѣ членамъ духовной инквизиціи обращать конфискаціи въ пользу церкви.

Изъ всѣхъ правъ, перечисляемыхъ знаменитой декларацией 1789 года, одна личная свобода въ ея разнообразныхъ проявленіяхъ, подвергалась частымъ нарушеніямъ, въ интересахъ государственной безопасности, ревниво охраняемой совѣтомъ десяти и его исполнительной коммиссіей, такъ называемымъ верховнымъ трибуналомъ свѣтскихъ инквизиторовъ. Но отъ тайныхъ доносовъ, ночныхъ обысковъ и хранимыхъ въ строгомъ секретѣ административныхъ высылокъ, страдало не венеціанское простонародіе, а численно небольшой классъ ревнителей новыхъ идей или сторонниковъ различныхъ coups d'état, время отъ времени затѣваемыхъ стремящимся къ тираніи дворяниномъ-демагогомъ. Недаромъ же патріоты, въ родѣ знаменитаго Фоскарини, объявляли себя сторонниками политической полиціи, видя въ ней оплотъ народа противъ дворянскихъ заговоровъ [1]). Это не мѣшало однако общественной совѣсти протестовать и возмущаться тѣмъ явнымъ безправіемъ и произволомъ, какое представляетъ лишенное судебныхъ гарантій и окруженное непроницаемой тайной преслѣдованіе даже дѣйствительныхъ враговъ отечества.

Преувеличенныя представленія ходили о вездѣсущіи венеціан-

---

[1]) Marco Foscarini e Venezia nel secolo XVIII, discorso del dottore Emilio Morpurgo, 1877.

скихъ шпіоновъ, о готовности содержимыхъ инквизиторами сбировъ совершить всякое преступленіе, какое имъ будетъ приказано, объ ужасѣ подземныхъ тюремъ и казематовъ, расположенныхъ подъ раскаленной свинцовой крышей герцогскаго дворца, объ изощренности пріемовъ венеціанской пытки, объ отравленіяхъ и потопленіяхъ, якобы производимыхъ еще въ концѣ столѣтія по одному слову всемогущихъ олигарховъ.

Никогда не исчезающій вполнѣ запросъ на свободу, въ связи съ недовольствомъ буржуазіи и континентальнаго дворянства своимъ политическимъ ничтожествомъ, заставили венеціанцевъ прошлаго вѣка съ интересомъ прислушиваться къ исходившимъ изъ Франціи ученіямъ. Они видѣли въ нихъ не новое откровеніе, а дальнѣйшее развитіе и усовершенствованіе тѣхъ политическихъ порядковъ собственной родины, какіе нѣкогда обезпечили ей преобладаніе на морѣ и на сушѣ, и только въ послѣднее время, благодаря несчастному стеченію обстоятельствъ и естественному вырожденію аристократіи въ олигархію, пришли въ замѣтный упадокъ. Духъ Законовъ Монтескьё переводился на итальянскій языкъ и комментировался такими писателями, какъ Филанджіери и Беккарія. Сочиненія физіократовъ и другихъ писателей о торговлѣ и промышленности цитировались страницами въ лекціяхъ Дженовези и въ трактатахъ Занона. Въ самой Италіи не только философія исторіи, но и естественное право съ его ученіями о справедливости, какъ о высшемъ началѣ, по которому общество должно распредѣлять между гражданами какъ матеріальныя, такъ и умственныя блага, о христіанскомъ милосердіи, какъ призванномъ исправить черствость простой справедливости, и о свободѣ, какъ источникѣ всякаго авторитета, находила талантливаго, чтобы не сказать — геніальнаго истолкователя въ лицѣ неаполитанца Вико, автора не только всѣмъ извѣстной «Scienza nuova», но и менѣе распространеннаго внѣ Италіи трактата De uno universi juris principio et fine uno [1]). Самъ Монтескьё, вопреки утвержденіямъ Франка, узнавалъ во время своего пребыванія въ Венеціи въ

[1]) Смотри латинскія сочиненія Вико. Миланъ. 1837 года. Ученіе Вико о справедливости, милосердіи и свободѣ изложено Франкомъ въ его Réformateurs et publicistes de l'Europe au dix-huitieme siècle 1893 г., стр. 65 и слѣд.

1728 году о выходѣ въ свѣтъ «Новой Науки» [1]), что и давало ему возможность заимствовать изъ нея характерныя ученія о различіи между природою отдѣльныхъ образовъ правленія и ихъ жизненными принципами, а также о естественной гибели всякаго правительства, не отвѣчающаго больше ни нравамъ, ни духу, характеру и потребностямъ народа [2]). Замѣчательны мысли, высказываемыя Вико о критеріи, по которому можно судить о достоинствѣ отдѣльныхъ правительствъ; имъ можетъ быть только передача власти въ руки самыхъ мудрыхъ, добродѣтельныхъ и вліятельныхъ людей государства. Такъ владычество патриціевъ было справедливо, пока они сосредоточивали въ своихъ рукахъ всѣ эти счастливыя особенности. Народы наиболѣе просвѣщенные нуждаются въ свободѣ и гражданскомъ равенствѣ, которое не устраняетъ однако возможности верховнаго руководительства со стороны умственной аристократіи, мы сказали бы—интеллигенціи [3]). Отъ такихъ словъ уже вѣетъ духомъ 1789 года.

Такое отношеніе выдающихся умовъ Италіи къ требованіямъ новаго государства объясняетъ намъ причину, по которой и въ самой Венеціи шедшія изъ Франціи идеи нашли не одних отрицателей, но и людей готовыхъ отнестись къ нимъ съ серьезнымъ вниманіемъ и даже рекомендовать, если не полное, то частичное ихъ примѣненіе. Тогда какъ Ортесъ еще старается оживить въ новой формѣ средневѣковую теорію двухъ свѣточей и двухъ мечей, примѣняя ее къ отношеніямъ церкви и государства и критикуя съ этой точки зрѣнія всякую попытку секуляризаціи правительства [4]), Пістро Мочениго въ своемъ философско-

---

[1]) Franck. Ibid., стр. 126 и 129.

[2]) Мы находимъ въ Voyage en Italie слѣдующую помѣтку. Acheter à Naples: Principii d'una nova (sic) scienza di Joan-Batista (sic) Vico. Napoli стр. 65.

[3]) Franck, стр. 129.

[4]) Трактатъ Ортеса озаглавленъ: «Письма о религіи и управленіи народами» и отпечатанъ въ V томѣ общаго собранія его сочиненій. Economisti classici italiani, томъ XXV. Основная мысль трактата передается въ письмѣ къ Михаилу Чіани словами: „всякое правительство, чтобы быть истиннымъ, нуждается въ двухъ различныхъ органахъ и имѣетъ двѣ различныя миссіи. Церковь представляетъ собою разумъ въ правительствѣ, свѣтская власть—матеріальную силу; гдѣ одинъ изъ этихъ

политическомъ трактатѣ «О положеніи человѣка въ свободномъ состояніи (естественномъ) и въ обществѣ», проповѣдуетъ уже въ 1784 году необходимость гражданскаго равенства и вражду къ привилегіямъ. «Сословныя изъятія, пишетъ онъ, только отвращаютъ гражданъ отъ любви къ правительству, открываютъ свободное поле для самыхъ вредныхъ злоупотребленій, увеличиваютъ тягости подданныхъ». Мочениго сторонникъ публичности и гласности, онъ требуетъ обнародованія бюджета, говоря, что народы охотнѣе платятъ, когда имъ становится очевидной и общность, и польза ожидаемыхъ отъ нихъ пожертвованій [1]).

Въ предисловіи къ другому «Философски - политическому и нравственному трактату объ обязанностяхъ людей въ общежитіи», вышедшему въ 1783-мъ году, тотъ же писатель рекомендуетъ дворянству всячески «поддерживать справедливость, неразрывно связанную съ добродѣтелью». Нѣсколько лѣтъ спустя онъ печатаетъ «Рѣчь о политическихъ новаторахъ», въ которой требуетъ примиренія новыхъ принциповъ съ опытомъ и обстоятельствами времени, а также съ необходимостью сохранить подчиненіе правительству родины и религіи [2]). Вообще Мочениго не врагъ реформъ, но онъ желалъ бы, чтобы эти реформы произведены были свыше [3]).

Въ болѣе тѣсной сферѣ уголовнаго законодательства и правосудія Марко Барбаро одновременно доказывалъ необходимость поставить обвиняемаго въ равныя условія съ обвинителемъ, прославлялъ отмѣну пытки, ходатайствовалъ о прекращеніи тюремнаго заточенія за долги, протестовалъ противъ суровости предварительнаго задержанія, требовалъ гласности правосудія и рѣдкаго примѣненія смертной казни [4]).

Послѣ всего сказаннаго понятно, если венеціанцы отказыва-

двухъ органовъ подчиненъ другому, тамъ нѣтъ и не можетъ быть ничего, кромѣ обмана (simulazione o impostura). Письмо отъ 1 апрѣля 1780 г., томъ IV сочиненій, стр. 575.

[1]) Riflessioni sull'uomo in società, 1784 г., стр. 67 и 62.

[2]) Discorso ragionato sopra gl'innovatori politici, 28 апрѣля 1788 г.

[3]) Смотри Romanin, томъ IX, стр. 70.

[4]) Tre orazioni criminali in difesa (1786). Извлеченіе изъ нихъ у Romanin, томъ IX, стр. 61 по 63.

лись признать во французахъ даже самозванныхъ учителей новаго общественнаго и политическаго катехизиса, если предводимыя Наполеономъ полчища казались имъ не апостолами новой вѣры, а дикими галлами, пришедшими разрушить стародавнюю культуру. Даже послѣ торжества поддерживаемой французскими начальниками демократической революціи, венеціанецъ Барцони, говоря о поведеніи мнимыхъ освободителей Италіи, считалъ возможнымъ прибѣгнуть къ прозрачной аллегоріи не потерявшихъ природной дикости римлянъ въ высоко-цивилизованной, но разъединенной Греціи [1]).

---

[1]) Barzoni. I Romani in Grecia.

ГЛАВА III.

Положеніе республики Св. Марка наканунѣ прихода Наполеона.

§ 1.

Французская революція заявила себя, какъ мы видѣли, сторонницей мира и международнаго согласія [1]). Учредительное собраніе, устами философа Вольнэ, выразило рѣшимость положить конецъ завоеваніямъ и не вести впредь другихъ войнъ, кромѣ оборонительныхъ. Не послѣдуй вызова со стороны Европы, демократическая Франція, по всей вѣроятности, сразу вступила-бы на тотъ путь мирнаго развитія, какому она слѣдуетъ нынѣ. Но вскорѣ явившееся опасеніе, что королева при помощи болѣе или менѣе миѳическаго «австрійскаго комитета» подготовляетъ военную оккупацію страны имперскими войсками, заставило французовъ отступить отъ выставленной ими программы и обезпечить себѣ поддержку въ лицѣ всѣхъ тѣхъ, кто за предѣлами Рейна и Альпъ обнаруживалъ недовольство существующимъ правительствамъ, стремился къ отпаденію или къ революціи. Но чтобы сдѣлать возможнымъ такой союзъ, необходимо было прибѣгнуть къ тому могущественному средству, какое представляетъ пропаганда. Камилль Демуленъ въ числѣ первыхъ созналъ пользу такой пропаганды. Озаглавливая свой журналъ не только «французской», но и «брабантской революціей», онъ тѣмъ самымъ указывалъ на то, что подъемъ національностей, вызванный въ Бельгіи неумѣлыми реформами Іосифа II, далеко не безразли-

---

[1]) Происхожденіе современной демократіи, т. II, право войны и мира.

ченъ для сторонниковъ новыхъ порядковъ; что событія въ Брюсселѣ являются не только дополненіемъ къ тому, что одновременно было пережито Парижемъ, но и залогомъ, что Франція не останется изолированной въ случаѣ военнаго столкновенія съ Европой и найдетъ существенную опору во внутреннихъ движеніяхъ сосѣднихъ съ нею народностей. Дѣло пропаганды находило надежное орудіе въ тѣхъ многочисленныхъ тайныхъ обществахъ, которыя, болѣе или менѣе приближаясь къ типу масонскихъ ложъ, покрыли собою, какъ сѣтью, большинство европейскихъ монархій. За нѣсколько лѣтъ до революціи Мирабо на конгрессѣ свободныхъ каменьщиковъ въ Гаагѣ уже предлагалъ цѣлую программу общественныхъ и политическихъ реформъ, поддержку которыхъ должны были принять на себя масоны. Почти наканунѣ тѣхъ знаменательныхъ событій, какими сопровождалось открытіе генеральныхъ штатовъ въ Версалѣ, графъ Вирьё, сторонникъ англійскихъ порядковъ, выносилъ съ конгресса иллюминатовъ въ Ингольштадтѣ убѣжденіе, что Европѣ грозитъ въ близкомъ будущемъ глубокое внутреннее потрясеніе, въ которомъ далеко не послѣднюю роль должны играть члены тайныхъ обществъ. Наконецъ, въ центрѣ католицизма, въ Римѣ, Іосифъ Бальзамо, болѣе извѣстный подъ наименованіемъ Каліостро, въ присутствіи французскаго посла, кардинала Берни, такого же, какъ и онъ масона, предсказывалъ переворотъ во Франціи и самую казнь Людовика XVI [1]).

Неудивительно, если при первыхъ извѣстіяхъ о готовящейся противъ Франціи коалиціи, пребывавшіе въ Парижѣ члены иностранныхъ тайныхъ обществъ и во главѣ ихъ извѣстный прусскій баронъ Анахарзисъ Клотцъ, не безъ предварительнаго уговора съ якобинскимъ клубомъ, сочли возможнымъ устроить манифестацію, съ цѣлью показать солидарность всѣхъ народовъ въ предпринятомъ революціей дѣлѣ. Несмотря на комизмъ, связанный съ торжественной процессіей переодѣтыхъ въ ассиріанъ— французовъ и болѣе или менѣе сомнительныхъ персіанъ и китайцевъ, выходка Клотца, благодаря серьезности, какая придана была ей національнымъ собраніемъ, запугала не мало представи-

---

1) Costa de Beauregard. Le Comte de Virieu, первая и вторая глава.

телей иностранныхъ державъ. Въ депешѣ отъ 21 іюля 1790 года венеціанскій посолъ Антоніо Капелло слѣдующимъ образомъ разсказываетъ о «національномъ маскарадѣ», устроенномъ «чтобы показать сочувствіе, какимъ французская демократія пользуется заграницей». Такъ какъ, пишетъ онъ, въ Парижѣ много иностранцевъ не только изъ Европы, но и изъ другихъ странъ свѣта, и такъ какъ большинство ихъ—неимущіе бродяги или изгнанники, то рѣшено было деньгами и всякаго рода инсинуаціями побудить ихъ къ слѣдующему шагу: депутація, составленная изъ всякаго сброда, послана была національному собранію, съ цѣлью поздравить его съ добытой революціей свободой. Она высказала въ то же время пожеланіе, чтобы всѣ народы міра послѣдовали данному примѣру. Въ позднѣйшихъ своихъ депешахъ Капелло не разъ возвращается къ тѣмъ мѣрамъ, къ какимъ прибѣгаютъ французы для распространенія своихъ идей за-границей. Онъ говоритъ объ эмиссарахъ, посланныхъ якобинскимъ клубомъ въ Нидерланды и Пруссію и объ основаніи особаго сообщества («Клуба 1789 года»), который именуется имъ клубомъ для пропоганды свободы. Задача его, пишетъ онъ, сѣять революціонныя идеи чрезъ посредство агентовъ низкаго происхожденія, способныхъ проникнуть въ самые разнообразные общественные слои, поддерживать и разжигать недовольство подданныхъ правительствомъ.

Съ тою же цѣлью клубъ содѣйствуетъ изданію книгъ, пропагандирующихъ ядовитыя ученія о правѣ сопротивленія, о неограниченной свободѣ и равенствѣ. Не мало въ немъ депутатовъ національнаго собранія, въ числѣ ихъ Лафайетъ, Бальи, Мирабо, Сіейсъ и другіе. Многіе члены клуба отправились въ Брабантъ, чтобы содѣйствовать упроченію въ немъ демократіи и обѣщать инсургентамъ поддержку національнаго собранія. Въ числѣ ихъ самымъ выдающимся былъ Гюгъ де-Семонвиль, которому впослѣдствіи пришлось играть видную роль сперва на правахъ чрезвычайнаго посла въ Константинополѣ, а затѣмъ въ Голландіи на правахъ министра-резидента. Подобные же эмиссары тайно дѣйствуютъ въ Англіи, Голландіи, Германіи, Италіи, Испаніи. Нѣкоторыя правительства, и во главѣ ихъ испанское, сочли нужнымъ оградить свою страну отъ зловреднаго

вліянія французскихъ идей, запретивши входъ въ свои границы всего, что печатается во Франціи. Мнѣ удалось, пишетъ Капелло, достать одну брошюру, озаглавленную «Доносъ всѣмъ европейскимъ дворамъ о заговорѣ противъ ихъ спокойствія». Эта брошюра содержитъ въ себѣ всѣ правила поведенія этого дьявольскаго учрежденія (Капелло разумѣетъ «клубъ 1789 г.»). На ряду съ этимъ сообществомъ, члены котораго въ конституціонныхъ вопросахъ были всегда сторонниками умѣренныхъ рѣшеній, существуетъ въ Парижѣ другой враждебный ему—«клубъ якобинцевъ». Въ немъ дѣйствуютъ братья Ламеты, герцогъ Эгвильонъ, Барнавъ, Робеспьеръ, Петіонъ, Дюпоръ. Ихъ задача лишить короля всякой власти, сосредоточивъ ее всецѣло въ рукахъ собранія. И тотъ, и другой клубъ, имѣютъ своихъ корреспондентовъ и свои подраздѣленія почти во всѣхъ городахъ Франціи. Расходясь во многомъ между собою, всѣ они сходятся въ желаніи подготовить съ помощью печати и подкупа скорѣйшее наступленіе всемірной революціи.

Это сообщеніе на столько обезпокоило государственную полицію Венеціи, что преемнику Капелло Пизани приказано было дать новыя и болѣе точныя свѣдѣнія о посылаемыхъ изъ Франціи агитаторахъ; государственные инквизиторы увѣдомляли его одновременно, что до нихъ дошелъ слухъ, будто 150 эмиссаровъ должны быть направлены изъ Дижона въ Швейцарію и Италію, Испанію, Германію и Нидерланды [1]. Три недѣли спустя, тѣ же инквизиторы передаютъ послу, что въ самой Венеціи сдѣлана попытка образовать клубъ на подобіе якобинскаго и вступить въ постоянную переписку съ Парижемъ. Послу поручается узнать имена тѣхъ подданныхъ Венеціи, которые играютъ роль посредниковъ въ этихъ переговорахъ [2]. Удовлетворяя этому требованію, Пизани дѣлаетъ новые шаги къ раскрытію тѣхъ тайныхъ путей, какими французскіе революціонеры стараются распространить свои взгляды за-границей. Результаты его разслѣдованія переданы въ депешѣ отъ 20 іюня

[1]) Смотри государственный архивъ въ Венеціи (Inquisitori di Stato. Dispacci degli Ambasciatori in Francia).

[2]) Ibid., Inquisitori di Stato: письмо ихъ къ Пизани отъ 21 января 1791 года.

1791 года [1]). «Общества, которое ставило бы себѣ прямой цѣлью пропаганду революціонныхъ идей за-границей, во Франціи не существуетъ; но изъ этого не слѣдуетъ, пишетъ онъ, чтобы опасность заразы была меньше; напротивъ того, я считаю ее весьма сѐрьезной и прямо отношу къ числу моихъ обязанностей подробное донесеніе обо всемъ, что въ этомъ направленіи дѣлается во Франціи. Если въ статуты обоихъ клубовъ—якобинскаго и клуба 1789 года—не входитъ прямо требованіе пропаганды, то, съ другой стороны, большое число лицъ, принадлежащихъ къ этимъ клубамъ, доводя свою любовь къ свободѣ до бѣшенства, считаютъ услугой для человѣчества распространеніе повсюду революціонныхъ взглядовъ и призваніе всѣхъ народовъ къ возстанію. Многіе въ этихъ видахъ берутъ на себя тайныя порученія за-границу. Одни жертвуютъ для этой цѣли собственными средствами, другіе получаютъ ихъ изъ рукъ фанатиковъ. Такъ какъ многіе изъ членовъ обоихъ клубовъ принадлежатъ къ національному собранію, то неудивительно, если комитеты послѣдняго не разъ пользовались услугами этихъ эмиссаровъ и получали отъ нихъ донесенія, какъ отъ шпіоновъ. О размѣрахъ, какіе приняла пропаганда, можно судить по тому, что оба клуба въ Парижѣ состоятъ въ перепискѣ не менѣе, какъ съ двумя-стами мѣстныхъ клубовъ, не считая еще нѣсколькихъ за-границей и въ частности въ Англіи (Пизани, очевидно, имѣетъ въ виду клубъ конституціонный и клубъ друзей революціи 1688 года). Отъ всѣхъ этихъ клубовъ эмиссары получаютъ рекомендаціи и поддержку. Съ помощью денежныхъ раздачъ самимъ эмиссарамъ немудрено создать себѣ корреспондентовъ между иностранными подданными, тѣмъ болѣе, что въ числѣ ихъ не мало также людей, раздѣляющихъ тѣ же принципы и готовыхъ помочь всячески. Въ настоящее время дѣло идетъ уже не о простомъ распространеніи фанатическихъ принциповъ, но о подготовленіи возстаній противъ отдѣльныхъ правительствъ, въ надеждѣ, что внутренніе безпорядки будутъ служить препятствіемъ къ вмѣшательству во французскія дѣла».

Когда событія десятаго августа 1792 года заставили Пизани

---

[1]) Ibid., письмо 11 февраля 1791 года.

покинуть французскій дворъ и удалиться въ Англію, республика Св. Марка, по его совѣту, заручилась услугами тайнаго агента Джовани Паволари. Ему поручено было увѣдомлять еженедѣльно изъ Парижа секретаря инквизиторовъ Джузеппе Градениго о ходѣ событій, обращая особое вниманіе на то, что такъ или иначе могло затронуть интересы Венеціи или грозить распространеніемъ въ ней революціонной агитаціи. Переписка Паволари уцѣлѣла въ архивѣ государственныхъ инквизиторовъ въ отдѣленіи такъ называемыхъ отчетовъ лицъ, пользующихся особеннымъ довѣріемъ (Riferte di Confidenti) [1].

Зная, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло и какой отвѣтственности можетъ подвергнуть его простое подозрѣніе въ сочувствіи водворившейся во Франціи демократіи, корреспондентъ инквизиторовъ уже въ первомъ своемъ письмѣ оговаривается, что желаніе скорѣйшаго упроченія мира вовсе не вызывается въ немъ расположеніемъ къ французскимъ порядкамъ, что его принципами непоколибимо остаются тѣ, которые создали благополучіе его родины, и что если онъ желаетъ прекращенія внутреннихъ волненій въ мѣстѣ своего теперешняго поселенія, то главнымъ образомъ въ надеждѣ, что поднятіе общественнаго кредита позволитъ ему вернуть свои капиталы, обезцѣненные, благодаря паденію ассигнацій [2].

Депеши Паволари прибавляютъ сравнительно мало новаго къ тому, что извѣстно намъ объ общемъ ходѣ событій. Интересъ его сообщеній растетъ только тогда, когда въ конвентѣ возникаютъ вопросы, хотя бы косвенно задѣвающіе положеніе дѣлъ въ Италіи или заключающіе въ себѣ предсказаніе на счетъ ея ближайшихъ судебъ. Такъ 27 ноября, передавая содержаніе рѣчи извѣстнаго скульптора Давида, требовавшаго отъ конвента, изъ ненависти къ монархіи, истребленія всѣхъ статуй, которыя во французской академіи живописи въ Римѣ увѣковѣчивали память прежнихъ правителей, Паволари считаетъ нужнымъ воспроизвесть отвѣтъ Барра, какъ много знаменательный для Италіи. «Папа, сказалъ ораторъ, при видѣ этихъ падшихъ идо-

---

[1]) Busta, № 625, Archivio di stato, Inquisitori. Riferte di Confidenti.
[2]) Письмо отъ 30 октября 1792 года.

ловъ, выместитъ свою злобу на французскихъ артистахъ и ученикахъ живописи. Не лучше ли дождаться момента, когда генералъ Келлерманъ войдетъ побѣдителемъ въ Римъ и нанесетъ роковой ударъ самому папѣ».

Ожидая гибели французской республики, инквизиторы всего болѣе интересовались, повидимому, недостаткомъ и дороговизной припасовъ, успѣхомъ монархическихъ заговоровъ и мѣстныхъ мятежей, наконецъ, обезцѣненіемъ ассигнацій. Донесенія Паволари богаты подробностями по всѣмъ этимъ вопросамъ. Уже въ приведенномъ письмѣ отъ 27 ноября онъ сообщаетъ, что депутаты отъ департаментовъ Луары и Еура, Сарты, Сены и Марны, Индры и Луары, Луарэ и Кореза, довели до свѣдѣнія конвента о недовольствѣ, какое вызываетъ въ жителяхъ высота цѣнъ на хлѣбъ. Въ Роморантенѣ, по ихъ словамъ, бѣдняки поставлены въ необходимость питаться приготовленіями изъ солода, капусты и картофеля, да и этой пищи не легко найти на рынкѣ, такъ что одной женщинѣ пришлось трижды возвращаться на базаръ въ тщетной надеждѣ добыть хлѣба. Вернувшись домой, она убила сперва дѣтей, а затѣмъ покончила съ собою. Конвентъ, пишетъ Паволари, пришелъ въ ужасъ при этомъ разсказѣ. Въ томъ же засѣданіи депутаты названныхъ департаментовъ довели до свѣдѣнія, что въ Сентъ-Палѣ и Вандомѣ пять или шесть тысячъ человѣкъ, вошедши силою въ городъ, рѣшились установить въ немъ таксу на хлѣбъ, опредѣляя цѣну одного буасо (или 16 фунтовъ) въ 28 су. Другіе припасы были нормированы соотвѣтственно. Конвентъ рѣшилъ послать комиссаровъ для мѣстнаго разслѣдованія. Вскорѣ въ самомъ Парижѣ подымается голосъ въ пользу установленія закона о максимумѣ. Въ депешѣ отъ 4 декабря 1792 года Паволари сообщаетъ въ извлеченіи рѣчь, произнесенную въ стѣнахъ конвента однимъ изъ делегатовъ парижской коммуны. «Законодатели, сказалъ онъ, коалиція между капиталистами, которые скупаютъ оптомъ предметы первой необходимости, препятствуя свободному обращенію ихъ на рынкѣ, причина тому, что дрова, уголь, хлѣбъ, вино, свѣчи, вздорожали безумно; такъ, возъ дровъ, котораго едва хватитъ на мѣсяцъ, стоитъ 27 ливровъ, мѣшокъ угля въ 16 старіевъ — пять ливровъ, фунтъ свѣчей — франкъ,

бутылка худшаго вина—12 су, фунтъ хлѣба—3 су». За предѣлами Парижа, прибавляетъ отъ себя корреспондентъ, цѣны еще выше и товаръ хуже. Признавая виновниками вздорожанія капиталистовъ, депутатъ парижской коммуны пророчитъ возникновеніе въ близкомъ будущемъ новой аристократіи—«аристократіи богатства». Свобода торговли грозитъ народу смертью, и нѣтъ другого средства возвратить обиліе и спокойствіе, какъ предоставивъ властямъ установленіе тарифа на всѣ предметы первой необходимости.

Въ февралѣ 1793 года дороговизна вызываетъ уже серьезныя внутреннія потрясенія какъ въ Парижѣ, такъ и въ департаментахъ. 25-го этого мѣсяца толпа народа, составленная преимущественно изъ женщинъ, набрасывается на лавочниковъ, торгующихъ припасами, и самоуправно распредѣляетъ между желающими сахаръ, мыло, свѣчи, кофе и т. д. по ею самой установленной цѣнѣ. Такъ, сахаръ, который продавался купцами по 3 ливра 5 су, поступилъ въ раздачу по 25 су, мыло по 15 су взамѣнъ прежнихъ 30, свѣчи по 12 взамѣнъ 20, кофе по 20 взамѣнъ 50. Потребовалось вмѣшательство національной гвардіи, чтобы положить конецъ безпорядкамъ и обезпечить свободу торга. Глава національной гвардіи, Сантэръ, открыто обвинялъ роялистовъ въ подстрекательствѣ, говоря, что большинство участниковъ послѣднихъ безпорядковъ состояло изъ эмигрантовъ и ихъ слугъ. Но народная чернь не могла помириться съ такимъ толкованіемъ. Въ вывѣшенныхъ на стѣнахъ политическихъ воззваніяхъ можно было найти на ряду съ монархическими манифестаціями въ родѣ: «господа депутаты! не бойтесь за ваши 18 франковъ въ день, взамѣнъ ихъ получите Луи (Louis)», и чисто анархическія заявленія. «Богатые, значилось въ одномъ изъ нихъ, много выиграли отъ революціи: она обезпечила имъ свободу и равенство. Бѣдные же не знаютъ, что дѣлать со своей свободой, такъ какъ прежде чѣмъ жить свободными, надо еще жить; революція не кончится раньше, какъ послѣ того, когда народу обезпечена будетъ возможность владѣть собственностью». Монархическія кокарды стали появляться одновременно на шляпахъ съ изображеніемъ слова univers, раздѣленнаго пополамъ большою буквою L, что давало возможность читать: объединены въ стремленіи къ Людовику (uni-vers-Louis).

Нужда чувствовалась не только въ столицѣ, но и въ такихъ городахъ, какъ Нантъ или Гренобль. Первый, со своими 120,000 жителей, ожидалъ со дня на день наступленія голода. Одинъ изъ его депутатовъ въ мартѣ 1793 года требовалъ отъ конвента ссуды въ одинъ милліонъ восемьсотъ тысячъ фунтовъ для борьбы съ народнымъ бѣдствіемъ. Подобныя же ссуды сдѣланы были ранѣе и съ тою же цѣлью Марселю и Ліону. 16 апрѣля хлѣбъ въ Гренòблѣ уже стòилъ 9 су фунтъ, тогда какъ въ Парижѣ онъ все еще оставался на высотѣ $3^1/_4$ су; правда, къ семи часамъ вечера уже нельзя было найти его ни за какія деньги. Крестьянинъ не хотѣлъ везти хлѣба въ столицу, такъ какъ принужденъ былъ обмѣнивать его на обезцѣненныя ассигнаціи; конвентъ же надѣялся сломать всѣ противодѣйствія, грозя шестилѣтнимъ заключеніемъ въ тюрьмѣ тому, кто откажется принять ихъ [1]).

Несмотря на всѣ эти внутреннія затрудненія, республика и изъ-за границы слышала нерѣдкое выраженіе симпатій и готовности оказать ей поддержку. 27 ноября депутація, составленная изъ англичанъ и шотландцевъ, поселенныхъ въ Парижѣ, явилась въ конвентъ съ заявленіемъ, что страстно желаетъ союза Великобританіи съ Французской республикой въ интересахъ свободы и мира Европы.

Два часа спустя делегаты, посланные клубомъ «друзей революціи въ Лондонѣ», явились съ предложеніемъ 6000 паръ обуви для французскихъ солдатъ. Этотъ подарокъ прибылъ въ Дюнкирхенъ какъ нельзя болѣе кстати. Президентъ конвента поблагодарилъ депутацію отъ имени французовъ, прибавляя, что въ близкомъ будущемъ надѣется привѣтствовать конвентъ англійской націи [2]).

Въ депешѣ отъ 4-го декабря Паволари сообщалъ еще болѣе тревожныя извѣстія. Парижскіе журналы печатали о готовности Генуи присоединиться, и одновременно возникалъ въ ней народный клубъ, подъ наименованіемъ «клуба свободы», въ который завербованы были на ряду съ поселенцами-французами и офицеры генуэзскаго флота. Въ анонимномъ письмѣ, полученномъ изъ Италіи въ началѣ января 1794 года, и которое Паволари

[1]) Письмо отъ 16 апрѣля 1793 года.

[2]) Письмо отъ 4 декабря 92 г.

удалось добыть въ копіи для венеціанскихъ инквизиторовъ, буквально значилось: «Пьемонтъ съ нетерпѣніемъ ждетъ прибытія французскихъ войскъ. Генуя желала бы сбросить съ себя иго тридцати олигарховъ. Миланъ трепещетъ отъ негодованія при видѣ, что его сокровища уходятъ въ Вѣну. Пармѣ надоѣло безсмысліе ея Бурбона, который отправляетъ обязанности сакристана вмѣсто того, чтобы заниматься дѣлами управленія. Модена ненавидитъ своего государя за его скряжничество. Венеція съ негодованіемъ относится къ ярму, возложенному на нея синьеріей. Подданные папы уже не разъ заставляли блѣднѣть своихъ одѣтыхъ въ пурпуръ тирановъ. Тоскана взываетъ къ свободѣ и не хочетъ подчиняться власти Леопольда Австрійскаго. Неаполь, въ которомъ доселѣ держится феодализмъ и король ласкаетъ чернь, чтобы легче удержать ее въ цѣпяхъ, народъ, возмущенный произволомъ и пороками королевы, ничтожествомъ ея державнаго супруга и наглостью министровъ, живетъ въ недовольствѣ и близокъ къ возстанію. Такимъ образомъ, всѣ народы Италіи вздыхаютъ по свободѣ. Римской куріи удалось поглотить ихъ сокровища, но она была безсильна принизить ихъ души. Итальянцы всегда были и менѣе суевѣрны, и менѣе набожны, чѣмъ другія католическія націи. Ужъ слишкомъ близко живутъ они къ великому шарлатану (папѣ)» [1]).

Не менѣе тревожныя извѣстія сообщаетъ изъ Парижа другой тайный корреспондентъ, Джузеппе Ле-Руа [2]). Въ засѣданіи 26 мая 1793 года, пишетъ онъ, въ комитетѣ общественнаго спасенія прочитано было письмо французскаго эмиссара Тилли. Послѣдній жалуется на то, что Франція не сразу послала свой флотъ для занятія Генуи. Послѣдствіемъ этого сдѣлались усиленныя гоненія противъ патріотовъ, подъ которыми уже въ это время разумѣлись приверженцы Франціи, сторонники ея демократическихъ принциповъ. Тилли пишетъ, что родственники заключенныхъ патріотовъ обратились къ нему съ просьбой похлопотать объ отпущеніи ихъ на свободу, но онъ не рѣшился дать хода

---

[1]) Письмо отъ 15 января 1793 года.

[2]) Venezia. Archivio di Stato Inquisitori di Stato, Riferte di confidenti. Busta № 630. Le Roy (Giuseppe).

ихъ ходатайству, такъ какъ напередъ увѣренъ былъ въ отказѣ. Корреспондентъ комитета общественнаго спасенія въ то же время увѣдомлялъ, что число сторонниковъ Франціи продолжаетъ быть весьма значительнымъ, что всѣ они обнаруживаютъ большую ревность, но что тѣмъ не менѣе знамя возстанія будетъ поднятно не раньше, какъ по исполненіи Франціей ея обѣщанія занять Савону. Французскій эмиссаръ настаиваетъ на необходимости скорѣйшаго исполненія этого обѣщанія и получаетъ въ отвѣтъ, что комитетомъ уже приняты на этотъ счетъ необходимыя мѣры. На слѣдующій день приходитъ письмо изъ Флоренціи отъ тамошняго резидента, увѣдомляющаго, что, открывая ливорнскій портъ англійскому флоту, великій герцогъ тосканскій въ то же время не прочь дать проходъ французскимъ войскамъ, буде послѣднія пожелаютъ проникнуть во внутреннюю Италію черезъ его владѣнія [1]). Венеціанское правительство такимъ образомъ увѣдомлено было заблаговременно о предстоящемъ нашествіи французовъ на Апеннинскій полуостровъ, и его опасенія на этотъ счетъ, повидимому, раздѣлялись еще въ началѣ 1794 года другими итальянскими правительствами, въ томъ числѣ неаполитанскимъ [2]).

Замѣчательно, что еще въ іюлѣ 1794 года Тилли, жалуясь на медленность, съ какой французское правительство подготовляетъ революцію въ Генуѣ, уже настаивалъ на необходимости прислать ему генерала Бонапарта для переговоровъ о планѣ дѣйствій. Самъ онъ предлагалъ одновременное занятіе Савоны войскомъ и Специи флотомъ, присланнымъ изъ Тулона. Чрезъ Массу и Лукку можно было бы проникнуть въ Тоскану и взять съ нея контрибуцію милліоновъ въ двадцать. Въ отвѣтъ члены комитета общественнаго спасенія объявили, что Робеспьеръ Младшій, состоявшій эмиссаромъ конвента при войскахъ, дѣйство-

---

[1]) Ibid. Письмо отъ 28 іюня 1793 года.

[2]) Тайный корреспондентъ ДжузеппеГрадениго, Франческо Апостоли, увѣдомляетъ его о полученіи 19 января 1793 года по венеціанскому лѣтосчисленію письма изъ Неаполя, въ которомъ говорится: «Италіи грозитъ нашествіе и внутреннее потрясеніе». Венеціанскій годъ начинался съ марта мѣсяца, такъ что 13 января 93 года у венеціанцевъ отвѣчало нашему 13 января 94 года.

вавшихъ въ Ниццскомъ округѣ, вызванъ въ Парижъ; что всѣ его проекты на счетъ военной оккупаціи Италіи одобрены и что походъ откроется немедленно, какъ только законченъ будетъ третій наборъ, задача котораго доставить контингентъ для итальянской арміи [1]). Такимъ образомъ, Венеція вправѣ была ожидать скораго приближенія французскихъ войскъ, но ничто, разумѣется, не предвѣщало занятія ими ея провинцій. Все, чего можно было опасаться, это усиленія революціонной пропаганды и образованія въ предѣлахъ самаго государства демократической партіи, проникнутой принципами 89 года.

Въ этомъ именно смыслѣ высказывался посланный въ Парижъ венеціанскимъ резидентомъ въ Базелѣ, Рокко Санфермо, агентъ Дагобертъ Гвисендорферъ, родомъ швейцарецъ; онъ утверждалъ, что ему удалось встрѣтиться за обѣдомъ съ Робеспьеромъ и Кутономъ, которые сообщили ему о намѣреніи предпринять походъ въ Италію и создать въ ней предварительно благопріятную Франціи и ея принципамъ пропаганду. 11000000 будто бы затрачены съ этою цѣлью. Что касается въ частности Венеціи, то на нее не сдѣлано будетъ прямого нападенія, но по мѣрѣ того, какъ французскія войска станутъ приближаться къ ея границамъ, въ ней сумѣютъ породить внутреннія волненія какъ въ провинціяхъ, такъ и въ столицѣ, а это рано или поздно «откроетъ входъ въ самое сердце страны» [2]).

---

[1]) Письмо Le Roy отъ 12 іюля 1794 года.

Приводимыя тайными агентами тревожныя извѣстія вполнѣ оправдывались дѣйствительностью. Комитетъ общественнаго спасенія озабоченъ былъ въ началѣ 1794 года вопросомъ о военномъ занятіи Италіи. Его тайные корреспонденты изображали эту страну способной сдѣлаться добычей любой завоевательной арміи; она богата всѣми предметами первой необходимости, которые позволятъ войску провіантироваться на ея счетъ. Робеспьеръ Старшій высказался въ пользу похода. Начало ему должно было положить занятіе Генуи. Правительство этой республики, писалъ Робеспьеръ 16 іюня, можетъ быть сдерживаемо только страхомъ. Надо запугать его, чтобы добиться явнаго выраженія того признанія, какимъ республика и ея арміи должны пользоваться повсюду. (Смотри Sorel. L' Europe et la révolution française, часть 4, стр. 70).

[2]) Dispaccio del secr. Rocco Sanfermo da Basilea 6 giugno 1794 г. agl'Inquisitori di Stato. Romanin. Storia documentata di Venezia, томъ XI, documenti, № 24.

§ 2.

Венеціанская синьерія всячески старалась оградиться отъ разлива иностранныхъ идей. Антоніо Капелло и Алморо Пизани получали отъ инквизиторовъ запросъ касательно именъ лицъ, посланныхъ эмиссарами въ Италію. 7 апрѣля 1792 года тому же Пизани отправленъ былъ приказъ разузнать, не служитъ ли корреспонденція парижской академіи съ венеціанскими учеными обществами средствомъ къ пересылкѣ революціонныхъ воззваній; не даромъ де въ стѣнахъ академіи засѣдаютъ завѣдомые революціонеры, въ родѣ Бальи и Кондорсэ [1]).

Одновременно правительство принимало энергичныя мѣры для контроля за поведеніемъ собственныхъ подданныхъ и французскихъ дипломатическихъ агентовъ, аккредитованныхъ при республикѣ Св. Марка. Ими въ 92 и 93 годахъ были сперва Феликсъ Генинъ, а затѣмъ Ноэль и Жакобъ. Такъ какъ вслѣдъ за революціей 10-го августа Пизани удалился въ Англію, то и французскому правительству пришлось отозвать изъ Венеціи своего министра, предоставивъ веденіе дѣлъ второстепеннымъ агентамъ. Этими агентами были уже названные Ноэль и Жакобъ. Инквизиторы сочли нужнымъ установить за ними постоянный надзоръ, такъ какъ считали ихъ своего рода эмиссарами, готовыми поднять подданныхъ на правительство, распространяя и поддерживая въ нихъ пристрастіе къ демократіи и свободѣ. Шпіоны, извѣстные въ Венеціи подъ наименованіемъ «лицъ, пользующихся довѣріемъ инквизиторовъ» (confidenti), призваны были наблюдать за каждымъ шагомъ любого изъ лицъ французской миссіи, вести списокъ тѣмъ изъ венеціанцевъ, кто входилъ съ ними въ ближайшія сношенія, выслѣживать поведеніе французскихъ поселенцевъ и лицъ, прибывающихъ въ республику Св. Марка изъза границы, посѣщать кафе, игорные дома, лавки, торгующія аптечными товарами и пряностями, и принимать участіе въ происходящихъ здѣсь бесѣдахъ, съ цѣлью дать себѣ отчетъ о сочувствіи, какимъ пользуются французскіе демократы среди под-

[1]) Посланіе инквизиторовъ отъ 7 апрѣля 1792 года. Archivio di Stato. Inquisitori di Stato. Filza 545.

данныхъ. Не въ одной Венеціи назначены были подобные агенты, мы встрѣчаемъ ихъ также въ городахъ Terra Ferma, въ Падуѣ, Веронѣ, Бресчіи, Бергамо и т. д.

Донесенія confidenti этихъ послѣднихъ годовъ венеціанской независимости дошли до насъ въ цѣлости. Съ помощью ихъ возможно нарисовать картину общественнаго настроенія жителей венеціанской республики въ эпоху французской революціи и констатировать, сперва медленный, а затѣмъ все болѣе и болѣе ускоряющійся ростъ демократическихъ принциповъ и симпатій.

Падуя издавна слыла наиболѣе безпокойнымъ городомъ не только потому, что ея дворянство, лишенное всякаго участія въ управленіи, тяготилось своимъ бездѣйствіемъ, но и потому, что студенчество, стекавшееся массами на лекціи знаменитѣйшихъ профессоровъ Италіи, представляло всегда готовый элементъ для броженія. Въ официальныхъ и частныхъ отчетахъ, составленныхъ десятки лѣтъ до революціи, можно прочесть: «изъ всѣхъ жителей Terra Ferma никто не обнаруживаетъ большей враждебности въ Венеціи, какъ падуанцы» [1]).

Въ мемуарахъ, вышедшихъ изъ-подъ пера мѣстныхъ обывателей, не разъ упоминается о студенческихъ исторіяхъ. Свистки той или другой актрисѣ, покровительствуемой придержащими властями, часто становятся предлогомъ къ домашнимъ обыскамъ съ цѣлью отобранія оружія, дозволеннаго студентамъ, не въ примѣръ прочимъ жителямъ Terra Ferma. Обыски, разумѣется, только вызываютъ новые безпорядки. Шумныя петиціи, поддерживаемыя многосотенною толпою, неудачное посредничество профессоровъ, закрытіе магазиновъ и лавокъ, приказъ солдатамъ очистить площадь отъ бунтарей, стрѣльба, аресты, исключенія, одобреніе мѣръ полиціи университескимъ начальствомъ и поспѣшное прекращеніе лекцій профессорами въ надеждѣ положить конецъ дальнѣйшимъ безпорядкамъ, однимъ словомъ все, что дѣлается въ такихъ случаяхъ и въ наши дни, повторяется въ Падуѣ не далѣе какъ въ январѣ 1788 года [2]).

---

[1]) Padova. Bibl. Univ. clss. 132. Relazione della città e republica di Venezia (XVIII s.).

[2]) Муниципальная библіотека Падуи. ms. Compendio istorico degli

Съ трудомъ затушенная «исторія», очевидно, оставила сѣмена недовольства въ мѣстной интеллигенціи, въ той самой, которая охотно посѣщала размножившіяся за послѣднее время кофейни. Въ дневникѣ падуанца Джироламо - Полькастро сдѣлана подъ 29 марта 1787 года слѣдующая помѣтка: «до чего увеличилось число кофеенъ, можно судить по тому, что ихъ насчитываютъ нынѣ 77. Онѣ замѣнили собою кабаки, въ которыхъ простонародье начинало утро рюмкою водки, и лавки дрогистовъ, куда болѣе зажиточные изъ нашихъ предковъ заходили за пряностями и гдѣ они проводили нерѣдко часъ, другой, въ болтовнѣ о новостяхъ».

Въ декабрѣ 1790 года кофейни запружены студентами. Тотъ же очевидецъ сообщаетъ, что отсутствіе дисциплины все рѣзче и рѣзче выступаетъ въ поведеніи молодежи. Она проводитъ время въ игрѣ и шумныхъ бесѣдахъ, продолжающихся далеко за полночь; въ театрѣ шиканье актрисамъ продолжается съ прежней наглостью. Площади и улицы оглашаются среди ночи криками ликующихъ студентовъ [1]).

Въ этой буйной молодежи не трудно было найти готовую почву для пропаганды. Въ числѣ первыхъ агентовъ ея приходится назвать медика еврея Соломонъ. Въ дневникѣ Полькастро мы находимъ слѣдующую замѣтку: февраль 1793 года (по венеціанскому лѣтосчисленію, 1794—по нашему) въ полдень задержанъ былъ рукою сбира еврей докторъ Соломонъ и уведенъ въ тюрьму. Вскорѣ затѣмъ мы увидѣли его въ цѣпяхъ по рукамъ и по ногамъ и съ капюшономъ на головѣ. Онъ посаженъ былъ въ экипажъ, въ обществѣ другого сбира, и отправленъ въ Венецію. Его вина очевидна, такъ какъ онъ открыто высказывался въ пользу того, что происходитъ во Франціи. Говорятъ даже о тайной корреспонденціи его съ членами Батавской республики. Если это правда, то да ниспошлетъ ему Богъ добрую кару [2]).

Гораздо спокойнѣе ведетъ себя многочисленное населеніе Ве-

---

avvenimenti accaduti nella città di Padova o ad essa appartenenti, scritto da Girolamo Polcastro Padovano. Libro II, стр. 9.

[1]) Ibid., книга I, стр. 60, книга IV, стр. 258.

[2]) Ibid., книга VI, стр. 36.

роны, города, въ которомъ въ 1795 году можно было насчитать до 50,000 жителей [1]).

По отзыву одного изъ довѣренныхъ лицъ венеціанскихъ инквизиторовъ, Франческо Агдоло, общее настроеніе жителей еще въ декабрѣ 1794 года было «самымъ желательнымъ». Народная чернь совершенно не задѣта пропагандой, но въ среднемъ классѣ уже попадаются масоны, ихъ можно встрѣтить, между прочимъ, въ двухъ кофейняхъ: кафе Чіомпи и кафе Гарбинъ... Принимая Агдоло за своего человѣка, нѣкоторые изъ посѣтителей этихъ кафе сдѣлали ему масонскіе знаки. Само дворянство Вероны, которое, какъ и во всѣхъ городахъ Terra Ferma, ревниво удаляемо было венеціанцами отъ занятія публичныхъ должностей, тѣмъ не менѣе, по отзыву агента, проникнуто «добрымъ духомъ». Религіозность составляетъ общую его черту, и въ этомъ отношеніи правительство можетъ быть вполнѣ спокойно, такъ какъ «съ вѣрою въ Бога всегда связано повиновеніе придержащимъ властямъ». Масоны пока еще немногочисленны и составляютъ предметъ презрѣнія для большинства [2]).

Не ранѣе прихода французскихъ войскъ въ Верону обнаружились демократическія пристрастія членовъ либеральныхъ профессій. Въ приговорѣ, которымъ государственные инквизиторы присудили къ трехлѣтнему заключенію въ Зарѣ адвоката Людовика Компаніола изъ Вероны, значится, что онъ ратовалъ противъ всѣхъ правительствъ, не исключая венеціанскаго. Называлъ онъ ихъ тираническими и предпочиталъ имъ французское. Онъ также кощунствовалъ, объявлялъ католическую вѣру предразсудкомъ и писалъ гнусности противъ набожнаго образа жизни [3]).

Въ пограничныхъ съ австрійской Ломбардіей городахъ Бергамо и Бресчіа общее настроеніе жителей также не предвѣщало, по показаніямъ confidenti, возможности близкаго революціон-

---

[1]) Муниципальная библіотека въ Веронѣ. MS. № 2051. Stato delle anime della Citta di Verona, Nel 1795.

[2]) Archivio di Stato. Riferte di Confidenti Busta № 543. Донесенія Франческо Агдоло изъ Вероны отъ 1784 по 1797 годъ. Смотри въ частности донесеніе отъ 6 декабря 1794 и отъ 27 декабря того же года.

[3]) Inquisitori di Stato. Annotazioni. Съ 1793 по 97 годъ. Fol. 115.

наго потрясенія. Правда, отъ венеціанскаго резидента въ Базелѣ, Рокка Санъ Фермо, приходитъ 22 августа 1794 года тревожное извѣстіе: комитетъ общественнаго спасенія отправилъ въ Италію коммиссаромъ мѣстнаго уроженца, человѣка съ большимъ талантомъ и большой проницательностью. Со дня на день онъ долженъ прибыть въ Бергамо, чтобы расположить здѣсь умы къ принятію французскихъ принциповъ, другими словами—началъ 1789 года [1]). Правительство тщетно старается узнать имя этого опаснаго союзника революціи. Усилія, сдѣланныя въ этомъ направленіи мѣстными властями, не увѣнчались успѣхомъ; только наканунѣ возстанія, поведшаго къ отдѣленію Бергамо отъ венеціанской республики, инквизиторы рѣшились наложить руку на нѣкоторыхъ сторонниковъ демократіи, во главѣ другихъ на Карла Пеполи, считавшагося душою кружка, въ составъ котораго входили дворянинъ Франческо Нокатемги и адвокатъ Рота-Витали, «сторонники равенства, противники религіи и верховенства республики Св. Марка, дерзостные хулители самого трибунала венеціанскихъ инквизиторовъ». Глава ихъ, Пеполи, присужденъ былъ къ заточенію въ піомби [2]).

Эти незначительные предвѣстники грядущей бури внушали инквизиторамъ меньше опасенія, чѣмъ успѣхъ «духа времени», духа Вольтера и энциклопедіи въ самой столицѣ. Путь ему былъ проложенъ уже давно и можетъ быть не безъ участія самой синьеріи. Охраняя интересы свѣтскаго государства противъ захватовъ духовенства, правители Италіи, начиная съ Филиппа Пармскаго, принимали дѣятельныя мѣры къ ограниченію территоріальныхъ богатствъ церкви и сокращенію самаго числа монаховъ. Декретами венеціанскаго сената отъ 1767 и 1768 года предписано было, какъ мы видѣли, закрытіе многихъ обителей, такъ что число иноковъ съ 5798 пало сразу до 3270. Имущества упраздненныхъ монастырей, не поступившія въ продажу съ публичныхъ торговъ, сосредоточились въ рукахъ государ-

---

[1]) Archivio di Stato. Inquisitori di Stato. Busta № 487. Dispacci degli Ambasciatori in Svizzera.

[2]) Смотри Archivio di Stato. Inquisitori di Stato. Annotazioni (1793 по 1797 годъ). Folio 87, отъ 28 мая 1796 года.

ства, позволяя ему между прочимъ увеличить жалованіе приходскихъ священниковъ съ 57 на 250 дукатовъ въ годъ. Одновременно упраздненъ былъ одинъ изъ главнѣйшихъ источниковъ обогащенія чернаго духовенства — запрещенъ сборъ подаяній всѣмъ, кромѣ нищенствующихъ монаховъ. Упраздненіе ордена іезуитовъ, проведенное папою Ганганелли въ іюлѣ 1773 года, позволило перенесть заботу о воспитаніи юношества въ свѣтскія руки. Извѣстному педагогу Гоцци поручено изготовленіе проектовъ устройства свѣтскихъ школъ въ Венеціи и Падуѣ. Высшее образованіе съ каждымъ годомъ получало новое расширеніе, и тогда какъ въ первой половинѣ столѣтія всего на всего основаны были въ Падуѣ двѣ новыя каѳедры, съ 1759 года въ теченіе 15-ти лѣтъ ихъ возникло цѣлыхъ семь. Въ самое преподаваніе даже такихъ предметовъ, какъ публичное право римской церкви, проникъ постепенно духъ анализа и критики; такъ что въ 1772 году поставленные во главѣ университета реформаторы сочли нужнымъ удалить профессора Фабро, виновнаго въ «необдуманныхъ, туманныхъ и опасныхъ теоріяхъ», изложенныхъ «въ выраженіяхъ двусмысленныхъ, шутливыхъ и насмѣшливыхъ, отчего католической вѣрѣ могъ причиниться только вредъ и униженіе» [1]).

Духъ вѣка сказался, наконецъ, и въ области политическихъ учрежденій, вызывая въ лицѣ друга Вольтера, Анжелло Квирини, попытку остановить вырожденіе венеціанской аристократіи въ деспотизмъ немногихъ олигарховъ и ограничить власть государственныхъ инквизиторовъ въ пользу большого совѣта. Его обвиняли въ желаніи воспользоваться тѣми правами, какими надѣлялъ его постъ одного изъ трехъ адвокатовъ общины, весьма близкій по характеру къ тому, который нѣкогда принадлежалъ римскимъ трибунамъ, чтобы опротестовать многія мѣры, принятыя за послѣднее время инквизиторами и совѣтомъ десяти. Эти мѣры заключали въ себѣ на его взглядъ нарушеніе законовъ и превышеніе власти. Чтобы сдѣлать невозможнымъ даль-

---

[1]) Occioni-Bonaffons Giuseppe, la cattedra di Gius publico ecclesiastico e il prof. Angelo Antonio Taboro, contributo alla storia della Università di Padova, in Atti del R. Institute veneto di scienze, lettere ed arti. Tomo VII, serie VI. Venezia, 1889, di poug. 29.

нѣйшіе захваты, Квирини долженъ былъ потребовать назначенія особыхъ реформаторовъ или такъ называемыхъ «corretori», которые не разъ уже призываемы были къ возстановленію въ цѣлости старинной конституціи и пересмотру тѣхъ органическихъ законовъ, которыми должны были руководствоваться въ своей дѣятельности различныя коллегіи и единоличные сановники Венеціи.

Въ одной частной корреспонденціи, уцѣлѣвшей въ рукописяхъ библіотеки Св. Марка, говорится, что инквизиторы и во главѣ ихъ личный врагъ адвоката общины, Дона, утверждали, что по слухамъ, дошедшимъ до нихъ, благодаря тайнымъ агентамъ или confidenti, Квирини собирался произвесть настоящій coup d'état. Предвидя, что его рѣчь будетъ прервана и что самъ онъ принужденъ будетъ покинуть трибуну, адвокатъ общины поручилъ будто бы своимъ единомышленникамъ окружить его въ числѣ 25 или 30 человѣкъ и тѣмъ силою помѣшать тому, чтобы секретарь совѣта не передалъ приказа о прекращеніи преній. Чтобы предупредить такое нарушеніе общественнаго спокойствія, инквизиторы приняли мѣры къ аресту Квирини почти наканунѣ самаго засѣданія. Въ то время, какъ онъ, слѣдуя своему обыкновенію, отправлялся вечеромъ въ казино, расположенное въ приходѣ Санъ-Моизэ (т. е. Св. Моисея), гдѣ и собирался провесть ночь, къ нему подошелъ служитель инквизиціи Игнатій Бельтрамъ и передалъ ему приказъ верховнаго трибунала слѣдовать за нимъ немедленно. Квирини едва успѣлъ послать двѣ записки, брату Виченцо и личному другу Джустиніани, и то подъ предлогомъ необходимости перемѣнить одежду. Доставленный на одной изъ гондолъ инквизиторовъ въ Фузинэ, онъ препровожденъ былъ затѣмъ въ тюремный замокъ въ Веронѣ. Все это послѣдовало въ серединѣ августа 1761 года [1]).

Арестомъ Квирини не прекратилась начатая агитація; его единомышленникамъ удалось провести въ большомъ совѣтѣ предложеніе касательно выбора такъ называемыхъ «corretori»,

---

[1]) Смотри Bibl. Marciana. Relazione delle cose accorse e delle tenute in Major Cons. per la Correzzione del Eccelentissi mo Consiglio di X seguita l'anno 1762, estesa in 12 lettere da N. Balbi. Письма отъ 15, 22 и 29 августа 1761 года.

или реформаторовъ законовъ; но въ составъ ихъ прошло только меньшинство лицъ, желавшихъ ограниченія функцій инквизиторовъ. Голоса раздѣлились не равно, трое оказались благопріятными расширенію правъ совѣта десяти и инквизиторовъ. Всего два человѣка высказалось въ пользу рѣшительнаго ограниченія функцій послѣднихъ по отношенію къ суду надъ дворянами и сановниками, призванными засѣдать въ большомъ совѣтѣ. Изгнаніе или заключеніе въ тюрьму на два года признавалось ими высшимъ наказаніемъ, какое инквизиторы собственной властью могутъ наложить на венеціанскихъ «nobili». Арестованный вправѣ требовать немедленной передачи его дѣла совѣту десяти, который одинъ можетъ постановлять рѣшенія во всѣхъ случаяхъ, требующихъ болѣе суроваго наказанія, а также по всѣмъ тѣмъ дѣламъ, въ которыхъ виновными были сановники, засѣдавшіе въ совѣтѣ.

Оба предложенія, большинства и меньшинства, поступили на обсужденіе общаго собранія патриціевъ: первое поддерживалось соображеніями, которыя свидѣтельствовали о вліяніи духа времени даже на тѣхъ, кто, повидимому, всего болѣе призванъ былъ ему противиться. Исключеніе дворянъ отъ подсудности инквизиторамъ объявлялось несогласнымъ съ принципомъ равенства. Ссылками на Макіавелли, считавшаго одной изъ причинъ упадка Флоренціи отсутствіе публичныхъ обвинителей, способныхъ призвать къ отвѣту даже дворянъ, поддерживалась необходимость сохранить за инквизиторами право свободнаго ареста и тайнаго суда самихъ аристократовъ. Въ сокращеніи функцій инквизиторовъ видѣли только первый шагъ къ отмѣнѣ сперва ихъ самихъ, а затѣмъ и совѣта десяти.

Въ свою очередь сторонники реформы приводили съ уваженіемъ авторитетъ Монтескье, признавшаго трибуналъ инквизиторовъ тираническимъ и совѣтовавшаго ограничить его функціи однимъ докладомъ и обвиненіемъ. Его существованіе объявлялось несогласнымъ со свободою, которая требуетъ подчиненія законамъ, а не частному произволу. Вмѣшательство въ споръ тайнаго единомышленника Квирини, совѣтника Пауло Ренье, стоявшаго за то, чтобы сохранить все попрежнему подъ условіемъ передачи дѣла на разбирательство совѣта десяти, по-

вело за собою неожиданное пораженіе всего проекта реформы; правда, побѣда достигнута была всего на всего большинствомъ двухъ голосовъ, но семитысячная толпа простонародья, съ самаго утра занявшая площадь Св. Марка и теперь привѣтствовавшая восторженными криками торжество инквизиторовъ, не оставляла ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что идея политической свободы съ тѣми ограниченіями одною дворянскою средою, какія ставила ей передовая партія большого совѣта, не встрѣчала въ народныхъ массахъ ни малѣйшаго сочувствія [1]).

И въ болѣе близкую къ революціи эпоху сдѣланы были въ Венеціи попытки обновленія устарѣвшей политической машины на началахъ бо́льшаго равенства и бо́льшей свободы; онѣ связаны съ именами двухъ лицъ: Джорджіо Пизани и Карло Контарини. Мѣстомъ собранія единомышленниковъ было кафе Лондонъ; въ этомъ кафе не разъ велись рѣчи о томъ, что республика близка къ погибели, отъ которой можетъ спасти ее только неотложная реформа. Заговорщики, такими по крайней мѣрѣ считаютъ ихъ инквизиторы, объявляли себя «сторонниками общественнаго блага и патріотами, не знающими страха даже передъ верховнымъ трибуналомъ республики». Они высказывали надежду, что вскорѣ настанетъ возможность сбросить иго этого трибунала и вернуть республикѣ утраченную ею свободу [2]). Патріотовъ особенно озабочивало возрастаніе цѣнъ на припасы, послѣдствіемъ чего было ухудшеніе матеріальнаго благосостоянія простонародія, чрезмѣрное развитіе роскоши, грозившее разореніемъ дворянства и сопровождавшееся упадкомъ общественной нравственности, наконецъ реформа политическихъ учрежденій въ смыслѣ расширенія тѣхъ основъ, на которыхъ опиралось владычество венеціанской аристократіи. Они предлагали восполненіе большого совѣта, составъ котораго, благодаря постепенному

---

[1]) Смотри Franceschi. Storia della Correzione del Consiglio de' Dieci 1761. Cod. DCCLXXVI, въ библ. Св. Марка. Имъ пользуется Романинъ въ своей Storia documentata di Venezia, томъ VIII, стр. 108—138.

[2]) Annotazioni, 30 мая 1780 года, ms. archivio di Stato цитировано въ брошюрѣ Guiseppe Occioni-Bonaffons. La Republica di Venezia alla vigilia della Revoluzione francese, стр. 21.

вымиранію многихъ родовъ, свелся къ членамъ двухсотъ двадцати династій [1])—дворянствомъ Terra Ferma.

Назначеніе реформаторовъ или такъ называемыхъ correttori и на этотъ разъ было избрано, какъ средство для проведенія реформы. Предложеніе въ этомъ смыслѣ сдѣлано было Джорджіо Пизани и принято большинствомъ совѣта въ засѣданіи 18-го августа 1775 года. Въ слѣдующемъ затѣмъ январѣ послѣдовало рѣшеніе реформаторовъ закрыть игорные дома и клубы, увеличить жалованье второстепеннымъ чиновникамъ и включить въ составъ совѣта сорокъ аристократическихъ родовъ, принадлежащихъ къ дворянству Terra Ferma. Этотъ послѣдній проектъ прошелъ большинствомъ голосовъ въ совѣтѣ, но всего девять семействъ воспользовались дарованной возможностью вступить въ ряды правящаго класса, такъ велика была, замѣчаетъ Романинъ, перемѣна, происшедшая въ общественномъ мнѣніи со временъ войны за Кандію, когда многіе соглашались заплатить сто тысячъ дукатовъ, лишь бы добиться венеціанскаго дворянства [2]).

Съ этого времени и въ теченіе пяти лѣтъ имена Джорджіо Пизани и Карла Контарини съ большимъ или меньшимъ основаніемъ связываются со всякими проектами демократизаціи республики. Вниманіе инквизиторовъ особенно привлекаетъ рѣчь, произнесенная Контарини 3 декабря 1779 года въ стѣнахъ большого совѣта. Въ ней онъ указывалъ на бѣдность народа, на роскошь дворянства и на грабительство чиновниковъ, награждаемыхъ ничтожнымъ жалованьемъ, какъ на главные источники упадка Венеціи. Ораторъ нападалъ также на недостаточность образованія, получаемаго дворянами въ благородномъ пансіонѣ, и на отсутствіе серьезнаго присмотра за ихъ нравственностью. Все захудалое дворянство, всѣ такъ называемые Барнаботы, горячо стояли за представленіе Контарини и настаивали на выборѣ новыхъ correttori. На этотъ разъ реформаторы встрѣтили поддержку и внѣ стѣнъ большого совѣта, такъ что при назначеніи своемъ прокураторомъ Святого Марка Пизани 8 марта 1780 года сопро-

[1]) Li nobili tutti uniti si contano al numero di 200 circa familie (Relazione della città e republica di Venezia) Padova Bibl. Univ. ms. 132.

[2]) Romanin, томъ VIII, стр. 210.

вождаемъ былъ на пути во дворецъ дожа свитою, въ составъ которой входило 352 дворянина и безчисленная толпа простонародія. Этого было достаточно, чтобы возбудить опасенія инквизиторовъ. Едва отпразднованъ былъ приверженцами реформаторовъ банкетъ въ Брагора (народномъ кварталѣ Венеціи) и на немъ раздались много обѣщавшія слова Пизани: «будемъ тверды духомъ, и все пойдетъ хорошо», какъ 31 мая инквизиторы распорядились арестомъ обоихъ пріятелей: Пизани препровожденъ былъ въ замокъ Вероны, откуда съ теченіемъ времени его перевели въ Бресчію, а Контарини въ крѣпость, расположенную въ Катаро. Одновременно приняты мѣры противъ всякаго рода сообществъ и въ частности противъ масонскихъ [1]). Но эти мѣры не ранѣе 1785 года, эпохи, когда въ Венеціи распространился слухъ о предстоящемъ поджогѣ арсенала, повели къ окончательному закрытію ложи, собиравшейся въ улицѣ Маринъ, въ частномъ помѣщеніи нѣкоего Коломбо.

Главою ложи, въ составъ которой входили по преимуществу дворяне, но также нѣсколько аббатовъ и приходскихъ священниковъ, былъ нѣкто Михаилъ Сэсса, родомъ неаполитанецъ. Въ корреспонденціяхъ съ венеціанской ложей состояли ложи въ Падуѣ, Винченцѣ и Веронѣ. Повидимому, инквизиторы не въ состояніи были найти ничего предосудительнаго въ поведеніи «свободныхъ каменщиковъ», такъ что никто изъ нихъ не былъ призванъ къ отвѣту. Дѣло ограничилось сожженіемъ эмблемъ и украшеній. Масоны казались опасными не въ виду характера проповѣдуемыхъ ими ученій, а какъ тайное общество, готовое на своихъ собраніяхъ обсуждать и религіозные, и политическіе вопросы.

Боясь новыхъ броженій, правительство рѣшилось запретить всякаго рода бесѣды о текущихъ дѣлахъ и приставило тайныхъ агентовъ къ клубамъ, кофейнямъ, аптекамъ и даже парикмахерскимъ. Въ особомъ докладѣ о внутреннемъ состояніи метрополіи одинъ изъ confidenti обращалъ вниманіе инквизиторовъ на необходимость зоркаго наблюденія за всѣми этими

---

[1]) О масонахъ въ Венеціи смотри Dandolo. La caduta della Repubblica di Venezia, приложеніе, стр. 1—15.

заведеніями частью въ интересахъ искорененія пороковъ, частью ради предупрежденія опасныхъ бесѣдъ, сопровождающихся всякаго рода неразумными предпріятіями противъ внутренняго мира и благополучія республики. «Правительство, писалъ онъ, не должно терять изъ виду быстраго размноженія кофеенъ, которыя открываютъ возможность людямъ празднымъ болтать безъ умолка и критиковать безъ удержи все, что происходитъ на ихъ глазахъ; ничто не избѣгаетъ ихъ цензуры, ни поведеніе почтенныхъ сановниковъ, ни декреты сената или приговоры судовъ. Они стараются выставить въ смѣшномъ видѣ самые священные принципы религіи и самыя мудрыя постановленія правительства» [1]). Такого же присмотра требуютъ и парикмахерскія; «брадобрѣи, жалуется авторъ мемуара, проникли во всѣ семьи и пользуются особымъ покровительствомъ женщинъ, которыя не разъ прибѣгаютъ къ ихъ посредничеству; они же первые распространяютъ принципы, противные доброй нравственности и проникнутые духомъ якобинизма. Эти развратники не боятся ни Бога, ни религіи, ни законовъ». Фигаро, очевидно, существовалъ не въ одномъ воображеніи Бомарше. «Если нельзя уничтожить ихъ вполнѣ, продолжаетъ авторъ, то возможно, по крайней мѣрѣ, воспротивиться увеличенію ихъ числа въ будущемъ».

Къ врагамъ общественнаго спокойствія, требующимъ усиленнаго надзора, отнесены также и евреи, число которыхъ въ 1780—90 годахъ было не менѣе 3,200 [2]). Положеніе ихъ въ республикѣ Святого Марка отнюдь не могло считаться обезпеченнымъ; они были только терпимы, да и то на срокъ,— обыкновенно пятилѣтній, каждый разъ въ силу особой конвенціи, въ которой опредѣлялись ихъ соотвѣтственныя права и обязанности. Каждыя пять лѣтъ, въ послѣднія времена республики каждыя десять, возобновляемо было съ тѣми или другими измѣненіями положеніе о евреяхъ. Въ томъ, какое обнародовано было лѣтомъ 1778 года, значилось между прочимъ, что они не вправѣ изготовлять и продавать новыхъ товаровъ, а только сбы-

[1]) Смотри: Archivio di Stato, inquisitori di Stato busta 207. Relazione al Tribunal sopra lo Stato della Republica, della Metropoli et e del Governo.
[2]) Romanin, т. IX, стр. 122.

вать подержаные; кромѣ того, имъ поставлено въ обязанность открыть въ городѣ три банка съ капиталомъ въ 200,000 дукатовъ каждый. Эти банки кредитуютъ подъ залогъ движимости подъ условіемъ ежегодной платы пяти процентовъ; запрещено повышать размѣръ вознагражденія, принимать въ залогъ шелковую одежду и украшенія, а также выдавать въ ссуду подъ одинъ залогъ болѣе трехъ дукатовъ. «Многіе евреи заняты банковыми операціями и состоятъ въ сношеніяхъ съ капиталистами цѣлаго міра, читаемъ мы въ частной реляціи о городѣ и республикѣ; другіе исполняютъ обязанности врачей. Несмотря на всѣ усилія, прибавляетъ авторъ, не удалось еще отнять у нихъ права заниматься выгодной денежной профессіей». Тотъ же авторъ сообщаетъ любопытную подробность о томъ, какую выгоду старались извлечь изъ евреевъ венеціанскіе патриціи. «Нѣтъ, пишетъ онъ, дворянина, который бы не имѣлъ повѣреннымъ еврея и не пользовался его услугами; нѣтъ и еврея, который бы не считалъ того или другого дворянина своимъ покровителемъ. Многимъ изъ нихъ всегда открыты двери дома. Тѣ, кто занимаются торговлей, не разъ становятся жертвой дворянскихъ грабительствъ. Бѣдный патрицій забираетъ у нихъ все нужное даромъ и совершенно безнаказанно. Евреи не рѣшаются отказать или привлечь къ суду обидчика, зная, что послѣдствіемъ будетъ пріобрѣтеніе врага и потеря покровительства» [1].

Въ такихъ условіяхъ понятно, что существующій порядокъ не находилъ большой симпатіи въ лицѣ послѣдователей Моисеева закона, и что, съ другой стороны, въ болѣе или менѣе задолженномъ имъ дворянствѣ существовало скрытое или явное недовольство частыми виновниками его разоренія. Составитель мемуара о положеніи Венеціи въ эпоху первоначальнаго появленія въ ней якобинизма становится выразителемъ этой вѣковой ненависти, еще усилившейся отъ опасенія близкаго разгрома. «Нѣтъ секты, пишетъ онъ, которая не считала бы новыхъ адептовъ, но чего никогда не видѣли—это перехода христіанина въ еврейство. Не лучшее ли это доказательство, что ихъ дог-

---

[1]) Relazione della città e repùblica di Venezia (XVIII S.). Муниципальная библіотека въ Падуѣ. Ms. 132, страница 260.

маты построены на коварствѣ и обманѣ. Отъ этого опаснаго люда правительства могутъ ждать для себя только бѣдствій. Они вмѣшиваются во все и имѣютъ тайныя сношенія со всѣми концами міра. Не боясь ошибки, скажу, что они главные эмиссары якобинцевъ и національнаго собранія во Франціи. Нѣтъ масонской ложи, въ которой не было бы двухъ, трехъ или болѣе евреевъ. Благодаря свободѣ промышленности и торговли, они захватили въ свои руки всякаго рода ремесла и всякаго рода лавки. Своими капиталами и ростовщичествомъ они поставили отъ себя въ зависимость простой народъ. Нѣтъ обстоятельства, которымъ бы не пользовались евреи для расширенія своего вліянія, и хотя по закону они терпимы только въ одномъ кварталѣ города, но мало-по-малу они распространяются и по остальнымъ. Пользуясь тайнымъ шифромъ, утверждаетъ корреспондентъ, венеціанскіе евреи ведутъ переписку съ цѣлымъ міромъ; имъ извѣстны самыя сокровенныя пружины европейскихъ кабинетовъ, и такъ ловко ведется ихъ политика, что они всегда чувствуютъ себя внѣ опасности быть открытыми. Говорю это не на вѣтеръ, а имѣя въ рукахъ доказательства, на основаніи опыта, въ виду очевидности».

Не меньшими врагами существующаго порядка признаются книгопродавцы: благодаря имъ, проникаетъ въ Венецію опасный духъ французскаго невѣрія обыкновенно въ формѣ переводныхъ романовъ, передѣлокъ и извлеченій изъ статей и книгъ Вольтера, Руссо, Гольбаха и другихъ. Совѣтникъ инквизиторовъ ставитъ имъ на видъ необходимость строгаго надзора за книжной торговлей. Адвокатъ Карло Антоніо Пилати, подвергшійся въ 1769 году преслѣдованію, былъ издателемъ многихъ книгъ, въ которыхъ монахамъ доставалось столько же, сколько и противникамъ всякой правительственной реформы [1]).

Насколько духъ энциклопедіи успѣлъ проникнуть въ венеціанскую литературу, показываетъ примѣръ Андрея Кверини, переводившаго не разъ поэмы Вольтера на итальянскій языкъ и служившаго посредникомъ въ корреспонденціи фернейскаго фи-

1) Смотри Riflessioni di un italiano; Riforma d'Italia, Il matrimonio di fra Giovanni (Guiseppe Occioni-Bonaffons, стр. 19).

лософа съ дядею, кардиналомъ Марія Кверини [1]). Объ этомъ свидѣтельствуютъ также дошедшія до насъ компиляціи изъ сочиненій Руссо, которыя, несмотря на сокращенія и вырѣзки, тѣмъ не менѣе передавали въ главныхъ чертахъ сущность новаго ученія, столь противнаго духу венеціанскихъ учрежденій и организаціи католической церкви. Объ этомъ говорятъ, наконецъ, переводы Монтескье на итальянскій языкъ и ссылки на его авторитетъ, которыя въ шестидесятыхъ годахъ попадаются, какъ мы видѣли, не разъ въ дебатахъ большого совѣта. Пропаганда новыхъ взглядовъ происходила преимущественно въ формѣ книгъ и брошюръ, всего менѣе чрезъ посредство журналовъ. Кто держалъ въ рукахъ «Новаго венеціанскаго курьера» или другую изъ печатавшихся въ то время газетъ, тотъ съ трудомъ пойметъ призывъ къ преслѣдованію періодической печати, такъ блѣдно и незначительно ихъ содержаніе, а между тѣмъ этотъ призывъ можно встрѣтить на страницахъ тѣхъ мемуаровъ, какіе confidenti обращали къ инквизиторамъ. «Не понимаю, пишетъ одинъ изъ нихъ, какъ терпятъ распространеніе дневниковъ и газетъ, исполненныхъ ученій новой философіи и заключающихъ въ себѣ страшные нападки на католическую вѣру». Несмотря на безчисленныя запрещенія, книгопродавцы и типографы позволяютъ себѣ пускать въ обращеніе трактаты, романы, поэмы, гравюры, оскорбляющіе религіозное чувство, нравственость и законы. Такая литература только порождаетъ въ умахъ превратные принципы, разнуздываетъ страсти и грозитъ обществу разложеніемъ» [2]).

Не маловажную роль въ дѣлѣ распространенія идей вѣка, особенно въ дворянской средѣ, играло то обстоятельство, что молодые патриціи если не самой Венеціи, то ея континентальныхъ провинцій, обыкновенно получали воспитаніе заграницей.

Современники отмѣчаютъ эту подробность, жалуясь, что, проведши молодость въ обстановкѣ, имѣющей мало общаго съ тою, которая ждетъ ихъ на родинѣ, дворяне Terra Ferma не проникаются тою привязанностью къ учрежденіямъ, которая одна способна сдѣлать изъ нихъ добрыхъ гражданъ [3]). Этимъ обстоятель-

---

1) Смотри Andrea Querini, studio biografico di Vittorina Barbon., стр. 10.

2) Jnquisitori di stato, Busta 209.

3) Въ Relazione all'Tribunale dei Inquisitori sorpa lo stato della Republica

ствомъ объясняется до нѣкоторой степени значительное участіе, принятое ими въ тѣхъ демократическихъ движеніяхъ, которыя повели къ отпаденію отъ республики Бергамо, Бресчіи, Кремоны и т. д.

Что касается до венеціанскихъ патриціевъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, то законъ 28 іюня 1709 года отнялъ у нихъ право покидать границы государства безъ особого разрѣшенія синьеріи. Это не помѣшало однако многимъ изъ нихъ предпринять путешествіе не только въ Тоскану, которая, благодаря Леопольду, сдѣлалась въ Италіи очагомъ демократическихъ реформъ, но и во Францію, откуда не одни Кверини, но и такіе выдающіеся дѣятели послѣднихъ годовъ республики, какъ Баттагліа, выносили всѣ элементы критики существующаго. Нѣкоторые дворяне, пренебрегая призывомъ вернуться, становились предметомъ особой заботливости инквизиторовъ, которые направляли противъ нихъ мѣры не одного нравственнаго принужденія. Весьма характеренъ въ этомъ отношеніи примѣръ Альвизе Зенобіо, который за нежеланіе вернуться на родину изъ Лондона подвергся сперва изгнанію въ собственное помѣстье, а затѣмъ, послѣ новаго разрѣшенія поѣхать въ Англію и Францію, сдѣлался предметомъ не гласнаго надзора со стороны венеціанскаго посла Кверини [1]).

Изъ всего сказаннаго ясно, что задолго до революціи накопились въ Венеціи многочисленныя причины внутренняго разлада между правительствомъ и по преимуществу высшими классами населенія, терпѣвшими отъ стѣсненія ихъ личной свободы, увлекаемыми общимъ духомъ времени и приходившими изъ Франціи демократическими вѣяніями. Эти элементы сами по себѣ не представляли большой опасности въ виду того, что масса сельскаго и городского люда была рѣшительно на сторонѣ правительства. Дальнѣйшій ходъ событій наглядно показалъ привязанность, какую по отношенію къ Святому Марку питали

etc. говорится: E di tutta evidenza, che li nobili sudditi possidenti sono mal'affetti al proprio suo principe; necessario sarebbe che abbiano ad esser educati nello stato e non altrove imbevandosi di massime contrarie a'nostri principi di governo e prendendo affeto alle massime dei Principi Esteri.

1) Darmano Domenico, Inediti documenti sulle vicende di Alvise Zenovio, nell'Archivio Veneto, III, 278—300. См. также Inquisitori di Stato. Annotazioni, fol. 65 (a 1795, 30 luglio).

крестьяне береговъ Гвардскаго озера и славяне-далматинцы. «Кровавая пасха», устроенная веронскимъ простонародіемъ французскому войску и его тайнымъ сторонникамъ, готовность, обнаруженная напослѣдокъ венеціанской чернью, отстоять силою оружія независимость своей родины показываютъ, что и въ городахъ низшіе классы населенія всего менѣе были задѣты революціонной пропагандой. Правда, въ самой Венеціи къ мѣстнымъ уроженцамъ, почти исключительно исполнявшимъ обязанности лодочниковъ или гондольеровъ, примѣшивались чужеземные ремесленники и рабочіе. Тогда какъ первые всего чаще состояли въ отношеніяхъ кліентства, нерѣдко также молочнаго родства съ нанимавшими ихъ патриціанскими семьями, вторые образовывали зерно того рабочаго класса, который всего болѣе страдалъ отъ возрастанія цѣнъ на припасы и недостаточности получаемой имъ поденной платы. Послѣдняя, какъ видно изъ мемуаровъ, представленныхъ инквизиторамъ въ 1790 и 91 году, рѣдко когда превышала собою 20 солидовъ или одну лиру, что, при констатируемомъ тѣми же мемуарами вздорожаніи предметовъ первой необходимости, ставило рабочихъ въ положеніе близкое къ нищитѣ. Такимъ образомъ, экономическія условія выдѣляли изъ массы простонародія классъ недовольныхъ, лишенный всякой исторической традиціи, всякой привязанности къ существующимъ учрежденіямъ и потому готовый оказать поддержку любому движенію, обѣщающему улучшеніе собственной его участи. Но этотъ классъ все же не составлялъ большинства; гондольеры численно господствовали и, благодаря установившейся между ними и патриціями системѣ патроната и кліентства, оставались твердымъ оплотомъ правящей страною аристократіи. Духовенство, за немногими исключеніями, шло рука объ руку съ народными массами, въ значительной степени потому, что само вербовалось изъ ихъ рядовъ и проникнуто было тѣми же предубѣжденіями и предразсудками. Почти все приходское священство, пишетъ авторъ уже не разъ цитированнаго нами отчета о состояніи Венеціи въ XVIII вѣкѣ, холопской крови (di sangue vile), невѣжественно и бѣдно. Въ массовыхъ движеніяхъ, ознаменовавшихъ собою послѣдніе годы независимости, враги и друзья одинаково признавали за священниками роль под-

стрекателей и руководителей, утверждая, что ихъ фанатизму надо приписать косность республики къ справедливымъ запросамъ надвигающейся революціи.

Поставленный между дворянствомъ и простонародіемъ торговый и промышленный классъ распался на двѣ половины. Высшіе слои его сочувствовали тому движенію, конечнымъ исходомъ котораго долженъ былъ сдѣлаться призывъ ихъ къ политической дѣятельности. Духъ времени не прошелъ для нихъ безслѣдно, отчасти благодаря той близости, какую порождало между ними и наиболѣе передовыми патриціями совмѣстное веденіе торговыхъ и промышленныхъ предпріятій. Хотя въ Венеціи существовалъ тотъ же, что и во Франціи, предразсудокъ въ пользу такъ называемаго благороднаго образа жизни, требующаго, чтобы патриціи жили своимъ доходомъ, не заботясь о пріобрѣтеніи [1]); хотя законы запрещали имъ всякаго рода коммерческія операціи, многіе изъ высшихъ аристократическихъ родовъ вступали тѣмъ не менѣе въ сдѣлки съ купцами и поручали имъ свои капиталы [2]). Демократизація нравовъ и привычекъ, обыкновенно предшествующая демократизаціи учрежденій, вызывала повседневный товарищескій обмѣнъ мыслей и чувствъ между молодыми дворянами и высшими слоями буржуазіи. Тщетно блюстители старины жаловались на привычку дворянъ показываться въ толпѣ въ неприличествующей ихъ званію одеждѣ и посѣщать клубы и кофейни буржуазіи; тщетно призывали они инквизиторовъ къ изданію новыхъ мѣропріятій противъ этихъ ревнителей равенства; духъ времени дѣлалъ свое дѣло, и венеціанская знать въ часы, свободные отъ занятія государственными дѣлами, смѣшивалась съ богатымъ купечествомъ въ погонѣ за удовольствіями и въ исканіи популярности [3]).

---

1) Генералъ Марбо слѣдующимъ образомъ передаетъ обязанность дворянства сторониться отъ всякой дѣятельности, цѣлью которой была бы нажива. Selon l'expression du temps la famille Marbot vivait noblement, c'est à dire des es propres revenus sans y joindre aucun état ni aucune industrie (Mémoires du général Baron de Marbot, т. I, стр. 1).

2) «E cosa nota che li nobili si trovano a parte in moltissimi negozii della città. I sudditi per non cadere nella loro disgrazia è forza che le ricevano tacitamente a parte del negozio, egli servano come fattori».

3) Авторъ мемуара о положеніи Венеціи въ XVIII вѣкѣ говоритъ объ

§ 3.

Представленный нами бѣглый обзоръ отдѣльныхъ классовъ населенія со стороны ихъ политической благонадежности объясняетъ причину, по которой тайная полиція, отправляемая такъ называемыми confidenti, старалась проникнуть въ равной мѣрѣ и во дворецъ патриція, и въ народную кофейню, окружая особенной заботливостью поведеніе лицъ пришлыхъ и въ частности французскихъ поселенцевъ, этихъ предполагаемыхъ эмиссаровъ якобинцевъ

Еще въ сентябрѣ 1792 года инквизиторы считаютъ нужнымъ приставить къ агентамъ французской республики особыхъ confidenti съ цѣлью узнать, съ кѣмъ водятся эти представители революціоннаго правительства и въ какихъ рядахъ встрѣчаютъ они сочувствіе и поддержку. Нѣкто Доменикъ Казото слѣдитъ за новымъ секретаремъ посольства Жакобомъ съ самой высадки его на берегъ. Подкупленный имъ служитель Le Roy знакомитъ его съ характеромъ прибывшаго. По его словамъ, это ярый якобинецъ, не уступающій по радикализму своихъ принциповъ прежнему французскому агенту Генинъ. По сообщенію того же Le Roy, задѣтаго между прочимъ требованіемъ принесть присягу французской республикѣ, пребывающіе въ Венецію парижскіе дипломаты состоятъ въ корреспонденціи съ нѣкоторыми жителями Terra Ferma, которые распространяютъ французскія доктрины свободы и равенства. Въ подтвержденіе шпіонъ представляетъ инквизиторамъ выкраденное Le Roy письмо, текстъ котораго, къ сожалѣнію, не дошелъ до насъ. Вскорѣ и въ самой Венеціи слышатся рѣчи, свидѣтельствующія о сочувствіи происшедшей во Франціи революціи. Графъ Катанео слышитъ въ сосѣдней съ нимъ ложѣ «странныя преувеличенія (esagerazioni) въ критикѣ правительственной дѣятельности, что заставляетъ его вос-

игорныхъ домахъ или такъ называемыхъ ridotti, какъ объ одномъ изъ обычныхъ собраній молодежи; онъ же говоритъ объ обычаѣ складываться для содержанія одной и той же любовницы. Между соперниками не только не возникаетъ розни, но упрочивается дружба и готовность взаимной поддержки; даже на выборахъ въ ту или другую должность обнаруживается вліяніе подобныхъ товариществъ.

кликнуть: «въ самомъ Парижѣ не дѣлается большихъ оскорбленій правящимъ!» Виновные оказались въ маскахъ и ихъ, повидимому, трудно было разыскать. Въ Падуѣ, по свидѣтельству того же Le Roy, прежній французскій посолъ, графъ Дюрфоръ окруженъ масонами и невозможно проникнуть въ глубину его сердца [1]).

Вскорѣ является въ Венецію новый дипломатическій агентъ французской республики—Ноэль, котораго также выдаютъ инквизиторамъ за пропагандиста революціонныхъ идей. На этотъ разъ обвинителями служатъ не одни confidenti. Близкій къ графу Прованскому, будущему королю Людовику XVIII, эмигрантъ д'Антрегъ, пріютившійся въ республикѣ Св. Марка на правахъ члена испанскаго посольства [2]), объявляетъ новаго дипломата корреспондентомъ клуба якобинцевъ, установленнаго въ Генуѣ, и, заодно съ австрійскимъ министромъ, высказываетъ удивленіе, что республика Св. Марка терпитъ въ своей средѣ посланника цареубійцъ. То, что Францiя сдѣлала въ эпоху Мазарини под держкою Кромвеля, не можетъ служить предметомъ для подражанія, какъ не можетъ быть имъ никакая завѣдомая гнусность (infamie). Регентъ не согласится имѣть въ Венеціи своего полномочнаго министра, пока республика Св. Марка будетъ терпѣть пребываніе бокъ-о-бокъ представителя конвента [3]). Предувѣдомленный о тайной миссіи Ноэля, Доменико Казото слѣдитъ за его знакомствами, подсылаетъ къ нему нѣкоего священника Alessandri и этимъ косвеннымъ путемъ узнаетъ, что на вопросъ Ноэля, кто въ Венеціи всего сочувственнѣй относится къ французской революціи, послѣдовалъ отвѣтъ: Батагліа, Зульянъ, Гримани [4]). Разумѣется, ничто не доказываетъ, чтобъ эти донесенія не были прямой выдумкой ихъ составителя; но для насъ

---

1) Archivio di Stato. Confidenti, busta № 562, письма Доменико Казото отъ 6-го, 9 го, 10-го, 23-го и 26-го октября 1792 года, а также 25-го февраля 1793 года.

2) Смотри Un agent secret sous la révolution et l'empire. Le comte D'Antraigues par Léonce Pingaud. Paris 1893, стр. 103.

3) Письма д'Антрега переданы были инквизиторамъ Казото въ приложеніи къ докладу 2 іюля 1793 года.

4) Ibid., письмо отъ 18 іюля 1793 года.

цѣненъ тотъ фактъ, что Батагліа, котораго и впослѣдствіи будутъ считать тайнымъ сторонникомъ французовъ, а также Зульянъ, одинъ изъ членовъ будущей демократической муниципіи, уже въ это время пользовались такой репутаціей. Ожидаемое прибытіе въ Верону графа Прованскаго, сопровождаемаго цѣлою толпою эмигрантовъ, заставляетъ французское правительство отправить въ нее особыхъ агентовъ.

Доменико Казото поручено найти желающихъ и распорядиться въ то же время посылкой такихъ же уполномоченныхъ въ Винченцу и Падую. Во всѣхъ этихъ городахъ государственная инквизиція думаетъ найти остатки масоновъ, а послѣдніе въ его глазахъ всегда представляютъ готовую почву для агитаціи. Мы послѣдуемъ вскорѣ за избранникомъ Казото и инквизиторовъ въ его отвѣтственную миссію, но прежде этого намъ необходимо остановиться на показаніяхъ другого confidenti, Джузеппе Джоакини, касательно французскихъ симпатій въ самой Венеціи. Инквизиторы не полагались на свидѣтельство одиночныхъ агентовъ и обыкновенно взаимно контролировали ихъ доклады. Агенты дѣйствовали независимо и часто не знали другъ друга. Джоакини, какъ и Казото, поручено было слѣдить за пребывавшими въ Венеціи французами, не исключая и прислуги. Его донесенія обыкновенно состоятъ въ томъ, что тотъ или другой французскій камердинеръ или зажиточный коммерсантъ, имѣющій дѣла въ Венеціи, говоритъ въ пользу якобинцевъ и славословитъ убійство Людовика XVI, прибавляя: той же участи заслуживаютъ и другіе правители, не исключая и членовъ синьеріи, которая подданнымъ обходится дороже любой монархіи. Французы знаются между собою, проводятъ вечера вмѣстѣ, громко споря въ кофейняхъ и на площадяхъ. Джоакини проникаетъ всюду вслѣдъ за ними: и въ кофейню Флоріана, и въ другія, расположенныя на той же площади св. Марка [1]) или въ приходѣ Сенъ-Моизэ. Онъ прикладываетъ ухо къ замочнымъ скважинамъ, слышитъ въ разговорахъ упоминаніе о Пизани, партія котораго якобы еще недавно ратовала за то же, изъ-за чего загорѣлась французская революція, отмѣчаетъ нападки на венеціанское правосудіе и не узнаетъ въ

---

[1]) Всѣхъ ихъ на одной этой площади было не менѣе двухъ-сотъ.

сущности ничего, что бы бросало какой-либо свѣтъ на мнимую агитацію французскихъ эмиссаровъ [1]). Опасенія правительства еще возрастаютъ съ момента прибытія въ Верону претендента на французскій престолъ. Повидимому, самый характеръ окружавшихъ его лицъ устранялъ возможность подозрѣній. Странно было думать, что сторонники монархіи сдѣлаются на чужбинѣ пропагандистами идей революціи. Но многіе изъ нихъ находились въ нуждѣ, а нѣкоторые вызывали подозрѣніе въ двуличности и способности служить одновременно и претенденту, и революціонному правительству въ Парижѣ. Опытъ доказалъ впослѣдствіи, что французскіе эмигранты, въ особенности члены не принявшаго присяги католическаго духовенства, способны были сдѣлаться надежными проводниками французскаго вліянія. На этотъ счетъ имѣется не вызывающее сомнѣній свидѣтельство Наполеона. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ директоріи побѣдитель Италіи испрашиваетъ позволенія пользоваться услугами этихъ, доведенныхъ до послѣдней крайности, враговъ революціи и объявляетъ ихъ надежнѣйшими союзниками ея пропаганды за границей.

Понятно послѣ сказаннаго, почему въ 1794 году венеціанская синьерія сочла нужнымъ отправить особыхъ агентовъ не только въ Верону, но и въ сосѣдніе съ нею города вплоть до границы австрійскихъ владѣній Ломбардіи. Донесенія confidenti на первыхъ порахъ были самыя утѣшительныя. «Населеніе Бергамо, пишетъ 11 ноября 1794 года тайный агентъ Джовани Майрони Да-Понте, слишкомъ глубоко привязано къ венеціанскому правительству, подъ покровомъ котораго оно благоденствовало въ теченіе столькихъ столѣтій, чтобы перемѣны, происшедшія во Франціи, способны были, хотя бы въ слабой степени, повліять на уменьшеніе той преданности, какой оно проникнуто по отношенію къ своему обожаемому князю (имѣется въ виду дожъ); я такъ убѣжденъ въ этомъ, что готовъ поручиться моей жизнью. Конечно, приходящія изъ Франціи извѣстія могутъ взволновать нѣсколько дворянъ и членовъ средняго сословія, такъ какъ тѣ и другіе

---

[1]) Inquisitori di Stato, Riferte der confidenti. Busta № 605. Донесенія отъ 16 мая и 18 іюня 1793 г., 3 и 25 генваря 1794 г.

находятся съ нею въ постоянномъ торговомъ обмѣнѣ. Не стану отрицать, что первыя дѣйствія французовъ, направленныя противъ деспотизма придворныхъ, тяжести и несправедливости налоговаго гнета, порождавшаго противоположность крайней бѣдности и несмѣтнаго богатства, вызвали даже нѣкоторое сочувствіе въ нашихъ журналистахъ. Это сочувствіе могло бы сдѣлаться опаснымъ для общественнаго спокойствія, если бы въ массѣ населенія лойяльность не взяла верха надъ всѣмъ остальнымъ и если бъ самое вліяніе газетчиковъ не было въ общемъ весьма незначительно. Особенно плѣнительнымъ казалось равенство, положеніе, что дарованіе, а не какія-либо постороннія причины, должно открыть доступъ къ общественнымъ должностямъ. Полетъ фантазіи вскорѣ былъ остановленъ. Энтузіазмъ сталъ падать по мѣрѣ того, какъ патріотическая ревность французовъ сама начала принимать форму новаго деспотизма. Ужасъ овладѣлъ при видѣ—сколькихъ жертвъ требуетъ зарождающаяся демократія. Злоупотребленія всякаго рода, опустошеніе провинцій, терроръ, овладѣвшій умами, и больше всего грозящее нашествіе французскихъ войскъ на Италію, не мало содѣйствовали охлажденію. Вовремя пришло также запрещеніе французскихъ газетъ синьеріей, газетъ, содѣйствовавшихъ распространенію невѣрія и атеизма. «Въ настоящее время наши публицисты обсуждаютъ французскія дѣла такъ же спокойно, какъ если бы рѣчь шла объ Австріи, Пруссіи, Россіи или державной Портѣ». Несмотря на увѣренность въ здравомъ настроеніи общественнаго мнѣнія, корреспондентъ инквизиторовъ предлагаетъ имъ тѣмъ не менѣе цѣлую программу мѣропріятій, которыя, по его разсчету, могутъ предотвратить возможность какихъ-либо безпорядковъ въ будущемъ: «строгая цензура по отношенію ко всему, что печатается по ту сторону Альпъ; преслѣдованіе всѣхъ, кто распространяетъ тревожные слухи; надзоръ за эмигрантами и особенно за тѣми изъ нихъ, кто принадлежитъ къ духовному званію, такъ какъ они всего ближе стоятъ къ народу и пользуются его довѣріемъ; запрещеніе давать на сценѣ спектакли, изображающіе произволъ правительства или возстаніе народа противъ тираніи, наконецъ изданіе и распространеніе поучительныхъ книгъ, заключающихъ въ себѣ своего рода катехизисъ

обязанностей подданныхъ по отношенію къ правительству, въ частности безусловнаго повиновенія и искренней привязанности, рекомендуемыхъ здраво понятымъ ученіемъ католической церкви. Тѣ же совѣты могутъ быть преподаны сельскими священниками въ формѣ проповѣдей и, несомнѣнно, повліяютъ на совѣсть добрыхъ католиковъ» [1]).

Не менѣе успокоительныя извѣстія приходили одновременно изъ Вероны отъ графа, Франческо Агдоло, человѣка, хорошо знавшаго французскій языкъ и располагавшаго независимымъ состояніемъ [2]). Этому выдающемуся агенту порученъ былъ надзоръ за дворомъ графа Прованскаго, а также донесеніе инквизиторамъ обо всемъ, что чрезъ посредство эмигрантовъ онъ узнаетъ о французскихъ дѣлахъ. Доклады Агдоло любопытны по этому въ троякомъ отношеніи: и тѣмъ, что даютъ намъ картину поведенія французскихъ роялистовъ на чужбинѣ, и тѣмъ, что знакомятъ насъ съ тѣми подчасъ невѣроятными слухами, какіе ходили въ ихъ средѣ на счетъ неминуемости новой на этотъ разъ монархической революціи во Франціи, и тѣмъ, наконецъ, что раскрываютъ передъ нами настроеніе веронскаго населенія въ мѣсяцы, непосредственно предшествовавшіе французскому занятію. Агдоло распространяется въ похвалахъ на счетъ поведенія претендента, проживавшаго подъ названіемъ графа Лильскаго: послѣдній ведетъ замкнутый образъ жизни, не бываетъ ни въ театрѣ, ни въ другихъ публичныхъ собраніяхъ, никого не посѣщаетъ, проводя все время въ занятіяхъ, чтеніи и одинокихъ размышленіяхъ въ тиши кабинета. Ему трудно разсчитывать на дѣятельную помощь союзныхъ войскъ, такъ какъ члены коалиціи только и думаютъ, что о раздѣлѣ Франціи. Если бы такой раздѣлъ совершился, Англія сдѣлалась бы владычицей надъ моремъ и захватила бы въ свои руки всѣ торговыя сношенія какъ въ Европѣ, такъ и въ Америкѣ и Индіи; но такой раздѣлъ невозможенъ, такъ какъ противъ него возстала бы гордость французовъ.

---

[1]) Archivio di stato Inquisitori di stato, Busta № 625, донесеніе изъ Бергамо отъ 11 ноября 1794 года.

[2]) Обо всемъ этомъ мы узнаемъ изъ одного письма Франческо Агдоло отъ 5 ноября 1794 года. Archivio di Stato. Inquisitori. Riferte di confidenti. Busta, № 543.

Они будутъ противиться ему до послѣдней капли крови. Конвентъ не хочетъ и не можетъ желать мира, между прочимъ потому, что демагоги, управляющіе имъ, боятся возвращенія войскъ на родину, боятся, чтобы Пишегрю или Журданъ не сдѣлались новымъ Кромвелемъ и, опираясь на привязанность солдатъ, не произвели во Франціи насильственнаго переворота [1]). Вотъ почему Италіи грозитъ нашествіе французской арміи. Объ этомъ уже говорится открыто въ приходящихъ сюда письмахъ офицеровъ. Отъ этого, разумѣется, всѣ потерпятъ, но менѣе всего тѣ, кто, подобно мудрому правительству Венеціи, не озлобилъ ихъ принятіемъ какихъ-либо враждебныхъ мѣръ. Агдоло высказываетъ при этомъ раздѣляемое многими убѣжденіе, что французамъ не удастся достигнуть Италіи, что войска союзниковъ задержатъ ихъ по дорогѣ и нашествію воспротивятся даже физическія условія—обиліе снѣга на горахъ. Не вѣритъ также Агдоло тому, чтобы французская республика, какъ рѣшаются утверждать многіе, была близка къ упроченію. Правительство не можетъ пустить корней безъ содѣйствія религіи; немыслимо единеніе въ средѣ конвента, невозможна твердость въ политикѣ со стороны націи, характеръ которой составляетъ непостоянство и легкомысліе [2]). Хотя Агдоло и получаетъ непосредственно изъ Франціи извѣстія о томъ, что слово монархія доселѣ произносится въ ней съ ужасомъ, но онъ мало-по-малу подпадаетъ подъ вліяніе господствующаго въ средѣ эмигрантовъ оптимизма.

Сообщая правительству мельчайшія подробности обо всемъ видѣнномъ и слышанномъ, онъ въ одномъ изъ своихъ донесеній, со словъ доктора, вырвавшаго зубъ у графа Прованскаго, передаетъ радостное извѣстіе, что на корнѣ зуба, благодаря игрѣ природы, можно было прочесть слово Roy. Въ другомъ посланіи говорится, что въ Парижѣ болѣе трехсотъ не принесшихъ присяги священниковъ отправляютъ литургію открыто при стеченіи тысячъ народа; можно надѣяться, что, благодаря вмѣшательству религіи, члены конвента скоро будутъ избиты народомъ и монархія установится сама собою.

---

[1]) Письмо отъ 14 февраля 1794 года.
[2]) Письмо отъ 9 февраля 1794 года.

Чрезъ эмигрантовъ узнаетъ также Агдоло, что силу французовъ за предѣлами ихъ отечества составляютъ масоны, что ихъ можно найти и въ войскѣ, и въ совѣтахъ правителей, и во всѣхъ классахъ общества, за исключеніемъ простонародія, городовъ и селъ. Это показаніе найдетъ блестящее подтвержденіе въ словахъ Наполеона, говорящаго начальнику пьемонтскихъ войскъ Колли: французы имѣютъ сообщниковъ повсюду, такъ какъ страна полна масоновъ. Агдоло рекомендуетъ инквизиторамъ оживить запреты папъ и тѣмъ воспротивиться какъ дальнѣйшему распространенію масонскихъ ложъ, такъ и популярности существующихъ. Въ Веронѣ, пишетъ онъ, имѣются масоны; ихъ можно встрѣтить въ кофейняхъ; чтобы узнать ихъ, Агдоло сдѣлалъ имъ знакъ, поведши рукою отъ праваго уха до подбородка. Они отвѣтили тѣмъ же; изъ осторожности онъ не рѣшился освѣдомиться объ именахъ. Вообще настроеніе въ Веронѣ прекрасное; французовъ не любятъ; не нравится ни ихъ дерзость, ни ихъ волокитство. Только немногія дамы высшаго общества оказываютъ имъ покровительство, жалѣя ихъ грустную участь и тронутыя ихъ граціей, талантами и мягкостью обращенія. Агдоло спѣшитъ прибавить, что между эмигрантами несомнѣнно имѣются эмиссары революціоннаго правительства. Многіе не были ими съ самаго начала, но нужда и непостоянство характера сдѣлали ихъ доступными французскому золоту. Конвентъ не можетъ не воспользоваться ихъ услугами даже въ томъ случаѣ, если и не думаетъ о завоеваніи. Не безразлично для него распространеніе принциповъ, способныхъ доставить правительствамъ Европы не мало хлопотъ и отвлечь ихъ вниманіе въ другую сторону [1]).

Число нуждающихся въ средѣ эмиграціи довольно значительно, но большинство имѣетъ чѣмъ жить и безъ чужой помощи. Замѣчательно, что между французами нѣтъ тѣснаго общенія, они какъ-то мало сходятся. Многіе проводятъ время въ одинокихъ прогулкахъ по окрестностямъ, другіе сидятъ дома у камина, читаютъ, пишутъ, чтобы убить время. Если судить по наружности, большинство ихъ люди фальшивые и дурные. Дамы изъ

---

[1]) Письма отъ 5 ноября и 6 декабря 1794 года.

французскаго общества отличаются большимъ умомъ и, если бъ захотѣли, могли бы воспользоваться своими дарованіями для пагубныхъ цѣлей. Агдоло не находитъ въ эмигрантахъ чертъ ни настоящаго роялиста, ни настоящаго демагога; первыхъ, по всей вѣроятности, и не имѣется вовсе, вторые же носятъ маску. Лучшіе изъ эмигрантовъ безумные волокиты, которые бы хотѣли имѣть всѣхъ женщинъ. Большое подозрѣніе внушаетъ Агдоло то обстоятельство, что многіе французы не встрѣчаютъ въ Веронѣ дружескаго пріема ни отъ кого, помимо масоновъ. Къ числу ихъ принадлежитъ медикъ графа Прованскаго Коломбъ или Колонъ. Онъ собирается въ Венецію; Агдоло совѣтуетъ слѣдить за нимъ и удостовѣриться, не ищетъ ли онъ свиданія съ французскимъ министромъ резидентомъ или съ его секретаремъ. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что Колонъ намѣренъ остановиться въ домѣ масона и вообще производитъ впечатлѣніе человѣка дурныхъ принциповъ [1]).

Венеціанскому confidenti удалось провѣдать, что графъ Прованскій, который попрежнему живетъ весьма замкнуто, принимая своихъ соотечественниковъ только по случаю новаго года или въ день кончины Людовика XVI-го, когда отправляется при дворцѣ поминальная обѣдня, полагается на своихъ служителей и поручаетъ имъ переписку важныхъ бумагъ. Онъ думаетъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ и надѣется получать съ нихъ впредь копіи. Изъ всего, что онъ слышитъ, образъ будущаго короля Людовика XVIII выступаетъ въ самомъ выгодномъ свѣтѣ.

Графъ Прованскій обладаетъ всѣми дарованіями, необходимыми въ правителѣ: необыкновенной памятью, большой начитанностью, знаніемъ матерьяльныхъ силъ отдѣльныхъ націй, ихъ образовъ правленія, династическихъ интересовъ и международныхъ связей. Эмигрировавшіе заграницу принцы крови постоянно сносятся съ нимъ, и онъ направляетъ и принимаетъ отъ нихъ курьеровъ. Въ февралѣ 95 года слѣдуетъ значительная перемѣна въ поведеніи графа Прованскаго. 17 его видятъ въ домѣ графини Маріони, одномъ изъ самыхъ гостепріимныхъ по отношенію къ французскимъ выходцамъ. Онъ начинаетъ показы-

[1]) Письма отъ 20 и 27 декабря 1794 года и 12 января 1795 года.

ваться всенародно, къ немалому изумленію самихъ эмигрантовъ, которые видятъ въ этомъ доказательство его увѣренности въ томъ, что переворотъ во Франціи близокъ и что скоро настанетъ конецъ изгнанію. Его свита носитъ присвоенный ей мундиръ, кресты и ордена, какихъ, пишетъ Агдоло, давно не было видно. Можно съ увѣренностью утверждать, что всѣ надежды Бурбоновъ возложены теперь на внутреннюю революцію въ самой Франціи. Этой цѣли служатъ посланные въ провинцію эмиссары и отказавшіе въ присягѣ священники, распространяющіе въ народѣ роялистскія газеты и воззванія. Думаютъ воспользоваться приближеніемъ войскъ къ границѣ для отпора коалиціи. Возможно, что дѣла примутъ благопріятный для монархіи оборотъ, такъ какъ конвентъ не имѣетъ бо̀льшаго врага, чѣмъ католическая церковь. Бѣдность, суровая зима, бестолковое и тираническое правительство—лучшіе союзники для духовенства. Только бы нація прониклась убѣжденіемъ, что хваленое равенство мирится съ тираніей, что свобода виновница несоблюденія законовъ, а обѣщанное братство не болѣе, какъ братство Каина, и она съ отвращеніемъ отвернется отъ принциповъ, которые заставили ее утопать въ крови, умирая отъ холода и недостатка пищи» [1]).

И изъ другого источника, изъ получаемыхъ графомъ д'Антрегомъ донесеній, которыя Доменикъ Казотто въ копіи доставлялъ одновременно трибуналу инквизиторовъ, венеціанское правительство извѣщаемо было о подготовляемой во Франціи контрреволюціи. Корреспондентомъ д'Антрега являлся нѣкій аббатъ Ле-Руа, объ отъѣздѣ котораго въ Парижъ съ инструкціями изъ Вероны Агдоло увѣдомилъ инквизиторовъ еще 27-го декабря 1794 года. Этотъ Ле-Руа былъ священникомъ въ приходѣ св. Козьмы въ Парижѣ.

Его сообщенія обнимаютъ собою эпоху, слѣдующую за паденіемъ Робеспьера, и проливаютъ нѣкоторый свѣтъ на производимую роялистами пропаганду. Въ депешѣ отъ 23 августа 94 года Ле-Руа увѣдомлялъ, между прочимъ, что Тальенъ въ комитетѣ общественнаго спасенія рѣшительно враждуетъ съ

[1]) Письма отъ 18 и 25 февраля 1795 года.

Барером, Коло Дарбуа, Линдэ и другими сторонниками терроризма, что онъ во всемъ совѣтуется съ Трельяромъ, дѣйствительнымъ главою умѣренныхъ.

Партія Тальена, къ которой принадлежала часть новыхъ членовъ комитета общественнаго спасенія, ежедневно имѣетъ тайныя собранія въ Люксембургѣ. Чтобы увеличить число своихъ приверженцевъ, она рѣшилась оживить клубъ кордельеровъ и противопоставить его якобинскому.

Въ уста Трельяра корреспонденты графа д'Антрега влагали одновременно слѣдующія разсужденія: 15 августа онъ объявлялъ одному изъ тайныхъ друзей эмиграціи: необходимо въ три дня возстановить снова гильотину; буде національная бритва не вступитъ въ свои права, хвостъ Робеспьера истребитъ насъ и въ Парижѣ, и въ войскахъ. Они еще разыгрываютъ диктаторовъ и служать помѣхою всякимъ добрымъ мѣропріятіямъ со стороны комитета. Тальенъ хочетъ гильотинировать всѣхъ этихъ господъ не позже 17-го, и я вполнѣ раздѣляю его мнѣніе [1]). На этой розни въ средѣ самаго комитета возлагаемы были надежды роялистовъ. Говоря объ этой эпохѣ, Тибодо разсказываетъ объ открытіи вновь аристократическихъ салоновъ, въ которые старались завлечь республиканцевъ, приласкать ихъ и «corrompre leurs opinions» [2]).

Ларевельеръ Лепо въ своихъ недавно изданныхъ мемуарахъ открыто обвиняетъ партію Тальена въ тайныхъ переговорахъ съ Бурбонами. Приведенныя нами выдержки изъ корреспонденціи Le Roy, хотя и не подтверждаютъ прямо этого факта, свидѣтельствуютъ тѣмъ не менѣе о большой близости Трельяра и другихъ сторонниковъ Тальена съ монархистами. Трельяру приписываютъ тайные корреспонденты намѣреніе возстановить конституцію 1789 года, провозгласить королемъ малолѣтняго Людовика XVII и сдѣлаться при помощи этого молодого монарха дѣйствительнымъ правителемъ Франціи [3]).

---

1) Archivio di Stato. Confidenti. Busta, № 630, депеша Le Roy изъ Парижа отъ 16 августа.

2) Thibaudeau Mémoires, стр. 139, томъ I.

3) Корреспонденція того же Le Roy.

Послѣдовавшая вскорѣ неожиданная смерть дофина, обративъ графа Прованскаго въ наслѣдника французскаго престола, заставила его обнародовать въ Веронѣ декларацію, которая, по отзыву даже сторонниковъ реставраціи въ родѣ Мале-дю-Пана [1]), способна была только повредить дѣлу возстановленія королевской власти. Уже одно то обстоятельство, что цареубійцамъ, къ числу которыхъ принадлежали, разумѣется, и члены предводимой Тальеномъ партіи, не было обѣщано прощенія, заставляло тайныхъ союзниковъ монархіи въ средѣ конвента отвернуться отъ нея и перейти на сторону друзей республики. Съ этого времени эмигранты могли возложить свои надежды только на успѣхъ мѣстныхъ возстаній въ Руанѣ, Ліонѣ и на югѣ Франціи. Развивъ въ себѣ постепенно тѣ же иллюзіи, какими проникнуты были эмигранты, Франческо Агдоло спѣшитъ довести до свѣдѣнія инквизиторовъ, что графъ Прованскій въ теченіе августа переселится въ Вандею и затѣмъ на Бретань и Нормандію направится въ Парижъ. Ходитъ слухъ, что онъ признанъ уже въ Англіи; что австрійскій, испанскій и русскій дворы собираются сдѣлать то же [2]).

При дворѣ высказываютъ надежду склонить на свою сторону одного изъ начальниковъ французскихъ войскъ, Пишегрю [3]). Герцогъ Нассаускій, графъ д'Антрегъ, маршалъ Кастрисъ, епископъ Арасскій, испанскій посолъ Ласъ-Казасъ и пьемонтскій— Герардини, пріѣхали для переговоровъ и засѣдаютъ взаперти съ претендентомъ [4]). Эмигранты распространяютъ слухъ, что по прибытіи во Францію Людовикъ XVIII созоветъ генеральные штаты въ томъ составѣ, какой они имѣли до революціи, и тѣмъ докажетъ свое нежеланіе быть абсолютнымъ королемъ. Англія на столько увѣрена въ его успѣхѣ, что прислала въ Верону дипломатическаго агента. Если онъ не былъ принятъ офиціально, то по желанію самого короля. Приходятъ даже извѣстія объ успѣхахъ роялистовъ въ Квиберонѣ; со дня на

---

1) Смотри письма его къ императору австрійскому отъ 16 іюля и 16 сентября и 28 октября 95 года.

2) Письмо отъ 30 іюля и 1 августа 1795 года.

3) Письмо отъ 3 августа 95 года.

4) Письмо отъ 2 августа того же года.

день ждутъ занятія Нанта графомъ Артуа. 15 августа 95 года Агдоло уже предсказываетъ, что не пройдетъ 6-ти мѣсяцевъ и съ помощью Питта возстановлена будетъ монархія во Франціи. Правда, извѣстіе о взятіи Квиберона не оправдывается, оказывается даже, что эмигранты потерпѣли здѣсь полное пораженіе.

Но веронскій дворъ находитъ утѣшеніе въ томъ, что доставленное курьеромъ изъ Петербурга письмо Екатерины II графу Прованскому уноситъ на себѣ адресъ: королю Франціи [1]). Члены коалиціи, если вѣрить тѣмъ-же эмигрантамъ, обѣщаютъ свою поддержку лишь подъ условіемъ территоріальныхъ уступокъ. Сенъ-Джемскій дворъ требуетъ Корсики, Нормандіи, Бретани и французской Америки. Императоръ — Эльзаса, Лотарингіи и Фландріи. Графъ Прованскій не согласенъ ни на какія территоріальныя пожертвованія; ему остается поэтому только разсчитывать на успѣхъ собственнаго манифеста, котораго, пишетъ Агдоло, отпечатано уже сорокъ тысячъ [2]) экземпляровъ и печатается еще тридцать шесть тысячъ. Онъ ждетъ также благопріятнаго оборота дѣлъ во Франціи. Изъ Парижа англійскій уполномоченный, Макартнэ, получаетъ извѣстіе о пораженіи секцій, противившихся исключенію трети наличнаго состава конвента изъ будущихъ законодательныхъ камеръ. Ждали торжества роялистовъ, но не тѣхъ, съ которыми связывалъ свою судьбу графъ Прованскій, а сторонниковъ конституціонной монархіи, надѣявшихся оживить принципы 1789 года. Въ такихъ условіяхъ необходима была не только большая энергія со стороны претендента, как думаетъ Агдоло, но и готовность поступиться притязаніями на абсолютную власть. Необходимо было не отталкивать, а привлекать къ себѣ такихъ людей, какъ Мунье или Мале-дю - Панъ, но веронскій дворъ не имѣлъ рѣшимости ни въ томъ, ни въ другомъ направленіи. Тщетно епископъ Арраскій, какъ видно изъ переписки того-же Агдоло, говорилъ графу Лильскому: «Ваше Величество, овцы въ нуждѣ должны сдѣлаться львами». Слѣдовалъ отвѣтъ: «я не умѣю быть львомъ». [3]) Агдоло передаетъ со словъ эмигрантовъ, что треть

[1]) Письмо отъ 19-го августа 95 года.

[2]) Письмо отъ 31-го августа и 9-го сентября 95 года.

[3]) Письмо отъ 16-го ноября 1795 г.

совѣтовъ директоріи составлена изъ лицъ, которыя никогда-бы не согласились поставить своей кандидатуры на выборахъ, если бъ не желаніе возстановить королевскую власть, но не абсолютную, а ограниченную. Графъ Прованскій не хочетъ однако и слышать «о конституціонномъ престолѣ» и называетъ его «соломеннымъ трономъ». [1]) Эмигранты между тѣмъ всячески поддерживаютъ волненіе въ южныхъ и центральныхъ провинціяхъ; Кондэ сносится съ роялистами Франшъ-Контэ, и возстаніе принимаетъ серьезный характеръ въ старинномъ Ліонезѣ. Нищета въ Парижѣ и во всей Франціи, по словамъ прибывшей изъ Лондона въ декабрѣ жены генуэзскаго посла Спинола, самая ужасная. Никто не хочетъ принимать ассигнацій; на почтовыхъ станціяхъ трудно достать лошадей, и крестьяне не согласны взять менѣе четырехъ луидоровъ за провозъ пассажировъ съ одной станціи на другую [2]). Хотя въ концѣ декабря лордъ Макартнэ еще ручается, что къ масляницѣ претендентъ будетъ уже на престолѣ въ Парижѣ, хотя Пишегрю, по отзыву иностранныхъ агентовъ, готовъ объявить себя въ пользу возстановленія монархіи на началахъ 1789 года, но неуспѣхъ ліонскаго возстанія, замершаго въ самомъ началѣ, наводитъ Агдоло уже въ январѣ 96 года на мысль, что дѣла графа Прованскаго плохи [3]). Это мнѣніе вскорѣ раздѣляется и венеціанской синьоріей.

Недовольная тѣмъ, что претендентъ окружилъ себя дворомъ и ведетъ болѣе или менѣе открыто дипломатическіе переговоры, принимая пословъ отъ Испаніи, Пьемонта и Англіи, директорія воспользовалась изданіемъ въ Пармѣ манифеста, въ которомъ графъ Прованскій именовалъ себя королемъ Людовикомъ XVIII, чтобы поставить на видъ дожу и его совѣтникамъ, въ какой мѣрѣ ихъ терпимость несогласна съ нейтралитетомъ и той дружественной политикой, какую они открыто провозглашали по отношенію къ Франціи. И дѣйствительно, трудно было при-

---

[1]) Письма отъ 14-го, 16-го, 18-го и 28-го ноября, а также отъ 26-го декабря 1795 года.

[2]) Письмо отъ девятаго декабря 95 года.

[3]) Письма отъ 26 и 31 декабря 1795 года и 9 января 96 года.

мирить такое поведеніе съ отправкой особаго полномочнаго министра, Альвизе Кверини, въ Парижъ, съ пріемомъ въ Венеціи такого-же посла отъ французской директоріи—Лалеманъ, и обмѣномъ дружественныхъ увѣреній, послѣдовавшемъ при пріемѣ Кверини.

Венеціанская синьорія рѣшилась поэтому исполнить желаніе французскаго правительства и удалить претендента изъ Вероны. Ее побуждали къ этому и тѣ все болѣе и болѣе тревожные слухи, какіе приходили съ Ривьеры и изъ Генуи, вызывая опасеніе, что военная оккупація французами итальянскихъ провинцій послѣдуетъ со дня на день. Еще въ 94 году изъ депешъ корреспондента веронскаго двора Ле-Руа можно было узнать о рѣшимости комитета общественнаго спасенія предпринять военное занятіе Италіи, начиная съ Савоны [1].

Подъ предлогомъ, что король сардинскій и императоръ намѣрены овладѣть этимъ городомъ, Трельяръ и Лалуа объявили генуэзскому послу о необходимости занять его французскими войсками. Конвентъ тѣмъ легче рѣшился на такую мѣру, что полномочный министръ Тилли и тайный агентъ Саличетти, писали, что въ самой Савонѣ прибытія французовъ ждутъ съ нетерпѣніемъ [2]. Вскорѣ представился удобный случай для того, чтобы признать въ дѣйствіяхъ генуэзскаго правительства достаточный поводъ къ открытой войнѣ. Французскій фрегатъ, Le Modeste, несмотря на громко заявленный нейтралитетъ Генуи, не могъ найти убѣжища въ ея портѣ отъ преслѣдованій англійской эскадры. Фрегатъ былъ захваченъ и выведенъ въ открытое море. Робеспьеръ младшій, одинъ изъ комиссаровъ конвента при итальянской арміи, 13 октября поставилъ на видъ конвенту необходимость немедленной репрессіи. Революція 9 термидора отсрочила на время осуществленіе этого намѣренія. Хотя Генуя

---

[1]) Le 15 Août, пишетъ Le Roy, le comité de Salut Public resolut, et le 14 cela l'avait été au Luxembourg, que de gré ou de force on s'emparera de Savone et il y a été expressement décidé une invasion en Italie (Archivio di Stato Inquisitori di Stato. Riferte dei Confidenti. Busta 630, депеша отъ 16 авг.).

[2]) Le comité sur le dire de Tilly et de Sallicetti croit avoir des intelligences sures dans cette place et pouvoir la prendre à volonté (ibid).

и согласилась уплатить убытки и выгнать изъ своего порта англійскія суда вмѣстѣ съ великобританскимъ агентомъ Дрекомъ, хотя, подчиняясь требованію парижскаго правительства, она удалила изъ своихъ предѣловъ всѣхъ эмигрантовъ, генералу Бонапарту тѣмъ не менѣе поручено было въ іюнѣ 94 года отправиться въ городъ и настоять на болѣе строгомъ соблюденіи нейтралитета, между прочимъ на запрещеніи австрійцамъ строить стратегическую дорогу изъ Чевы въ Савону, очевидно, съ цѣлью болѣе быстраго приближенія войскъ къ предѣламъ Франціи. Дожъ согласился на всѣ требованія, и Бонапартъ вынесъ убѣжденіе, что, благодаря своей слабости, генуэзская олигархія и впредь не рѣшится обнаружить серьезнаго противодѣйствія [1]). 16 февраля 95 года Агдоло уже пишетъ изъ Вероны о томъ, что французскій флотъ въ Тулонѣ въ скоромъ времени будетъ направленъ противъ Генуи, но эти слухи оказываются неосновательными. 16 сентября того же года Агдоло сообщаетъ еще болѣе тревожныя извѣстія, также преждевременныя: французская армія, дѣйствовавшая въ Пиренеяхъ, должна быть направлена противъ Италіи. По усмиреніи Вандеи, конвентъ думаетъ сосредоточить всѣ свои силы на Апеннинскомъ полуостровѣ. Разсчитываютъ, что армія можетъ набрать здѣсь много золота для собственнаго пропитанія; думаютъ, что Генуя не въ состояніи будетъ удержать нейтралитета. Въ Веронѣ, прибавляетъ Агдоло, генуэзцевъ не любятъ, обвиняя ихъ въ томъ, что первые они ввели въ Италію такъ называемыхъ патріотовъ [2]).

Всѣ эти извѣстія не могли не обезпокоить венеціанскаго правительства, уже въ это время упорно высказывавшагося въ пользу нейтралитета и потому отклонявшаго всѣ предложенія, какія Неаполь, Туринъ и Римъ дѣлали касательно необходимости союзной оппозиціи [3]). Оно рѣшилось завязать снова съ Франціей правильныя дипломатическія сношенія, прерванныя съ отбытіемъ Альморо Пизани въ Лондонъ, вслѣдъ за революціей десятаго августа, а это обстоятельство, вмѣстѣ съ появленіемъ

---

1) Gaffarel. Bonaparte et les républiques italiennes, стр. 59 и слѣд.
2) Письмо 16 сентября 95 года.
3) Parzoni. Rivoluzioni della Republica Veneta, т. I, стр. 31.

французскаго посла въ самой Венеціи, подняло духъ тайныхъ сторонниковъ Франціи. Въ Веронѣ, за лойялизмъ которой Агдоло еще недавно ручался, какъ мы видѣли, собственною головой, внезапно стали слышаться рѣчи, совершенно несогласныя съ тѣмъ нерасположеніемъ къ современнымъ демократическимъ доктринамъ, о которомъ такъ распространялся агентъ инквизиціи. Не зная, какъ быть, онъ требуетъ для собственнаго руководства новыхъ указаній изъ Венеціи. Доселѣ, пишетъ онъ, я считалъ своею обязанностью энергично нападать на французскіе принципы и въ особенности на такъ называемую демократическую республику; съ этою цѣлью я приводилъ аргументы, заимствованные изъ разсужденій Бёрка и Актовъ Апостоловъ (роялистическій журналъ, издававшійся въ Парижѣ въ 91 и 92 годахъ при сотрудничествѣ между прочимъ Шамфора). Я и впредь буду дѣйствовать въ томъ же смыслѣ, пока не получу приказа молчать [1]). Этотъ приказъ, повидимому, не послѣдовалъ, такъ какъ всѣ дальнѣйшіе доклады Агдоло полны доносами на частныхъ лицъ, высказывавшихъ сочувствіе «патріотамъ».

Въ ихъ спискѣ мы находимъ двухъ дворянъ—братьевъ Падовани, одинъ изъ нихъ, Антоніо, нѣсколько недѣль пропадалъ изъ Вероны; изъ приходившихъ же писемъ можно было заключить, что онъ посѣщаетъ французскіе лагери въ Савонѣ и Саорджіи [2]). Аббатъ Ровередо также попадаетъ въ число подозрительныхъ. Хотя онъ и выражается спокойно о томъ, что происходитъ во Франціи, но «дѣлаетъ въ то же время масонскіе знаки» [3]). Молодой негоціантъ Този, проводящій время въ обществѣ священника, имени котораго Агдоло не удалось узнать, страстно относится къ французамъ. Прелатъ полонъ дарованій; какъ слышно, ему запретили служить обѣдню, и дѣйствительно, «отцы церкви для него—Пуфендорфъ, Руссо, Вольтеръ и Мирабо». Онъ проникъ было въ домъ графа Джульяни на правахъ секретаря и скоро сдѣлался въ немъ господиномъ; но его раскусили и выгнали. Какъ человѣкъ обезпеченный онъ, впрочемъ,

---

[1]) Письмо отъ 14 марта 95 года.
[2]) Письмо отъ 30 марта 95 года.
[3]) Письмо отъ 4 апрѣля 95 года.

ни въ комъ не нуждается [1]). Число, если не прямыхъ якобинцевъ, то лицъ, сочувствующихъ имъ, растетъ въ Веронѣ съ каждымъ днемъ. Въ кафе Гарбинъ, посѣщаемомъ чиновниками и коммерсантами, при извѣстіи объ успѣхахъ патріотовъ, говорятъ: вотъ это добрыя извѣстія. «Да, прибавляетъ Агдоло, очень я ошибся въ веронцахъ. Люди, преданные прежнимъ принципамъ, далеко не составляютъ между ними большинства. Простонародье, духовенство—надежны, но дворяне, городское гражданство, купцы и лавочники не держатся всѣ въ равной степени здравыхъ сужденій; не малое число ихъ переодѣтые французскіе патріоты» [2]). Въ большомъ ходу газеты, сочувственно относящіяся къ французскому правительству; они приходятъ изъ Лугано и Цюриха Роялистскими слывутъ печатаемыя въ Миланѣ и Мантуѣ, а также «Венеціанскій Постильонъ» [3]).

Нерасположеніе къ эмигрантамъ еще усиливаетъ доброжелательство веронцевъ къ патріотамъ. Оно-же объясняетъ причину, по которой поведеніе синьоріи съ графомъ Лильскимъ, поведеніе въ которомъ лучшая роль выпала на долю гонимаго изъ Венеціи претендента, далеко не встрѣтило въ населеніи заслуженнаго протеста. Маркизъ Карлотти уполномоченъ былъ въ апрѣлѣ 1796 года заявить графу Лильскому, что венеціанская республика не можетъ дольше терпѣть его пребыванія въ своихъ предѣлахъ и приглашаетъ покинуть ихъ, какъ можно скорѣе. «Я сдѣлаю это, послѣдовалъ отвѣтъ, но подъ двумя условіями: во первыхъ, чтобы мнѣ представлена была золотая книга венеціанскаго дворянства, и я бы могъ собственноручно вычеркнуть изъ нея имя Бурбоновъ, а во вторыхъ, чтобы мнѣ вернули тѣ военные доспѣхи, какіе мой предокъ, Генрихъ IV, подарилъ Венеціи въ знакъ своей дружбы. Передайте дожу, что если онъ забываетъ должное мнѣ, то самъ я не могу забыть, кто я такой» [4]).

---

[1]) Письмо отъ 11 апрѣля 95 года.

[2]) Письмо отъ 29 августа 95 года.

[3]) Письмо отъ 5 марта 96 года.

[4]) Histoire de la révolution de la république de Venise et de sa chute totale, consommée par le traité de Campo-Formio. Par N—A. N P., стр. 125.

Впечатлѣніе, какое отъѣздъ графа Парижскаго произвелъ на жителей Вероны, передается Агдоло въ слѣдующихъ словахъ: «населеніе въ совершенномъ восторгѣ. Многіе видятъ въ случившемся предзнаменованіе мира, другіе ручательство тому, что французская республика будетъ признана державами и демократическій образъ правленія постепенно усвоенъ всѣми народами. Одни высказываютъ надежду, что, за отбытіемъ эмигрантовъ, припасы станутъ дешевле; другіе радуются при мысли, что не увидятъ больше французовъ, гордость и высокомѣріе которыхъ имъ ненавистны.

Самъ Агдоло не прочь присоединиться къ большинству и объявляетъ отбывшаго принца человѣкомъ слабохарактернымъ и способнымъ слѣдовать всякому дурному совѣту [1]).

Подчиняясь требованіямъ парижскаго правительства, синьорія въ то же время спѣшила ослабить то дурное впечатлѣніе, какое изгнаніе графа Парижскаго должно было произвесть въ монархическихъ странахъ.

Венеціанскому послу въ Петербургѣ, Николо Веньеру, было поручено сдѣлать соотвѣтственныя заявленія вице-канцлеру Остерману, но, какъ видно изъ содержанія присланной имъ депеши, русскій дворъ не намѣренъ былъ признать смягчающихъ вину обстоятельствъ. Когда Веньеръ на аудіенціи у вице-канцлера объяснилъ, что графъ Лильскій потому только удаленъ изъ предѣловъ республики святого Марка, что измѣнилъ своему прежнему поведенію и сталъ держать себя точно онъ король французовъ, Остерманъ отвѣтилъ, что императрица признаетъ въ графѣ Лильскомъ короля и относится къ нему такъ, какъ если бы онъ уже былъ на престолѣ [2]).

---

[1]) Письма отъ 18-го и 20-го апрѣля 96-го года.

[2]) Dispacci del nobile di Pietroburgo. Nicolo Venier 1794—7 годъ. Депеша отъ 1-го августа 96-го года.

ГЛАВА IV.

Французское занятіе.

Услужливость по отношенію къ побѣдоносной Франціи не означала, однако, со стороны венеціанскаго правительства отказа отъ дальнѣйшей борьбы съ тѣми принципами, выразительницей которыхъ являлась молодая республика.

Напротивъ того, никогда еще инквизиторы не считали нужнымъ озаботиться въ большей мѣрѣ раскрытіемъ тайныхъ связей французскихъ патріотовъ съ собственными подданными, какъ съ момента торжественнаго принятія акредитованнаго конвентомъ посла Лаллемана.

Съ самаго момента его прибытія, 6-го февраля 95 года, къ нему приставленъ былъ уже извѣстный намъ Доменико Казотто, который на столько успѣлъ вкрасться въ его душу, что не разъ могъ сообщить инквизиторамъ весьма цѣнныя подробности и о лицахъ, раздѣляющихъ въ самой Венеціи якобинскіе принципы, и о разногласіи, существующемъ между политикой директоріи и той, какой придерживается къ Венеціи побѣдоносный вождь итальянской арміи—генералъ Бонапартъ. Читая интереснѣйшія донесенія Казотто, иногда проникаешься мыслью, что Лаллеманъ подозрѣвалъ дѣйствительный характеръ приставленнаго къ нему венеціанскаго друга и пользовался имъ, какъ каналомъ для производства неофиціальнымъ путемъ извѣстныхъ предупрежденій, способныхъ удержать Венецію въ томъ благожелательномъ нейтралитетѣ, который до поры до времени такъ необходимъ былъ для успѣха французскаго оружія.

Чѣмъ, какъ не подобнымъ разсчетомъ вызваны были, напримѣръ, слѣдующія обращенія французскаго дипломата: «о, господинъ Казотто! мы желаемъ видѣть венеціанскую республику прекрасною и всѣми уважаемою, мы проникнуты по отношенію къ ней величайшимъ почтеніемъ, и что же мы получаемъ взамѣнъ? Ни малѣйшаго удовлетворенія на всѣ наши просьбы, отказъ въ отпускѣ на свободу заключенныхъ соотечественниковъ. Повторится съ вами то же, что было съ Генуей, которая только тогда стала внимать нашимъ представленіямъ, когда мы приблизились къ ней съ войскомъ. Наша армія уже недалеко отъ Милана и скоро подойдетъ къ Бергамо и Бресчіи. Услышите пушечные выстрѣлы, и я перестану обнаруживать прежнюю снисходительность» [1]). Съ недоумѣніемъ внимаетъ Казотто подобнымъ рѣчамъ. Чѣмъ ближе подходитъ время оккупаціи Ломбардіи французскими войсками, тѣмъ чаще и чаще Лаллеманъ возобновляетъ свои пророчества. «Не пройдетъ мѣсяца, говоритъ онъ 22 февраля 95 года, и мы будемъ въ Миланѣ. Но, возражаетъ ему Казотто, вамъ заградятъ дорогу австрійскія войска. Ничуть не бывало: они или бѣгутъ, или будутъ разбиты. Тогда подумаемъ, что намъ дѣлать съ Миланомъ; вѣроятно, отдадимъ его генуэзцамъ. Займемся также и поведеніемъ здѣсь графа д'Антрега и другихъ эмигрантовъ. Не рѣшаюсь пока высказаться болѣе опредѣленно». Казотто французскій министръ жалуется также на дурное впечатлѣніе, какое производитъ въ Парижѣ терпимость венеціанскаго правительства къ претенденту и фактъ допущенія д'Антрега къ роли полуофиціальнаго представителя Бурбоновъ. Вѣдь графъ Лильскій открыто принимаетъ титулъ короля, окружаетъ себя стражей, заставляетъ ее носить мундиръ, признаетъ за ея членами военные титулы и вообще вполнѣ заслуживаетъ то названіе «короля въ Веронѣ», какое даютъ ему городскіе патриціи. Какъ можетъ венеціанское правительство, прибавляетъ Лаллеманъ, терпѣливо выносить такое злоупотребленіе; тѣмъ болѣе, что, какъ я слышалъ отъ тѣхъ эмигрантовъ, которые сообщаютъ мнѣ о происходящемъ въ Ве-

---

[1]) Донесеніе отъ 7 февраля 95 года. Archivio di Stato Inquisitori di Stato. Riferte dei Confidenti, Busta 563.

ронѣ, въ ней ожидается въ скоромъ времени прибытіе роялистовъ изъ Вандеи [1]).

Пока республика, удовлетворяя этимъ жалобамъ, удаляла претендента изъ предѣловъ своихъ владѣній, число французовъ, попадавшихся на улицахъ, площадяхъ и мѣстахъ публичныхъ собраній, стало замѣтно увеличиваться. Простонародье Венеціи держало себя враждебно, и тайнымъ агентамъ не разъ приходилось доводить до свѣдѣнія трибунала объ открытыхъ оскорбленіяхъ, какія наносятъ французамъ прохожіе. Далеко не такъ относятся къ нимъ патриціанскія семьи. Во время карнавала 96 года многіе принимаютъ ихъ въ своихъ ложахъ. Никто иной, какъ Мочениго, сынъ губернатора въ Веронѣ, окружаетъ себя офицерами французской арміи [2]). Лаллеманъ приглашаетъ самого Казотто пріискать квартиру для ожидаемаго имъ въ маѣ генерала Бонапарта. Въ то же время онъ выражаетъ ему, какъ бы отъ своего имени, нѣкоторыя желанія французскаго правительства, а именно: удаленіе графа д'Антрега, ссуду нѣсколькихъ милліоновъ изъ тѣхъ денегъ, которыя герцогъ моденскій отправилъ въ Венецію, желая скрыть ихъ отъ французскихъ вымогательствъ. Вѣдь даете же вы деньги австрійцамъ, прибавилъ онъ, довольствуясь какими-нибудь двумя процентами, а мы готовы заплатить вамъ цѣлыхъ три. Лаллеманъ жалуется на терпимость, съ какой Венеція относится къ тѣмъ нарушеніямъ объявленнаго ею нейтралитета, какое позволяютъ себѣ австрійскія войска, занимая между прочимъ принадлежащую ей крѣпость Пескьера. По его словамъ, французы всегда готовы оказать защиту льву святого Марка. Онъ проситъ Казотто всячески распространять и поддерживать этотъ слухъ въ венеціанскихъ кофейняхъ [3]). Въ іюнѣ, когда республика св. Марка, озабоченная занятіемъ французскими войсками покинутой австрійцами Пескьеры, рѣшилась, повидимому, отказаться отъ системы нейтралитета и собрать войско для собственной защиты, Лаллеманъ снова спѣшитъ открыть душу приставленному къ нему шпіону. Какая слѣпота, утверждаетъ онъ, съ обѣихъ сторонъ. Если французы овладѣли

[1]) Донесеніе отъ 18 января 95 года (Ibid).
[2]) Докладъ Доменико Казотто отъ 6 марта 1796 года. Ibid. Busta 564.
[3]) См. донесенія Казотто отъ 17, 19 и 21 мая 1796 года.

Пескьерой, то только потому, что она была занята австрійцами: Это завоеваніе, сдѣланное ими не у республики св. Марка, а у враговъ, незаконно овладѣвшихъ ея крѣпостью. Мы исправили ея стѣны и усилили ея средства защиты. Повидимому, она наша; но кончится война, и мы вернемъ ее венеціанцамъ, вознаграждая ихъ вдобавокъ за всѣ причиненные имъ убытки [1]). Съ напускною наивностью французскій агентъ жалуется на безполезность своихъ усилій остановить развитіе между обѣими націями того чувства недовѣрія и нерасположенія, которое все нагляднѣе и нагляднѣе сказывается въ ежедневныхъ сношеніяхъ подданныхъ республики святого Марка съ французскими войсками. Я боюсь, прибавляетъ онъ, что меня заподозрятъ въ излишнемъ пристрастіи къ вашимъ согражданамъ [2]).

Нерасположеніе къ французамъ растетъ съ каждымъ днемъ, и даже личная прислуга посла подвергается грубымъ оскорбленіямъ со стороны далматинцевъ (schiavoni), участвующихъ въ венеціанскомъ войскѣ.

Республиканскія кокарды съ ихъ тремя цвѣтами срываются на каждомъ шагу, и Лаллеману приходится слышать угрозы противъ соотечественниковъ, которыхъ венеціанскіе солдаты обѣщаютъ изрубить на части. Въ кофейняхъ нѣтъ конца ругательствамъ по адресу французовъ [3]).

Послѣдствіемъ всего этого, говоритъ Лаллеманъ, можетъ быть открытый разрывъ между обѣими республиками.

Чѣмъ больше французскія войска, преслѣдуя австрійцевъ, проникали въ предѣлы республики св. Марка, тѣмъ рѣзче и рѣзче сказывалось враждебное отношеніе къ нимъ крестьянства и городской черни, тайно подстрекаемой венеціанскими патриціями. Поводовъ къ столкновеніямъ было не мало. Однихъ военныхъ реквизицій было достаточно, чтобы обратить поселянъ въ непримиримыхъ враговъ французской арміи. Изъ Вероны уже извѣстный намъ Франческо Агдоло почти ежедневно доносилъ о новыхъ и новыхъ вымогательствахъ, указывая въ то

---

[1]) Докладъ отъ 20 іюня 1796 года.
[2]) Докладъ отъ 23 іюня 1796 года.
[3]) Доклады отъ 28 іюня и 7 іюля 1796 года.

же время, съ какой быстротой общественное мнѣніе изъ благопріятно-настроеннаго становилось все болѣе и болѣе враждебнымъ къ пришельцамъ. Ночью разбудили меня, пишетъ онъ перваго іюля 1796 г., съ извѣстіемъ, что французы должны прибыть сегодня. Ужасъ овладѣлъ городомъ, тѣмъ болѣе, что дворянамъ объявлена свобода удалиться, и многіе уже воспользовались ею. Агдоло не можетъ помириться съ мыслію, что пораженіе австрійцевъ не было вызвано какими-нибудь тайными причинами. Виновникомъ всего онъ признаетъ масонство; оно проникло и въ среду министровъ, и въ среду войска, создавая повсюду союзниковъ якобинцамъ [1]. Начальникъ Вероны Фоскарини [2]) извѣщенъ былъ Бонапартомъ, что въ наказаніе за пріемъ, оказанный графу Лильскому, часть города будетъ предана пламени. Всѣ эти угрозы, пишетъ Агдоло, не имѣли иной цѣли, кромѣ вымогательства 12 милліоновъ выкупа. По оцѣнкѣ Агдоло, число проникшихъ въ городъ войскъ не превышаетъ шести—семи тысячъ. Но, чтобы устрашить жителей массою военныхъ силъ, Бонапартъ заставляетъ полки устраивать фальшивые входы и выходы. Кафе полны французами; нѣтъ другихъ разговоровъ, какъ о графѣ Лильскомъ, объ эмигрантахъ, свободѣ, равенствѣ и братствѣ. Патріоты при деньгахъ и оплачиваютъ всѣ заказы. Второго и третьяго іюня французскія войска еще ведутъ себя образцово, но къ концу этого дня уже начались насилія. Отъ страха жители не смѣютъ жаловаться начальникамъ. Жертвой являются содержатели кофеенъ и трактировъ, а также женщины. Агдоло совѣтуетъ скорѣйшую присылку оружія и военачальника для командованія расположеннымъ въ городѣ корпусомъ далматинцевъ. Оружіе должно быть доставлено по рѣкѣ въ баркахъ, прикрытыхъ мукою, бисквитами, сырами и т. д. Ночью можно было бы заняться его выгрузкой. Не мѣшало бы также увеличить оккупаціонный корпусъ, вводя въ городъ по 15 человѣкъ, принадлежащихъ къ отрядамъ Винченцы и Бресчіи [4]. Безпорядки и насилія продолжаются и даже возрастаютъ ежедневно. Есть и перебѣжчики во францу-

---

1) Письмо отъ 1 іюня 1796 года, Riferte dei confidenti. Busta, № 542.

2) Титулъ его былъ Proveditore generale.

скую армію. Не хватаетъ той или другой дѣвушки и говорятъ объ убійствѣ двухъ веронцевъ. Больше всего страдаютъ сосѣдніе крестьяне: ихъ заставляютъ перевозить на быкахъ оружіе, провіантъ и не даютъ взамѣнъ ничего, кромѣ палочныхъ ударовъ. Агдоло находитъ утѣшеніе въ тѣхъ ругательствахъ и проклятіяхъ, какими народъ сопровождаетъ французовъ при ихъ приходѣ. Онъ видитъ въ этомъ доказательство его ненависти къ революціоннымъ принципамъ и преданности къ собственному правительству [1]). Хотя Бонапартъ и обѣщалъ неприкосновенность религіи и собственности, но не проходитъ дня, чтобы та и другая не подверглись самому грубому оскорбленію. Во многихъ сосѣднихъ селеніяхъ церкви разграблены, унесены священные сосуды и церковныя одѣянія; разгрому подверглись также нѣкоторыя частныя жилища. Если французы останутся здѣсь долгое время, пишетъ заботливый агентъ, необходимо будетъ распорядиться о присылкѣ въ Верону публичныхъ женщинъ. Въ нихъ чувствуется здѣсь большой недостатокъ, а французы до нихъ охотники. Не хватитъ женщинъ,— они снова оживятъ здѣсь содомскій грѣхъ [2]). 8 іюня Агдоло доноситъ, что крестьяне находятъ во рвахъ много покрытыхъ плѣсенью хлѣбовъ. Французы продолжаютъ требовать огромное ихъ количество, опять-таки съ цѣлью дать преувеличенное понятіе о своей численности. Излишекъ они бросаютъ затѣмъ по дорогѣ.

Страхъ къ французамъ прошелъ, но ненависть возрастаетъ съ каждымъ днемъ; особенно не терпитъ ихъ простонародье, крестьяне и далматинцы. Во французской арміи Агдоло насчитываетъ не мало эмигрантовъ изъ числа тѣхъ самыхъ, которые въ бытность графа Лильскаго посѣщали гостепріимный домъ графини Маріони. Говорятъ, что въ ней имѣется не менѣе 150 дезертировъ изъ эмигрантскаго войска Royal Etranger. Вся бѣда въ масонствѣ, повторяетъ Агдоло, возвращаясь къ своей любимой темѣ. Всѣ правительства рано или поздно убѣждаются въ этомъ. И въ Веронѣ дѣло обходится не безъ масоновъ.

---

[1]) Смотри письмо отъ 4 іюня.

[2]) Депеша отъ 6 и 7 іюня 1796 года.

Маркизъ Александръ Карлото и его братъ кажутся Агдоло принадлежащими къ ихъ числу. Улицы начинаютъ оглашаться не только французскими революціонными пѣснями, но и итальянскими. Въ одной изъ нихъ говорится: Санъ Марко дремлетъ, императоръ при смерти; да здравствуютъ французы, владыки міра [1]). По свѣдѣніямъ, собраннымъ Агдоло у одного изъ медиковъ французской арміи, пріемъ, оказанный населеніемъ Кремоны и Бресчіи, былъ несравненно болѣе сочувственный. Верона не оправдала ожиданій; разсчитывали на поступленіе многихъ волонтеровъ, а между тѣмъ ломбардцевъ и венеціанцевъ, вмѣстѣ взятыхъ, въ войскѣ Бонапарта едва можно насчитать 700—800 человѣкъ. Простонародье смотритъ на французовъ съ недовѣріемъ, не допуская, чтобы они были его настоящими друзьями и братьями [2]).

Далматинцы нерѣдко вступаютъ съ французскими солдатами въ рукопашную, стараясь освободить женщинъ изъ ихъ рукъ. Самъ генералъ Бонапартъ не встрѣчаетъ пощады со стороны Агдоло. Для него онъ не болѣе, какъ авантюристъ, мошенникъ, не имѣющій ни чести, ни вѣрности данному слову, ни заботы о собственной репутаціи. Обманомъ, измѣною вовлекъ онъ въ свои сѣти недовольный и изнуряемый податями народъ. Онъ кормитъ его обѣщаніями и не исполняетъ ничего изъ обѣщаннаго [3]). Съ каждымъ днемъ увеличивается число столкновеній между венеціанскими войсками и французскими. Генералы Бонапартовской арміи жалуются, что съ тѣхъ поръ, какъ они вошли въ предѣлы республики св. Марка, у нихъ выбыло изъ строя болѣе 500 человѣкъ. Ихъ гибель приписывается крестьянамъ, которые мстятъ такимъ образомъ за грабительства и поджоги, причиненные имъ пришельцами. Въ концѣ іюня веронское населеніе уже начинаетъ сѣтовать на синьерію, которая медлитъ присылкой войскъ. Французы становятся все болѣе и болѣе дерзкими по мѣрѣ того, какъ пустѣютъ ихъ карманы; они перестаютъ платить и въ то же время увеличиваютъ свои тре-

---

1) Письмо отъ 9 іюня 1796 года.
2) Письмо отъ 15 іюня 1796 года.
3) Письмо отъ 12 іюня 1796 года.

бованія на счетъ квартиры и стола. Ихъ начальники поселились въ домахъ первыхъ аристократовъ города; такъ, напримѣръ, графы Пелегрини обязаны ежедневно содержать не менѣе сорока лошадей, получая взамѣнъ одни только ассигнаціи. Графъ Джіовани Эмили, который считается отцомъ бѣдныхъ, не только потерялъ весь доходъ отъ земель, расположенныхъ въ окрестностяхъ Мантуи и опустошенныхъ какъ французами, такъ и австрійцами, но долженъ еще содержать двухъ генераловъ съ ихъ штатомъ и лошадьми. Думая, что французы останутся не болѣе нѣсколькихъ дней, дворяне отвели ихъ начальству лучшія помѣщенія и пригласили ихъ къ своему столу. Теперь они не рѣшаются отобрать у нихъ дарованнаго [1]). Съ особенной ненавистью относятся къ французамъ солдаты далматинцы. Столкновенія съ ними становятся обычнымъ явленіемъ. Нерѣдко они оканчиваются убійствомъ, да и въ сосѣднихъ къ Веронѣ селахъ часто пропадаютъ французы. Съ трудомъ удалось веронскому начальнику отвратить поджогъ двухъ деревень въ отмщеніе за убійства. Агдоло не только не жалѣетъ о самоуправствахъ, какія позволили себѣ крестьяне, но еще высказываетъ надежду, что предоставленные самимъ себѣ, они, благодаря своей численности (ихъ не менѣе 300,000), легко бы справились съ семью или восемью тысячами французовъ [2]). Послѣднимъ приходится обезопасить себя отъ возможности мѣстнаго возстанія. Они требуютъ сперва обезоруженія, а затѣмъ удаленія далматинскихъ полковъ изъ Вероны. Агдоло не одобряетъ этого плана, говоря, что французы способны уступить только силѣ. Какія бы представленія венеціанскій посолъ не дѣлалъ въ Парижѣ и какіе бы приказы не присылаемы были Бонапарту директоріей, онъ исполняетъ только собственную волю. Его высокомѣріе не знаетъ границъ. Онъ недостойнымъ образомъ обращается съ Фоскарини и съ каждымъ днемъ увеличиваетъ свои требованія: сегодня онъ настаиваетъ на удаленіи далматинцевъ, завтра пожелаетъ обезоруженія населенія, а затѣмъ останется только наложить подать и подвергнуть

---

1) 23 іюня 1796 года.

2) Письмо отъ 4 іюля 1796 года.

Верону штурму. Агдоло настаиваетъ на опасности породить въ жителяхъ недовѣріе къ заботливости венеціанскаго начальства. Считая себя оставленными на произволъ судьбы, они могутъ принять самыя неожиданныя и тревожныя рѣшенія [1]).

Пророчества Агдоло постепенно сбываются: съ удаленіемъ далматинцевъ французы все болѣе и болѣе начинаютъ считать Верону завоеваннымъ городомъ. Они занимаютъ крѣпость, располагаютъ свою артиллерію, ставятъ стражу къ воротамъ и мостамъ—все это, говоритъ Агдоло, къ великому ропоту жителей, которые настолько упали духомъ, что готовы эмигрировать массами. Я не смѣю даже повторить того, прибавляетъ онъ, что говорится открыто противъ венеціанской синьеріи. Жду страшныхъ послѣдствій и даже потери всего, чѣмъ республика владѣетъ на континентѣ [2]).

12 іюля французы заявляютъ требованіе о томъ, чтобы у жителей было отнято оружіе. При одномъ слухѣ объ этомъ, многія дворянскія семьи, не внимая увѣщаніямъ начальства, спѣшатъ покинуть городъ. 18-го Агдоло увѣдомляетъ о весьма серьезной мѣрѣ, которая, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, не мало содѣйствовала печальному исходу событій. Въ Веронѣ появилась прокламація отъ имени губернатора Фоскарини и посланнаго синьеріей чрезвычайнаго коммиссара Батагліа о томъ, чтобы въ селеніяхъ устроены были денно и нощно караулы съ цѣлью предупредить открытыя столкновенія мѣстнаго населенія съ французами. Агдоло справедливо замѣчаетъ: послѣдствіемъ этой мѣры будетъ надѣленіе крестьянъ оружіемъ. Съ его точки зрѣнія это весьма желательно, и онъ хотѣлъ бы видѣть распространеніе того же предписанія и на жителей Вероны. Такимъ образомъ восполненъ былъ бы недостатокъ въ войскѣ, и явилась бы возможность силою отразить силу [3]).

Требованія Бонапарта возобновляются ежедневно. Въ 24 часа приказано поставить войску вино, уксусъ, водку, хлѣбъ и сѣно; въ случаѣ неисправности солдатамъ позволено озаботиться са-

---

[1]) Письмо отъ 9 іюня 1796 года.
[2]) Письмо отъ 10 іюля 1796 года.
[3]) Письмо отъ 18 іюля 1796 г.

мимъ о полученіи нужнаго провіанта. Особенное недовольство вызываетъ ежедневное вымогательство подводъ. Въ селахъ появилась эпидемія на скотъ, и крестьяне отказываются выполнять приказы, говоря, что скорѣе готовы убить своихъ быковъ, нежели замучить ихъ по дорогѣ [1]).

Не лучше становится положеніе жителей и по оставленіи города французскими войсками, такъ какъ на смѣну имъ явились австрійцы. 30 они входятъ въ Верону и приняты съ энтузіазмомъ. Гусары бросаются въ погоню за неуспѣвшими убѣжать солдатами наполеоновскаго войска, и народъ хлопаетъ въ ладоши при видѣ плѣнныхъ французовъ. Но если чернь единодушна въ ненависти къ нимъ, то между дворянами Агдоло насчитываетъ не мало франмасоновъ, готовыхъ служить имъ. Еще опаснѣе то, что въ самомъ венеціанскомъ войскѣ имѣются открытые ихъ приверженцы. 7-го августа вечеромъ слѣдуетъ новое занятіе Вероны французами. 16,000 австрійцевъ бѣгутъ передъ 6000 наполеоновскихъ дружинъ. Якобинцы торжествуютъ ихъ побѣду, пишетъ Агдоло; ихъ радость принимаетъ самыя нахальныя и оскорбительныя формы. Грабежи и насилія возобновляются особенно въ селахъ. Чтобы избавиться отъ французовъ, крестьяне, при ихъ приближеніи, начинаютъ бить въ набатъ, и этого достаточно, чтобы обратить въ бѣгство отряды въ 300 или 400 человѣкъ [2]).

Недостатокъ денегъ заставляетъ солдатъ нападать ночью на прохожихъ, требуя отъ нихъ часовъ или кошелька. Особенно серьезный характеръ приняло недовольство поселянъ Вальполизелы. Здѣсь, въ отвѣтъ на угрозу разстрѣлять приходскаго священника и сжечь селеніе въ отместку за убійство нѣкоторыхъ солдатъ, занимавшихся грабежомъ, крестьяне созываютъ набатомъ до 10,000 человѣкъ и силою противятся экзекуціи. Трудно представить себѣ, пишетъ Агдоло, тотъ ужасъ, какой наводитъ на французовъ звонъ сельскаго колокола. Они предвидятъ повтореніе въ близкомъ будущемъ новой Сицилійской вечерни [3]).

Несмотря на податливость венеціанской синьеріи на всѣ ихъ

[3]) Письмо отъ 27 іюля 1796 г.

[4]) Письмо отъ 13 августа 1796 г.

[5]) Письмо отъ 29 сентября 1796 г.

требованія, французы, по словамъ Агдоло, позволяютъ себѣ весьма рѣзкія нападки на правительство. Они называютъ его тираническимъ, говорятъ, что одно безуміе можетъ заставить веронцевъ повиноваться немногимъ семьямъ дворянъ чужого имъ города. Свои преступныя замѣчанія, пишетъ негодующій агентъ, они перемѣшиваютъ съ оскорбительными насмѣшками.

Разговоры начинаютъ производить свое дѣйствіе и на мѣстное населеніе. Число «неблагонамѣренныхъ» было прежде невелико, теперь оно возрастаетъ ежедневно. Женщины, игравшія, говоритъ Агдоло, такую значительную роль въ парижскихъ событіяхъ, на двѣ трети завоеваны французскими принципами.

Трудно повѣрить, что даже простыя служительницы и крестьянки проникаются къ нимъ сильною страстью. Постоянно слышишь о побѣгѣ той или другой дѣвушки. Агдоло приписываетъ французамъ желаніе или вызвать революцію въ Веронѣ съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи извлекать изъ нея деньги, подобно тому, какъ они дѣлаютъ это въ Моденѣ, Реджіо, Феррарѣ и Болоньи, или воспользоваться первымъ предлогомъ, первымъ волненіемъ жителей, чтобы подвергнуть городъ открытому грабежу. Что всего ужаснѣе—это невозможность положиться на венеціанскіе полки, такъ сильно въ нихъ броженіе, порожденное масонами. Гораздо надежнѣе крестьянство. Если бы можно было ввести въ Верону всего двѣ тысячи поселянъ изъ горныхъ долинъ, они бы въ союзѣ съ чернью могли воспротивиться всякому затѣваемому перевороту.

Если въ Веронѣ уже сказывалось вліяніе французскихъ принциповъ, то что же могло быть въ Бресчіи, въ которой издавна чувствовалось, какъ мы видѣли, недовольство венеціанскимъ режимомъ, и Пизани, пребывавшій здѣсь въ изгнаніи, находилъ не мало послѣдователей и единомышленниковъ. Даже офицеры, пишетъ губернаторъ Бресчіи, Альвизэ Мочениго [1]), открыто высказываютъ свое сочувствіе французскимъ принципамъ. Въ клубахъ, кафе, театрахъ можно видѣть французскіе цвѣта. Многіе,

---

[1]) Archivio Frari. Corrispondenza dei restori di Brescia con gli Inquisitori di stato. Busta. № 251. Депеши отъ 11 сентября, 27 октября и 11 декабря 1796 года.

какъ, напримѣръ, секретарь Санъ-Фермо, подполковникъ Ривanелло, лейтенантъ Зорутто и корнетъ Софьетти, приняли даже французскую одежду; недостаетъ имъ только кокарды. Сторонники демократическихъ принциповъ встрѣчаются и въ средѣ дворянства, и въ средѣ плебеевъ. . . . .

Мочениго посылаетъ инквизиторамъ цѣлый списокъ лицъ подозрительныхъ. Мы находимъ въ немъ имена графовъ Мозукелли, графовъ Аричи и Лекки, членовъ многочисленной семьи Кверини, Росси, Одази, Карара и т. д., а также и простыхъ ремесленниковъ и мѣщанъ, содержателей кофеенъ и трактировъ, шляпочника, ветошника и т. д.

У одного изъ заподозрѣнныхъ, у графа Аричи, поставленнаго инквизиторами подъ особый надзоръ, произведенъ обыскъ и найденъ каталогъ книгъ, предназначенныхъ для пропаганды и отпечатанныхъ въ Миланѣ и Кремонѣ; Мочиниго прилагаетъ его къ одной изъ своихъ депешъ. Большинство помѣченныхъ въ немъ изданій предназначены для Ломбардіи; только немногія имѣютъ въ виду всю Италію. Вотъ названіе нѣкоторыхъ изъ этихъ сочиненій: «Собраніе стихотвореній, произнесенныхъ по случаю посадки «дерева свободы» въ Кремонѣ», «Епископское посланіе по поводу современныхъ событій», «Гражданскій катехизисъ въ назиданіе народу селъ и городовъ», «Шестнадцать патріотическихъ приказовъ гражданина Польчи», «Интриги вѣнскаго двора», «Тайное соглашеніе на счетъ судебъ Италіи», «Долой маску или политика королей», «Размышленія объ источникѣ женскихъ болѣзней и о возможности избѣжать ихъ, благодаря отмѣнѣ монастырей», «Филантропическія бесѣды гражданина съ народами Италіи», «Злоупотребленіе исповѣдью», «Республиканецъ и нѣкогда дворянинъ къ бывшимъ дворянамъ Милана», «Адресъ къ ломбардцамъ гражданина Бовинэ», «Рѣчь къ миланцамъ съ цѣлью раскрыть имъ глаза», «Дворецъ истины или правда, сказанная народу», «Аристократія, низвергнутая разумомъ», «Исповѣдь императора Франциска, въ которой указаны всѣ ошибки дурного законодательства», «Рѣчи къ народу и къ коммунѣ болонской», «Какое правительство болѣе отвѣчаетъ благополучію ломбардцевъ», «Истинное понятіе о федерализмѣ»; оба послѣднія сочиненія написаны Джовани Антоніо Ранца, уроженцемъ Верчели

и самымъ выдающимся республиканскимъ публицистомъ въ Пьемонтѣ [1]); «Краткое описаніе варварскаго обращенія, какое вынесъ генуэзскій гражданинъ, Варѳоломей Раймондъ, заточенный въ генуэзскую башню», «Рѣчь къ гражданамъ Павіи», «Обращеніе къ итальянскому народу», «Тирольскій патріотъ къ своимъ соотечественникамъ».

О содержаніи нѣкоторыхъ изъ этихъ брошюръ можно судить по слѣдующимъ отрывкамъ. «Не жажда завоеваній привлекла въ Италію дружественныя фаланги французовъ, а желаніе даровать свободу наслѣдникамъ общихъ предковъ (разумѣются римляне), желаніе порвать цѣпи, наложенныя на нихъ австрійскимъ деспотизмомъ, и вернуть ихъ къ прирожденнымъ правамъ, дабы затѣмъ на вѣки вѣковъ имѣть ихъ союзниками и друзьями» [2]). «Французская республика—мать и покровительница итальянцевъ, она открываетъ народамъ возможность воспользоваться ихъ неотчуждаемымъ правомъ суверенитета и измѣнить свой образъ правленія. Римъ, Венеція, Генуя, Лукка, Мальта должны услышать ея призывъ и положить конецъ своимъ аристократіямъ и олигархіямъ. Не все, впрочемъ, французскіе порядки годны для Италіи. «Если федерализмъ имѣетъ во Франціи разлагающее вліяніе, если послѣдствіемъ его можетъ быть распаденіе политическаго тѣла, уже достигшаго единства, то въ Италіи, составленной изъ столькихъ государствъ, въ которой привычки, принципы, нарѣчія, интересы весьма различны и существуютъ сильныя антипатіи, всякая попытка создать единое политическое тѣло или обнародовать общую для всѣхъ конституцію, такъ же неосуществима, какъ открытіе perpetuum mobile и философскаго камня. Откажемся отъ мысли измѣнить все сразу и будемъ дѣйствовать постепенно. Такимъ путемъ мы легче достигнемъ нашей цѣли» [3]).

---

[1]) См. О Ranza монографію Giuseppe Roberti. Il Gittadino Rauza Ricerche documentate. Torino. 1890 года.

[2]) Discorso per l'erezione dell'albero della liberta nella municipalita di Pavia in piazza Grande avanti al pretorio 3. Luglio. 1796, a. I della liberta Lombarda.

[3]) Трактаты Ranza о наилучшемъ образѣ правленія для Италіи и о федерализмѣ. Смотри Giuseppe Roberti, стр. 101—103.

На ряду съ чисто политическими памфлетами весьма распространены были и анти-религіозные или, вѣрнѣе, не столько направленные противъ католической вѣры, сколько противъ свѣтскаго владычества папъ, роскоши и богатства духовенства, его нетерпимости, злоупотребленія церковной исповѣдью или еще въ защиту разводовъ, гражданскаго брака и равенства незаконныхъ дѣтей съ законными [1]). Къ христіанству итальянскіе патріоты далеко не питали той враждебности, какую обнаружили къ нему французскіе якобинцы. Его основатель выдаваемъ былъ за сторонника принциповъ свободы, равенства и братства, истаго демократа, почему нерѣдко и носитъ въ брошюрахъ наименованіе гражданина Іисуса Христа (Il cittadino Gesu Cristo) [2]).

О томъ впечатлѣніи, какое эта надвигавшаяся революція, болѣе или менѣе скрыто поддерживаемая французами, производила на венеціанскихъ патриціевъ, можно судить по перепискѣ Гаспаро Липомано со своимъ зятемъ, венеціанскимъ посломъ въ Парижѣ, Альвизэ Кверини [3]).

28-го мая 1796 года въ самомъ началѣ французскаго занятія Липомано уже пишетъ: «несчастная Венеція; ея предѣлы наводнены чужими войсками, ея жители отданы на произволъ судьбы и принесены въ жертву французамъ. Тягостны, разумѣется, и австрійцы, но въ ихъ поведеніи все же замѣтна нѣкоторая правильность; они не позволяютъ себѣ такихъ злоупотребленій. Заняли, правда, Пескьеру, но обѣщаютъ очистить ее послѣ отбытія французовъ; а между тѣмъ Бресчія уже въ рукахъ послѣднихъ. Мочениго пишетъ, что они требуютъ провіанта и позволяютъ себѣ много неправильностей; онъ долженъ сдѣлать представленіе на этотъ счетъ генералу Келлерману. На васъ возложена обязанность предстательства предъ директоріей, но чего вы можете добиться? Словъ, ничего кромѣ словъ. Это даетъ вамъ право указывать впослѣдствіи на несоотвѣтствіе ихъ поведенія съ обѣщаніями. Хорошія слова получаются и здѣсь

---

[1]) Ibid., стр. 115-я и слѣдующая.

[2]) Discorso per l'erezione dellal. bero della liberta, in Pavia.

[3]) Венеція, bibl. Querini-Stampaglia Class. VII, cod. 78, Lettere familiari di Gasparo Lippomano con Alvise Querini (съ 1795 по 97). Всѣхъ числомъ 200.

отъ Бонапарта и Саличетти, но факты идутъ съ ними въ разрѣзъ. Сказать — заплатимъ, значитъ поддерживать иллюзію; но предписать провіантированіе и вымогать его силою—это факты».

«Просто чудомъ надо считать долготерпѣніе и спокойствіе нашихъ подданныхъ. Мы дѣлаемъ все, чтобы поддерживать въ нихъ увѣренность въ возвращеніе отобраннаго. Съ этою цѣлью предписано вести точный счетъ всему, что забираютъ французы. И все же нашъ представитель въ Бергамо доноситъ, что трудно избѣжать безпорядковъ, что жители уже высказываютъ нежеланіе терпѣть французовъ долѣе, а еще не успѣли настрадаться. Въ Миланѣ, въ Павіи, въ Лоди уже вспыхнули народныя возстанія».

Четыре дня спустя слѣдуютъ новыя жалобы: всѣ мы въ горѣ, въ ужасѣ и замѣшательствѣ. Крема очищена французами, которые потокомъ разбрелись по Бресчіанской провинціи. Даже въ Сало (на озерѣ Гварда) предъявляются требованія провіанта для войскъ, направляющихся въ Тироль. На заявленія, сдѣланныя ему Мочениго, и несмотря на банкетъ, устроенный послѣднимъ въ его честь, начальникъ французскихъ войскъ отвѣчаетъ угрозами и жалобами на допущеніе австрійцевъ въ Пескьеру. Мочениго извиняется невозможностью помѣшать занятію. Бонапартъ настаиваетъ также на томъ, что живущіе въ предѣлахъ республики эмигранты вызываютъ недовѣріе и нерасположеніе въ солдатахъ его арміи и могутъ сдѣлаться серьезной опасностью. «Мы начинаемъ бояться, что скоро и Верона попадетъ во власть французовъ или австрійцевъ, а съ нею, разумѣется, и вся Terra Ferma. Опасаемся не только за нее, но и за самую Венецію. Во всей странѣ сильное волненіе. Нападаютъ на правительство за то, что оно не запаслось своевременно оружіемъ и солдатами. Такимъ образомъ, факты доказали ошибочность того поведенія, за которое недавно еще стояло большинство членовъ совѣта».

Прокураторъ св. Марка Пезаро встрѣчаетъ всеобщее сочувствіе, когда говоритъ, что въ претерпѣваемыхъ нынѣ бѣдствіяхъ онъ не виноватъ; и дѣйствительно, послушай мы его и запасись войскомъ, не было бы всего этого ужаса, и собранія

сената не слѣдовали бы такъ часто. Въ тотъ же день, въ 12 часовъ ночи, Липомано дѣлаетъ къ своему письму слѣдующую приписку: «австрійскій генералъ Больё разбитъ и отступаетъ по направленію къ Тиролю. Эта побѣда—совершенное проклятіе для Венеціи. Уже въ окрестностяхъ Кремы послѣдовали столкновенія крестьянъ съ французами. Ихъ чрезмѣрныя вымогательства причина тому, что въ двухъ, трехъ мѣстахъ совершены убійства. Венеціанскій коммиссаръ отправилъ Бонапарту курьера. Его приняли съ высокомѣріемъ и объявили, что желаютъ говорить съ самимъ коммиссаромъ, что онъ долженъ явиться немедленно въ Пескьеру, уже занятую французами. Фоскарини поспѣшилъ исполнить это требованіе [1]). Бонапартъ обошелся съ нимъ презрительно и выразилъ полное недовольство венеціанцами. Онъ назвалъ ихъ врагами Франціи, такъ какъ они друзья австрійскаго дома; онъ поставилъ имъ въ счетъ пребываніе графа Лильскаго въ Веронѣ, терпимость къ эмигрантамъ и допущеніе австрійцевъ къ занятію Пескьеры. Онъ объявилъ, что вправѣ отнестись къ намъ, какъ къ непріятелямъ; что въ этомъ смыслѣ онъ уже высказался въ письмѣ къ директоріи, отъ которой ждетъ отвѣта и приказа открыть войну противъ Венеціи. Онъ сегодня же пошлетъ Массену бомбардировать Верону. Кто бы ожидалъ этого? Какой страшный, трагическій исходъ. Все, чего Фоскарини могъ добиться—это отказа отъ бомбардированія. Сегодня же французы войдутъ въ Верону. Скоро вся Terra Ferma перейдетъ въ ихъ руки. Что же станется съ Венеціей? Этимъ вопросомъ заняты въ настоящее время всѣ совѣты. Я надѣюсь, что приняты будутъ энергичныя мѣры для ея защиты. Замѣтно уже движеніе въ войскахъ и въ начальствѣ» [2]).

Ближайшее письмо начинается словами: «Несчастная родина, несчастная республика, несчастная столица, несчастные всѣ мы. Французы предали насъ и хотятъ во что бы то ни стало найти предлогъ для разрыва. Печаль, смущеніе, замѣшательство и

---

[1]) Разсказъ о пріемѣ, полученномъ Фоскарини въ Пескьерѣ, можно найти въ сдѣланномъ самимъ proveditore generale докладѣ отъ 1 іюня 1796 г. Archivio Inquisitori di stato, Filza 207.

[2]) Венеція 1 іюня 1796 г.

ужасъ овладѣли всѣми классами общества и читаются на всѣхъ лицахъ. Я не ждалъ отъ нихъ такой измѣны. Съ минуты на минуту жду извѣстія о томъ, что «древо свободы» посажено въ томъ или другомъ изъ городовъ Terra Ferma. Разъ Верона попала въ ихъ руки, что останется за нами изъ нашихъ континентальныхъ владѣній. Падуанцы уже въ страхѣ. Въ большомъ совѣтѣ толкуютъ о необходимости новыхъ представленій въ Парижѣ, новыхъ мѣръ защиты и средствъ остановить потокъ французовъ. Переговоры съ директоріей, очевидно, возлагаются на васъ. И мнѣ нечего настаивать, чтобы вы сдѣлали все отъ васъ зависящее для спасенія родины. Эриццо и Батагліа отправляются къ Бонапарту, но отъ него можно добиться только временныхъ мѣръ, окончательныя же рѣшенія будутъ приняты въ Парижѣ, гдѣ и потребуется ваше вмѣшательство».

«Умоляю васъ, будьте осторожны и поступайте такъ, чтобы вамъ можно было всегда оправдать ваше поведеніе передъ родиной».

«Помните, что люди, съ которыми придется вести переговоры, вѣроломны, что нельзя положиться на ихъ слово. Постарайтесь увѣриться поэтому, что они намѣрены сдержать обѣщанное, а для этого настаивайте на письменныхъ отвѣтахъ. Нельзя знать того, что Бонапартъ наговорилъ директоріи, ни какой данъ ему отвѣтъ. Увы, я предвижу нашу участь. Намъ придется принести много жертвъ. Что же, принесемъ ихъ, лишь бы онѣ состояли въ деньгахъ. Боже мой, дѣлать ихъ побѣдившимъ васъ врагамъ еще понятно, но вѣдь французы считаются нашими друзьями. Наше желаніе, желаніе избранной коммиссіи «мудрыхъ» (savi), чтобы изъ Парижа сдѣлано было предложеніе о характерѣ тѣхъ пожертвованій, какія необходимы, чтобы добиться мира».

«Все, что можно было собрать войскъ въ Далмаціи и Истріи, собрано. Губернатору этихъ провинцій предписано прислать сюда какъ можно больше полковъ и галеръ» [1]).

«Въ Веронѣ, пишетъ Липомано 4 іюня, французы расположили всего на всего корпусъ въ 500 солдатъ и 300 офицеровъ, но въ окрестностяхъ ихъ 17,000; всѣ ворота заняты патрулями.

---

[1]) Ibid., письмо 2 іюня 1796 г.

Фоскарини имѣлъ за столомъ Бонапарта, который велъ съ нимъ спокойную бесѣду. Его слова подчасъ не заключаютъ въ себѣ обиды, но, увы, того же нельзя сказать о дѣйствіяхъ. Сегодня пришло письмо отъ Фоскарини, въ которомъ имѣются тревожныя извѣстія о настроеніи жителей. Имъ трудно сохранить спокойствіе въ виду постоянныхъ насилій, поборовъ и происходящаго отъ нихъ недостатка въ средствахъ существованія. Ежедневно повторяются въ Веронѣ сцены грубаго разврата и скандалы. Обѣщаютъ платить за все и ни за что не платятъ. Изъ казны приходится брать средства для покрытія ихъ требованій, но хватитъ ли ея надолго? Боже мой, что же будетъ тогда со столицей! Конецъ бѣдствіямъ еще не насталъ, и мы вправѣ ждать всего. Жаль смотрѣть на членовъ коммиссіи «мудрыхъ», такъ глубока ихъ печаль. Но она раздѣляется всѣми. Запасаемъ хлѣбъ, собираемъ недоимки, снаряжаемъ всѣ силы защиты и всячески стараемся добыть денегъ. Вы знаете, какъ трудно это и какія тому имѣются препятствія. Но не бѣда, на этотъ разъ дадимъ все, что нужно; всѣ чувствуютъ себя гражданами. Заживемъ потомъ, какъ сможемъ, лишь бы осталась за нами наша территорія, наше правительство и наши добрые подданные.

Вымогательства французовъ въ Веронѣ усиливаются съ каждымъ днемъ. «Всего хотятъ, всѣмъ угрожаютъ». Синьерія приняла мѣры къ тому, чтобы обезпечить провіантированіе французскаго войска. Особый коммиссаръ, только по виду ведущій дѣло, какъ частное лицо, получилъ приказъ сдѣлать запасы хлѣба, вина, сала, соли, табаку, сѣна, всего на мѣсяцъ. Изъ этихъ запасовъ и дѣлаются выдачи французамъ. Затраты же коммиссара обезпечены властями кредитомъ въ 250,000 ливровъ. Правда, французы продолжаютъ обѣщать расплату, но вѣдь этого никогда не будетъ. Несмотря на всѣ наши пожертвованія, продолжается грабежъ селъ, и происходятъ акты грубаго насилія; такъ, въ Кастель-Нуово забраны изъ церкви всѣ ея драгоцѣнности. И со стороны Австріи дѣла стоятъ не лучше; имѣемъ французовъ, получимъ скоро и австрійцевъ».

Всѣ представленія, сдѣланныя въ Вѣнѣ по поводу занятія Пескьеры, отвергнуты были съ презрѣніемъ. Говорятъ, того

требовала война; жалуются вдобавокъ на затрудненія, сдѣланныя при проходѣ войскамъ; жалуются на уступчивость нашу по отношенію къ французамъ. Дѣлаютъ видъ, что ничего не боятся и готовы на все. Такимъ образомъ, съ часа на часъ въ наши предѣлы ворвутся и австрійцы. И они потребуютъ отъ насъ содержанія; но какъ будемъ мы въ состояніи удовлетворить всему этому. И теперь уже мы стараемся добыть денегъ всякими средствами. Вотированъ чрезвычайный платежъ въ десятую часть дохода. Пріостановлены всѣ затраты на содержаніе каналовъ, дорогъ, школъ и т. д.; французы все въ большемъ и большемъ числѣ приливаютъ въ Бресчію. Болѣе десяти тысячъ прошло недавно чрезъ Кьери, причиняя невѣроятныя насилія. Въ Вираго крестьяне убили одного француза; въ отмщеніе послѣдніе едва не сожгли села. Десятаго внезапно явились 4 французскихъ коммиссара и пожелали видѣть арсеналъ. Благодаря нераспорядительности Гримани, поставленнаго во главѣ арсенала, они были допущены и получили такимъ образомъ возможность познакомиться съ нашими приготовленіями. Какой скандалъ и какая опасность для страны. Всѣ представленія, сдѣланныя Эриццо и Батагліа Бонапарту, не повели ни къ чему; онъ принялъ ихъ по дорогѣ изъ Мантуи въ Миланъ, въ мѣстечкѣ, называемомъ Ревербелла. На ихъ заявленія онъ отвѣтилъ приблизительно то же, что уже сказано было имъ Фоскарини; напомнивъ о пребываніи графа Лильскаго, о занятіи Пескьеры австрійцами и т. д., онъ прибавилъ затѣмъ, что объясненія Фоскарини и радушный пріемъ, сдѣланный войскамъ въ Веронѣ, отклонили его отъ намѣренія начать войну противъ Венеціи, и что въ этомъ смыслѣ написано будетъ имъ и директоріи. Въ то же время онъ настаивалъ, чтобы войскамъ его обезпеченъ былъ попрежнему провіантъ въ предѣлахъ венеціанскихъ владѣній. Вредъ, какой терпитъ Верона, замѣтилъ онъ, справедливое наказаніе за пріемъ претендента. Онъ готовъ, впрочемъ, покинуть ее, если венеціанцы предоставятъ ему достаточныя гарантіи въ томъ, что она не будетъ занята австрійскими войсками. Коммиссары вынесли изъ свиданія увѣренность, что республикѣ не грозитъ иной бѣды, кромѣ пожертвованій деньгами и хлѣбомъ. Но Венеція между тѣмъ не дремлетъ: при

рѣкахъ, каналахъ, портахъ усилена стража изъ опасенія внезапнаго занятія со стороны французовъ.

Изъ Парижа приходитъ извѣстіе объ удачномъ исходѣ представленій, сдѣланныхъ директоріи венеціанскимъ посломъ. Поведеніе французскихъ войскъ въ Кремѣ и Бресчіи представлено было въ его настоящемъ свѣтѣ министру иностранныхъ дѣлъ, Делакруа, и тому изъ членовъ директоріи, которому поручено было руководство внѣшнею политикой республики, я разумѣю Реубеля. Министръ, разумѣется, отвѣчалъ, что правительство не желаетъ причиненія венеціанцамъ ни малѣйшаго вреда, такъ какъ считаетъ ихъ не только нейтральною, но и дружественною державой; что, разумѣется, невозможно предупредить всѣхъ безпорядковъ, но что заявленные болѣе не повторятся. Французская нація, сказалъ онъ, озабочена сохраненіемъ дружественныхъ отношеній съ Венеціей. Немедленно будетъ доложено обо всемъ директоріи, и съ ближайшимъ курьеромъ пошлютъ приказъ Бонапарту усилить дисциплину въ войскѣ, соблюдать строго нейтралитетъ и удовлетворить Венецію за причиненные ей убытки, но не раньше, какъ послѣ представленія и провѣрки счетовъ всего незаконно забраннаго. Такъ какъ опытъ убѣдилъ меня, пишетъ Кверини, что министръ, заваленный дѣлами, не найдетъ времени заняться моимъ докладомъ, то я рѣшился отправиться къ директору Реубелю и представить ему лично обо всемъ. Онъ обнаружилъ большое негодованіе при моемъ разсказѣ и выразилъ сожалѣніе, что посланная мною раньше промеморія не была доселѣ доложена ему. Онъ повторилъ мнѣ, что возмущенъ всѣмъ происшедшимъ, желаетъ сохраненія дисциплины и нейтралитета; что солдатъ, не уважающій собственности, позволяющій себѣ профанацію святыни и грубое насиліе, заслуживаетъ ожидающей его печальной участи. То, что послѣдовало въ Миланѣ и Павіи, гдѣ многіе французы сдѣлались жертвою разъяренной толпы, должно служить урокомъ войску. Кверини явился и къ главѣ директоріи — Ларевельеру - Лепо, который также показался ему готовымъ признать справедливость заявленныхъ жалобъ [1]).

---

[1]) См. депеши Альвизэ Кверини къ венеціанскому сенату, № 98. Па-

Между тѣмъ, изъ Венеціи приходятъ новыя промеморіи о поведеніи французскихъ войскъ въ Веронѣ и объ угрозахъ Бонапарта. Кверини снова является къ министру, снова настаиваетъ на необходимости прямого приказа со стороны директоріи начальнику французскихъ войскъ о соблюденіи нейтралитета. Болѣе часу продолжался разговоръ, въ которомъ представителю республики св. Марка приходится выслушать довольно жестокія истины. Если, сказалъ министръ, и происходятъ всѣ эти бѣдствія, то потому, что венеціанцы впали въ инерцію, вредную для нихъ самихъ. Австрійцы застали ихъ невооруженными и могли поэтому нарушить ихъ нейтралитетъ, вторгнуться въ ихъ границы и занять Пескьеру. Не то было бы, если бы сенатъ поставилъ на ноги 500,000 войска, исправилъ бы заблаговременно крѣпости и помѣшалъ австрійцамъ проникнуть въ Италію. Впрочемъ, и теперь венеціанцамъ не слѣдуетъ падать духомъ, а положиться на французовъ, которые выговорили себѣ отъ сардинскаго короля право прохода въ Италію и могутъ поэтому поспѣшить на помощь Венеціи во всякое время. Къ сожалѣнію трудно вести переговоры съ синьеріей, трудно дѣлать ей непосредственно какія-либо предложенія. На этомъ оборванъ былъ разговоръ, очевидно клонившійся къ тому, чтобы вызвать Кверини къ предложенію болѣе тѣснаго союза съ Франціей. Зная, что аккредитовавшее его правительство ни мало не желаетъ подобнаго союза, Кверини отдѣлался заявленіемъ, что всегда готовъ выслушать и передать кому слѣдуетъ желанія французской директоріи. Одно, повидимому, казалось яснымъ и вызывало оптимистическія надежды въ венеціанскомъ послѣ, это то, что Бонапартъ не получилъ отъ директоріи никакихъ приказовъ на счетъ военнаго занятія республики и что угрозы исходили всецѣло отъ него одного [1]).

Новое свиданіе съ Реубелемъ еще упрочило въ Кверини эту увѣренность. Директоръ прямо заявилъ, что Франція не намѣ-

---

рижъ, 9 іюня 96 года. Эти депеши хранятся въ двухъ копіяхъ: одна въ государственномъ архивѣ, другая въ библіотекѣ Querini Stampaglia. Онѣ изданы мною въ сборникѣ депешъ венеціанскихъ пословъ о французской революціи, т. II. Туринъ, 1895 и 1896 годъ.

[1]) Депеша за № 99.

рена мѣнять своего отношенія къ Венеціи, что Бонапартъ никогда не предлагалъ директоріи начать съ нею войну, что онъ, Реубель, не допускаетъ даже возможности тѣхъ разговоровъ, какіе происходили между начальникомъ французскихъ войскъ и Фоскарини; это не болѣе, какъ выдумки газетъ. Когда же Кверини сталъ настаивать на ихъ дѣйствительности, Реубель объявилъ, что ему и товарищамъ извѣстно изъ письма Бонапарта только о занятіи Вероны и Пескьеры и ни о чемъ болѣе.

Сообщая о ходѣ этихъ переговоровъ, посолъ въ то же время заявляетъ въ своей депешѣ, что Бонапартъ состоитъ въ прямыхъ сношеніяхъ съ членомъ директоріи Карно, мнѣнія котораго и являются рѣшающими во всемъ, что касается итальянской кампаніи. Онъ выводитъ отсюда то заключеніе, что дѣйствія, даже нарушающія нейтралитетъ, справедливость и международное право, разъ они были приняты Бонапартомъ на свой страхъ или съ тайнаго согласія Карно, могутъ разсчитывать на поддержку и одобреніе директоріи [1]).

При всей неутѣшительности этого послѣдняго извѣстія, депеши Кверини внесли временное успокоеніе въ умы венеціанцевъ. Мы имѣемъ возможность судить объ этомъ по корреспонденціи Липомано. «Ваши три депеши, пишетъ онъ своему зятю [2]), произвели наилучшее впечатлѣніе. Каждый вашъ шагъ одобренъ. Заявленія директоріи понравились, какъ нельзя болѣе, хотя и слышатся въ сенатѣ различныя сужденія о томъ довѣріи, какое вообще заслуживаютъ данныя вамъ обѣщанія. Разбойники эти французы, говорятъ многіе; клянутся въ томъ, чему сами не вѣрятъ, а другіе прибавляютъ: только смѣются надъ нами; дѣйствія ихъ всегда противны словамъ. И дѣйствительно, наши крѣпости заняты, наши земли въ ихъ рукахъ; притѣсненія и реквизиціи продолжаются. Не хотятъ ни за что платить; требуютъ поставки въ Верону ежедневно двухсотъ подводъ для транспорта провизіи. Крестьяне не могутъ болѣе удовлетворить всему этому,

---

[1]) Депеша за № 100, отъ 11 іюня 1796 года.

[2]) Альвизэ Кверини былъ мужемъ знаменитой Маріетты, одной изъ образованнѣйшихъ венеціанокъ своего времени. Она извѣстна между прочимъ, какъ живописецъ и знатокъ многихъ иностранныхъ языковъ. Смотри Romanin, томъ XI, стр. 12, прим. 3.

быки скоро погибнутъ отъ усталости. Посмотримъ, посланы ли будутъ приказы Бонапарту измѣнить поведеніе, и настанетъ ли конецъ всѣмъ этимъ злоупотребленіямъ. Въ высшей степени важно то, что вы говорите объ одобреніи, съ какимъ принимается все, что ни дѣлаетъ Бонапартъ [1]). Что-то они отвѣтятъ вамъ письменно. Венеція продолжаетъ вооружаться. Начались пожертвованія въ пользу сената для цѣлей защиты. Отъ прихода Санъ-Роко поступило 50,000 лиръ, отъ другого прихода столько же. Эриццо далъ 25,000, Пезаро 10,000».

14 іюня Кверини присылаетъ изъ Парижа еще болѣе утѣшительныя извѣстія. «Я узналъ, пишетъ онъ, изъ вѣрнаго источника, что директоръ Баррасъ написалъ отъ себя Бонапарту, настаивая на сохраненіи нейтралитета. Такъ какъ ихъ отношенія самыя близкія и Бонапартъ даже обязанъ ему начальствомъ надъ италійской арміей, то я придаю этому шагу большое значеніе. Одновременно отъ имени директоріи посланы, утверждаетъ Кверини, самыя настойчивыя требованія касательно возстановленія дисциплины въ войскѣ и уваженія къ собственности [2]). Таково первое упоминаніе о Баррасѣ и вѣрномъ посредникѣ между нимъ и Кверини. Подъ этимъ посредникомъ, по всей вѣроятности, разумѣется никто иной, какъ Висковичъ, которому суждено будетъ играть со временемъ столь сомнительную роль въ постыдномъ подкупѣ, окончившемся личной катастрофой для венеціанскаго посла.

На самомъ дѣлѣ директорія рукою Карно писала начальнику италійской арміи ни болѣе ни менѣе, какъ слѣдующее: «мы прочли ваше донесеніе о томъ, что венеціанцы допустили австрійцевъ къ занятію Пескьеры; директорія видитъ въ этомъ достаточное основаніе требовать отъ Венеціи выдачи тѣхъ фондовъ, какіе враги Франціи и въ частности англійскій король хранятъ въ ней. Эта выдача должна послѣдовать немедленно и сопровождаться передачей всѣхъ судовъ, принадлежащихъ непріятелямъ и находящихся на стоянкѣ въ портахъ республики. Директорія полагаетъ, что возможно также потребовать отъ

[1]) Генералъ Бонапартъ, писалъ Кверини 14-го іюня, пользуется въ Парижѣ неограниченнымъ довѣріемъ (d'un credito senza misure).

[2]) Депеша отъ 14 іюня 1796 г.

Венеціи займа 5,000,000 флориновъ голландской монеты; въ обезпеченіе можно предоставить ей часть той суммы, какую должна Батавская республика. Мы полагаемъ также, что въ уплату за реквизиціи, какихъ обстоятельства заставятъ васъ потребовать въ будущемъ, вы можете выдать кредитивы на тотъ фондъ, какой англійскій король держитъ въ Венеціи. Впрочемъ, во всемъ этомъ директорія даетъ вамъ полную свободу, прося только обсуждать предварительно ваши мѣры съ коммиссарами правительства — Саличетти и Гаро; предупреждаемъ васъ въ то же время, что разрывъ съ Венеціей не входитъ въ наши намѣренія. Въ этихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ вы должны поэтому поступать такимъ образомъ, чтобы разрывъ не сдѣлался необходимымъ» [1]).

Хотя содержаніе этой ноты и не дошло, разумѣется, до свѣдѣнія венеціанской синьеріи, но, какъ видно изъ писемъ Липомано, ее не удовлетворили и болѣе успокоительныя заявленія Делакруа. Выраженныя въ письменной формѣ, они пересланы были Кверини въ Венецію и поступили на разсмотрѣніе сената. Липомано передаетъ, что объясненія министра показались членамъ прегади высокомѣрными и не дающими прямого отвѣта на заявленныя жалобы. Въ томъ же смыслѣ, что Делакруа, высказывается и французскій посолъ Лалеманъ въ своихъ переговорахъ съ Пезаро. Онъ обѣщаетъ удовлетвореніе, говоритъ о дружбѣ. По истинѣ, прибавляетъ отъ себя Липомано, французы должны бы были питать ее къ намъ, такъ какъ мы дѣлаемъ все, что они намъ скажутъ и государство наше въ ихъ рукахъ. Въ одной бресчіанской провинціи ихъ реквизиціи достигли суммы 200,000 дукатовъ; я не считаю въ этомъ причиненныхъ ими грабительствъ. Между тѣмъ казна истощается, предпринятый заемъ оказывается неудачнымъ и далеко еще не покрытъ; бумаги пали на двѣнадцать процентовъ. Одно утѣшительно—это готовность, съ какой отдѣльные города республики участвуютъ въ денежныхъ пожертвованіяхъ. Ко-

---

[1]) Смотри Supplemento alla storia d'Italiaidi Carlo Botta, contenente la corrispondenza del governo francese col General Bonaparte, годъ 1825, стр. 41. Парижъ 23 Преріаля, 4-й годъ республики, т. е. 11-го іюня 1796 года.

нельяно предложило 4,000, Удинэ 30,000, Кіоджіа, Бурано готовы отдать самихъ себя, Ровиніо ставитъ матросовъ. Съ пожертвованіями городовъ соперничаютъ пожертвованія частныхъ лицъ. Одни евреи даютъ 54,000 дукатовъ. Этотъ подъемъ патріотизма въ значительной степени обусловленъ тѣмъ страхомъ, какой навелъ недавно распространившійся слухъ, что цѣлый отрядъ французовъ двигается на Кіоджію. Паника была такъ велика, пишетъ Липомано, что рѣшено было работать даже въ праздникъ. Въ Кіоджію послано было подкрѣпленіе и приказано ускорить работы по защитѣ лагуны. Говорятъ, что французы, недавно бывшіе въ Венеціи, открыто высказывали увѣренность, что скоро тысячи ихъ соотечественниковъ съ оружіемъ въ рукахъ очутятся на площади св. Марка. Этимъ, прибавляетъ корреспондентъ Кверини, они никого не запугали, а только вызвали смѣхъ [1]).

Чтобы понять источникъ и характеръ всѣхъ этихъ слуховъ о приближеніи французскихъ войскъ къ Кіоджіи и возможности внезапнаго появленія ихъ въ самой Венеціи, необходимо обратиться къ показаніямъ «конфиденти». Въ то время какъ Лалеманъ продолжалъ раскрывать свою душу Доменико Казото, говоря, что послалъ въ Парижъ протестъ противъ поведенія Бонапарта и ждетъ со дня на день присылки директоріей новыхъ инструкцій, благопріятныхъ сохраненію нейтралитета Венеціи [2]), другой тайный агентъ инквизиторовъ Джиротто доводилъ до ихъ свѣдѣнія крайне тревожныя извѣстія о заговорѣ, цѣлью котораго было бы овладѣть Венеціей силой, съ помощью внезапной высадки французовъ и при содѣйствіи мѣстныхъ демагоговъ, вооруженныхъ французскимъ посольствомъ [3]).

Душою всей интриги является никто другой, какъ генеральный консулъ Англэ, бывшій, повидимому, прямымъ корреспондентомъ Бонапарта и противовѣсомъ менѣе податливой на средства политикѣ посла. Джиротто утверждаетъ, что отъ консула исходятъ всѣ попытки подвинуть венеціанцевъ на дѣйствія, оскорбитель-

---

[1]) Письма отъ 22 и 25 іюня 1796 года.

[2]) Донесеніе отъ 27 іюля 1796 года. Busta 563.

[3]) Смотри Inquisitori di stato, Riferte dei confidenti, Busta 605.

ныя для французской чести и могущія послужить поводомъ къ открытому разрыву. Посолъ опротестовываетъ затѣмъ наносимыя соотечественникамъ обиды, синьерія же спѣшитъ удовлетворить жалобы, закрывая кофейни. Такъ, еще недавно опалѣ подвергся кафе Флоріани, выходящій на площадь святого Марка, и та же участь грозитъ нѣкоторымъ другимъ, посѣщаемымъ дворянствомъ. Англэ и окружающіе его не скрываютъ, что Бонапартъ ждетъ только прибытія пятидесятитысячнаго подкрѣпленія, чтобы напасть на континентальныя владѣнія Венеціи. Одновременно паша въ Скутари ворвется въ Далмацію. Говорятъ, что Наполеону извѣстны въ подробности средства защиты венеціанцевъ какъ на морѣ, такъ и на сушѣ. Изъ этого, прибавляетъ конфиденти, можно заключить о существованіи у него тайныхъ сношеній съ кѣмъ-нибудь изъ сановниковъ или второстепенныхъ агентовъ республики. Тотъ же Англэ говоритъ, что французы расчитываютъ на поддержку со стороны Сардиніи, которая въ завоеваніяхъ, сдѣланныхъ въ предѣлахъ венеціанскихъ владѣній, найдетъ эквивалентъ за потерю Савойи. Въ этомъ отношеніи показанія Джиротто находятъ подтвержденіе въ одновременныхъ донесеніяхъ Альвизо Кверини изъ Парижа. Чтобы склонить республику святого Марка къ союзу съ Франціей, министръ Делакруа не разъ заводитъ съ Кверини рѣчь о судьбѣ отвоеванныхъ у австрійцевъ земель, давая ему понять, что союзники могутъ расчитывать на территоріальныя вознагражденія. Агенты консула не скрываютъ своего соболѣзнованія въ томъ, что вслѣдъ за взятіемъ Милана не принятъ былъ проектъ аббата Курти, прикрывающагося именемъ французскаго гражданина Beautemps [1]). Аббатъ предлагалъ коммиссару директоріи Саличетти занять Венецію со стороны Кампальто [2]).

Чтобы вкрасться въ довѣріе французовъ, Джиротто выдаетъ себя за ломбардца, говоритъ, что совершившаяся перемѣна правительства въ его родинѣ сдѣлала изъ него сторонника французскихъ порядковъ и что въ Венеціи онъ исполняетъ роль

---

[1]) Этотъ аббатъ Курти, по всей вѣроятности, тотъ самый эмиссаръ, о прибытіи котораго въ Бресчію заблаговременно увѣдомлялъ изъ Базеля Рокка Санъ Фермо.

[2]) Смотри донесенія Джиротто отъ 5-го августа 1796 года.

агента, обязаннаго доносить въ Ломбардію о всемъ происходящемъ. Эта ложь даетъ ему, какъ онъ пишетъ, возможность узнать всѣ подробности затѣваемой французами измѣны. Директорія одобрила якобы планъ Бонапарта, состоящій въ томъ, чтобы подвинуть республику святого Марка къ открытому разрыву. Это дастъ французамъ возможность предаться грабительству въ странѣ богатой сокровищами и деньгами. Имѣется дескать въ виду послать нѣсколько французскихъ судовъ въ Адріатическое море для овладѣнія венеціанскими кораблями, поднять корсаровъ, чтобы прекратить всякую торговлю со стороны моря, наконецъ вызвать набѣгъ паши изъ Скутари на Далмацію и тѣмъ заставить венеціанцевъ отправить въ нее свои славянскіе полки. Чтобы легче выполнить эту программу, необходимо отвесть глаза синьеріи. Этой цѣли и должны служить мирныя завѣренія директоріи. Со дня на день ждутъ окончанія переговоровъ съ Сардиніей и вступленія ея въ союзъ съ французами. Курти въ бытность свою въ Кремонѣ хвалился тѣмъ, что имѣетъ въ венеціанскихъ владѣніяхъ много тайныхъ сообщниковъ [1]).

Изъ того же источника инквизиторы узнаютъ, что Бонапартъ не замедлитъ завести рѣчь о выдачѣ ему казны, которую нѣмцы сдали на храненіе въ монетный дворъ Венеціи. По всей вѣроятности, надо разумѣть подъ этимъ сокровища моденскаго герцога, которыя дѣйствительно были потребованы французами подъ предлогомъ, что герцогъ состоитъ въ войнѣ съ ихъ республикой. Эмигранты, по словамъ тѣхъ же агентовъ, оказываютъ Бонапарту большія услуги. Разсѣянные по всей Terra Ferma, они призваны увѣдомлять его о настроеніи жителей, объ ихъ физическомъ, нравственномъ и экономическомъ положеніи. И на этотъ разъ переписка Бонапарта съ директоріей служитъ подтвержденіемъ сдѣланныхъ сообщеній. Эмигранты и въ особенности священники, изъ числа не принявшихъ гражданской присяги, оказали французскимъ войскамъ посильную помощь. Благодаря большей близости своей къ населенію, они проникли во многіе итальянскіе дома и зародили въ нихъ надежду на скорое освобожденіе отъ венеціанской тираніи, при ближайшемъ содѣйствіи французской

---

[1]) Донесеніе отъ 8-го августа 1796 года.

арміи. Весьма тревожныя извѣстія доходятъ до инквизиторовъ чрезъ посредство того же Джиротто 20-го августа: французы требуютъ отъ жителей Болоньи большого числа пеньковыхъ мѣшковъ; съ тѣмъ же запросомъ они должны обратиться вскорѣ и въ Верону. Назначеніе мѣшковъ будто бы слѣдующее: наполненные пескомъ, они брошены будутъ въ лагуну и доставятъ возможность французскому отряду произвесть переправу въ Венецію. Наполеонъ желалъ бы знать, какъ велики средства защиты венеціанцевъ со стороны моря. Съ этою цѣлью агентъ консула обѣщаетъ Джиротто большую сумму денегъ, если ему удастся ввести въ арсеналъ опытнаго работника. Выборъ падаетъ на одного француза, который за послѣднія пять лѣтъ состоитъ на службѣ въ арсеналѣ и владѣетъ итальянскимъ языкомъ, какъ роднымъ. «Его принимали за эмигранта, а онъ фанатическій республиканецъ». Джиротто передаетъ еще о намѣреніи Бонапарта наложить руку на ломбарды, такъ называемые monti di pietà, а также на сокровища въ церквахъ, и при томъ на протяженіи всѣхъ владѣній святого Марка. Въ самой Венеціи возрастаетъ число французскихъ сторонниковъ. Два патриціанскихъ рода—Альбици и Саворніанъ, навлекли на себя подозрѣніе въ готовности оказать поддержку врагамъ. Оно опирается, впрочемъ, на весьма шаткомъ основаніи. Джиротто утверждаетъ, что нѣкій аббатъ Карэга, родомъ корсиканецъ, но поселившійся въ Венеціи 22 года назадъ, убѣждалъ его не враждовать такъ открыто съ французами: это, молъ, только повредитъ ему и уже повредило въ глазахъ Альбици и Саворніанъ. И другіе патриціи, въ особенности Джакомо Больду, Джованъ Батиста Дона, Михэле Пріули, графъ Джироламо Мартинэнго слывутъ сторонниками французовъ. [1]) Желая убѣдиться въ справедливости сдѣланныхъ ему сообщеній насчетъ предстоящаго занятія Венеціи, Джиротто подкупаетъ прислугу консула и, проникнувъ въ его комнату, находитъ на столѣ рукопись, озаглавленную: «планъ для занятія Венеціи со стороны Кампальто, предложенный господиномъ Куртэ Вотанъ, разсмотрѣнный и одобренный (examiné et vérifié) генераломъ Кильмэномъ. «Я нѣсколько разъ прочелъ его и

---

[1]) Донесеніе отъ 21-го и 26-го и 29 августа 1796 года.

могу передать содержаніе, пишетъ агентъ инквизиторовъ. Сущность проекта состоитъ въ утвержденіи, что съ помощью 80,000 мѣшковъ песку и нѣсколькихъ барокъ, которыя можно найти на рѣкѣ Аддѣ, легко установить сообщеніе между Кампальто и Бурано, такъ какъ въ этой части лагуна имѣетъ едва четыре или шесть футовъ глубины. Главная трудность лежитъ по дорогѣ изъ Санъ-Секондо въ Каналреджіо и Санъ-Джироламо. Но можно было бы укрѣпиться въ первомъ островѣ и затѣмъ съ помощью союзниковъ въ Венеціи устроить плотъ на баркахъ. Для выполненія всего предпріятія достаточно 80,000 отряда и 12 мортиръ [1]).

Неудивительно, если подъ вліяніемъ такихъ слуховъ венеціанская синьерія стала внимать благосклонно къ тому совѣту вооружить крестьянъ веронскаго округа, какой Агдоло дѣлалъ инквизиторамъ еще въ іюлѣ 1796 года. Очевидно, не легко было рѣшиться на мѣру, столь противорѣчившую духу венеціанскаго законодательства [2]), мѣру, которая при первомъ недовольствѣ республикой могла породить не мало затрудненій для правительства. Липомано какъ нельзя лучше истолковываетъ эти чувства, когда говоритъ: какой безопасности можно ждать отъ народныхъ массъ, разъ онѣ предоставлены самимъ себѣ, и почему намъ сдѣлать то, на что не рѣшалось ни одно правительство, особенно теперь, когда событія показали, какой исходъ имѣютъ вообще движенія черни [3]). Но обстоятельства принимали все болѣе и болѣе неблагопріятный характеръ. Жители Бресчіи и Вероны не скрывали своего недовольства синьеріей, говоря, что она озабочена только защитой Венеціи и оставила ихъ на произволъ судьбы. Ожидались депутаціи съ цѣлью выразить это недовольство; въ самой Венеціи открыто обвиняли генеральнаго прови-

---

[1]) Докладъ отъ 30-го августа 1796 года.

[2]) Монтескье говоритъ о Венеціи: On ne s' est point conformé à la nature des choses de cette république, où le port des armes à feu est puni comme un crime capital et où il n' est pas plus fatal d'en faire un mauvais usage que de les porter (De l'esprit des loix, livre XXVI, ch. 24).

[3]) Библ. Кверини Стампалія, Class. VII Cod. 78. Письмо Кверини отъ 21-го іюля 1796 года.

зора Фоскарини и чрезвычайнаго коммиссара Батагліа за уступчивость ко всѣмъ французскимъ требованіямъ, въ частности за удаленіе славянскихъ полковъ изъ Вероны [1]). Когда въ сенатѣ Пезаро, передавая текстъ своихъ заявленій французскому послу, объявилъ, что подданные святого Марка волнуются не потому, что чувствуютъ нерасположеніе къ пришельцамъ, а потому, что терпятъ отъ нихъ всякія обиды, слова его покрыты были аплодисментами. И хотя въ то же время, по свидѣтельству Липомано, при голосованіи въ большомъ совѣтѣ, число лицъ, уклоняющихся отъ подачи мнѣнія, стало замѣтно возрастать, но въ общемъ галлофобія сдѣлала настолько замѣтные успѣхи, что венеціанская олигархія рѣшилась даже на крайнее средство: на вооруженіе крестьянъ; оно проведено было, какъ мы видѣли, въ формѣ установленія особыхъ патрулей, якобы для защиты самихъ французовъ. Агдоло привѣтствовалъ ихъ созданіе; но Бонапартъ и директорія сразу поняли всю опасность, какой грозитъ имъ съ трудомъ скрываемая ненависть систематически разоряемыхъ поселянъ. И въ Парижѣ, и въ Венеціи, сдѣланы были энергическія представленія министромъ Делакруа и посломъ Лалеманомъ. Въ сентябрѣ Джиротто узнаетъ отъ консула, что французы смотрятъ на эту мѣру, какъ на направленную противъ ихъ войскъ [2]). Одновременно учащались обиды по адресу непрошенныхъ гостей, не исключая и членовъ посольства. Хотя Лалеманъ и продолжалъ дѣлать Пезаро миролюбивыя заявленія, а Казотто въ своихъ разговорахъ съ нимъ только слышалъ о намѣреніи французской республики подарить Венецію Тріестомъ, какъ скоро онъ будетъ завоеванъ у австрійцевъ [3]), но это не мѣшало тому, что во время прогулокъ въ гондолѣ послу и его семьѣ не разъ приходилось слышать эпитеты: воры, разбойники, палачи [4]).

Положеніе французскаго дипломата съ каждымъ днемъ стано-

---

[1]) Подробности объ этомъ смотри въ донесеніяхъ Фоскарини отъ 30-го іюня 2-го и 3 іюля 1796 года. Inquisitori di stato. Filza 207-ая, № 24, 26, 27 и 28-ой.

[2]) Докладъ отъ 22-го сентября 1795 года.

[3]) Смотри донесеніе отъ 25 іюля 1796 года.

[4]) Донесеніе отъ 3-го августа 1769 года (Busta 564).

вилось все болѣе и болѣе труднымъ. Слѣдуя получаемымъ инструкціямъ, онъ старался успокоить венеціанцевъ, обѣщая возстановленіе дисциплины и прекращеніе вымогательствъ, которыя тѣмъ не менѣе не только продолжались, но и усиливались. Иногда изъ устъ Лалемана вырывались даже слова въ родѣ слѣдующихъ: «я играю здѣсь скорѣе роль буфона, нежели представителя великой державы; обнадеживаю, говорю о дружбѣ, а Бонапартъ дѣлаетъ все наперекоръ, [1])». Между посломъ и генералиссимусомъ постепенно устанавливаются натянутыя отношенія; Лалеманъ говоритъ о гордости и высокомѣріи этого юноши, а Бонапартъ оставляетъ безъ отвѣта его курьеровъ [2]). Изъ показаній другого конфиденти, Джиротто, можно заключить, что Лалеманъ былъ искрененъ въ своихъ отрицаніяхъ всякаго заговора противъ цѣлости и безопасности Венеціи, такъ какъ всѣ планы касательно внезапнаго занятія ея французскимъ отрядомъ тщательно скрывались консуломъ и его агентами отъ уполномоченнаго директоріи [3]). Но какъ въ такомъ случаѣ объяснить, что нигдѣ, какъ въ подвалахъ посольскаго дворца запасено было оружіе, которымъ французы и венеціанскіе демагоги должны были воспользоваться при предстоящемъ занятіи столицы? Быть можетъ тѣмъ, что этимъ запасамъ сначала придано было другое назначеніе, что въ виду постоянныхъ угрозъ по адресу французовъ посольство озаботилось собственной защитой на случай возможнаго нападенія и приготовило необходимыя средства отпора. Въ октябрѣ этотъ вопросъ о

---

1) Докладъ Казотто отъ 27-го іюля 1796 года.

2) Донесеніе Казотто отъ 1-го 3-го августа 1796 года.

3) 13 сентября 1796 года Лалеманъ говоритъ Казотто: никогда не входило въ намѣренія французской республики нарушить миръ Венеціи или проникнуть въ нее силой. Ручаюсь вамъ за это моей честью. Въ сентябрѣ того же года консулъ Англэ объявляетъ Джиротто, что скоро послѣдуетъ замѣна Лалемана новымъ посломъ, которымъ, по всей вѣроятности, будетъ Саличетти, близкій къ Бонапарту человѣкъ. Лалемана обвиняли въ томъ, что онъ сдѣлался игрушкою въ рукахъ нѣкоторыхъ венеціанскихъ дворянъ, съѣвшихъ у него много денегъ. Послу приписывали даже раскрытіе плана внезапнаго занятія Венеціи, и Англэ жаловался на него дѣйствительному виновнику, Джиротто. Донесеніе отъ 27 сен. 1796 года, Busta 605.

мѣстѣ нахожденія склада настолько интриговалъ инквизиторовъ, что Джиротто дана была полная свобода въ выборѣ средствъ для узнанія истины. Онъ воспользовался ею для того, чтобы перейти во французское подданство, и принесъ требуемую присягу въ консульствѣ. Съ этого времени для него не было больше тайнъ, и его сообщенія пріобрѣли характеръ вскорѣ затѣмъ осуществившихся пророчествъ. 17 октября онъ пишетъ: чтобы узнать, гдѣ французы держатъ свои ружья, я предложилъ консулу поставить ему 200 добровольцевъ, готовыхъ ежечасно поспѣшить на помощь его соотечественникамъ. Предложеніе мое принято съ восторгомъ и открыло мнѣ возможность двухъ весьма цѣнныхъ бесѣдъ съ однимъ изъ эмиссаровъ, присланныхъ генераломъ Массеною; онъ объявилъ мнѣ, что оружіе сложено въ посольствѣ и ввѣрено заботливости его секретаря, Жакобъ. Онъ обѣщалъ мнѣ ближайшимъ образомъ показать склады и передать трехцвѣтныя кокарды, для раздачи единомышленникамъ. Одновременно я съ ужасомъ узналъ, что подыскивается предлогъ для разрыва. Одинъ изъ венеціанскихъ демагоговъ Сантуцци посланъ въ Верону и принятъ будетъ на правахъ офицера во французскую армію съ очевидной цѣлью установить болѣе тѣсное общеніе съ нею. Со времени его отъѣзда, французскій эмиссаръ Калассъ усердно посѣщаетъ домъ нѣкоего еврея, въ которомъ собираются, повидимому, заговорщики [1]). Одновременно съ этими сообщеніями, инквизиторы получаютъ подобныя же отъ Доменико Казотто [2]). Слѣдя попрежнему за каждымъ шагомъ французскаго посла, Казотто узналъ, что онъ посѣщаетъ домъ нѣкоего графа Сапи, уроженца Имолы, женатаго на дочери венеціанца Борги; что въ этомъ домѣ собираются члены масонской ложи, включающей въ себя многихъ патриціевъ. Казотто даетъ имена нѣкоторыхъ посѣтителей, Барбаро и Піовени, уроженца Виченцы [3]). Лалеманъ, очевидно, провѣдавшій кое что о надзорѣ, какому подвергаетъ его мнимый пріятель, спѣшитъ къ нему съ жалобой на то, что многіе ве-

---

[1]) Смотри донесеніе отъ 17 октября 1796 года.

[2]) Смотри Busta № 564, донесеніе отъ 28 сентября 1796 года.

[3]) Ibid., донесеніе отъ 10 октября 1796 года.

неціанцы, враждебно настроенные къ правительству, не оставляютъ его въ покоѣ въ собственномъ домѣ, предупреждая его о приготовленіяхъ, какія Венеція дѣлаетъ для открытой войны съ Франціей; говорятъ ему о призывѣ въ Кіоджію цѣлаго корпуса далматинцевъ, якобы съ цѣлью отразить французское занятіе. Очевидно, прибавляетъ Лалеманъ, что все это слухи, распространяемые людьми неблагонамѣренными. «Если бы я не вѣрилъ въ лойяльность вашего правительства, мнѣ бы пришлось обратиться къ нему съ новыми представленіями и протестами». Вездѣсущій и всезнающій Казотто слышитъ одновременно отъ голландскаго консула, что Лалеманъ наводилъ у него справки о нѣкоемъ пьемонтскомъ аббатѣ Арнальди, весьма рѣзко отзывающемся о синьеріи. Жена посла подозрѣваетъ, что этотъ аббатъ исполняетъ при ея мужѣ обязанность шпіона и состоитъ въ тайной корреспонденціи съ директоріей [1]). Изъ позднѣйшихъ донесеній мы узнаемъ, что Арнальди задержанъ былъ по распоряженію венеціанскаго правительства и заключенъ въ тюрьму. Уже послѣ этого ареста Лалеманъ сообщаетъ Казотто, что цѣлью посѣщеній аббата было подвинуть его на ограбленіе тревизскаго ломбарда подъ предлогомъ, что тамъ хранятся имущества эмигрантовъ. Это предложеніе вызвало въ немъ якобы такое негодованіе, что онъ рѣшился прогнать отъ себя аббата [2]).

Пользуясь сообщеніями своихъ конфиденти, государственные инквизиторы приняли мѣры къ задержанію такого значительнаго числа венеціанцевъ, что французскій консулъ счелъ нужнымъ рекомендовать остававшимся на свободѣ, въ томъ числѣ Джиротто, особую осторожность. Изъ-за пустяковъ, жаловался онъ, многіе были призваны инквизиторами и выслушали суровые выговоры и страшныя угрозы; необходимо поэтому перенесть собранія въ другое мѣсто. Этимъ мѣстомъ избранъ приходъ Санъ-Франческо де ла Винія. Въ собственное жилище консулъ согласенъ пускать впредь Джиротто только для отправленія медицинскихъ обязанностей. Чтобы успокоить подозрительность фран-

---

[1]) Донесеніе отъ 31 октября 1796 года.

[2]) Ibid., донесеніе отъ 20 ноября 1796 года.

цузовъ, онъ предлагаетъ Джиротто принесть присягу въ вѣрности республикѣ. Заручившись его согласіемъ, онъ пускается въ откровенность и говоритъ, что въ то же утро 13-го октября послѣдовало собраніе демагоговъ и французскихъ эмиссаровъ въ одномъ изъ помѣщеній посольства. На немъ признана невозможность овладѣть Венеціей путемъ прямого нападенія и необходимость произвести предварительно революцію между жителями Terra Ferma. Рѣшено начать съ Бресчіи, и высказана увѣренность въ помощи и содѣйствіи генеральнаго провизора, Батагліа, уже давно заподозрѣннаго, какъ мы видѣли, въ принадлежности къ масонамъ. Возлагаются также надежды на аббата Васселли, нынѣ состоящаго капитаномъ французской арміи; онъ проживаетъ въ Кремонѣ вмѣстѣ съ аббатомъ Курти, репутація котораго давно установлена. Средствомъ пропаганды должно быть между прочимъ распространеніе книги этого аббата, озаглавленной «Исторія и политика венеціанцевъ»; она отпечатана въ Парижѣ и, по сознанію французскаго консула, не заслуживаетъ никакого вниманія, но можетъ сдѣлаться орудіемъ противъ аристократіи. Пользуясь пріобрѣтенной имъ репутаціей добраго французскаго патріота, Джиротто проникаетъ въ помѣщеніе, занимаемое секретаремъ Жакобъ, находитъ въ немъ семь пушекъ и 250 ружей. Жакобъ также настаиваетъ на необходимости быть осторожнымъ и жалуется на внезапное исчезновеніе двухъ сообщниковъ. Всѣ попытки узнать объ ихъ мѣстопребываніи оказались тщетными; они сдѣлались, очевидно, жертвою верховнаго трибунала инквизиторовъ, которыхъ Жакобъ обозвалъ деспотами и тиранами. Къ счастью, прибавилъ онъ, ихъ существованію скоро будетъ положенъ конецъ. Жакобъ сообщилъ также Джиротто, что въ Моденѣ рѣшено сдѣлать наборъ въ 30,000 человѣкъ. Ихъ назначеніе дѣйствовать противъ венеціанскихъ владѣній. Бонапартъ уполномочилъ Жакоба закупить оружіе и выслать его въ Болонью и Модену. Секретарь посольства получаетъ вскорѣ еще болѣе серьезную миссію; онъ назначенъ дипломатическимъ агентомъ въ Туринъ съ цѣлью склонить короля къ союзу и совмѣстной дѣятельности противъ Венеціи. Французы, по словамъ Джиротто, уже хвастаются, говоря, что скоро увидятъ Бонапарта, Массену и Саличетти гуляющими по площади

св. Марка [1]). Французское консульство въ Венеціи получаетъ все болѣе и болѣе утѣшительныя извѣстія о числѣ сторонниковъ революціи въ отдѣльныхъ городахъ Terra Ferma. Изъ Вероны Сантуци пишетъ, что оно превзошло всѣ ожиданія. Можно было бы приступить и къ выполненію задуманнаго, если бъ не желаніе сообразать свои дѣйствія съ распоряженіями Бонапарта, который якобы рѣшилъ дождаться капитуляціи Мантуи, чтобы затѣмъ всѣми силами поддерживать движеніе. Консулъ обѣщаетъ Джиротто открыть ему послѣ паденія Мантуи имена всѣхъ заговорщиковъ, прибавляя, что онъ пораженъ будетъ ихъ численностью и высокимъ положеніемъ, какое они занимаютъ въ Венеціи. Ихъ списокъ уже доставленъ Бонапарту Каласомъ [2]). Сообщники, которыхъ имѣлъ въ виду Сантуци, были по преимуществу члены масонской ложи, собиравшейся въ Веронѣ въ кварталѣ Санъ-Сильвестро. Эта ложа была закрыта десять лѣтъ назадъ по распоряженію венеціанскаго правительства, но теперь ожила снова, пользуясь защитой французскихъ войскъ. Въ ея составъ входилъ начальникъ венеціанскаго отряда, генералъ Салимбени, тотъ самый, который согласился на удаленіе славянскихъ войскъ изъ города и вызвалъ тѣмъ, какъ пишетъ Липомано, большое негодованіе въ совѣтѣ. Судья Пріули, офицеръ Спада, Матеи и другіе сдѣлались вскорѣ центромъ цѣлаго кружка единомышленниковъ и вступили въ корреспонденцію съ однохарактерными союзами въ другихъ городахъ Terra Ferma [3]).

Тайныя сообщества, очевидно, были многочисленны и покрывали собою всѣ континентальные города республики. Иначе Лалеману нечего было бы въ своихъ откровенныхъ бесѣдахъ съ Казотто говорить, что и Виченца, и Падуя, скоро отпадутъ отъ Венеціи, «такъ какъ обѣ онѣ на другой дорогѣ» [4]).

На самомъ дѣлѣ Франція, которой въ лицѣ Бонапарта приписывались такія темныя намѣренія на счетъ цѣлости венеціан-

[1]) Донесеніе отъ 19-го ноября 1796 года.

[2]) Донесеніе отъ 2-го декабря 1796 года.

[3]) Смотри Osvaldo Perini. Storia di Verona dal 1790 al 1822. Верона, 1874 годъ, томъ II-й, стр. 46 и 47.

[4]) Донесеніе отъ 2 декабря 1796 года. Busta № 564.

скихъ владѣній, еще въ началѣ 1797 года помышляла о союзѣ съ республикой въ интересахъ болѣе рѣшительнаго отпора австрійскимъ войскамъ. Почти наканунѣ взятія Мантуи, Лалеманъ, распространявшійся въ похвалахъ на счетъ Пезаро, называвшій его великимъ политикомъ, честнымъ, заботливымъ о родинѣ, искреннимъ и неспособнымъ къ интригѣ, высказывалъ Казотто увѣренность, что вслѣдъ за капитуляціей занятой австрійцами крѣпости послѣдуетъ союзъ обѣихъ республикъ къ не малой выгодѣ св. Марка [1]. принимая 11 февраля 1797 года французскаго генерала Ожеро и празднуя вмѣстѣ съ нимъ сдачу такъ долго осаждаемой крѣпости, Лалеманъ подымаетъ бокалъ за венеціанскую республику, и его тостъ покрытъ аплодисментами присутствующихъ; правда, въ банкетѣ участвуетъ между прочимъ золотыхъ дѣлъ мастеръ Луи Бардэ, который нѣсколько дней спустя, при встрѣчѣ съ Казотто, уже держитъ ему слѣдующую рѣчь: «войска наши прошлись побѣдоносно повсюду; имъ остается теперь занять Венецію. Къ сожалѣнію, мы имѣемъ здѣсь посла, котораго водятъ за носъ и который не умѣетъ извлечь пользу изъ обстоятельствъ, хотя и самъ соглашается, что существующее правительство нуждается въ реформѣ» [2].

---

[1]) Донесенія отъ 12 января и 4 февраля 1797 года.

[2]) Донесеніе отъ 1 апрѣля 1797 года. Busta № 564.

ГЛАВА V.

Революція въ Бергамо, Бресчіи и Кремѣ.

Все предвѣщало скорую развязку; она тѣмъ не менѣе поразила всѣхъ. Еще 13 марта Батагліа писалъ синьеріи изъ Бресчіи: «жители увѣряютъ меня въ своей привязанности къ республикѣ». А между тѣмъ двумя днями раньше тѣмъ же генеральнымъ провизоромъ получено было изъ Бергамо письмо, въ которомъ никто другой, какъ губернаторъ этого города Оттолини, предупреждалъ о готовящейся революціи. Мало этого, девятаго французскій генералъ Ландріэ сообщилъ посланному къ нему изъ Бергамо секретарю республики, Стефани, что готовится заговоръ противъ цѣлости венеціанскихъ владѣній на континентѣ. Въ Миланѣ, говорилъ онъ, образовался клубъ, поставившій себѣ цѣлью произвесть переворотъ сперва въ Бресчіи, а затѣмъ въ Бергамо и Кремѣ. Ландріэ утверждалъ, что ему извѣстны имена заговорщиковъ и силы, какими они располагаютъ. Клубъ собирается въ двухъ миляхъ отъ города; въ немъ бываетъ 200 и болѣе человѣкъ всякаго званія. Главами заговора являются графы Лэки, Гамбара и Бэкалосси изъ Бресчіи, Александри, Калеппіо и Абелазіо изъ Бергамо. Ихъ эмиссары разсѣяны среди горцевъ и носятъ при себѣ особыя бумаги, образецъ которыхъ сообщенъ былъ Стефани [1]). Французскій генералъ, повидимому,

[1]) Смотри Raccolta cronologico - ragionata di documenti inediti che formano la storia diplomatica della rivolizione e caduta della republica di Venezia, corredata di critiche osservazioni. Tomo secundo. Augusta, anno 1799, стр. 10.

не намѣренъ былъ сдѣлать своего сообщенія даромъ; такъ какъ никто изъ Венеціи не отвѣтилъ ему никакимъ предложеніемъ, то онъ воспротивился отбытію Стефани изъ Милана; послѣдній могъ только письменно увѣдомить Оттолини объ опасности.

Все случилось, какъ предсказалъ это Ландріэ, которому пришлось даже играть первенствующую роль въ движеніи, роль, которую, какъ значилось въ сообщеніи, сдѣланномъ Стефани, предложили ему сами заговорщики [1]. Въ одномъ отношеніи событія не оправдали пророчества. Возстаніе началось не съ Бресчіи, а съ Бергамо. Въ донесеніяхъ венеціанскаго резидента въ Миланѣ, Зуанэ Винченти Фоскарини, и губернатора Бергамо Оттолини можно найти подробности о ходѣ этой революціи. Въ воскресенье 12 марта показались на главной площади Бергамо передъ соборомъ четыре пушки къ не малому ужасу жителей. Одновременно въ замкѣ, занятомъ французскимъ корпусомъ, обнаружилось замѣтное движеніе. На вопросъ о причинахъ послѣдовалъ отвѣтъ, что въ виду появленія венеціанскихъ войскъ, которыя по приказу Оттолини 10 числа денно и нощно ходили патрулями по улицамъ ради предупрежденія мятежа, комендантъ счелъ нужнымъ обезопаситься отъ случайностей. Видимо успокоенный такимъ заявленіемъ, Оттолини не принялъ болѣе никакихъ мѣръ къ защитѣ и даже счелъ нужнымъ объяснить коменданту причину принятыхъ имъ полицейскихъ распоряженій. Между тѣмъ толпа дворянъ, предводительствуемая французскимъ офицеромъ Лермитъ, направилась во дворецъ, занятый Оттолини и служившій въ то же время присутственнымъ мѣстомъ. Здѣсь провозглашено было отпаденіе Бергамо отъ республики и приступлено къ выбору муниципалитета. Состоявшіе на должности чиновники призваны были принесть присягу новому правительству и скрѣпить ее своею подписью. Оттолини увѣдомленъ былъ обо всѣмъ за нѣсколько минутъ до случившагося. «Мы, вѣрные подданные республики, сказалъ ему глава депутаціи, поставлены въ необходимость прослыть за мятежниковъ. Французскій комендантъ Лефевръ только что при-

---

[1] Ibid., стр. 10.

слалъ за нами и объявилъ, что мы должны подчиниться желанію народа, возстановить свободу и присоединить Бергамо съ его округомъ къ циспаданской республикѣ. Тщетно протестовали мы, говоря, что не имѣемъ причинъ жаловаться на синьорію и на того, кто управляетъ ея именемъ. Комендантъ объявилъ намъ: повинуйтесь; вы отвѣчаете мнѣ головой. Тогда мы обѣщали ему сдѣлать то, что онъ прикажетъ и испросили позволеніе увѣдомить обо всемъ предварительно васъ, какъ представляющаго въ Бергамо нашего законнаго государя. Онъ согласился на это не сразу, и вотъ мы теперь передъ вами и просимъ вашего совѣта» [1]). Очевидно, депутація была составлена изъ лицъ, или не принимавшихъ участія въ заговорѣ, или искавшихъ обезопасить себя отъ всѣхъ случайностей, между прочимъ отъ той, какую могло представить возстановленіе венеціанскаго владычества въ Бергамо. Трудно сказать, въ какой мѣрѣ заслуживаетъ довѣрія сдѣланное сообщеніе. Во всякомъ случаѣ оно не доказываетъ, чтобы революція была задумана и проведена французскимъ военнымъ начальствомъ. Не позже, какъ 14 марта Фоскарини доводилъ до свѣдѣнія синьоріи, что французское войско не намѣрено оказать поддержки тѣмъ движеніямъ, какія готовятся на протяженіи всей Terra Ferma и имѣютъ въ виду отложеніе ея отъ Венеціи. Начальникъ французскихъ войскъ генералъ Кильмэнъ писалъ 14 марта коменданту въ Бергамо: «Я узналъ стороною о происшедшихъ у васъ движеніяхъ, мотивы и направленіе которыхъ мнѣ неизвѣстны. Я удивляюсь тому, что не получилъ на этотъ счетъ отъ васъ никакого прямого сообщенія. Это, впрочемъ, убѣждаетъ меня въ томъ, что происшедшее не было направлено противъ французовъ. Что бы ни случилось въ будущемъ, запрещаю вамъ, подъ страхомъ личной отвѣтственности, всякое прямое или косвенное вмѣшательство во внутреннія несогласія, разъ они не грозятъ цитадели и французскому войску. Буде же вы позволите себѣ что-либо противное нейтралитету, существующему между обѣими республиками, я формально опорочу ваше поведеніе и накажу васъ,

---

[1]) Raccolta cronologica, стр. 15.

какъ виновнаго въ нарушеніи данныхъ мною инструкцій и поступившаго противъ намѣреній начальника французской арміи (Бонапарта). Увѣдомьте о полученіи моего письма и представьте мнѣ точный отчетъ о событіяхъ въ Бергамо».

Въ отвѣтъ на этотъ приказъ Ландріэ представилъ слѣдующій письменный отчетъ о происшедшей революціи. Онъ во многомъ исправляетъ сообщеніе, сдѣланное венеціанскому правителю. Народъ Бергамо, значится въ немъ, издавна искалъ, какъ бы сбросить съ себя иго Венеціи. Восторженные разсказы французскихъ солдатъ о свободѣ ихъ родины и правахъ человѣка, провозглашенныхъ въ знаменитой деклараціи, только усилили въ нихъ это желаніе. Они устроили заговоръ и рѣшили прогнать управлявшаго ими губернатора. Оттолини увѣдомленъ былъ шпіономъ о тайныхъ сходбищахъ и подготовлявшемся переворотѣ. Онъ усилилъ стражу въ своемъ дворцѣ и снарядилъ обходъ по улицамъ; онъ не сдѣлалъ въ то же время того, съ чего надо было начать: заговорщики не были арестованы. Другая ошибка состояла въ томъ, что французскій комендантъ въ Бергамо не былъ увѣдомленъ о томъ, что всѣ эти приготовленія его не касаются. Не зная дѣйствительной причины вооруженія, комендантъ все время оставался на сторожѣ и въ интересахъ собственной защиты выстроилъ пушки на площади. Въ свою очередь венеціанскія войска оставлены были въ неизвѣстности на счетъ того, что имъ предстояло дѣлать. Предвидя, что имъ придется столкнуться съ французами и что въ нихъ будутъ стрѣлять изъ пушекъ, непривычныя къ огню и по природѣ трусливыя, они скоро обнаружили свою низость (lacheté). Мятежники, уже считавшіе заговоръ обнаруженнымъ, а себя погибшими, и потому только думавшіе о бѣгствѣ, видя, что венеціанскія войска не трогаются, начали собираться на улицахъ и двинулись затѣмъ сплошною толпою во дворецъ губернатора. Солдаты, думая, что народъ спѣшитъ на помощь противъ французовъ, открыли имъ свои ряды. Прошедши во дворецъ, инсургенты приказали Оттолини немедленно удалиться изъ Бергамо. Онъ подчинился ихъ желанію. Начальники стражи были обезоружены и высланы вмѣстѣ съ солдатами. Всего изумительнѣе то, что все обошлось безъ насилія. Венеціанскому войску позволено было даже про-

быть въ городѣ еще въ теченіе двухъ дней, чтобы забрать свои пожитки. Оставили даже лошадей за кавалеріей [1]).

Трудно допустить, что этой мирной революціи удалось бы восторжествовать при болѣе дѣятельномъ отпорѣ со стороны венеціанскаго начальства, и понимаешь, какъ негодованіе патриціевъ при извѣстіи о слабодушномъ поведеніи Оттолини, такъ и желаніе послѣдняго взвалить всю отвѣтственность на французовъ. Легкость, съ какою Оттолини подчинился приказу покинуть Бергамо, пишетъ Гаспаро Липомано своему зятю въ Парижъ, встрѣчаетъ въ Венеціи всеобщее неодобреніе, скажу болѣе—вызываетъ гнѣвъ всѣхъ. Гражданинъ Венеціи, гражданинъ республики, ея представитель, не долженъ былъ такъ постыдно оставить своего поста. Онъ могъ уступить только насилію [2]).

По прибытіи въ Венецію Оттолини, разумѣется, не оставалось другого средства, какъ выгородить себя ссылками на неожиданность возстанія, силу заговорщиковъ и поддержку иноземной арміи. Не безъ удивленія читаешь въ доложенной имъ реляціи, что въ отвѣтъ на заявленіе пришедшихъ предупредить его дворянъ, онъ ограничился произнесеніемъ своего рода свѣтской проповѣди. «Не у меня должны вы требовать совѣта; его подскажетъ вамъ ваше сердце, та привязанность, которую вы всегда хранили къ вашему законному государю. Настал моментъ показать всю ея глубину. Вспомните о присягѣ, данной предками, объ ихъ добровольной передачѣ себя республикѣ святого Марка. Не могу вѣрить, чтобы французы рѣшились исполнить свои угрозы. Они только желали убѣдиться въ томъ, какъ велико постоянство вашей преданности; обнаружь вы больше противодѣйствія, и они не рѣшились бы прибѣгнуть къ столь преступному средству. Дворянство Бергамо покрыло бы себя новой славой передъ лицомъ націи и дало бы новыя основанія къ особой отеческой привязанности правительства».

---

1) Archivio di Stato. Relationi del residente a Milano № 243. Rapport de Landrieux.

2) Bibl. Querini Stampalia MS. Class. VII, cod. 78, письмо отъ 18 марта 1797 года.

Въ отвѣтъ, разумѣется, получены были одни только слова о готовности быть вѣрными подданными и о горѣ, какое причиняетъ необходимость подчиниться силѣ. Пока слѣдовалъ этотъ обмѣнъ увѣщаній и соболѣзнованій, въ сосѣднихъ палатахъ дворца инсургенты связывали себя клятвою вѣрности новому правительству и скрѣпляли своими подписями разъ принятое обязательство. Оттолини утверждаетъ, что все это происходило въ присутствіи двухъ французскихъ офицеровъ, Лермитъ и Бустонъ. Имя перваго уже встрѣчено было нами въ донесеніи Фоскарини, который говоритъ о немъ, какъ о предводителѣ дворянъ инсургентовъ. Можно думать, что онъ дѣйствовалъ на свой страхъ, какъ участникъ того революціоннаго клуба, какой организованъ былъ въ Миланѣ и считалъ въ своихъ рядахъ не однихъ итальянцевъ, но и французовъ. Оттолини говоритъ, что напрасно онъ искалъ въ своемъ умѣ болѣе дѣятельныхъ мѣръ защиты. Всѣ казались ему рискованными и только способными увеличить размѣръ мятежа и распространить его на сосѣднія провинціи. Не зная, что дѣлается въ Бресчіи, которую также выдавали за жертву возстанія, и не желая дѣйствовать безъ совѣта и согласія генеральнаго коммиссара Батагліа, Оттолини отправилъ двухъ пословъ въ Бресчію. Между тѣмъ французскій комендантъ продолжалъ требовать распущенія военныхъ патрулей, объявляя, что въ противномъ случаѣ будетъ стрѣлять изъ цитадели. И этому требованію Оттолини счелъ нужнымъ подчиниться, а число подписей все продолжало расти, и даже духовенство приняло участіе въ этой уже не представлявшей опасности демонстраціи.

Присяга заключала въ себѣ, говоритъ резидентъ въ Миланѣ, обѣщаніе вѣчной ненависти къ олигархіи и полное подчиненіе народному верховенству. Извѣстіе о случившемся скоро распространилось и въ сосѣднихъ общинахъ, такъ что стали прибывать депутаціи съ предложеніемъ побрататься (fraternizzare) съ бергамской муниципіей. Отпечатана была прокламація, въ которой отъ Оттолини требовалось, чтобы по прибытіи въ Венецію, онъ ходатайствовалъ объ отпущеніи на волю заключенныхъ здѣсь уроженцевъ Бергамо и его провинціи. Новая муниципія начинала обращаться съ республикой святого Марка,

какъ равная съ равной [1]). До своего отбытія Оттолини продолжалъ выслушивать соболѣзнованія добрыхъ гражданъ, «открывавшихъ ему всю горечь своего сердца, что наполнило также его душу одновременно печалью и нѣжностью. Къ вечеру, прибавляетъ онъ, закрыты были ворота города и прекращена была возможность всякаго сообщенія съ сосѣдними бургами. Ночью мятежники приступили къ выбору муниципалитета, а отвѣтъ отъ Батагліа все не приходилъ, и только поутру Оттолини увѣдомленъ былъ о задержаніи своихъ курьеровъ и о вскрытіи писемъ, пришедшихъ изъ Бресчіи. Все это сдѣлано было, говоритъ онъ въ своей реляціи, по распоряженію французскихъ властей. Оттолини счелъ нужнымъ обратиться поэтому съ новымъ протестомъ къ коменданту. Отвѣтъ былъ: обстоятельства измѣнились, народъ Бергамо завоевалъ свою свободу и никто не имѣетъ права противиться ей. Вскрытіе письма было необходимо коменданту для собственнаго руководства.

«Озабоченный моею безопасностью, пишетъ Оттолини, комендантъ предложилъ мнѣ уѣхать немедленно, грозя, что въ противномъ случаѣ я буду задержанъ и препровожденъ въ Миланъ. Почти одновременно предстали предо мною два французскихъ офицера, тотъ же Лермитъ и Буссіонъ, вмѣстѣ съ избраннымъ главою бергамскаго народа Пьетро Пезенти и членомъ муниципалитета Альборгетти. Мнѣ снова предложено было выбыть не позже одного часа и опять подъ угрозой задержанія. Я готовъ былъ бы, восклицаетъ Оттолини, пожертвовать жизнью для родины, если бы это могло послужить сохраненію потерянной провинціи. Но что я могъ сдѣлать, не зная, возможно ли сообщеніе съ Бресчіей, безъ инструкцій, безъ всякихъ средствъ къ отпору? Мнѣ осталось уѣхать, покинувъ семью и обязавшись письменно хлопотать объ отпущеніи изъ тюрьмы заключенныхъ въ Венеціи бергамасковъ» [2]).

14 числа обнародованъ былъ первый манифестъ новаго правительства къ самодержавному народу Бергамо, которымъ объявлялось объ установленіи временной муниципіи. Особая де-

---

1) Донесеніе Фоскарини.

2) Raccolta chronologico ragionata di documenti, томъ II, стр. 18.

путація отправлена отъ нея въ Миланъ со слѣдующимъ посланіемъ: «мы завоевали нашу свободу и желаемъ соединить ее съ вашей. Примите выраженіе нашей дружбы и надѣлите насъ дружбою представляемаго вами народа. Будемъ жить, сражаться и въ случаѣ нужды умремъ за общее дѣло. Свободные народы не должны имѣть разныхъ условій существованія. Будемъ же въ союзѣ съ вами и французами, въ союзѣ вѣчномъ». Такъ выражалъ вновь созданный муниципалитетъ желаніе Бергамо присоединиться къ цизальпинской республикѣ [1]).

А возстаніе между тѣмъ начинало охватывать сосѣднія провинціи, заставая венеціанскія власти столь же мало подготовленными къ отпору. Уже по полученіи извѣстія о случившимся въ Бергамо, генеральный комиссаръ Батагліа писалъ 14 марта государственнымъ инквизиторамъ, что недавнія событія повергли Крему въ глубокую печаль. Жители Бресчіи обнаружили равныя чувства. Знатнѣйшіе изъ гражданъ, представители различнѣйшихъ классовъ общества, протестовали о своей искренней привязанности къ венеціанскому правительству. Два дня спустя губернаторъ Бресчіи, Альвизо Мочениго, высказываетъ тѣ же мысли, говоря: «среди столькихъ превратностей судьбы, подъ тягостью недавно пережитыхъ и еще переживаемыхъ нами событій, я не нахожу другого утѣшенія, кромѣ того, какое представляетъ вѣрность ввѣренныхъ моему попеченію жителей. Они ежечасно обнаруживаютъ мнѣ свою сердечную привязанность къ республикѣ» [2]).

Между тѣмъ посланный къ Бонапарту гонецъ вернулся съ далеко не утѣшительнымъ отвѣтомъ. Генералиссимусъ, находившійся въ это время въ Тиролѣ, довольствовался совѣтомъ не преслѣдовать никого изъ-за политическихъ убѣжденій и не считать преступнымъ сочувствіе, высказываемое по случаю успѣховъ французскаго оружія [3]). Въ то же время онъ приглашалъ Батагліа прибыть для личныхъ переговоровъ во французскій лагерь. Впо-

---

[1]) Ibid., стр. 20.

[2]) Dispacci dei rettori di Brescia agli Inquisitori di Stato. Archivio. Busta 251.

[3]) Supplemento alla storia d'Italia di Carlo Botta, contenente la corrispondenza del governo francese col generale Bonaparte, стр. 158.

слѣдствіи Наполеонъ, говоря о событіяхъ, ознаменовавшихъ собою отпаденіе Бергамо и Бресчіи отъ республики Св. Марка, рѣшительно отрицалъ всякое подстрекательство со своей стороны, доказывая, что было бы верхомъ безумія порождать междоусобную войну и, слѣдовательно, новую опасность для арміи въ то время, когда исходъ войны въ австрійскихъ владѣніяхъ оставался еще сомнительнымъ и необходимо было озаботиться тѣмъ, чтобы сдѣлать отступленіе вполнѣ безопаснымъ. Этотъ аргументъ слишкомъ убѣдителенъ, чтобы можно было сомнѣваться въ искренности его увѣреній. Въ письмѣ къ Батагліа Наполеонъ настаиваетъ на лойяльности французскаго правительства и его готовности жить въ мирѣ съ Венеціей. Но въ то же время онъ уже позволяетъ себѣ вмѣшательство въ ея внутреннія дѣла, объявляя, что не можетъ помириться съ мыслью о заточеніи всѣхъ, кто не состоитъ открытымъ врагомъ французовъ [1]). Лалеманъ, постоянно объявлявшій себя другомъ и защитникомъ венеціанскаго правительства, не разъ осуждавшій Бонапарта за дѣйствія, нарушающія нейтралитетъ и способные породить взаимное недовѣріе, выдаетъ синьорію головой, объявляя въ почти одновременномъ письмѣ къ генералиссимусу, что республика близка къ гибели. «Нѣтъ больше средствъ, народъ потерялъ всякое уваженіе къ власти и нужна искра, чтобы зажечь пламя. Насъ не любятъ, но слово свобода произносится съ энтузіазмомъ, раздается повсюду и предсказываетъ быстрое паденіе аристократическихъ порядковъ, несмотря на упорство, съ какимъ держатся за нихъ».

Въ приложенной къ письму меморіи значится, что, по собраннымъ посломъ свѣдѣніямъ, Бергамаски и Бресчіанцы издавна недовольны были венеціанскимъ правительствомъ. Входъ французовъ въ Ломбардію породилъ въ нихъ желаніе отдѣлиться. Пока исходъ кампаніи оставался сомнительнымъ, они, хотя и съ трудомъ, сдерживали себя, но взятіе Мантуи сообщило имъ смѣлость дѣйствовать болѣе открыто. Оттолини, настроенный враждебно къ французамъ, при всей своей слабости, позволилъ себѣ нѣкоторыя притѣсненія. Кто высказывался

[1]) Ibid.

въ нашу пользу, подвергался опасности публичнаго выговора и даже заточенія. Это возстановило всѣхъ. Тайный революціонный комитетъ образовался въ Миланѣ и послалъ просить о помощи ломбардцевъ. Полученъ отвѣтъ, что открытая поддержка невозможна и что необходимъ починъ самихъ жителей. Узнавъ обо всемъ этомъ, Оттолини отправилъ въ Венецію списокъ заговорщиковъ, но курьеръ былъ задержанъ, и изъ содержанія пересылаемыхъ бумагъ оказалось, что многимъ грозитъ заточеніе или проскрипція. Это обстоятельство и побудило якобы къ болѣе энергическому образу дѣйствій. Многіе изъ заговорщиковъ хотѣли убить Оттолини, но верхъ взяло большинство умѣренныхъ; ограничились поэтому предложеніемъ покинуть немедленно Бергамо и его графство [1]. Я счелъ нужнымъ присоединить къ прочимъ разсказамъ о ходѣ событій въ Бергамо и этотъ варіантъ, такъ какъ онъ показываетъ, что даже въ глазахъ противника наполеоновской политики движеніе носило характеръ чего-то самопроизвольнаго и исходило отъ лицъ, непосредственно заинтересованныхъ въ его успѣхѣ.

Тотъ же характеръ приходится признать и за событіями въ Бресчіи. Батагліа, котораго многіе изъ венеціанскихъ патриціевъ считали тайнымъ союзникомъ французовъ и демократомъ по убѣжденіямъ, не по предательству, а изъ желанія успокоить умы, обнародовалъ 16 марта общую амнистію. Зная изъ донесенія Лалемана, какую роль страхъ наказанія игралъ въ рѣшимости бергамскихъ инсургентовъ, намъ трудно не признать политичной мѣру, принятую генеральнымъ комиссаромъ. Амнистія не имѣла однако на этотъ разъ ожидаемаго дѣйствія. Въ самый день возстанія получено было изъ Милана извѣстіе, что корпусъ въ триста человѣкъ, въ которомъ члены ломбардскаго легіона должны были дѣйствовать совмѣстно съ бергамасками, готовъ двинуться на Бресчію [2]. Этотъ отрядъ 18 числа подошелъ дѣйствительно къ городу. Во главѣ его ока-

---

[1]) Ibid., стр. 159 и 160.

[2]) Смотри донесеніе Винченти Фоскарини, венеціанскаго резидента въ Миланѣ, отъ 21 марта 1797 года. Federici. Storie Bresciane, томъ X, 1864 годъ, стр. 61.

зался адъютантъ генерала Кильмэна, бресчіанецъ Антоніо Николини. На встрѣчу поспѣшили нѣкоторые изъ заговорщиковъ, проживавшихъ въ самой Бресчіи. Батагліа послалъ справиться о причинѣ прибытія войскъ и не получилъ опредѣленнаго отвѣта; но вскорѣ привезенныя инсургентами пушки установлены были передъ входомъ во дворецъ губернатора, такъ называемое Бролетто. Губернаторъ Мочениго стоялъ за отраженіи силы, силой, но объ этомъ нечего было и думать, такъ какъ приставленная ко двору стража по первому требованію согласилась сложить оружіе. Генеральный комиссаръ Батагліа, не замедлившій прослыть въ Венеціи за прямого измѣнника и тайнаго демократа, высказался поэтому въ пользу подчиненія обстоятельствамъ. Историкъ Бресчіи Одоричи въ своемъ разсказѣ о революціи 18 марта придерживается дневника мѣстнаго уроженца и очевидца Аванзани. Изъ его сообщеній видно, что все было приготовлено къ принятію прибывшаго изъ Бергамо отряда. Во главѣ заговорщиковъ въ самой Бресчіи стоялъ графъ Фаустинъ Лекки, въ домѣ котораго и послѣдовало первое собраніе вождей. Здѣсь отданъ былъ приказъ овладѣть всѣми публичными зданіями, таможней, казною, ломбардами. Кавалерія обнаружила нѣкоторую попытку протеста, и трое бергамасковъ получили легкія раны; но этимъ и ограничилось число жертвъ. Народъ сталъ кричать: «да здравствуетъ свобода»; и Батагліа согласился покинуть городъ не раньше, однако, какъ по выслушаніи со стороны графа Лэкки своего рода манифеста, въ которомъ значилось, что народъ бресчіанскій нѣкогда добровольно передалъ себя въ руки венеціанскаго правительства; нынѣ же, возмущенный его тираніей, желаетъ вернуться къ прежней свободѣ. Въ городѣ находился въ это время въ заточеніи извѣстный Пизани, нѣкогда высказавшійся въ пользу расширенія правъ дворянства Terra Ferma и допущенія его въ составъ большаго совѣта; инсургенты приняли его съ распростертыми объятіями и убѣдили остаться въ ихъ средѣ. Пизани сдѣлался нѣкоторымъ образомъ живымъ воплощеніемъ вновь пріобрѣтенной свободы и популярнѣйшимъ человѣкомъ въ городѣ [1]).

---

[1]) Смотри Odorici, стр. 63 и слѣд. Histoire de la Révolution de la

Оставалось организовать временное правительство и озаботиться признаніемъ новой демократической республики жителями графствъ. 18 марта муниципалитетъ раздѣлился на 7 комитетовъ; въ числѣ ихъ народное продовольствіе и народное образованіе заняли каждое особое мѣсто. Бѣлый, красный и зеленый цвѣтъ объявлены были національными. Поголовная подать, налогъ на помолъ, а равно и всѣ сборы съ мяса подверглись отмѣнѣ. Установлена была національная гвардія, начальниками которой назначены Джузеппе Лэкки и Франческо Гамбара. Вожди говорили съ народомъ языкомъ французскихъ демагоговъ, заявляя въ своихъ прокламаціяхъ, что Провидѣніе озаботилось возстановленіемъ правъ человѣка и что отнынѣ не будетъ другого правителя, кромѣ самодержавной націи [1]).

Чтобы изгладить изъ памяти вѣковую связь съ Венеціей, предписано было уничтоженіе на всѣхъ публичныхъ зданіяхъ того крылатаго льва, который издавна служилъ гербомъ республики святого Марка.

Одновременно подвергли разрушенію всѣ внѣшніе признаки дворянскихъ различій; объявлена свобода печати и предписано обнародованіе актовъ временнаго правительства, другими словами, признана гласность администраціи, какъ бы въ противовѣсъ той тайнѣ, какой окружали ее венеціанскіе губернаторы [2]).

Но революція могла восторжествовать только подъ условіемъ признанія сосѣдними общинами вновь созданнаго правительства. Если жители Палаццоло, Трензано, Лонато и Изео готовы были побрататься съ Бресчіей, то того же отнюдь нельзя было сказать о жителяхъ горныхъ долинъ. Даже примѣръ Кремы, сдѣлавшейся 27 марта очагомъ однохарактернаго съ Бресчіей демократическаго переворота, не вызвалъ въ жителяхъ Вальтромпіи или Вальсабіи готовности покинуть вѣковое подчиненіе венеціанскому правительству, подъ кровомъ котораго простонародью жилось, какъ мы видѣли, сравнительно легко.

République de Venise, par A. N. P. Milan, 1807, стр. 219 и слѣд. Bonaparte et les Républiques italiennes, par Gaffarel. Paris. 1895, стр. 124.

[1]) Odorici, стр. 70 и 71.

[2]) Nicolini, Raccolta dei decreti del governo provisorio bresciano, a 1804.

Событія, ознаменовавшія собою сопротивленіе этихъ провинцій тому демократическому теченію, которое уносило собою одновременно большинство земель республики, обстоятельно изложены Рикобелли въ его мемуарахъ по исторіи бресчіанской провинціи. Мы заимствуемъ изъ нихъ дальнѣйшія подробности нашего разсказа, оставляя въ сторонѣ перечень военныхъ событій и ограничиваясь только общей характеристикой общественныхъ и политическихъ стремленій горцевъ. Въ Вальтромпіи эмиссары Бресчіи встрѣтили на первыхъ порахъ дружный пріемъ. 21 марта послѣдовало братованіе и синдикъ украсилъ себя національной кокардой. Но далеко не то можетъ быть сказано о жителяхъ Гвардскаго озера. Правда, и здѣсь тринадцати солдатамъ, предводимымъ Гамбара, удалось провозгласить республику въ Сало и овладѣть венеціанскимъ правителемъ Альморо Кондульмеръ. Какъ и повсюду, снятъ былъ съ публичныхъ зданій венеціанскій гербъ, но этимъ и ограничились успѣхи демагоговъ. Населеніе отнеслось совершенно равнодушно къ случившемуся, и вернувшійся въ Бресчію Гамбара принужденъ былъ сознаться, что не встрѣтилъ ни противодѣйствія, ни любви къ свободѣ... «Не умѣютъ де жители различать, кто ихъ настоящіе друзья». Едва Гамбара удалился въ Бресчію, какъ народъ съ крикомъ: «да здравствуетъ святой Маркъ» прогналъ временное правительство и возстановилъ венеціанскихъ начальниковъ. Поставивъ во главѣ себя графа Зуанелли, контръ-революціонеры приготовились къ сопротивленію. Въ Бресчіи стали говорить, пародируя языкъ французскихъ якобинцевъ о «сателитахъ аристократіи, купленныхъ золотомъ и отуманенныхъ фанатизмомъ». Но возстаніе продолжало расти, постепенно распространяясь на сосѣднія долины, завоевывая Вальсабію и уже успѣвшую побрататься съ бресчіанскими демагогами Вальтромпію. Во главѣ горскихъ ополченій показались приходскіе священники и одному изъ нихъ Андреа Филиппи суждено было заслужить громкую извѣстность защитой Сало отъ бресчіанскихъ войскъ. Когда 31 марта посланный для возстановленія покорности Гамбара впущенъ былъ въ Сало съ небольшимъ отрядомъ въ 50 воиновъ, болѣе двухъ тысячъ горцевъ внезапно открыли съ сосѣднихъ вершинъ смертоносную пальбу и безъ особаго труда овладѣли венеціан-

скимъ отрядомъ. Шестнадцать человѣкъ взято было въ плѣнъ, отобрано шесть пушекъ, изъ которыхъ четыре увезены въ горы и Сало, вмѣстѣ съ сосѣдними долинами снова вернулось подъ власть республики святого Марка [1]).

О томъ впечатлѣніи, какое эти событія производили на венеціанскихъ патриціевъ, можно судить по корреспонденціи Липомано. 25 марта онъ пишетъ Кверини: «изъ оффиціальныхъ сообщеній вы должны были узнать, до какой крайности мы доведены; потеряны Бресчіа, Бергамо, Крема; Сало не сегодня—завтра постигнетъ та же участь. Всѣ усилія и угрозы инсургентовъ направлены теперь противъ Вероны. Этотъ городъ и сосѣднее къ нему населеніе горятъ желаніемъ воспротивиться дальнѣйшему ходу революціи. Всѣ приготовленія уже сдѣланы въ этомъ смыслѣ. Веронцы протестуютъ о своей вѣрности; власти поддерживаютъ народную экзальтацію. Но что будетъ достигнуто этимъ. Правда, число мятежниковъ и въ Бресчіи и въ Бергамо незначительно; по крайней мѣрѣ тѣхъ, кто открыто выступаетъ съ этимъ характеромъ. Ихъ считаютъ сотнями, а не тысячами, но они увѣрены въ поддержкѣ согражданъ; если французское вмѣшательство еще не выступаетъ воочію, то скрытое содѣйствіе въ полномъ ходу и на французскій ладъ устроены новыя правительства. Въ Винченцѣ и Падуѣ, какъ и во всѣхъ отъ нихъ зависимыхъ земляхъ, видишь только проявленіе вѣрноподданническихъ чувствъ и готовность отразить иностранныя интриги. Депутаціи въ торжественной обстановкѣ являются заявить о своей преданности синьоріи. Сенатъ назначилъ особаго чрезвычайнаго комиссара для того, чтобы организовать мѣстное противодѣйствіе. Послано также нѣсколько отрядовъ солдатъ въ поддержку жителямъ. Чрезвычайнымъ комиссаромъ выбранъ Андреа Эриццо; онъ уже на мѣстѣ и даетъ самыя утѣшительныя извѣстія о рвеніи и патріотизмѣ жителей. Но чѣмъ все это кончится? Я боюсь, что все потеряно: и Terra Ferma и, Боже упаси, сама столица. Я прихожу въ ужасъ при

---

[1]) Смотри Memorie storiche della provincia Bresciana e particolarmente dei Valli Sabbia e Trompia del dottore Pietro Riccobelli, Brescia 1847, томъ I, стр. 68 и слѣд. Odorici, стр. 78 и слѣд.

мысли о заразѣ, овладѣвшей подданными, о готовности, съ какой они отдѣляются отъ Венеціи, о взрывѣ народнаго недовольства, принимающемъ характеръ бурнаго потока. Гнѣвъ противъ Батагліа всеобщій. Онъ прибылъ въ Верону, но мы еще не знаемъ всѣхъ подробностей о ходѣ дѣлъ въ Бресчіи и нельзя поэтому составить окончательнаго сужденія о его отвѣтственности. Пезаро также не извѣстилъ пока о свиданіи, какое онъ долженъ былъ имѣть съ Бонапартомъ въ Удинэ или Гориціи. Я не жду, впрочемъ, отъ этихъ переговоровъ возстановленія нашей власти въ потерянныхъ провинціяхъ; но они по крайней мѣрѣ дадутъ намъ возможность узнать, каковы намѣренія Бонапарта на нашъ счетъ и что ждетъ насъ въ ближайшемъ будущемъ. Рѣчи французскаго начальства въ Веронѣ слишкомъ неопредѣленны, чтобы можно было прійти къ какому-либо заключенію. Бонапартъ послѣ событій въ Бергамо обратился къ Батагліа со слѣдующими многознаменательными словами. «Жалѣю о вашихъ затрудненіяхъ. Всегда сохраню къ вамъ лично все уваженіе и вниманіе, какихъ вы заслуживаете». Трудно представить себѣ, какъ велико наше отчаяніе. Власти постоянно въ сборѣ. Сенатъ засѣдаетъ почти ежедневно. Но quid boni? Одно несомнѣнно: всѣ рѣшили защищать Венецію до послѣдней крайности. Обстоятельства, нами переживаемыя, таковы однако, что заступничество можетъ явиться только отъ неба [1]). Недѣлю спустя, когда уже воспослѣдовало упоминаемое въ прежнемъ письмѣ свиданіе Пезаро съ Бонапартомъ, Липомано въ новомъ письмѣ къ своему зятю передаетъ настроеніе венеціанскихъ патриціевъ, говоря, что Пезаро, по возвращеніи въ Венецію, въ значительной степени успокоилъ умы жителей, давая имъ понять, что французы озабочены исключительно мыслью вынудить съ республики какъ можно больше денегъ и не грозятъ цѣлости ея территоріальнаго состава. О самомъ свиданіи Липомано сообщаетъ слѣдующее: отправленные къ Бонапарту «мудрые» встрѣтили Наполеона въ Гориціи; онъ принялъ ихъ весьма любезно; узнавъ о томъ, что произошло въ Бресчіи

[1]) Biblioteca Querini Stampaglia, Class. VII, Cod. 78. Письмо отъ 25 марта 1797 года.

и Бергамо, онъ категорически объявилъ, что французы не приняли во всемъ этомъ никакого участія. Если бы по разслѣдованіи оказалось противное, лица, виновныя въ подстрекательствѣ, неминуемо подвергнутся наказанію. Сенатъ въ правѣ принять какія ему угодно мѣры къ возвращенію отпавшихъ провинцій. Но лично Наполеонъ не можетъ рекомендовать обращенія къ силѣ и желалъ бы знать, на чемъ остановитъ Венеція свой выборъ. Франція, прибавилъ онъ, не мѣшается въ вопросъ о формахъ правленія и предоставляетъ каждому жить мирно подъ кровомъ существующихъ учрежденій. Наполеонъ закончилъ, говоря, что понимаетъ, насколько тягостно для жителей содержаніе французскихъ гарнизоновъ и избранный республикой святого Марка порядокъ ихъ провіантированія. Онъ и является главной причиной недовольства подданныхъ правительствомъ. Жителямъ Terra Ferma кажется, что начальство перестало заботиться о нихъ, предоставивъ ихъ собственной участи. Въ виду этого полезно будетъ измѣнить систему и дать самимъ французамъ возможность производить закупку припасовъ; для этого необходимо, чтобы Венеція сдѣлала Франціи ссуду деньгами въ размѣрѣ шести милліоновъ лиръ, считая по одному милліону на мѣсяцъ. Расплата послѣдовала бы въ концѣ войны. Если бы республика нашла невозможнымъ удовлетворить этому требованію изъ собственной кассы, то ничто не мѣшаетъ ей наложить руку на капиталы англичанъ и герцога моденскаго, которые, какъ завѣдомо извѣстно, хранятся въ Венеціи. Мимоходомъ упомянуто было также объ обидѣ, нанесенной французскому правительству допущеніемъ графа Лильскаго къ пребыванію въ Веронѣ, и предложено вступить въ оборонительный и наступательный союзъ съ Франціей [1]).

По прибытіи въ Венецію, прибавляетъ Липомано, Пезаро не разъ высказывалъ увѣренность, что все кончится денежными пожертвованіями и что подъ этимъ условіемъ намъ можно будетъ вернуть потерянныя провинціи, сохранить неприкосновен-

---

[1]) Сравни съ этимъ текстъ донесенія, сдѣланнаго изъ Удинэ обоими коммиссарами, Пезаро и Корнеръ, 25 марта 1797 г. См. Raccolta cronologica di documenti inediti etc, томъ II, стр. отъ 58 до 66-й.

нымъ существующій образъ правленія и обезпечить спокойствіе на будущее время. Но, прибавляетъ отъ себя корреспондентъ Кверини, событія въ Кремѣ идутъ въ разрѣзъ съ утвержденіями Бонапарта и не допускаютъ никакихъ иллюзій [1]).

Дѣйствительно, въ революція Кремы, въ отличіе отъ предшествовавшихъ, произведена была при ближайшемъ участіи французскихъ войскъ и скорѣе вопреки, нежели согласно желанію ея жителей. 27 марта отрядъ въ сорокъ человѣкъ, подошедъ къ стѣнамъ города, сталъ требовать отъ губернатора Контарини свободнаго входа, но на этотъ разъ венеціанское начальство обнаружило неожиданный отпоръ. Приказано было держать ворота на запорѣ, пока не выяснена будетъ причина прихода чужеземцевъ. Начальникъ отряда не пожелалъ дать никакихъ объясненій иначе, какъ самому губернатору, и послѣ долгихъ переговоровъ впущенъ былъ въ Крему. Онъ назвалъ себя капитаномъ Гаруеръ изъ полка гусаръ и объявилъ, что отнюдь не согласится оставить своихъ солдатъ на ночь въ открытомъ полѣ. Связанный инструкціями, повелѣвавшими избѣгать всякихъ случаевъ столкновенія съ французами, Контарини удовлетворилъ этому требованію. На слѣдующій день, то есть 28 марта, два новыхъ корпуса французскихъ солдатъ подошли съ двухъ сторонъ къ городскимъ стѣнамъ. Хотя и данъ былъ приказъ закрыть ворота и поднять мосты, но при содѣйствіи прибывшихъ ранѣе французовъ, внезапно напавшихъ на венеціанскую стражу, корпусу Гаруера не трудно было овладѣть городомъ. Публичныя зданія были заняты солдатами, губернаторъ обезоруженъ и принужденъ запереться въ своей квартирѣ. Вскорѣ на сцену выступилъ тотъ самый Эрмитъ, котораго мы уже встрѣтили въ роли руководителя движенія въ Бергамо. Многіе еще тогда признали въ немъ одного изъ эмигрантовъ, явившихся въ Италію одновременно съ графомъ Лильскимъ. Рѣшено было доставить губернатора въ Бергамо и заключить его въ замкѣ. Но при одномъ извѣстіи объ этомъ, мѣстное населеніе обнаружило такое сильное недовольство, что пришлось отказаться отъ намѣренія и даже выдать его за хитрость,

---

1) Письмо отъ перваго апрѣля 1797 года.

направленную къ тому, чтобы увѣриться въ преданности жителей. Испробовали и другое средство—угрозами думали склонить Контарини къ поддержкѣ затѣваемаго переворота, но онъ съ достоинствомъ отвѣтилъ, что не принимаетъ приказовъ ни отъ кого, кромѣ своего законнаго государя, и только его именемъ намѣренъ управлять ввѣреннымъ ему постомъ. Вечеромъ инсургенты вернулись снова и потребовали удаленія Контарини изъ города, но онъ отказался исполнить и этотъ приказъ, пока 29 числа ночью его силою не посадили въ экипажъ и не увезли по дорогѣ въ Кремону. Утромъ 30 числа посажено было въ Кремѣ «древо свободы», украшенное трехцвѣтнымъ знаменемъ. Французы и бергамаски устроили вокругъ него пляску, въ которой жители Кремы не приняли сами никакого участія [1]).

Въ виду случившагося венеціанское правительство уполномочило Пезаро сдѣлать новый докладъ Бонапарту, и въ то же время сенатъ принялъ рѣшеніе удовлетворить отчасти его денежному требованію ссудой одного милліона. Что же касается до предложеннаго союза и посредничества, то сенатъ рѣшился высказаться отрицательно. Сообщая обо всемъ этомъ, Липомано прибавляетъ: «Наша судьба рѣшена. Французы, орудуя нашими же подданными, уничтожаютъ насъ по частямъ, и скоро не останется въ насъ живого мѣста [2]). Одно утѣшеніе остается еще венеціанскимъ патриціямъ—это преданность жителей въ провинціяхъ, не охваченныхъ революціей. Въ Веронѣ, какъ и въ Винченцѣ народъ въ ярости противъ мятежниковъ и французовъ. Въ Вальтромпіи, Вальсабіи и Вальмоникѣ между крестьянами сильное броженіе. То же и въ Сало; имъ овладѣли было мятежники, но народъ прогналъ ихъ вскорѣ». Въ Венецію приходятъ изо всѣхъ городовъ и провинцій увѣренія въ желаніи сохранить подданство и соблюсти святость присяги. Но въ этомъ самопроизвольномъ подъемѣ народныхъ массъ венеціанскій патрицій не видитъ ничего, кромѣ новой опасности. Сенатъ, пишетъ онъ, поддержи-

---

[1]) Ibid., стр. 76 и слѣдующія. Оффиціальный отчетъ о событіяхъ въ Кремѣ, хранящійся въ архивѣ государственныхъ инквизиторовъ.

[2]) Li Francesi, valendosi di nostri sudditi ci distruggono, ci annientono e niente ci resta piu di salvo.

ваетъ ихъ, но подъ условіемъ, чтобы они направлены были противъ революціонеровъ, отнюдь не противъ французовъ, съ которыми необходимо сохранить нейтралитетъ. Недовольство растетъ въ самой Венеціи. Чувствуется, по словамъ Липомано, недостатокъ въ лицахъ, которыя бы съ пользою могли занимать публичныя должности. Подымаются жалобы на правительство, которое обвиняютъ въ непредусмотрительности и излишней уступчивости. Потеря провинціи вызвала всеобщее отчаяніе. Раздраженіе противъ Батагліа такъ сильно, что пущены въ ходъ всѣ средства, лишь бы удалить его съ занимаемаго поста. Рѣшено поэтому выбрать бывшаго чрезвычайнаго коммиссара въ прокуроры республики и назначить новыхъ администраторовъ на его мѣсто. Выборъ падаетъ на двухъ лицъ—Эмилія и Джуліари. Обоимъ суждено будетъ играть не малую роль въ ближайшихъ событіяхъ.

ГЛАВА VI.

Веронская пасха.

Возбужденіе, какое революція въ Бресчіи вызвала въ жителяхъ горныхъ долинъ и береговъ Гвардскаго озера, не замедлило распространиться на уроженцевъ веронской провинціи и приняло вскорѣ форму, весьма опасную для французовъ. Простонародье, и безъ того возстановленное ихъ вымогательствами, стало относиться къ непрошеннымъ гостямъ, какъ къ ближайшимъ виновникамъ политическаго раздробленія республики.

Требуя оружія для отпора ожидаемыхъ изъ Бресчіи революціонеровъ, оно не прочь было направить его и противъ ихъ болѣе или менѣе тайныхъ союзниковъ. И въ эту-то минуту венеціанская синьерія, дотолѣ отвергавшая мысль о вооруженіи поселянъ, призвала ихъ къ образованію мѣстныхъ милицій и, присоединивъ отрядъ далматинскихъ войскъ, направила организованную такимъ образомъ стражу на защиту западной границы, лежавшей по теченію рѣки Минчіо.

Случилось, чего и можно было ожидать и что, повидимому, приходило на умъ корреспонденту Кверини, когда онъ писалъ: «не жду ничего, кромѣ бѣдъ, отъ этого подъема массъ».

Думая сразиться съ непокорными подданными, веронцы наткнулись на французовъ. Неизбѣжное столкновеніе, скоро принявшее форму настоящей жакеріи, сопровождалось кровавой расправой со стороны французскаго войска. Венеціанское начальство въ рѣшительную минуту обнаружило ту же слабость и то

же желаніе уклониться отъ отвѣтственности за несоблюденіе нейтралитета, которымъ оно обязано было быстрой потерей провинцій на правомъ берегу Минчіо, и демократическая республика водворена была въ Веронѣ подъ защитой французскаго оружія и вопреки желанію большинства.

Но не будемъ забѣгать впередъ и прослѣдимъ шагъ за шагомъ за тѣми событіями, которыя связаны съ воспоминаніемъ о кровавой банѣ, извѣстной подъ наименованіемъ «веронской пасхи». Первыя мѣры обороны приняты были венеціанцами съ вѣдома и согласія французскаго оккупаціоннаго корпуса. Непосредственно спрошенный на этотъ счетъ, комендантъ замка Баландъ объявилъ, что не воспротивится вооруженіямъ, цѣлью которыхъ оттѣснить революціонеровъ Бресчіи отъ Вероны, и что его солдаты никогда не позволятъ себѣ вмѣшательства во внутреннія дѣла республики [1]). Вновь назначенные генеральные коммиссары, Эмилій и Джуліари, обнародовали особый манифестъ, которымъ села призывались къ посылкѣ рекрутъ въ Верону. Епископу Авагадро поручено было организовать въ средѣ подчиненнаго ему духовенства цѣлую пропаганду, цѣлью которой было бы путемъ проповѣди и личнаго назиданія склонить возможно большее число лицъ къ добровольному поступленію въ организуемые правительствомъ кадры. Открыта особая касса для полученія пожертвованій для цѣлей обороны. Призывъ былъ услышанъ, и точно чудомъ на разстояніи немногихъ дней возникла 30,000-ная армія, готовая на всѣ пожертвованія ради цѣлости и независимости республики.

Крики: «да здравствуетъ святой Маркъ», снова огласили собою улицы Вероны, и кокарда изъ двухъ цвѣтовъ, желтаго и и голубого, цвѣтовъ Венеціи, украсила собою шляпы большинства жителей [2]). Этотъ подъемъ народнаго энтузіазма запугалъ венеціанскихъ патриціевъ. Тогда какъ 20 марта дожъ въ своемъ обращеніи къ веронцамъ призывалъ ихъ къ борьбѣ со всѣми, кто позволитъ себѣ посягательство на ихъ свободу, въ появив-

---

[1]) Смотри Osvaldo Perini, Storia di Verona dal 1790 al 1822, томъ II, стр. 130.

[2]) Ibid., стр. 138 и 139.

шемся два дня спустя манифестѣ уже допускалось исключеніе для того случая, когда бы мятежникамъ оказана была поддержка со стороны части французскихъ войскъ [1]). Народъ, разумѣется, не понялъ этихъ тонкостей и не счелъ нужнымъ устанавливать никакихъ различій, такъ что стоило распространиться слуху о ближайшемъ участіи французовъ въ новой и на этотъ разъ успѣшной попыткѣ занять Сало въ интересахъ бресчіанскихъ революціонеровъ, и ненависть къ пришельцамъ достигла вскорѣ такихъ размѣровъ, что правительство оказалось безсильнымъ остановить акты самаго грубаго самоуправства. Надо прочесть заявленія начальниковъ отдѣльныхъ корпусовъ, Кильмена, Шаброна, Баланда, чтобы составить себѣ понятіе о томъ раздраженіи, какое эта саморасправа вызывала въ тѣхъ, на кого Бонапартъ передъ отбытіемъ въ Тироль возложилъ заботу обезопасить ему отступленіе, поддерживая полное спокойствіе между жителями. Трудно повѣрить, чтобы лица, къ которымъ направлены были эти офиціальныя донесенія, были представителями самостоятельнаго и еще недавно могущественнаго государства, такъ высокомѣренъ тонъ, какимъ съ венеціанскими патриціями говорятъ эти второстепенные начальники чужеземнаго войска. «Я получилъ вчера письмо отъ генерала Бонапарта, — пишетъ коммиссару Джіованелли и губернатору Вероны Кильмэнъ 29-го жерминаля въ пятый годъ республики (т. е. 16 апрѣля 1797 года), — Бонапартъ увѣдомляетъ меня, что имъ посланъ въ Венецію адъютантъ съ предложеніемъ посредничества съ Бергамо и Бресчіей и требованіемъ, чтобы правительство немедленно предписало крестьянамъ сложить оружіе и вернуться къ своимъ очагамъ. Онъ одновременно предписываетъ мнѣ не допускать образованія вооруженныхъ бандъ за спиною французской арміи, какіе бы къ тому не представлены были предлоги. Приглашаю васъ поэтому строго-на-строго приказать, чтобы крестьяне вернулись въ свои жилища. Отовсюду приходятъ ко мнѣ извѣстія о причиняемыхъ ими насиліяхъ. Они зарѣзали уже нѣсколькихъ французовъ и на дняхъ съ вашего вѣдома задержали эскортъ, сопровождавшій отрядъ артиллеріи. Эти сборища къ тому же

---

1) Ibid., стр. 142 и 143.

становятся совершенно излишними, разъ генералъ Бонапартъ предложилъ вамъ свое посредничество. Я искренно желаю, чтобы скорѣйшимъ исполненіемъ этого требованія вы избавили меня отъ необходимости прибѣгнуть ко всѣмъ имѣющимся въ моихъ рукахъ средствамъ для наказанія этихъ ордъ горлорѣзовъ. Венеція сдѣлала бы роковую политическую ошибку, если бы рѣшилась поднять оружіе противъ насъ, особенно теперь, когда король сардинскій заключилъ съ нами союзъ, и миръ съ императоромъ является почти рѣшенымъ дѣломъ. Будьте увѣрены, что я не заблуждаюсь на счетъ дѣйствительной причины всѣхъ этихъ военныхъ сборищъ, и все же я обѣщаю вамъ сдѣлать все отъ меня зависящее, чтобы предупредить разрывъ между обѣими республиками. Въ то же время я позволю себѣ сказать вамъ, что трудно вѣрить добрымъ намѣреніямъ Венеціи по отношенію къ намъ, разъ всѣ, кто слыветъ нашими друзьями, бросаются въ тюрьмы, а друзья императора становятся предметомъ особаго благоволенія» [1]). Письмо это приходитъ въ Верону одновременно съ извѣстіемъ о взятіи Кремы при ближайшемъ участіи французскихъ войскъ и объ освобожденіи Сало изъ рукъ бресчіанцевъ. Этотъ послѣдній фактъ сопровождается поднятіемъ поселянъ горныхъ долинъ — Вальсабіи, Вальтромпіи, Валькамоника и Вальларіаны. Всѣ они присылаютъ депутаціи съ заявленіемъ, что хотятъ остаться подъ милостивымъ правленіемъ республики Святого Марка. Крестьяне Вальлеріаны не довольствуются однимъ платоническимъ заявленіемъ своей преданности. Они спускаются съ горъ и нападаютъ на предмѣстія Бергама, собираясь блокировать самый городъ. Но прежде, чѣмъ исполнить это намѣреніе, они ждутъ инструкцій и руководительства изъ Венеціи [2]).

Какъ не радостны эти извѣстія и какое довольство не вызываютъ они, по словамъ Липомано, въ средѣ венеціанскихъ патриціевъ, они все же неспособны изгладить того тяжелаго впечатлѣнія, какое производитъ посланный нѣсколько дней

---

[1]) Archivio di Stato. Senato III Secreta. Filza Rapresentanti di Verona Contarini e Giovanelli.

[2]) Senato III Secreta. Lettere. Verona отъ 16 февраля 1796 по 3 апрѣля 1797 года.

спустя девизіоннымъ генераломъ Баландомъ протестъ противъ оскорбленій, какимъ подверглись нѣкоторые французскіе офицеры при занятіи Сало горцами. Великое преступленіе совершено было въ Сало, пишетъ генералъ въ своемъ обращеніи къ веронскому губернатору, величіе французской націи было грубо задѣто, лишній разъ нарушены священныя права нейтралитета и гостепріимства. Дѣло идетъ не о какомъ нибудь тайномъ убійствѣ, совершенномъ разбойниками; нѣтъ, преступленіе содѣяно было крестьянами, вооруженными по распоряженію венеціанскаго правительства, и жертвой его были французскіе солдаты, облеченные въ національный мундиръ. При извѣстіи о томъ, что въ Сало погибъ французъ, отправленъ былъ отрядъ съ цѣлью собрать обо всемъ свѣдѣнія отъ муниципалитета. Вопреки международному праву, волонтеры, его составлявшіе, поставлены были на одну доску съ бресчіанцами, перебиты или взяты въ плѣнъ; мало того, двое изъ нихъ положены на мѣстѣ крестьянами, хотя и не принимали никакого участія въ дѣйствіи, и только потому, что были французами; не дальше, какъ вчера, т. е. 12 апрѣля, одинъ изъ волонтеровъ подвергся преслѣдованію со стороны четырехъ гражданъ Вероны, за нимъ гнались до тѣхъ поръ, пока онъ не скрылся въ замкѣ. Такое гнусное и подлое поведеніе не можетъ служить мнѣ примѣромъ; я французскій республиканецъ и долженъ поступать съ большей искренностью и большимъ достоинствомъ. Я отдалъ поэтому приказъ коменданту флотиліи, расположенной на озерѣ Гварды, немедленно отправиться въ Сало, потребовать задержанныхъ французовъ и, въ случаѣ противодѣйствія, отразить силой—силу [1]). Преступленіе, совершенное въ Сало, не можетъ оставаться безнаказаннымъ; не одна справедливость, но и собственный вашъ интересъ требуетъ немедленной расправы. Одновременно начальникъ французскихъ войскъ въ Веронѣ ставилъ на видъ губернатору, что ему извѣстенъ тайный провозъ оружія въ городъ. Я знаю, пишетъ онъ, что ваше положеніе требуетъ этого, но едва ли такое поведеніе отвѣчаетъ вашему достоинству: точно вы не довѣряете намъ. . . . .

---

1) Ibid.

Какъ ни дерзко было это обращеніе, оно по крайней мѣрѣ не заключало въ себѣ прямого оскорбленія высшаго правительства и вызвано было вполнѣ уважительными причинами. Но что сказать о языкѣ, какимъ Бонапартъ говоритъ съ дожемъ Венеціи въ посланіи, передача котораго поручена была его адъютанту Жюно. «Вся Terra Ferma въ оружіи, со всѣхъ концовъ крестьяне сходятся при крикахъ: смерть французамъ. Нѣсколько сотъ нашихъ солдатъ уже пали жертвою ихъ ненависти. Вы тщетно отклоняете отвѣтственность за эти сборища, вами же самими организованныя. Или вы думаете, будучи въ сердцѣ имперіи, я безсиленъ вынудить уваженіе къ первому народу въ мірѣ. Ужъ не воображаете ли, что мои легіоны потерпятъ продолженія возбуждаемыхъ вами убійствъ. Кровь моихъ братьевъ по оружію будетъ отомщена [1]). Венеціанскій сенатъ отвѣчалъ самой черной измѣной на великодушное поведеніе, какого мы всегда держались по отношенію къ нему. Если вы немедленно не разгоните крестьянскихъ бандъ и не выдадите въ мои руки виновниковъ убійствъ, война будетъ объявлена. Никакая опасность не грозитъ вамъ, вѣдь турокъ не на вашей границѣ! Вы только придумываете предлоги, чтобы имѣть право собирать толпища противъ нашего войска. Мы не живемъ болѣе во времена Карла VIII (и Варѳоломеевской ночи» [2]).

Можно судить о томъ ужасѣ и негодованіи, съ какимъ встрѣчены были въ Венеціи подобныя заявленія. Всеобщее безпокойство еще усилилось отъ того, что Жюно, прибывъ въ Венецію на Страстной недѣлѣ, потребовалъ немедленнаго собранія засѣдающей съ дожемъ коллегіи, такъ что въ первый разъ со времени своего существованія, венеціанскія власти должны были имѣть присутствіе въ страстную субботу. Липомано слѣдующимъ образомъ описываетъ своему зятю это достопамятное засѣданіе. Жюно явился посломъ Бонапарта и потому потребовалъ, чтобы его посадили рядомъ съ дожемъ. Его манеры, его чисто французская развязность, его надмѣнный тонъ, вполнѣ отвѣчавшій

---

[1]) Ibid., 13 Germinal an 5 (т. е. 2 апрѣля 1794 г.) Le géneral Divisionaire Baland à M-r le gouverneur de Vérone.

[2]) Correspondence de Napoléon I publiée par ordre de l'empereur Napoléon III, томъ II, 473.

тому, какимъ написано было посланіе, глубоко оскорбили патриціевъ.

Но минута была выбрана удачно: въ Венеціи оставалось такъ мало общественнаго духа, что вѣрнѣйшіе ея сыны, въ родѣ Липомано, довольствовались однимъ только выраженіемъ скорби и безплодными жалобами на коварство французовъ. «О дорогой Альвизэ, пишетъ Липомано наканунѣ жестокой рѣзни въ Веронѣ, провели насъ французы! Самыми отдаленными путями, пуская въ ходъ невѣроятныя предательства, они подошли къ моменту объявленія намъ войны и еще утверждаютъ, что мы сами хотимъ начать ее. Не уважили они и святости послѣднихъ дней поста, заставляя мудрыхъ засѣдать въ страстной четвергъ и требуя присутствія дожа и коллегіи въ субботу наканунѣ Пасхи. Когда письмо Бонапарта прочитано было въ сенатѣ, отъ ярости стали кричать и топать ногами. Всѣми овладѣло такое волненіе, что никто не въ силахъ былъ сдержать себя. Только чудомъ можно объяснить, что рѣшенія все еще отличаются благоразуміемъ и осторожностью. И поистинѣ нужно много гражданской доблести, чтобы терпѣливо переносить несправедливыя оскорбленія [1])».

Мудрыя рѣшенія, о которыхъ говоритъ Липомано, состояли въ увѣдомленіи французскаго министра Лалеманъ, что сенатъ не можетъ принять сразу никакихъ мѣръ, въ виду серьезности переживаемой минуты, но что онъ тѣмъ не менѣе спѣшитъ заявить о своей готовности сохранить миръ съ французской республикой и обѣщаетъ заняться раскрытіемъ виновниковъ [2]).

Въ тотъ же день составленъ былъ текстъ письма къ Бонапарту и послѣ жаркихъ препирательствъ утвержденъ большинствомъ 156 голосовъ. И въ немъ говорилось о неизмѣнномъ желаніи сохранить миръ и дружбу съ французской республикой, объяснялось, что одинъ патріотизмъ и одна привязанность къ своему законному государю заставили населеніе взяться за оружіе не противъ французовъ, а противъ мятежниковъ. Сенатъ

---

[1]) Biblioteca Querini Stampaglia, Class. 7, cod. 78, письмо отъ 15 апрѣля 1797 года.

[2]) Raccolta chronologica, томъ II, стр. 147.

высказывалъ готовность сдѣлать все отъ него зависящее для наказанія тѣхъ, кто позволилъ себѣ насиліе по отношенію къ членамъ французской арміи. Недовольствуясь этимъ, сенаторы постановили отправить къ Бонапарту новую депутацію для личныхъ объясненій [1]).

Въ то время, какъ патриціи обнаруживали такимъ образомъ свою робость и желаніе сохранить миръ во что бы то ни стало, веронцы не находили достаточныхъ выраженій для своего патріотизма. Повсюду распространялись воззванія и вывѣшивались манифесты, въ которыхъ и прозой и стихами выражались преданность Святому Марку и жажда мести по отношенію къ его врагамъ.

Въ государственномъ архивѣ и въ муниципальной библіотекѣ Вероны можно найти образцы этихъ манифестовъ. Нѣкоторые изъ нихъ отпечатаны были въ мѣстныхъ изданіяхъ. Вотъ что значится въ одномъ изъ нихъ, «взамѣнъ упоминаемыхъ въ революціонныхъ прокламаціяхъ свободы, равенства и братства, составители адреса къ веронскому народу ставятъ въ заголовкѣ: доблесть истинная и преданность неизмѣнная. Привязанный къ своему законному государю и твердый въ принципахъ, клянусь подвергнуть жестокой мести всѣхъ нарушителей порядка, всѣхъ недовольныхъ и мятежниковъ; знайте, чудовища, что ваши проклятыя имена занесены въ списокъ и что 130 кинжаловъ готовы пронзить сердца тѣхъ, кто, не желая подчиняться «сладкому игу» (dolce giogo) нашего пресвѣтлѣйшаго правительства, только ищетъ предлога къ безпорядкамъ; да здравствуетъ Святой Маркъ, да здраствуетъ республика и Верона!» Самое содержаніе манифеста говоритъ объ образованіи въ городѣ своего рода тайнаго сообщества, очевидно, терпимаго властями и цѣлью котораго было оживленіе по отношенію къ демократамъ той vendetta, которой наполнена вся исторія Вероны въ средніе вѣка.

Рядомъ съ этими призывами къ кровавой расправѣ любовь къ родинѣ и существующему правительству сказывалась и въ болѣе удачной формѣ—стихотворныхъ посланій къ революціонерамъ и хвалебныхъ одъ въ честь республики. «Безумная смѣ-

---

[1]) Ibid., стр. 176 и 177.

лость овладѣла вами, бергамаски, говорится въ одномъ изъ этихъ стихотвореній. Вы думаете наложить узду на венеціанскаго льва. Соединившись съ бресчіанцами, вы не только желаете отпасть отъ республики, но и склонить къ этому другихъ. Но вѣрная Верона сумѣетъ сломить вашу гордость и своимъ поведеніемъ покажетъ примѣръ міру».

«Неужели воистину, говоритъ, въ замѣчательныхъ по формѣ стихахъ, другой анонимный поэтъ въ своемъ обращеніи къ Венеціи, ты, о владычица Адріатики, достойная предписывать законы всюду, гдѣ свѣтитъ солнце, сдѣлалась жертвою безбожной толпы мятежниковъ; неужели эти дерзкіе намѣрены сорвать съ тебя дѣвственные покровы и замѣнить твой достославный гербъ другимъ неизвѣстно откуда взятымъ—изъ Вавилона ли или изъ ада. Неужели они даже собираются отнять у тебя жизнь? У тебя, милостивой и справедливой, у тебя, прожившей не десятки, а сотни лѣтъ въ доблести и славѣ» [1]). Въ нѣкоторыхъ воззваніяхъ говорилось о томъ, что нечего бояться внѣшнихъ враговъ, что каждый готовъ пролить кровь за отечество и доброе дѣло и что родители должны наблюдать за поведеніемъ дѣтей, если не желаютъ видѣть ихъ убитыми на собственныхъ глазахъ. Въ другихъ вспоминалось о «божественномъ» происхожденіи Венеціи и о столькихъ врагахъ, надъ которыми она вышла побѣдительницей [2]).

По словамъ Антоніо Маффеи, очевидца и участника описываемыхъ имъ событій, во всей Веронѣ нельзя было насчитать болѣе 300 человѣкъ, скрыто сочувствовавшихъ бресчіанскимъ демократамъ [3]). Легко допустить, что, при такомъ единодушномъ подъемѣ патріотическихъ чувствъ, веронцы перестали считаться съ благоразумными совѣтами начальства на счетъ строгаго соблюденія нейтралитета и что въ ихъ средѣ нашелся чело-

---

[1]) Смотри Archivio di Stato, senato III secreta. Proveditore estraord. Terra Ferma. 1797 годъ.

[2]) Storia di Verona dal 1790 all 1822 di Osvaldo Perini, томъ II, стр. 138. Смотри также Archivio storico Veronese, Верона 1880 годъ, т. VI, fasc. 16. Documenti di. storia Veronese.

[3]) Рукопись муниципальной библіотеки въ Веронѣ, № 2089. Memoria della Rivoluzione di Verona nel 1797.

вѣкъ, готовый въ интересахъ защиты навязать генеральному комиссару Батагліа намѣренія и желанія, которыхъ онъ никогда не высказывалъ. Знаменитый апокриѳъ, въ которомъ крестьяне прямо призывались къ отраженію французовъ силою, могъ появиться и въ Веронѣ, хотя современники изъ среды венеціанцевъ единогласно приписывали изданіе этого мнимаго манифеста миланскому революціонному комитету. Какъ бы то ни было, но несомнѣнно одно, что французы повѣрили его автентичности. Трудно было ожидать, чтобы поселяне, для которыхъ онъ былъ составленъ, обнаружатъ большій скептицизмъ. Понятно также, что давно накопившееся недовольство самоуправствомъ и вымогательствами иноземнаго войска нашло въ переживаемыхъ страною чрезвычайныхъ условіяхъ новый стимулъ, и что убійства и пораненія французовъ сдѣлались въ серединѣ апрѣля болѣе частымъ явленіемъ, чѣмъ прежде. Мѣстные историки, желающіе возложить всю отвѣтственность за дальнѣйшій ходъ событій на однихъ французовъ, не отрицаютъ, однако, того факта, что въ день начатія веронской Пасхи въ отдѣльныхъ кварталахъ города послѣдовалъ рядъ схватокъ между толпою и солдатами оккупаціоннаго корпуса, такъ что раздавшіеся внезапно изъ замка Санъ-Феличэ пушечные выстрѣлы были отвѣтомъ на вызовъ, сдѣланный французамъ самоуправнымъ поведеніемъ веронской толпы. Первыя схватки произошли между далматинскими солдатами, поддерживаемыми простонародіемъ, и французскою стражею, приставленной къ одному изъ городскихъ воротъ (porta nuova). Вскорѣ послѣдовали новые безпорядки на главной площади, такъ называемой Piazza Signori, гдѣ дѣло едва не дошло до открытаго сраженія между французскимъ отрядомъ и вооруженными поселянами, наконецъ, на новомъ мосту (Ponte nuovo), гдѣ опять таки не безъ труда удалось предупредить кровавое столкновеніе. Французское начальство утверждало впослѣдствіи, что приказъ о пальбѣ вызванъ былъ извѣстіемъ объ убійствѣ одного изъ оберъ-офицеровъ; первые выстрѣлы сдѣланы были холостыми зарядами, съ цѣлью дать сигналъ товарищамъ, разсѣяннымъ по городу, и призвать ихъ къ скорѣйшему возвращенію въ крѣпость. Несомнѣнно однако, что вскорѣ началась настоящая бомбардировка, отъ которой пострадала между про-

чимъ, крыша правительственнаго дворца, и что она началась прежде, чѣмъ народъ, разошедшійся по церквамъ или занятый утреннимъ завтракомъ, успѣлъ собраться для отпора.

Въ мемуарахъ Маффеи, написанныхъ много лѣтъ спустя послѣ событій 17 апрѣля, можно найти, однако, страницу, которая очевидно, вѣрно выражаетъ собою настроеніе, въ какомъ жители Вероны встрѣтили это внезапно обрушившееся на нихъ бѣдствіе. Она заключаетъ въ себѣ запись впечатлѣній, пережитыхъ семьею Маффеи, въ день 17 апрѣля, съ котораго началась кровавая недѣля. Самого Маффеи не было въ Веронѣ, онъ начальствовалъ отрядомъ, посланнымъ для охраненія западной границы по рѣкѣ Минчіо, и стоялъ съ своимъ корпусомъ въ Аледжіо. Дома оставались только три женщины: мать, тетка и жена съ малолѣтними дѣтьми. Онѣ сидѣли за обѣденнымъ столомъ въ обществѣ скрипача Тревизани и одного монаха театинца, когда внезапно вбѣжалъ блѣдный отъ страха служитель съ извѣстіемъ о канонадѣ. Монахъ, ни съ кѣмъ не простившись, бросился по направленію къ своему монастырю, скрипачъ, перекрестившись, выбѣжалъ, махая руками и произнося ругательства, мать Маффеи удалилась въ свою спальню и стала на колѣни передъ образами, жена поспѣшила въ дѣтскую, и одна старуха тетка осталась неподвижной за столомъ, ожидая, что будетъ. Укрывъ въ колыбели малютокъ, жена Маффеи подошла къ круглому окошку въ стѣнѣ и стала смотрѣть на то, что дѣлается на улицѣ. Народъ толпою бѣжалъ изъ приходской церкви Святого Петра въ собственныя жилища; на лицахъ нельзя было прочесть ничего, кромѣ ужаса и отчаянія. Пришлось озаботиться защитой квартиры на случай нападенія: баррикадированы двери и забиты окна.

Всѣмъ этимъ должна была распорядиться молодая, двадцатидвухлѣтняя женщина, которая, повидимому, одна не потеряла присутствія духа. Вернувшись въ верхніе покои и снова подошедъ къ окошку, она нашла на улицѣ большую перемѣну. Веронцы показывались снова, но уже съ оружіемъ и знаменами, а пушки продолжали гремѣть, и не изъ одного замка Санъ-Феличэ, но и изъ крѣпости Санъ-Піетро и Кастель Веккіо [1]). На-

---

[1]) Муниципальная библіотека въ Веронѣ MS. 289. Memoria della Rivoluzione di Verona nel 1797.

родъ началъ въ свою очередь штурмовать городскія ворота, занятыя французскими караулами, избивая всѣхъ, кто не хотѣлъ сдаться съ оружіемъ. Немногихъ часовъ потребовалось ему, чтобы овладѣть всѣми кварталами города, за исключеніемъ однихъ выше упомянутыхъ трехъ замковъ. Число задержанныхъ французовъ было не менѣе 500. Ихъ отвели во дворецъ правительства и заняли ими его верхній этажъ. Графъ Франческо Эмиліи, ставъ во главѣ шестисотеннаго отряда далматинцевъ, многихъ дворянъ и двухъ тысячъ пятисотъ вооруженныхъ крестьянъ, поспѣшилъ на выручку Вероны, покидая занимаемый имъ дотолѣ постъ за предѣлами города. При его содѣйствіи народу удалось овладѣть долѣе всего защищавшейся «porta nuova» и возстановить сообщеніе Вероны съ сосѣдними селами. Между тѣмъ начальство, застигнутое врасплохъ за завтракомъ, спѣшило потребовать объясненій отъ коменданта крѣпости Санъ-Феличэ. Генералъ Бопуаль, отдавшій приказъ о бомбардировкѣ, подъ предлогомъ вступить въ переговоры съ генеральными комиссарами, въ дѣйствительности же съ цѣлью убѣдиться, какъ велики средства защиты веронцевъ, согласился выйти изъ крѣпости съ тремя другими офицерами. Толпа едва не разорвала его на части, сломала ему шпагу и сбила картузъ. Только благодаря вмѣшательству венеціанскаго отряда, удалось провесть его въ правительственный дворецъ. Джованелли поспѣшилъ вручить ему собственное оружіе и, протестуя противъ желанія венеціанцевъ сохранить миръ и нейтралитетъ, предложилъ положить конецъ дальнѣйшей враждѣ, признать все случившееся результатомъ недоразумѣнія и скрѣпить взаимныя обязательства подписью. Бопуаль согласился на все, но, по возвращеніи въ замокъ, объявилъ дивизіонному генералу Баланду, что послѣдній ни мало не связанъ его словомъ, такъ какъ оно дано было подъ вліяніемъ насилія и не можетъ считаться свободнымъ. Взамѣнъ ожидаемаго мира венеціанское начальство получило ультиматумъ обезоружить населеніе въ теченіе трехъ ближайшихъ часовъ, удалить всѣхъ солдатъ и выдать шесть заложниковъ. За исключеніемъ Франческо Эмили, готоваго продолжить борьбу, пока французы не очистятъ замковъ, всѣ собранны во дворцѣ власти высказались въ пользу уступокъ.

Поступая такимъ образомъ, они движимы были желаніемъ избѣжать открытаго разрыва съ Франціей и отвѣтственности за нарушеніе нейтралитета; ихъ пугала также мысль, что народное движеніе, уже проявившее себя грабежомъ коммиссаріата и нападеніемъ на военные госпитали, не замедлитъ выразиться въ погромѣ богатыхъ. Недовѣріе къ простонародію, всегда отличавшее собою венеціанское правительство, сказалось и на этотъ разъ съ обычною силою.

Но народъ не допустилъ начальствующихъ къ совершенію того, что въ его глазахъ носило характеръ открытой измѣны. Осада замковъ становилась такимъ образомъ необходимостью; но ни губернаторъ Контарини, ни генеральный коммиссаръ Джованелли, ни ихъ секретарь Санфермо не желали придать этой осадѣ правительственную санкцію. Ночью, окруженные отрядомъ въ 60 далматинцевъ и переодѣтые крестьянами, они тайно покинули городъ, предоставляя его такимъ образомъ собственной судьбѣ. Въ Винченцѣ, откуда бѣглое начальство сочло нужнымъ послать оправдательное письмо дожу и его совѣтникамъ, Джованелли и Контарини встрѣтились со спѣшившимъ изъ Бассано на выручку родного города дворяниномъ Augusto Verita. Онъ желчно напалъ на трусость венеціанскихъ правителей и поспѣшилъ занять ихъ мѣсто, организуя разрозненныя банды горожанъ и сосѣднихъ поселенцевъ въ подобіе правильнаго войска, которое затѣмъ и поведено было въ аттаку противъ замковъ. Неизвѣстно, чѣмъ бы кончилось героическое сопротивленіе Вероны, если бы Франческо Эмили, поспѣшившему въ Венецію за подкрѣпленіемъ, суждено было убѣдить синьерію въ необходимости порвать съ нейтралитетомъ и отразить силу силою. Но всѣ его настоянія оказались тщетными, и пришлось ограничиться тѣмъ содѣйствіемъ, какое все прибывавшіе изъ селъ крестьяне готовы были оказать этому послѣднему патріотическому подъему такъ много уже пострадавшаго населенія. Поставивъ во главѣ себя ею самою выбраннаго начальника, полуразбойника, полутрибуна, именемъ Коццо, чернь продолжала громить замки картечью, плохо отвѣчавшей пушкамъ своимъ калибромъ и потому не долетавшей до крѣпости. Этимъ объясняется неуспѣхъ нападенія, направленнаго противъ Кастель-Веккіо. Одна изъ

бомбъ зажгла крышу сосѣдняго къ замку дома, вызвала пожаръ и произвела панику, которой непріятель поспѣшилъ воспользоваться для вылазки и истребленія сотенъ человѣкъ, помѣщавшихся на площади и сосѣднихъ улицахъ. Вернувшійся между тѣмъ изъ Винченцы Джованелли вступилъ въ переговоры съ подступившимъ изъ Мантуи на выручку Баланда войскомъ генерала Шабранъ. «Приглашаю васъ, значилось въ полученномъ отъ него губернаторомъ письмѣ, открыть немедленно ворота предводительствуемой мною арміи. Даю вамъ два часа для размышленія. Если вы осмѣлитесь отказать мнѣ, будьте увѣрены, что вамъ придется отвѣчать передъ вашей республикой и цѣлымъ міромъ за разрушеніе Вероны» [1]). Въ отвѣтъ на этотъ ультиматумъ Джованелли считалъ нужнымъ объяснить причину народнаго возстанія, выгораживая правительство и обѣляя жителей. Народъ, значится въ его посланіи, поднялъ оружіе противъ бресчіанскихъ инсургентовъ. Правительство имѣло право и обязанность поддержать его усилія. Все было спокойно и все было направлено къ тому, чтобы сохранить спокойствіе. Съ французской арміей, уже десять мѣсяцевъ пользующейся нашимъ гостепріимствомъ, существовала полная гармонія. Повидимому, городъ могъ разсчитывать на ея сочувствіе; и что же? Въ прошлый понедѣльникъ безъ малѣйшаго мотива началась пушечная пальба изъ замковъ, причиняя смерть и разореніе ни въ чемъ неповиннымъ жителямъ. Народъ хочетъ защищаться; онъ крайне раздраженъ, и было бы весьма опасно дать въ настоящую минуту проходъ французскимъ солдатамъ. Надо сперва успокоить его, поэтому генералу предлагается поставить свои условія, не теряя изъ виду, что уже открылись переговоры объ обезоруженіи населенія. — «Гнѣвъ веронскаго народа быть можетъ очень великъ, отвѣчалъ Шабранъ, но ваше дѣло его успокоить. Вѣдь вы управляете его судьбами. Всѣ мои предложенія уже сдѣланы. Я имѣю прямой приказъ, и онъ долженъ быть выполненъ немедленно; по истинѣ было бы прискорбно, если бы мнѣ пришлось обратить въ прахъ (pulvériser) тѣ препятствія, какія

---

[1]) Archivio di Stato, senato III Secreta, lettere dei rapresentanti di Verona. Contarini e Giovanelli.

веронцы въ негодованіи противъ дѣйствительныхъ виновниковъ своихъ бѣдствій (намекъ на венеціанское начальство) вздумали противоставить мнѣ—французу» [1]).

Пришлось пойти на всѣ условія: согласиться на обезоруженіе, на пропускъ войскъ, на выдачу заложниковъ; пришлось прибѣгнуть къ патріотизму народа и выбранныхъ имъ вожаковъ; пришлось выслушать горькіе и заслуженные упреки со стороны обойденныхъ и обманутыхъ. Когда все это было сдѣлано, страхъ, чтобы сдача Вероны венеціанскимъ начальствомъ не послужила французамъ основаніемъ считать ее завоеваннымъ городомъ, побудилъ Джованелли и Контарини ко вторичному бѣгству, быть можетъ, съ тайнаго вѣдома врага, которому это обстоятельство развязывало руки. «Презрѣнные трусы! воскликнулъ Коцой, услыхавъ отъ Маффеи о намѣреніи капитулировать; они измѣнили намъ, а теперь хотятъ насъ продать. Я сдѣлалъ возможное, чтобы спасти Верону, и спасъ бы ее, если бы трусы не стали поперекъ моихъ намѣреній. Итакъ, предатели хотятъ революціи,—что жъ и получатъ ее, къ тому же болѣе радикальную и болѣе полную, чѣмъ думаютъ; хотятъ, чтобы народъ вышелъ на улицу, что жъ выйдетъ, и я самъ поведу его» [2]).

Пророчество не замедлило осуществиться. Покинутое начальствомъ, измученное восьмидневнымъ безплоднымъ сопротивленіемъ, потерявшее всякую надежду спасти цѣлость и независимость республики, большинство населенія сдѣлалось безучастнымъ зрителемъ революціоннаго взрыва, устроеннаго нѣсколькими сотнями демагоговъ, тайно покровительствуемыхъ французскимъ начальствомъ. Прибывшій въ Верону генералъ Ожеро, тотъ самый, который посланъ былъ Бонапартомъ въ подмогу директоріи противъ роялистовъ и сдѣлался героемъ революціи 18 фруктидора, и на этотъ разъ избранъ былъ въ укротители «веронскихъ фанатиковъ» и руководители демократическаго переворота.

Къ его чести надо сказать, что онъ спасъ Верону отъ по-

---

1) Ibid., отъ перваго floreal, пятый годъ республики.

2) См. Маффеи, fol. съ 157 по 159

грома, издавъ приказъ по войскамъ, въ которомъ значилось, между прочимъ, что грабежъ, насилія, убійства, достигли апогея; задержите этихъ мерзавцевъ и приведете ихъ къ начальству, дабы они подвергнуты были законной карѣ. Неужели они думаютъ, что я потерплю дѣйствія, оскорбляющія достоинство всей націи [1]).

Но тому-же Ожеро суждено было оставить неизгладимую и тяжелую память казнью патріотовъ. 16-го мая разстрѣляны были графъ Франческо Эмили и Августо Верита, т. е. тѣ два человѣка, которые обнаружили наибольшую силу сопротивленія иноземцамъ и наибольшую вѣру въ народъ. 8-го іюня послѣдовали новыя казни, такъ что въ общемъ 8 человѣкъ пали жертвою послѣдней попытки отстоять свободу родины [2]).

Казни сопровождались неслыханными еще поборами, вызвавшими окончательное разореніе жителей. Они начались съ захвата имуществъ, сданныхъ на храненіе городскому ломбарду или monte di pieta. По отзыву французовъ, ихъ цѣнность равнялась цифрѣ въ 50,000,000 лиръ. Мѣстные бытописатели понижаютъ ее до 20,000,000. Жемчуги и брилліанты веронской аристократіи пошли на украшеніе болѣе или менѣе сомнительнаго женскаго персонала, сопровождавшаго собою французскихъ военачальниковъ во время похода [3]). Расхищеніе было такъ систематично, что, когда нѣсколько дней спустя, Бонапартъ предписалъ даровое возвращеніе закладовъ стоимостью ниже 50 франковъ, по сознанію Ожеро, въ ломбардѣ почти ничего не оказалось. Къ этому разгрому надо прибавить контрибуцію въ 120,000 цекиновъ, что представляетъ приблизительно $1^1/_2$ милліона современныхъ франковъ. За недостаткомъ звонкой монеты, пришлось наложить руку на серебряную утварь церквей и драгоцѣнности частныхъ семей подъ угрозой обыска и конфискацій [4]). Испол-

---

[1]) Archivio storico Veronese, 1880, XI, Luglio, Fasc. XVI. Ruberie de'Francesi in Verona.

[2]) Memorie di Girolamo Cavozocca, Archivio storico Veronese, 1880-й годъ и Osvaldo Perini, storia di Verona, 1874-й годъ, томъ II, стр. 383-я и слѣд.

[3]) Ibid., стр. 352 и 353-.

[4]) Ibid., стр. 356 и слѣд.

нителемъ этихъ мѣръ явилась какъ временная муниципія, такъ и смѣнившее ее революціонное правительство. 7-го мая воспослѣдовало обычное демократическое празднество: посажено было древо свободы въ присутствіи муниципалитета и епископа. Мѣстомъ церемоніи избрана площадь овощнаго рынка, такъ называемая piazza delle erbe. Передъ дворцомъ Скалигеровъ, на пьедесталѣ колонны, украшенной венеціанскимъ львомъ, вырѣзаны были слѣдующія слова: «свобода, а не то смерть. Народъ одинъ полноправный правитель. Да погибнутъ тираны. Законъ долженъ быть равенъ для всѣхъ». Передъ зданіемъ суда разведенъ былъ большой костеръ и сожжены портреты всѣхъ правителей, когда либо посланныхъ въ Верону венеціанской синьоріей. День закончился народнымъ представленіемъ въ театрѣ, обязательной для всѣхъ гражданъ иллюминаціей и баломъ, на который приглашены были французскіе военачальники. Въ слѣдующіе затѣмъ дни предписано снять съ публичныхъ зданій изображеніе венеціанскаго льва, а съ частныхъ-дворянскихъ гербовъ, и переименовать улицы, дабы изгладить память о прошломъ. Революціонное правительство ознаменовало себя также конфискаціей церковныхъ имуществъ, открытіемъ демократическаго клуба, подъ наименованіемъ «зала народнаго образованія», въ которомъ дебаты приняли на столько рѣзкій характеръ, что французы, опасаясь безпорядковъ, скоро запретили всякое обсужденіе политическихъ вопросовъ.

Разореніе жителей сопровождалось неизбѣжнымъ закрытіемъ многихъ торговыхъ фирмъ и промышленныхъ предпріятій. Новое правительство увидѣло въ этомъ тайные происки друзей аристократіи. Вотъ почему декретомъ пятаго мая предписано было патронамъ принять снова на службу отпущенныхъ рабочихъ. Съ тою же цѣлью покровительства низшимъ классамъ приняты мѣры къ обезпеченію народнаго продовольствія и запрещенъ вывозъ хлѣба изъ Вероны. Печать объявлена свободной и основанъ 12-го мая журналъ, долженствовавшій сдѣлаться органомъ демократическаго клуба, переименованнаго отнынѣ въ патріотическое сообщество [1]). Мы будемъ еще имѣть случай говорить о

[1]) Ibid., стр. 382, 415 до 420.

дѣятельности веронскихъ демократовъ, разсказывая о событіяхъ, ознаменовавшихъ собою послѣдніе дни такъ быстро потерянной свободы. Въ настоящее же время вернемся къ изображенію тѣхъ послѣдствій, какія для Венеціи имѣлъ печальный исходъ веронскаго возстанія.

ГЛАВА VII.

Паденіе венеціанской аристократіи.

22-го апрѣля Липомано пишетъ въ Парижъ: «можно было ждать, разумѣется, многихъ бѣдствій, но тѣ, которыя обрушились, предвидѣть было трудно. Французы продали и разорили насъ. Извѣстія изъ Вероны рисуютъ весь ужасъ ея положенія. Французы внутри и въ окрестностяхъ всячески разоряютъ ее, а народъ въ ярости и не хочетъ слышать объ умиротвореніи». Но къ потерѣ Вероны, о которомъ уже говорится въ письмѣ отъ 26-го апрѣля, вскорѣ присоединяется новое бѣдствіе. 21-го апрѣля показывается у входа въ Лидо французскій крейсеръ «Освободитель Италіи»; онъ требуетъ пропуска въ гавань и, не получивъ его, рѣшается проникнуть силой. Раздаются пушечные выстрѣлы и капитанъ корабля Ложье убитъ наповалъ. Липомано еще не предвидитъ тѣхъ осложненій, какія вызоветъ этотъ фактъ, вполнѣ отвѣчающій требованіямъ государственной обороны и тому праву самозащиты, какое принадлежитъ всякому самодержавному государству по отношенію къ военнымъ судамъ даже дружественной державы. Онъ обращаетъ вниманіе только на то, что французы рѣшились войти силой и что корабль нагруженъ былъ военными доспѣхами. Ничто въ его глазахъ не доказываетъ въ большей степени намѣренія ихъ покончить съ Венеціей. «Къ чему, пишетъ онъ, было входить кораблямъ, нагруженнымъ оружіемъ, если въ самой Венеціи не

существуетъ заговора противъ правительства, и не пользуется ли общимъ признаніемъ право не допускать въ свои порты чужихъ вооруженныхъ судовъ; еще недавно было отказано англійскимъ кораблямъ, желавшимъ проникнуть въ Лидо при тѣхъ же условіяхъ. Самъ Лалеманъ, которому Пезаро отказалъ прежде въ пропускѣ подобнаго же судна, высказался противъ дерзости французскаго капитана. Ярость народа невѣроятна и ее мудрено сдержать. На площади Святого Марка едва не послѣдовало кровавой расправы съ французами, а между тѣмъ слышно, что многіе изъ нихъ хотятъ прибыть въ городъ. И это въ то время, когда всѣ смотрятъ на нихъ съ недовѣріемъ и подозрѣніемъ! Едва вывѣшенъ былъ приказъ не задѣвать французовъ, какъ онъ разорванъ былъ толпою повсемѣстно. Сегодня онъ снова прибитъ и народъ оказалъ ему тотъ-же пріемъ. Повторяется нынѣ то же, что было во время Лиги въ Камбрэ и войны съ Кіоджіей. Любовь къ родинѣ, сознаніе собственнаго достоинства, ненависть къ иностранцамъ, чувство мести овладѣли всѣми. Ужъ если погибнуть, такъ смертью сильныхъ, а не какъ свиньи [1]), не терпѣть долѣе оскорбленій и не руководствоваться хитроумной мудростью. Вотъ что на каждомъ шагу слышится въ разговорахъ; однимъ словомъ, хотятъ войны съ французами и, поистинѣ, они ужъ давно начали ее съ нами, но бѣда въ томъ, что она намъ не подъ силу. Вы вѣдь сами, любезный Альвизо, прибавляетъ Липомано, изъ числа тѣхъ, которые признали невозможность для республики взяться за оружіе. Горячіе умы между нами разсчитываютъ на подъемъ народныхъ массъ, но что могутъ массы и какъ вызвать этотъ подъемъ въ нашей средѣ? Верона, правда, сдѣлала попытку въ этомъ направленіи, но чѣмъ все это кончилось и чѣмъ еще кончится! Рѣшено поэтому воздержаться отъ войны, хотя въ сущности мы уже ведемъ ее. Вѣдь въ Веронѣ наши войска дѣйствуютъ за одно съ народомъ и воюютъ съ французами. Не трудно предвидѣть и исходъ. Я думаю, что Верона потеряна навсегда. Всѣ надежды возложены теперь на ходъ переговоровъ съ Бонапартомъ. Послѣ того, какъ Пезаро имѣлъ съ нимъ свиданіе, будущее рисуется въ нѣсколько

---

[1]) „Perire, ma perire da forti e non da porchi“.

лучшемъ свѣтѣ. Если бы можно было все покончить платежемъ денегъ, я былъ-бы въ восторгѣ; но надѣяться, что потерянныя провинціи вернутся снова въ наши руки, что конституція будетъ сохранена и спокойствіе возстановлено, кажется мнѣ мечтою. Нѣкоторые политики, въ числѣ ихъ Пезаро, думаютъ, что французы желаютъ союза Венеціи съ вновь созданными итальянскими республиками съ цѣлью оградить Италію отъ австрійскаго дома, но такой союзъ повелъ-бы только къ замѣшательству. А между тѣмъ, какъ воспротивиться воли Бонапарта? Что будетъ съ нами или вѣрнѣе, что сдѣлаютъ съ нами, разъ мы вздумаемъ настоять на своемъ! Пришло время принимать чужую волю за законъ и мириться съ необходимостью. Какъ надругались надъ нами! Надо быть тѣмъ великолѣпнымъ ничтожествомъ, какимъ мы сдѣлались, чтобы переносить все это терпѣливо [1]). Бонапартъ недоволенъ отвѣтомъ, какой сенатъ далъ его адъютанту, такъ какъ въ немъ ничего не говорится объ обезоруженіи. Жюно не хотѣлъ отбыть изъ Венеціи и съ обнаженной шпагой думалъ броситься на площадь, объявить войну отъ имени Франціи и приказать комендантамъ всѣхъ военныхъ корпусовъ, какіе имѣются въ Terra Ferma, начать враждебныя дѣйствія съ нами. Въ Адріатикѣ уже показалось до двадцати небольшихъ военныхъ судовъ, принадлежащихъ французамъ. Очевидно, они хотятъ напасть со всѣхъ сторонъ. Власти принимаютъ мѣры къ защитѣ города; такъ какъ пришлось послать войско на континентъ, то понадобился новый наборъ въ Далмаціи и въ Истріи. Повсюду замѣтно въ народѣ сильное возбужденіе. Французскій комендантъ долженъ былъ покинуть Винченцу изъ страха черни. Недавно, при проходѣ войскъ генерала Виктора черезъ Падую, послѣдовали серьезные безпорядки и одному солдату, не желавшему платить въ харчевнѣ, нанесены были раны. Французы готовы были уже зажечь городъ и кричали о мести, но народъ такъ взволновался, что не мало труда потребовалось, чтобы сдержать его. Въ сенатѣ принятъ сегодня рядъ финансовыхъ мѣръ. Слѣдуя примѣру 1646-го года, рѣшено открыть патріотическую подписку и пригласить всѣхъ отцовъ семействъ принять въ ней участіе.

---

1) „Bisogna esser alta nullitá, come noi siamo, per tener tutto“.

Постановлено также сдѣлать заемъ въ монастыряхъ и заложить имъ принадлежащіе республикѣ свободныя зданія съ платежомъ трехъ процентовъ, а также установить новые поборы съ рынка на сумму въ 600,000 дукатовъ. Евреямъ предложатъ купить привилегіи, созданъ будетъ чрезвычайный налогъ въ 500,000 дукатовъ срокомъ на четыре мѣсяца, обложатъ всѣхъ, кто владѣетъ, собственностью. Новая подать равняется двойной десятинѣ. Думали было пріостановить платежъ жалованія чиновникамъ, но эта мѣра, за которую стояли мудрые, была отклонена сенатомъ, какъ не политичная и рискованная; вѣдь отъ нея прежде всего потерпѣли бы нуждающіеся. Недовѣріе къ иностранцамъ растетъ. Сенатъ не прочь запретить посламъ пріемъ кого бы то ни было, даже курьеровъ, такъ какъ французы сплошь и рядомъ входятъ въ Венецію подъ предлогомъ, что у нихъ есть дѣло къ послу. Страхъ внезапнаго нападенія такъ великъ, что моряки изъ арсенала съ оружіемъ въ рукахъ приставлены къ лѣстницѣ, ведущей въ залъ сената» [1]).

Сознавая свое безсиліе, республика Святого Марка возложила всѣ надежды на дипломацію. Орудіями ея спасенія должны были сдѣлаться послы въ Парижѣ, Вѣнѣ и въ самомъ лагерѣ Наполеона. Не зная ничего о характерѣ тѣхъ переговоровъ, какіе въ Леобенѣ завязались между австрійскимъ министерствомъ и побѣдоноснымъ начальникомъ французскаго войска, убѣжденная депешами Кверини и донесеніями своихъ шпіоновъ, что директорія недовольна поведеніемъ Бонапарта и придерживается совершенно иной политики, довѣряя въ то же время сообщеніямъ своего резидента въ Вѣнѣ о готовности Австріи поспѣшить къ ней на помощь, венеціанская аристократія вознамѣрилась купить спокойствіе и цѣлость своихъ владѣній непосильными денежными пожертвованіями. Пока посланные въ Горицію комиссары представляли Бонапарту свои поздравленія со счастливымъ исходомъ такъ быстро законченнаго похода и выражали готовность республики удовлетворить всѣмъ его требованіямъ, Кверини получалъ отъ дожа и приставленной къ нему коллегіи разрѣшеніе начать темную интригу, цѣлью которой являлся подкупъ одного изъ чле-

---

1) Письмо отъ 22-го и 26 го апрѣля.

новъ французской директоріи, а Гримани въ Вѣнѣ снабжаемъ былъ инструкціями, смыслъ которыхъ клонился къ тому, чтобы помѣшать счастливому исходу уже начатыхъ переговоровъ о мирѣ. Венеціанскіе политики не могли допустить мысли, что Австрія, не испробовавъ предварительно всѣхъ средствъ защиты, согласится на потерю своихъ итальянскихъ владѣній; имъ трудно было также повѣрить, что послѣ столькихъ обѣщаній и столькихъ предложеній тѣснаго союза и дружбы, Франція рѣшилась бы пожертвовать самымъ существованіемъ такой по отношенію къ ней нейтральной державы, какою во все время войны оставалась Венеція. Да и какой интересъ могли имѣть французы въ упраздненіи республики Святого Марка? Образованіе цизальпинской и циспаденской республикъ, конечно, являлось угрозой для континентальныхъ владѣній Венеціи. Торжествующая Франція могла потребовать для созданныхъ ею демократій территоріальныхъ уступокъ. Но созданіе слишкомъ могущественныхъ державъ въ самомъ центрѣ Италіи,—державъ, которыя могли бы вскорѣ завоевать свою независимость и потребовать «Италіи для итальянцевъ», казалось чѣмъ-то невозможнымъ для людей, привыкшихъ опирать свою политику на разсчетѣ и имѣвшихъ уже случай убѣдиться, благодаря донесеніямъ агентовъ изъ Милана и Парижа, что единство Италіи отнюдь не входитъ въ планы ни французскаго генерала, ни уполномочившаго его правительства. Не далѣе, какъ въ январѣ 1797 года, Фоскарини изъ Милана увѣдомлялъ о томъ, что провозглашеніе ломбардской свободы встрѣчаетъ препятствіе въ парижской директоріи, которая со дня на день откладываетъ моментъ объявленія итальянской независимости подъ предлогомъ необходимости покончить предварительно съ австрійскимъ владычествомъ. Даже послѣ взятія Мантуи депутаты, посланные къ Бонапарту съ ходатайствомъ о провозглашеніи ломбардской республики, получили уклончивый отвѣтъ и заявленіе, что время для этого не настало. [1])

Еще ранѣе Кверини сообщалъ изъ Парижа, что своими завоеваніями въ Италіи Франція намѣрена оплатить услуги со-

---

[1]) Депеши Фоскарини изъ Милана отъ 19 января и 1 марта 1797 г. Сообщенія Фоскарини, какъ показываетъ переписка Делакруа съ гене.

южныхъ и нейтральныхъ державъ: Пьемонта и Венеціи. Правда, уже въ сентябрѣ 1796 г. онъ сообщалъ въ шифрованной депешѣ болѣе тревожныя извѣстія: о присутствіи въ Парижѣ тайнаго нѣмецкаго агента, который предлагаетъ директоріи отъ имени вѣнскаго двора обмѣнъ Баваріи на Ломбардію. Изъ Ломбардіи и Модены должно быть образовано самостоятельное государство подъ владычествомъ абсолютнаго правителя. Но это былъ не болѣе, какъ слухъ, который потому уже казался не заключавшимъ въ себѣ никакой опасности для Венеціи, что на вопросъ—не имѣется-ли въ виду присоединить къ Ломбардіи и другихъ земель, помимо Модены, венеціанскій посолъ Кверини, изъ «вѣрнаго, какъ онъ утверждаетъ, источника», получилъ отрицательный отвѣтъ [1]). Въ позднѣйшихъ донесеніяхъ не заходитъ болѣе рѣчи о подобныхъ слухахъ. Наоборотъ, еще въ ноябрѣ 1796 года директоръ Реубель категорически заявляетъ, что французы не имѣютъ никакихъ видовъ на венеціанскія провинціи [2]). Когда Кверини въ бесѣдѣ съ французскимъ министромъ Делакруа затронулъ вопросъ о честолюбивыхъ замыслахъ Австріи и приписываемомъ ей желаніи расшириться на счетъ далматинскихъ владѣній республики, онъ получилъ отвѣтъ, что Франція никогда этого не допуститъ [3]). 27 ноября, сообщая о томъ, что въ Парижѣ не вѣрятъ въ возможность продолжительнаго удержанія Ломбардіи въ рукахъ

раломъ Кларкомъ, приставленномъ къ Наполеону для веденія дипломатическихъ сношеній, были какъ нельзя болѣе кстати; и я подобно вамъ, пишетъ министръ, полагаю, что собственный интересъ и здравая политика побуждаютъ французское правительство не спѣшить съ разрѣшеніемъ вопроса о судьбѣ Италіи. Это могло бы сдѣлаться препятствіемъ для заключенія мира. Къ тому же народъ, лишенный энергіи, закабаленный самымъ позорнымъ предразсудкамъ, едва ли бы могъ съ успѣхомъ выполнить роль свободнаго народа. Всегда будетъ время эмансипировать его вполнѣ или отчасти, надѣляя лучшей и болѣе свободной конституціей. De Leoben a Campo-formio, par Albert Sorel, Revue des deux mondes, 15 марта 1895 г., стр. 208.

[1]) Смотри депешу Кверини отъ 28 сентября 1796 г.

[2]) Che il governo francese non aveva sopra le di lei provincie progetti di conquista (депеша отъ 3 ноября 1796 г.)

[3]) Депеша отъ 11 ноября 1796 г.—Quindi richiese a quel ministro,

французскихъ войскъ, Кверини прибавляетъ: «члены директоріи весьма враждебно настроены къ Бонапарту и обвиняютъ его въ томъ, что въ своихъ донесеніяхъ онъ скрылъ дѣйствительное положеніе войска». Въ это время еще не ждали близкаго паденія Мантуи и думали, что начальникъ арміи преувеличиваетъ значеніе своихъ недавнихъ успѣховъ. И впослѣдствіи, когда Мантуя уже сдѣлалась добычею французовъ, тонъ, съ какимъ члены директоріи и министръ иностранныхъ дѣлъ вели переговоры съ Кверини, нисколько не измѣнился. Реубель попрежнему продолжалъ увѣрять, что директорія не имѣетъ никакихъ враждебныхъ замысловъ по отношенію къ Венеціи и ея землямъ. Съ своей стороны онъ обѣщалъ сдѣлать все зависящее, чтобы побудить французскихъ военачальниковъ къ дружественному поведенію съ подданными республики [1]).

Тревожные слухи приходили къ Кверини не отъ французскаго правительства, а отъ прусскаго посла, который намекалъ ему на необходимость обезопасить себя отъ честолюбивыхъ замысловъ Австріи [2]). Но эти сообщенія истолковываемы были Кверини, какъ попытки склонить Венецію къ союзу съ Франціей, съ которой прусскій дворъ уже находился въ это время въ дружественныхъ сношеніяхъ. Только въ концѣ января 1797 г. Кверини получаетъ отъ лица, какъ онъ пишетъ, вхожаго къ одному изъ директоровъ, извѣстіе, важность котораго не замедлила быть признанной въ Венеціи.

Въ подслушанномъ этимъ агентомъ разговорѣ шла рѣчь о томъ, что въ виду невозможности удовлетворить Австрію Баваріей, чему открыто противится прусскій дворъ, директорія не прочь вознаградить ее за Ломбардію венеціанскими землями [3]).

Это сообщеніе кажется мнѣ весьма цѣннымъ; оно показываетъ, на какомъ шаткомъ основаніи держится ходячее мнѣніе

---

se la casa d'Austria in qualunque tempo s'avisasse di verificar le viste ambiziose, che gli si supponeva la Francia l'avrebbe tollerato in pace. Egli mi rispose con forza che non avrebbe potuto mai mai permetterlo.

[1]) Депеша отъ 1 января 1797 г.

[2]) Депеша отъ 25 декабря 1796 г.

[3]) Una persona che giornalmente frequenta un Individuo del Drietto-rio ed anzi è tra quelli che formano la sua privata società mi assicurò

о томъ, что поведеніе Наполеона во время леобенскихъ переговоровъ шло въ разрѣзъ съ намѣреніями директоріи. Рѣшаясь вознаградить Австрію венеціанскими землями, Наполеонъ будто бы разсчитывалъ на силу совершившагося факта, на всеобщую жажду мира и малодушіе правительства, неспособнаго наложить вето даже въ важнѣйшихъ вопросахъ иноземной политики. Но, какъ оказывается изъ текста приведенной депеши, члены директоріи еще въ январѣ, т. е. почти за два мѣсяца до подписанія Леобенскаго соглашенія, уже задавались вопросомъ о вознагражденіи Австріи на счетъ Венеціи; нѣтъ, слѣдовательно, ни малѣйшаго основанія къ тому мнѣнію, что итальянскія дѣла устроены были Наполеономъ независимо отъ указаній, получаемыхъ изъ Парижа. Сорель [1]) приводитъ даже текстъ письма, посланнаго Бонапарту Баррасомъ 27-го января (1797 года), въ которомъ говорится о венеціанскихъ владѣніяхъ, какъ объ открытомъ источникѣ для вознагражденія Австріи.

«Примѣръ враговъ, пишетъ Баррасъ, пристрастіе, какое обнаруживаютъ къ намъ венеціанцы и тѣ поводы недовольства, какіе они дали намъ своимъ поведеніемъ, избавляютъ насъ отъ необходимости соблюдать цѣлость ихъ территоріи».

Такимъ образомъ, мысль объ экспропріаціи Венеціи въ пользу Австріи впервые зародилась въ Парижѣ и нашла выразителя въ лицѣ того изъ директоровъ, котораго Кверини выберетъ главнымъ посредникомъ въ дѣлѣ умиротворенія отпавшихъ провинцій.

Послѣ занятія Кремы французскимъ корпусомъ въ интересахъ итальянскихъ демагоговъ, парижское правительство все еще

---

d'aver inteso pronunciare dallo stesso soggetto un discorso dal quale chiaramente appariva, che tale era l'interesse che il governo francese metteva nel conservar a qualunque costo la Belgica, che era disposto d'accordar all'Imperatore qualunque compenso e giacche era impossibile di poter conceder alla casa d'Austria il posseso della Baviera a motivo dell' opposizione decisa che a tal progetto faceva il Re di Prussia, il Direttorio lascierebbe che l'Imperatore si compensasse invece sopra tutte quelle provincie, ch'oltre la Lombardia gli potessero in Italia convenire, e m'aggiunse che specialmente indico quelle che al Veneto Dominio sono soggette, a che anzi il general Clarcke ne aveva a tal oggetto ricevuto le relative istruzioni e commissioni.

[1]) Смотри Revue des deux Mondes 15-го марта 1895-го г., стр. 300.

притворяется глубоко возмущеннымъ и негодующимъ. Судьба Венеціи уже рѣшена въ его умѣ, а Реубель на представленія Кверини качаетъ укоризненно головою, взваливая все на тайныхъ враговъ Франціи. Увѣренія, что она не намѣрена отымать у Венеціи ея земель, и попреки за недовѣріе, съ какимъ правительство республики относится къ честному слову директоріи, еще слышатся венеціанскимъ посломъ не далѣе, какъ въ апрѣлѣ 1797-го года [1]). Но Кверини уже знаетъ цѣну этимъ «словамъ» и, чтобы выяснить дѣйствительное положеніе дѣлъ изъ болѣе вѣрнаго источника, рѣшается принять услуги весьма двусмысленнаго лица. Далматинецъ Висковичь является къ нему съ заявленіемъ, что изъ пяти директоровъ двое (очевидно, Реубель и Ларевельеръ Лепо) противъ революціонной агитаціи въ венеціанскихъ владѣніяхъ, что два другихъ, Карно и Летурнеръ, высказываются въ ея пользу, а что пятый, Баррасъ, не принялъ еще никакого рѣшенія. При нѣкоторомъ денежномъ пожертвованіи можно бы склонить его въ пользу Венеціи [2]). Въ отвѣтъ на это заявленіе, которое Кверини передаетъ съ бо̀льшей обстоятельностью въ донесеніи государственнымъ инквизиторамъ отъ 22 го апрѣля 1797 г., получено было изъ Венеціи полномочіе выдать вексель въ 600,000 ливровъ въ пользу Барраса, но на имя генуэзскаго банкира Николо Игнаціо Палавичини. Рѣшеніе принято было дожемъ и его коллегіей, тремя главами кваранціи и мудрыми, назначенными для руководства дѣлами республики и образовавшими въ сообществѣ съ перечисленными властями такъ называемую consulta nera [3]).

---

[1]) Egli allora con qualche vivacità mi rispose che in quest'affare io era troppo insistente, che finalmente non toccava alla Republica di Venezia a far la legge alla Republica Francese; che tutti li miei discorsi provavano, che il mio Governo non si fidava della lealtà del. Direttorio, e che se cio fosse vero, avrebbe potuto farlo pentire di tanta diffidenza. Депеши отъ 8-го апрѣля 1797-го года Rewbell diceva che l'accaduto in Crèma era certamente contrario all'intenzioni del Direttorïo ed era opera certamente delli nemici della Republica Francese. (Депеша отъ 17-го апрѣля).

[2]) Депеша отъ 17-го апрѣля 1797-го года.

[3]) Смотри Raccolta chronologica di Tentori, томъ II, стр. 211 я. Письмо отъ 6-го мая, за подписью секретаря Андреа Альберти. Смотри также на стр. 213, депешу Кверини отъ 22-го мая 1797 года.

Не всѣ, повидимому, вѣрили въ успѣшность затѣянной Кверини интриги. Липомано, хотя и привѣтствуетъ его именемъ спасителя родины, но въ то же время высказываетъ сомнѣніе, чтобы приказъ, отданный Баррасомъ Бонапарту, способенъ былъ остановить выполненіе уже принятаго имъ рѣшенія. «Вѣдь Бонапартъ всегда дѣлаетъ все по своему и ни съ чѣмъ не считается» [1]).

Въ то время, какъ Кверини съ вѣдома и согласія властей, принималъ мѣры къ подкупу одного изъ директоровъ, Франческо Донадо и Леонардо Джустиніани, посланные для переговоровъ съ Наполеономъ, доносили изъ Градиско о безуспѣшномъ исходѣ ихъ миссіи. «Свободны ли заключенные спросилъ Бонапартъ? Послѣдовалъ отвѣтъ, что нѣкоторые бресчіанцы удержаны въ тюрьмахъ.—Я этого не потерплю, воскликнулъ генералъ. Всѣ, всѣ должны получить свободу, всѣ, чья вина состоитъ только въ высказанныхъ ими мнѣніяхъ и пристрастіи къ Франціи, иначе я самъ пойду взломать Піомби. Я не хочу болѣе ни инквизиціи, ни инквизиторовъ; это варварскіе и устарѣлые порядки.—Но мыслима ли свобода мнѣній, отвѣтили посланцы, если не считать преступленіемъ факты, оскорбляющіе мнѣніе большинства, его преданность къ законному государю?—Я настаиваю, продолжалъ Бонапартъ, на освобожденіи всѣхъ заключенныхъ изъ-за убѣжденій. Но вы не представили мнѣ списка ихъ.—Едва ли этотъ списокъ скажетъ вамъ, попали-ли они въ тюрьмы изъ-за убѣжденій или изъ-за преступленія. Да и бресчіанцы, которыхъ вы требуете, сидятъ въ нихъ не за мнѣнія, а за военныя дѣйствія, какъ лица, побѣжденныя жителями Сало, защищавшимися отъ ихъ нападенія.—А мои солдаты, которыхъ вы всюду приказывали убивать, и въ Веронѣ и во всей Terra Ferma? Правда, манифестъ Батагліи написанъ не имъ, но его отпечатали въ Веронѣ по порученію сената. Войско требуетъ мести и я не могу отказать ему въ ней, если вы не накажете виновныхъ.—Они будутъ наказаны, отвѣтили комиссары, какъ только вы укажете ихъ намъ, съ изложеніемъ всѣхъ обстоятельствъ дѣла, а пока послѣднія остаются вамъ неизвѣстными,

---

[1]) Письма отъ 26 го апрѣля и 4-го мая 1797 года.

не вѣрьте существованію и самыхъ фактовъ.—Но ваше правительство, отвѣтилъ Наполеонъ, имѣетъ столько шпіоновъ, что можетъ узнать истину. Если ихъ хватаетъ для этой цѣли, то пусть накажетъ виновныхъ, если же у него нѣтъ средствъ держать народъ въ рукахъ, то оно не имѣетъ смысла и не должно существовать долѣе. Вашъ народъ не терпитъ французовъ потому, что они ненавистны вашему дворянству.—Но никакая полиція въ мірѣ, заявили депутаты, не можетъ знать всѣхъ дѣйствій милліоновъ подданныхъ, а тѣмъ болѣе направлять ихъ мнѣніями, которыя, къ тому же, какъ вы сами говорите, должны быть свободными. Французовъ не любятъ потому, что имъ приписываютъ разореніе селъ, всей крестьянской движимости и самыхъ жилищъ.—Повторяю, прервалъ Бонапартъ, что если виновные въ оскорбленіяхъ противъ французовъ не будутъ наказаны, а заключенные въ тюрьмы изъ-за мнѣній отпущены на свободу и у крестьянъ отобрано оружіе, я объявлю вамъ войну. Только съ этою цѣлью я и поспѣшилъ заключить миръ съ императоромъ. Я могъ пойти на Вѣну и отказался отъ этого. У меня 80,000 человѣкъ войска и двадцать снабженныхъ пушками баржъ. Не хочу больше инквизиторовъ, не хочу больше сената! Пока эрцгерцогъ Карлъ былъ предо мною, я предлагалъ союзъ съ Франціей и мое посредничество въ возвращеніи отпавшихъ городовъ. Я говорилъ объ этомъ Пезаро въ Гориціи, но онъ отвергъ предложеніе, такъ какъ искалъ предлога держать населеніе подъ оружіемъ и отрѣзать мнѣ возможность отступленія. Теперь обстоятельства измѣнились, и если вы ищете союза и посредничества, то я отказываю вамъ и въ томъ, и въ другомъ. Не хочу вашего союза, хочу самъ предписывать вамъ законы; у васъ нѣтъ больше времени для обмановъ и проволочекъ, ради которыхъ придумана и эта миссія. Отлично знаю, что ваше правительство, безсильное вооружить народъ для отпоры воюющимъ державамъ, также безсильно отобрать оружіе у населенія, но я самъ прійду обезоружить его. Провинціальные дворяне, которыхъ вы держите, какъ рабовъ, должны имѣть голосъ въ дѣлахъ правленія. Впрочемъ, все ваше правительство ветхо и ему долженъ настать конецъ» [1]).

[1]) Biblioteca Querini Stampaglia MS, class. IV, cod. 585, донесеніе

Не утѣшительнѣе были извѣстія, доставляемыя изъ Вѣны посломъ Гримани. Если вслѣдъ за занятіемъ Бергамо и Бресчіи министръ иностранныхъ дѣлъ Тугутъ еще предлагалъ венеціанцамъ союзъ съ Австріей для отпора французамъ, то съ момента открытія переговоровъ въ Леобенѣ, онъ сдѣлался нѣмъ, какъ рыба. Тщетно Гримани окольными путями старался вырвать у него какія нибудь показанія на счетъ условій мира, замѣчая, что онъ не можетъ быть обезпеченъ, пока французы не будутъ прогнаны за Апеннины; Тугутъ ограничился словами, что Австрія заинтересована въ этомъ не меньше республики и что прочный миръ иначе немыслимъ [1]. На болѣе категорическій запросъ, Тугутъ принужденъ былъ въ концѣ концовъ объявить, что не можетъ сдѣлать тѣхъ сообщеній, какихъ проситъ у него посолъ и что все выяснится черезъ двѣ недѣли. Тогда Гримани обратился за справками къ другому участнику леобенскихъ переговоровъ, — къ неаполитанскому министру Галло, котораго Бонапартъ такъ неохотно допустилъ къ присутствію на совѣщаніяхъ [2]. Галло на конфиденціальномъ свиданіи раскрылъ Гримани только половину истины, говоря: «я знаю, что французы хотятъ демократизировать Венецію, разорить ея провинціи, послѣ чего ее ждетъ еще новое бѣдствіе»; но въ чемъ именно должно состоять это бѣдствіе, Галло скрылъ. Гримани видимо не обольщался надеждами на будущее и предвидѣлъ тотъ моментъ, когда вслѣдъ за измѣненіемъ формы правленія въ Венеціи, «австрійцы и французы выдвинутъ впередъ тѣ самыя причины, которыя вызвали раздѣлъ Польши».

Такимъ образомъ дипломація такъ же мало пришла на выручку республикѣ Святого Марка, какъ и запоздалый подъемъ простонародья, котораго синьорія долгое время не рѣшалась вооружить, слѣдуя обычной традиціи аристократическихъ правительствъ, а въ концѣ концовъ оставила на произволъ судьбы.

Предстояло испытать еще одно средство; мысль о немъ приходила въ голову тѣмъ венеціанскимъ патріотамъ, которые въ Миланѣ

отъ 27-го апрѣля 1797-го года, отпечатано также у Tentori въ его Raccolta chronologica.

[1]) Смотри Edmond Bonnal. La chute d'une république, глава XI.

[2]) Sorel, стр. 306. Revue des deux Mondes, Avril.

затѣвали устройство демократическаго переворота на протяженіи всѣхъ земель республики. Въ депешахъ Кверини говорится, что въ Парижѣ такъ называемые «итальянскіе патріоты», которые состоятъ въ постоянной корреспонденціи съ единомысленниками за-границей, открыто высказываютъ мнѣніе, что правительствамъ полуострова слѣдовало бы предупредить возможность революціи добровольной перемѣной формы государственнаго устройства въ духѣ демократическомъ [1]. Наполеонъ, повидимому, указывалъ на ту же необходимость, требуя отмѣны инквизиторовъ и сената, и говоря, что дворянство Terra Ferma должно имѣть голосъ въ дѣлахъ страны. И вотъ, въ то время, когда война уже была объявлена и Бонапартъ, слѣдуя обычной своей системѣ, выдвинулъ рядъ болѣе или менѣе сомнительныхъ обвиненій, съ цѣлью показать, что вина въ нарушеніи мира всецѣло падаетъ на республику Святого Марка, венеціанскіе патриціи, по инициативѣ самого дожа, рѣшились принесть свои привилегіи на алтарь отечества и уступить мѣсто демократической муниципіи. Переписка Липомано и братьевъ Кверини съ венеціанскимъ посломъ въ Парижѣ, даетъ возможность прослѣдить не только различные фазисы этого болѣе или менѣе вынужденнаго самопожертвованія, но и раскрываютъ предъ нами то глубокое отчаяніе, въ какомъ принятъ былъ этотъ рѣшительный шагъ, долженствовавшій сдѣлаться, по ихъ разсчету, якоремъ спасенія для венеціанской независимости. Рѣшеніе воспослѣдовало не сразу, а послѣ долгихъ колебаній, послѣ того, какъ отпаденіе Винченцы и Падуи, устроившихся на началахъ избирательныхъ муниципій, не оставило больше сомнѣнія въ томъ, что демократическое теченіе, при ближайшемъ покровительствѣ французовъ, охватило собою всѣ части государства.

Война объявлена была Наполеономъ 12-го Флореаля 1797 г. или что то же—перваго мая. Но этому предшествовало занятіе Винченцы и Падуи. «Трагедія приближается къ концу, пишетъ Липомано 29-го апрѣля. Революція торжествуетъ въ Падуи и Винченцѣ. Всѣ венеціанскіе патриціи, находившіеся въ Падуи, задержаны; хотя во Фріулѣ и Тревизо еще все спокойно, но нѣтъ

[1] Депеша отъ 8-го апрѣля 1797 года.

сомнѣнія, что и тамъ революція воспослѣдуетъ немедленно. Съ минуты на минуту жду извѣстія о прибытіи французовъ въ Фузину и Местрэ съ цѣлью проникнуть въ Венецію силою. Мѣры защиты приняты и продолжаютъ приниматься съ жаромъ. Намъ грозитъ, увы, не одно нашествіе, но также печальныя послѣдствія недовольства правительствомъ и народнаго горя. Люди злонамѣренные найдутъ благопріятныя для себя условія. Что касается до мира, все говоритъ въ пользу того, что онъ будетъ пагубенъ для республики, въ особенности же для ея конституціи. Въ Миланѣ уже отпраздновано провозглашеніе ломбардской независимости».

Это торжество, какъ видно изъ донесеній миланскаго резидента, обошлось не безъ новыхъ доказательствъ враждебности къ Венеціи со стороны «патріотовъ». 26 апрѣля Фоскарини пишетъ дожу и членамъ его коллегіи: съ вечера субботы замѣтенъ въ Миланѣ большой энтузіазмъ; начальники кварталовъ опубликовали извѣстіе о мирѣ. Устроено было факельное шествіе съ барабаннымъ боемъ; всюду освѣщены окна, и слышатся крики восторга, такъ какъ всѣ увѣрены, что независимость Ломбардіи провозглашена. Но народная радость принимаетъ вскорѣ формы, оскорбительныя для чести республики св. Марка и не оставляющія сомнѣнія въ томъ, что итальянская демократія не намѣрена болѣе терпѣть венеціанской олигархіи. Въ то время, пишетъ Фоскарини, какъ мои слуги зажигали огни для иллюминаціи, многочисленная толпа, составленная изъ лицъ разнаго состоянія и большею частью изъ иностранцевъ, съ ружьями и обнаженными шпагами, оглашая воздухъ грозными криками, ворвалась въ мой домъ. Поднявшись по лѣстницѣ, она проникла въ ту часть дворца, къ которой снаружи придѣланъ былъ гербъ республики. Не хотимъ болѣе святого Марка, орали вошедшіе, и въ одну минуту герба не стало. Одновременно онъ сорванъ былъ и съ двухъ, трехъ частныхъ домовъ, занятыхъ гостиницей и лавками. «Нужно-ли говорить, прибавляетъ Фоскарини, какъ огорчило меня такое поведеніе и не только огорчило, но и запугало на счетъ будущаго» [1]).

1) Archivio di stato Residenti Milano, № 241-й, донесеніе Фоскарини отъ 26 апрѣля 1797 г.

Ненависть къ аристократіи сказывалась не только въ Миланѣ, но и на разстояніи немногихъ часовъ ѣзды отъ Венеціи. 28-го апрѣля французы входятъ въ Падую. «Якобинцы, пишетъ аббатъ Джузепо Дженнари въ своемъ дневникѣ, торжествуютъ. Расклеенъ манифестъ, въ которомъ милостивое правленіе республики названо тираническимъ. Многіе дворяне оказываются якобинцами, какъ-то: братья Лаззари, ди Санъ-Франческо, графъ Орсато, графъ Антоніо Вигодарзеро и другіе. Есть между якобинцами и медики, и духовные; въ числѣ послѣднихъ аббатъ Саванарола, уцѣлѣвшій отпрыскъ стариннаго падуанскаго рода. На слѣдующій день образованъ муниципалитетъ; въ составъ его вошли немногіе изъ названныхъ дворянъ, а также купцы, ремесленники и евреи. 30-го на Прато де-Ла-Валлэ, знаменитомъ своими публичными играми и ристалищами, посажено древо свободы въ присутствіи всѣхъ членовъ муниципалитета. Произнесенная по этому случаю рѣчь вызвала мало сочувствія. Ей аплодировали только республиканцы и чернь».

Левъ святого Марка на многихъ зданіяхъ обезображенъ и разбитъ. Перваго мая, въ самый день объявленія войны, падуанскій муниципалитетъ издаетъ манифесты, направленные противъ республики. Авторъ дневника пишетъ не безъ горечи: «меня до глубины души оскорбляетъ то обстоятельство, что венеціанское правительство, подъ сѣнью котораго мы жили спокойно, нѣсколько угнетаемые податями, но зато вполнѣ безопасными, становится предметомъ клеветъ и оскорбленій. Еще вопросъ, суждено ли намъ будетъ жить такъ же счастливо при новыхъ порядкахъ». И дѣйствительно, оборотная сторона медали даетъ себя знать немедленно. Того же перваго числа французы требуютъ отъ жителей 38,000 локтей сукна добраго качества, 50,000 локтей полотна на рубахи, 10,000 паръ сапогъ, 2,000 шляпъ и 400 лошадей. Хорошо начало общественнаго благополучія! восклицаетъ авторъ дневника. Связь теперешнихъ правителей съ тайнымъ сообществомъ, собиравшимся у графини Арпалико Паппафава, теперь несомнѣнна, прибавляетъ онъ; народъ въ шутку и прежде называлъ ее союзомъ якобинцевъ; въ настоящее же время главнѣйшіе члены муниципалитета принадлежатъ къ посѣтителямъ этого салона. Осталь-

ные далеко не могутъ быть признаны выдающимися по таланту или положенію. Президентомъ назначенъ дворянинъ Джироламо Доттори. Въ честь французовъ устроены театральныя представленія и балы. Авторъ мемуара отправляется въ оперу «въ дворянскомъ театрѣ, чтобы увидѣть Наполеона, который показался ему маленькимъ, худымъ, однимъ словомъ, типомъ чахоточнаго». Перемѣна въ учрежденіяхъ сказывается и на нравахъ. На балѣ, пишетъ Дженари, ради равенства въ танцахъ принимали участіе женщины самаго различнаго общественнаго положенія. Неудобства французской оккупаціи сказываются ежедневно. Вопреки данному слову, иноземцы налагаютъ руку на ломбардъ и уносятъ изъ него все, что имъ вздумается. Таковъ первый даръ свободы, прибавляетъ отъ себя нашъ авторъ. 8-го тѣ же французы требуютъ отъ муниципалитета двухъ тысячъ цекиновъ, 12-го новыхъ 50,000, 18-го 9,000. Такіе же поборы производятся ими одновременно и въ Винченцѣ, гдѣ обобранъ ломбардъ и забраны 100,000 франковъ, якобы въ заемъ, но безъ отдачи. «По истинѣ французы намѣрены сдѣлать насъ равными, не оставивъ никому ничего, а потомъ продадутъ насъ или пустятъ на произволъ судьбы: рости молъ, какъ капуста въ полѣ». Муниципалитетъ не ограничиваетъ, впрочемъ, своей дѣятельности однимъ добываніемъ денегъ для иностранцевъ; онъ издаетъ также демократическіе декреты. Однимъ отмѣняется дворянство, титулы и гербы, другимъ создается комитетъ общественнаго спасенія. Въ числѣ этихъ мѣропріятій многія задѣваютъ только что провозглашенную свободу, запрещая, напримѣръ, разговоры о текущихъ событіяхъ подъ страхомъ уплаты 12 дукатовъ; доносчикамъ обѣщано вознагражденіе. «Господа муниципалисты, восклицаетъ аббатъ, вы, которые столько нападали на государственныхъ инквизиторовъ, гдѣ же ваша хваленая свобода слова?»

Не меньшимъ ограниченіямъ подвергается, благодаря прямому вмѣшательству французской администраціи, и свобода передвиженія. Барцони, авторъ появившейся въ 1799 г. въ Лондонѣ «Исторіи венеціанской революціи» и надѣлавшаго въ свое время не мало шуму памфлета: «Римляне въ Греціи» (т. е. французы въ Италіи[1]),

[1] I Romani nella Grecia. Londra. Printed by F. Rivington and Robinson, 1797 г.

вправѣ будетъ сказать: «хотите знать, что сдѣлала для меня демократія? Какъ-то утромъ собрался я изъ Милана въ Венецію. Ночь въ Бресчіи проходитъ безъ сна, такъ какъ цизальпинскій часовой то и дѣло кричитъ надъ ухомъ: кто тамъ? На слѣдующій день къ вечеру добираюсь до Вероны, но у меня нѣтъ паспорта, я остановленъ и препровожденъ къ жандармамъ. Только что мнѣ удалось отъ нихъ отдѣлаться и снова пуститься въ путь, какъ демократія, повинуясь принципу братства, отбираетъ у меня по дорогѣ оружіе, часы, деньги, а я изъ чувства равенства уступаю ей все, что имѣю» [1]).

Въ редактированномъ Наполеономъ текстѣ объявленія войны значилось, что Венеція, пользуясь тѣмъ, что французское войско находилось въ Штиріи и желая отрѣзать ему путь отступленія, вооружила 40,000 крестьянъ, присоединила къ нимъ полки далматинцевъ и организовала съ помощью чрезвычайныхъ коммиссаровъ кровавую баню въ Веронѣ. Затѣмъ говорилось о преслѣдованіи всѣхъ, кто сочувственно относился къ французамъ, о попустительствѣ убійствъ, жертвой которыхъ были солдаты и офицеры французской арміи. Жестокимъ нарушеніемъ требованій человѣколюбія признавался фактъ недопущенія французскаго крейсера «Освободитель Италіи» въ Лидо и убійство его капитана Ложье. Во всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ Бонапартъ усматривалъ признаки открытой враждебности и, ссылаясь на статью 328 конституціи 1795 года, говорящей, что въ случаѣ начавшагося уже или неминуемаго столкновенія, а также при угрозахъ противника или военныхъ подготовленіяхъ съ его стороны, директорія вправѣ принять для защиты государства всѣ нужныя мѣры, начальникъ французскихъ войскъ предписывалъ послу Лалеману покинуть Венецію, объявлялъ, что въ 24 часа должны быть очищены агентами республики св. Марка Ломбардія и Terra Ferma, приказывалъ начальникамъ дивизій обращаться съ венеціанскими войсками, какъ съ непріятельскими, и во всѣхъ городахъ Terra Ferma «бросать на землю венеціанскаго льва».

Мы не станемъ говорить о томъ, какъ мало отвѣчали дѣй-

---

[1]) Colloqui civici di Vettorio Barzoni.

ствительности заявленныя французами претензіи. Все предшествующее изложеніе въ достаточной степени показало, на чьей сторонѣ былъ вызовъ и въ какой мѣрѣ венеціанское правительство повинно въ подъемѣ народныхъ массъ, раздраженныхъ нескончаемыми вымогательствами.

Объявленію войны предшествовало письменное обращеніе Наполеона къ Лалеману. Въ немъ значилось: «въ Венеціи течетъ французская кровь, а вы все еще въ ней. Ужъ не ждете ли вы момента, когда васъ прогонятъ оттуда; составьте меморію короткую и согласную съ обстоятельствами и покиньте немедленно городъ» [1]). Лалеманъ еще раньше грозилъ оставленіемъ Венеціи и не далѣе, какъ 25-го апрѣля въ присутствіи приставленнаго къ нему Казотто, говорилъ своему секретарю: «разъ не хотятъ принять нашихъ офицеровъ, намъ остается только перебраться въ Падую».

«Пезаро постоянно обманывалъ васъ», говоритъ по этому случаю французскій консулъ министру-резиденту, тотъ самый Англэ, котораго мы видѣли во главѣ тайныхъ интригъ, затѣваемыхъ въ мартѣ и апрѣлѣ съ цѣлью вызвать переворотъ или овладѣть Венеціей силой. Такимъ образомъ, различіе въ политикѣ, какой слѣдовалъ Лалеманъ, съ одной стороны, и ближайшіе агенты Наполеона, съ другой, отнюдь не объясняется желаніемъ посла сохранить неизмѣнной существующую форму правительства въ Венеціи (мы видѣли выше, что онъ высказывался въ пользу ея измѣненія въ демократическомъ смыслѣ), а увѣренностью, что всего можно будетъ достигнуть путемъ соглашеній и взаимныхъ уступокъ. Въ какой мѣрѣ онъ обойденъ былъ Пезаро, сказать трудно, такъ какъ мы не знаемъ въ подробности всего, что было выговорено въ ихъ свиданіяхъ. Но если ограничиться тѣми сообщеніями, какія на ихъ счетъ сдѣланы были самимъ Лалеманомъ Казотто, нѣтъ никакого основанія говорить о какой-либо двуличности въ поведеніи Пезаро.

Если впослѣдствіи Наполеонъ въ заявленіяхъ, сдѣланныхъ Батагліа, и говорилъ, что дѣла приняли бы другой оборотъ

---

[1]) Correspondance de Napoléon I publiée par ordre de l'empereur Napoléon III, tome troisième, стр. 14.

если бы забота о веденіи переговоровъ въ Гориціи была поручена не Пезаро, а ему, Батагліа [1]), то въ этомъ трудно видѣть что-либо, кромѣ проявленія личной ненависти, какую внушалъ побѣдоносному генералу неуклонный противникъ политики уступокъ и невооруженнаго нейтралитета.

Съ отбытіемъ Лалемана завѣдываніе интересами французскихъ подданныхъ или, вѣрнѣе, забота о подготовленіи демократическаго переворота въ самой Венеціи выпали въ удѣлъ ближайшаго наполеоновскаго агента Вилетара. При его участіи и руководительствѣ заговорщики установили общій планъ дѣйствій. Ихъ предводители, кондиторъ Зорзи и офицеръ Джовани Андреа Спада слѣдовали указаніямъ Вилетара.

Аристократія сдалась далеко не сразу. Первыя двѣ недѣли мая были посвящены заботамъ о защитѣ Венеціи и острововъ. Власти почти все время оставались въ сборѣ и помимо, такъ называемой consulta nera, довольно часто слѣдовали засѣданія конференціи, составленной изъ дожа и его совѣтниковъ, начальниковъ суда сорока и совѣта десяти, наконецъ членовъ consulta, или что то же—мудрыхъ. Но всѣмъ этимъ совѣщаніямъ недоставало необходимаго спокойствія и рѣшимости. Бонапартъ находился уже въ Пальмѣ; войска его занимали Падую и со дня на день ждали ихъ подхода къ Венеціи. Еще 29 апрѣля

---

[1]) „Почему вмѣсто Пезаро не были вы коммиссаромъ республики въ Гориціи! Сила обстоятельствъ и мои доводы убѣдили бы васъ въ необходимости взять верхъ надъ той уморительной олигархіей, которая пожелала пойти ко дну, уже будучи у пристани. Да, я считаю вправѣ утверждать, что въ этомъ случаѣ 400 или 500 французовъ, зарѣзанныхъ въ Веронѣ, еще пользовались бы жизнью, и венеціанская олигархія, слишкомъ идущая въ разрѣзъ съ современнымъ уровнемъ просвѣщенія и охватившимъ Европу движеніемъ, хотя и уступила бы мѣсто болѣе человѣчному правительству, правительству, болѣе отвѣчающему истиннымъ принципамъ представительства, все же не обезславила бы себя преступленіемъ, которому нѣтъ равнаго въ ближайшія къ намъ столѣтія“. Текстъ письма отпечатанъ въ приложеніи къ протоколамъ засѣданій венеціанской муниципіи. Quadro sessioni publiche, № 24. Французскій оригиналъ можно найти въ брошюрѣ, озаглавленной Lettera ingenua ad un'amico in cui viene descritto l'avvenimento della distruzione del Veneto Governo Aristocratico; Zurich, 1797 г., стр. 38, письмо отъ 15-го мессидора (3 іюля 1797 г.).

Липомано пишетъ своему зятю: «не нахожу словъ, чтобы изобразить вамъ, въ какомъ волненіи и отчаяніи всѣ мы. Просто не вѣрится въ возможность такой катастрофы; но всего ужаснѣе сознаніе нашей внутренней дезорганизаціи и неспособности встрѣтить событія, какъ слѣдуетъ. Не стану давать вамъ новыхъ подробностей о нашихъ бѣдствіяхъ и измѣнѣ, значится въ письмѣ отъ 4 мая. Какъ можно было ждать такого жестокаго обращенія съ бѣдными, невинными и вѣчно приносимыми въ жертву венеціанцами, которые шли на все, чтобы предупредить свою погибель». Самый тонъ письма показываетъ, что авторъ не былъ увѣренъ въ томъ, дойдетъ ли оно по адресу, не прошедъ предварительно черезъ руки французовъ или ихъ союзниковъ,— демагоговъ Terra Ferma. Липомано спѣшитъ прибавить: «французы тѣснятъ насъ со всѣхъ сторонъ; мы имѣемъ ихъ въ Фузинэ, мы имѣемъ ихъ въ Местрэ. Всякое сообщеніе прекращено съ землями на Брентѣ и съ Тревизо. Въ воскресенье начались враждебныя дѣйствія въ Фузинэ, пушечные выстрѣлы и бомбы. Хороша была забава для тѣхъ, кто живетъ на лагунѣ! Несмотря на то, что приняты новыя средства защиты, городъ въ большомъ переполохѣ. Но не меньшій страхъ внушаетъ возможность внутренняго волненія, и вотъ почему на улицахъ и площадяхъ выстроены вооруженные далматинцы, а передъ св. Маркомъ поставлены пушки. Къ Бонапарту посланы уже со второго мая депутаты для переговоровъ о мирѣ. Франческо Донадо и Леонардо Джустиніанъ. Они встрѣтили его въ Мальгера. Бонапартъ сперва не хотѣлъ слушать ихъ, объявляя, что не вступитъ въ переговоры, пока большой совѣтъ не задержитъ и не накажетъ должнымъ образомъ государственныхъ инквизиторовъ, признаваемыхъ имъ главными виновниками кровавой расправы въ Веронѣ и Лидо. Онъ требовалъ также задержанія верховнаго адмирала, которымъ отданъ былъ приказъ стрѣлять въ Ложье, капитана французскаго крейсера. Въ противномъ случаѣ Наполеонъ обѣщалъ не позже двухъ недѣль сдѣлаться повелителемъ надъ Венеціей. «Вашихъ дворянъ, сказалъ онъ, ждетъ та же судьба, какой подверглись дворяне Франціи, принужденные бродить по Европѣ. Имущества же ихъ, расположенныя въ Terra Ferma, будутъ мною конфискованы. Лагуны

не пугаютъ меня, такъ какъ онѣ приняты въ разсчетъ при установленіи плана военныхъ дѣйствій». Многихъ усилій стоило коммиссарамъ добиться шестидневнаго перемирія. Внезапно начальникъ арміи спросилъ посланцевъ: кто правитъ теперь Венеціей. «Значеніе этого вопроса, пишутъ Донадо и Джустиніанъ въ своемъ донесеніи, понять не трудно, если вспомнить, что еще прежде выражено было желаніе, чтобы сенатъ и инквизиторы были отмѣнены и образъ правленія подвергся соотвѣтственной реформѣ» [1]). Мудрые поспѣшили уступить всѣмъ этимъ требованіямъ; одинъ только Дона объявилъ, что согласенъ скорѣе пожертвовать жизнью, нежели завершить четырнадцатисотлѣтнее существованіе республики такимъ позорнымъ фактомъ, какъ выдача ни въ чемъ неповинныхъ инквизиторовъ въ качествѣ искупительной жертвы. Письмо бывшаго посла Лалемана успокоило синьерію на счетъ участи подлежащихъ выдачи инквизиторовъ. Въ немъ требовался только арестъ и назначеніе слѣдствія. Пезаро, знавшій ненависть къ нему Бонапарта, въ тотъ же день сталъ искать средствъ укрыться отъ преслѣдованій. Начальникъ порта Корреръ снабдилъ его судномъ для проѣзда въ Истрію, но неблагопріятный вѣтеръ помѣшалъ выполненію этого намѣренія [2]).

Липомано, говоря о томъ же фактѣ, замѣчаетъ: «всѣ здѣсь волнуются, отчаиваются и хотѣли бы отбыть. Пезаро внезапно исчезъ изъ Венеціи, и никто не знаетъ еще, гдѣ онъ и какое принялъ направленіе». Липомано старается извинить поведеніе прокуратора святого Маркэ, говоря: «паденіе родины такъ взволновало его гражданскую душу, что не оставило въ немъ силъ для сопротивленія». Корреспондентъ Кверини приводитъ одновременно и болѣе серьезные мотивы. Враги Пезаро обвиняютъ его въ томъ, что онъ скрылъ отъ сената многое, о чемъ заходила рѣчь въ его переговорахъ съ Лалеманомъ и Бонапартомъ. Эта клевета растетъ и распространяется весьма быстро. Бонапартъ,

---

[1]) Raccolta chronologica (Tentori), томъ II, стр. 358 по 360.

[2]) Esatto Diario di quanto e successo dalli 2 sino a 17 Maggio 1797. nella caduta dela Veneta Aristocratica Republica unitamente al trattato di Pace stipulato fra la medesima e la Republica Francese. Basilea, 1797.

разумѣется, преувеличиваетъ, говоря, что Пезаро обѣщалъ ему обезоруженіе. Ходятъ слухи, что въ Тревизо начальникъ французскихъ войскъ требовалъ головы Пезаро.

Третье мая прошло въ принятіи консультою рѣшеній на счетъ участи инквизиторовъ и удаленія далматинцевъ изъ Венеціи. Липомано, письма котораго даютъ гораздо больше для характеристики настроенія, въ какомъ венеціанская аристократія пережила эти послѣдніе дни своего владычества, нежели тѣ дневники и реляціи, которые отпечатаны были въ 97 и 98 годахъ и посвящены изображенію венеціанской революціи, сообщаетъ своему зятю, что ни сенатъ, ни совѣтъ десяти, не смѣютъ больше собираться, такъ какъ Бонапартъ объявилъ, что не потерпитъ ни того, ни другого. Упоминая о выдачѣ инквизиторовъ, Липомано видитъ въ немъ единственное средство спасти городъ «отъ огня и меча побѣдителя». Все, пишетъ онъ, приносится въ жертву этой цѣли: и конституція, и честь, и независимость государства. Но Бонапартъ хочетъ еще вступить тріумфаторомъ во главѣ войска въ предѣлы Венеціи. «Этого, восклицаетъ Липомано, ему не удастся сдѣлать, такъ какъ, потерявши конституцію, намъ мало чѣмъ останется дорожить. Да ниспошлетъ небо стойкость и силу государственнымъ инквизиторамъ, дабы они могли съ доблестью принесть себя въ жертву родинѣ»!

Предложенія Бонапарта касательно перемѣнъ въ конституціи не могли быть проведены иначе, какъ въ большомъ совѣтѣ, верховномъ учрежденіи республики и творцѣ всѣхъ ея властей. Вотъ почему рѣшено было собрать его четвертаго мая. Цѣлую ночь продолжались подготовительныя пренія въ консультѣ, послѣ чего положено войти съ представленіемъ въ большой совѣтъ на счетъ выполненія требуемыхъ Бонапартомъ мѣръ. Въ собраніи, пишетъ Липомано, говорилъ дожъ, его совѣтникъ Зуанэ, одинъ изъ главъ Кваранціи, Бембо: всѣ въ одно слово требовали принятія благопріятнаго рѣшенія, ссылаясь на необходимость спасти городъ. 598 голосовъ высказалось въ утвердительномъ смыслѣ; всего четырнадцать человѣкъ противъ, а семь воздержались отъ подачи мнѣнія. Громадность большинства Липомано объясняетъ разными причинами: близостью Наполеона во главѣ 80,000 арміи и тѣмъ обстоятельствомъ, что въ самомъ со-

вѣтѣ имѣлось не мало людей «злонамѣренныхъ», которые сочувствовали перемѣнѣ, рады были паденію настоящаго правительства. Между тѣмъ кто можетъ—бѣжитъ изъ Венеціи, такъ велики страхъ и отчаяніе.

«Если я, пишетъ Липомано, не сдѣлалъ этого, то отчасти въ интересахъ семьи, отчасти изъ долга передъ родиной, отчасти потому, что не зналъ, куда бѣжать, такъ какъ все уже занято французами, и Фельтрэ, и Белуно, и Кадоръ; остается только Полизина, но и она не замедлитъ попасть въ ихъ руки. И въ Удинэ, и въ Тревизо уже послѣдовала революція, такъ что и они теперь въ распоряженіи врага». Липомано прерываетъ письмо, чтобы присутствовать на новомъ засѣданіи совѣта, которому предстоитъ рѣшить участь инквизиторовъ. Вечеромъ онъ заканчиваетъ его слѣдующимъ сообщеніемъ: «со слезами на глазахъ принято было постановленіе объ арестѣ. 704 человѣка высказались за, 12 противъ, 26 ни въ томъ, ни въ другомъ смыслѣ. Съ изумительнымъ героизмомъ инквизиторы уже передали себя въ руки властей. Ихъ поведеніе вызываетъ благоговѣніе. Мудрые заболѣли отъ горя, нѣкоторые изъ нихъ даже кажутся точно помѣшанными или, вѣрнѣе, съ возбужденной фантазіей. Мы же здравы и философски относимся къ предстоящей перемѣнѣ. Но меня пугаетъ мысль, что намъ предстоятъ новыя пожертвованія. Чѣмъ мы будемъ платить, когда и безъ того все отнято, когда потеряны провинціи, доставлявшія доходъ? Намъ не остается дать ничего, кромѣ жизни».

Предложеніе выдать инквизиторовъ прошло, какъ мы видѣли, безъ затрудненія. Не такъ легко было справиться съ далматинцами. Эти послѣдніе защитники святого Марка, при одномъ извѣстіи объ удаленіи ихъ изъ Венеціи, стали обнаруживать непривычный имъ дотолѣ духъ непокорности. Патриціи испугались возможности ихъ дѣйствія заодно съ демогогами, и хотя все, повидимому, говорило противъ такой мысли, но Вилетару и его союзникамъ удалось убѣдить власти, что не далѣе, какъ девятаго мая далматинцы собираются въ сообществѣ съ революціонерами поднять древо свободы на главной площади. У французскихъ повѣствователей выгорожена отвѣтственность Виле-

тара въ этомъ обманѣ [1]). Но современники-венеціанцы высказываютъ увѣренность, что кондиторъ Зорзи, убѣдивши дожа въ опасности сохранить славянскія войска въ Венеціи, дѣйствовалъ по предварительному соглашенію съ Вилетаромъ.

Это кажется намъ самимъ болѣе чѣмъ вѣроятнымъ, такъ какъ удаленіе войскъ было слишкомъ въ интересахъ французовъ, чтобы можно было допустить безучастное ихъ отношеніе въ этомъ вопросѣ. Барцони приписываетъ, можетъ быть, излишнее значеніе той роли, какую Вилетару пришлось играть въ паденіи венеціанской аристократіи, но только потому, что не видитъ или не считаетъ нужнымъ отмѣтить, въ какой мѣрѣ обстоятельства сами ратовали за принятіе того рѣшенія, на которомъ настаивали эмиссары французскаго агента. Все говорило въ пользу немедленнаго перехода къ демократическимъ порядкамъ путемъ добровольнаго отказа отъ власти: и настоянія Бонапарта, и страхъ внутреннихъ волненій, и неуспѣшность попытки пріобрѣсть подкупомъ посредничество близкихъ къ Наполеону лицъ, какимъ въ числѣ другихъ выдавалъ себя интендантъ Галлеръ. Этотъ нѣкогда обычный посѣтитель комитета общественнаго спасенія и его могущественнаго диктатора, по утвержденію Даніэля Дольфинъ, могъ сдѣлаться орудіемъ спасенія республики. Самъ онъ требовалъ за свою услугу не болѣе 6,000 цекиновъ, увѣряя, что эти деньги понадобятся для раздачи лицамъ вліятельнымъ. Галлеръ утверждалъ, что Наполеонъ согласится отказаться отъ похода на Венецію только въ томъ случаѣ, если патриціатъ откажется отъ власти и уступитъ мѣсто демократической муниципіи. Въ томъ же смыслѣ сдѣлано было предложеніе о посредничествѣ и женою генерала Барагве д'Гилье, переданное губернаторомъ Удинэ Мочениго.

Позволено сомнѣваться, чтобы вмѣшательство этихъ непрошенныхъ совѣтниковъ что-либо измѣнило въ принятыхъ Наполеономъ рѣшеніяхъ. Галлеръ въ частности былъ ему слишкомъ извѣстенъ своимъ грабительствомъ въ дѣлѣ провіантированія войскъ, чтобы допустить существованіе между обоими близости

---

[1]) Смотри Histoire de la révolution de la république de Venise par A. N—P. Milan. 1798 годъ, стр. 311.

и довѣрія. Но оба предложенія, хотя въ концѣ концовъ и отклоненныя синьеріей, могли оказать вліяніе на ея рѣшимость пойти на перемѣну въ образѣ правленія, такъ какъ въ одно слово выставляли эту перемѣну неотложнымъ условіемъ для успѣшности дальнѣйшихъ переговоровъ [1]). Дожъ и его совѣтники были такимъ образомъ подготовлены къ тому, чтобы придать серьезное значеніе сообщеніямъ, какія сдѣланы были Зорзи девятаго мая съ цѣлью вызвать какъ удаленіе славянскихъ полковъ, такъ и перемѣну въ государственномъ устройствѣ. Явившись вечеромъ 8-го числа во дворецъ дожа, Зорзи не былъ допущенъ въ его палаты. Ему пришлось обратиться къ патрицію Морозини, въ обществѣ котораго ночью онъ снова вернулся во дворецъ, разбудилъ дожа и передалъ ему содержаніе тѣхъ дѣйствительныхъ или мнимыхъ сообщеній, какія сдѣланы были ему Вилетаромъ. Они гласили буквально слѣдующее: обратившись къ генералу Бонапарту за инструкціями, Вилетаръ будто бы получилъ отъ него отвѣтъ, что миръ съ республикой можетъ быть заключенъ подъ условіемъ добровольнаго перехода Венеціи отъ аристократическаго къ демократическому устройству. Требовалось кромѣ того задержаніе д'Антрега, уже не разъ упомянутаго нами агента Бурбоновъ, и передача всѣхъ его бумагъ французскому уполномоченному, отпущеніе на свободу трехъ узниковъ, еще томившихся въ Піомби, и всѣхъ вообще политическихъ преступниковъ, вскрытіе тюремъ, въ частности подземныхъ, такъ называемыхъ поцци или колодцевъ, сообщавшихся со дворцомъ дожа чрезъ посредство такъ называемаго моста вздоховъ, отмѣна смертной казни, передача заботъ о внутренней безопасности въ руки городскихъ патрулей и служащихъ въ арсеналѣ подъ предводительствомъ временнаго комитета, въ составъ котораго должны были войти между прочимъ Морозини, Спада и тотъ самый генералъ Салимбени, который высказался въ пользу удаленія далматинцевъ изъ Вероны [2]). Въ случаѣ

---

[1]) Смотри подробности о предложеніи Галлера въ книгѣ Боналя, La chute d'une république, глава X-я.

[2]) Lettera ingenua ad un'amico in cui viene descritto l'avvenimento della distruzione del Veneto Governo Aristocratico. Zurich. 1797 годъ, стр. 50 и 51-я.

непринятія этихъ мѣръ Зорзи предсказывалъ производство насильственнаго переворота и не далѣе, какъ въ тотъ же день, говоря, что на этотъ счетъ состоялось уже соглашеніе у Вилетара, и объясняя, что именно будетъ предпринято заговорщиками. Прежде всего посажено будетъ древо свободы на площади святого Марка. Затѣмъ созданъ будетъ временный муниципалитетъ изъ 24-хъ членовъ и посланы коммиссары въ Terra Ferma, Истрію, Далмацію и Левантъ съ приглашеніемъ присоединиться къ новому правительству. Манифестъ объявитъ народу объ установленіи демократіи и о томъ, что впредь ему одному принадлежитъ право выбора депутатовъ. Подъ древомъ свободы сожжены будутъ всѣ внѣшніе атрибуты прежняго правительства; обнародована будетъ амнистія политическимъ преступникамъ и объявлена свобода печати. Муниципалитетъ торжественнымъ ходомъ направится въ церковь святого Марка и отслужитъ благодарственный молебенъ. Четырехтысячный корпусъ французовъ приглашенъ будетъ въ Венецію для занятія и охраны арсенала, замка святого Андрея, Кіоджіи и островов. Подъ ихъ же надзоръ поступитъ и венеціанскій флотъ.

Дожъ Манинъ повѣрилъ этимъ сообщеніямъ и поспѣшилъ собрать конференцію, которой доложено было въ письменномъ видѣ все заявленное Зорзи. Цитированный нами Барцони въ своей исторіи венеціанской революціи, отпечатанной въ 1799 году, т. е. подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ событій, осуждаетъ правительство за быстроту принятаго имъ рѣшенія. Эгоизмъ, пишетъ онъ, всегда пагубный для республики, подсказалъ аристократіи мысль отказаться отъ конституціи и пожертвовать независимостью государства ради сохраненія собственности. Патриціи боялись потерять свои земли въ Terra Ferma; этотъ страхъ и былъ въ концѣ концовъ главнымъ мотивомъ ихъ дѣйствій. Они точно желали скорѣйшаго наступленія требуемой перемѣны и только озабочены были тѣмъ, чтобы она сопровождалась возможно меньшимъ потрясеніемъ [1]).

Не отрицая того, что съ потерей власти венеціанскіе пра-

---

[1]) Revoluzioni della republica veneta. Венеція, 1799 годъ, томъ II. стр. 122.

вители отнюдь не желали соединить потери имуществъ, мы должны признать, что всѣ обстоятельства сложились въ смыслѣ неблагопріятномъ дальнѣйшему противодѣйствію. Необходимость указывала на принятіе того шага, на который рѣшилась конференція, предлагая большому совѣту высказаться въ пользу отказа отъ дальнѣйшаго осуществленія дворянствомъ народнаго суверенитета. Это рѣшеніе встрѣтило противодѣйствіе въ средѣ конференціи только со стороны Гвидо Эриццо, указывавшаго и на противозаконность того документа, которымъ дожъ считалъ возможнымъ обосновать свое требованіе, и на позоръ, какимъ будетъ сопровождаться отказъ отъ власти въ угоду французамъ. Но въ то время, когда другіе члены конференціи уже подымали голосъ въ защиту этихъ взглядовъ, внезапно прибыло извѣстіе, что мятежники принимаютъ мѣры къ нападенію на стоявшіе въ Венеціи полки. Ужасъ обуялъ присутствующихъ, и всего семь голосовъ высказалось противъ обсужденія доставленнаго Зорзи документа.

Конференція рѣшила уполномочить Пьетро Донадо и Франческо Батаглія вступить въ дальнѣйшіе переговоры съ Вилетаромъ и узнать отъ него, чего именно требуетъ французскій военачальникъ. Одновременно данъ былъ приказъ Кондульмеру, завѣдывавшему всѣми мѣрами обороны, не оказывать сопротивленія входу французскихъ войскъ, что, разумѣется, не могло не вызвать сильнаго волненія въ средѣ славянскихъ полковъ. Уполномоченные вынесли изъ свиданія съ Вилетаромъ убѣжденіе, что Бонапартъ не согласится ни на какіе переговоры о мирѣ раньше торжества демократіи. Что оставалось дѣлать послѣ этого, какъ не предоставить окончательное рѣшеніе тому учрежденію, отъ котораго зависѣли всѣ власти? Но даже созвать большой совѣтъ не рѣшились иначе, какъ съ позволенія Вилетара, опасаясь вызвать въ противномъ случаѣ недовольство французскаго начальства.

Большой совѣтъ собрался въ послѣдній разъ 12-го мая, но еще раньше этого приняты были мѣры къ отправкѣ славянскихъ полковъ въ Далмацію, что, какъ мы сейчасъ увидимъ, вызвано было столько же желаніемъ удовлетворить требованію Наполеона, сколько и страхомъ внутреннихъ безпорядковъ. Всѣ власти республики, точно сговорившись, не перестаютъ настаивать на необходимости лишить ее какъ можно скорѣе послѣд-

нихъ защитниковъ. 6-го мая Батагліа въ одѣяніи прокуратора святого Марка является въ сенатъ и взволнованнымъ голосомъ объявляетъ, что время для компромиссовъ прошло; что пора отказаться отъ мысли о сопротивленіи, допустить французовъ въ городъ и удалить изъ него далматинцевъ. Дольфинъ высказывается въ томъ же смыслѣ, указывая на опасность ихъ дальнѣйшаго пребыванія въ Венеціи. 7 мая завѣдующій охраною лагуны даетъ понять, что полки сдѣлались жертвою преступной агитаціи, и запугиваетъ извѣстіемъ о заговорахъ, направленныхъ противъ внутренняго спокойствія. 8-го Кондульмеръ рисуетъ быстрые успѣхи пропаганды въ средѣ полковъ, Батагліа готовитъ родъ коллективнаго протеста противъ дальнѣйшаго сохраненія ихъ въ Венеціи, а Морозини предсказываетъ производство внутренней революціи при ихъ участіи. Десятаго мая, т. е. послѣ того, какъ состоялись вышеописанные переговоры Зорзи съ дожемъ, тотъ же Морозини, который еще съ шестого мая приставилъ пикетъ въ 200 далматинцевъ къ воротамъ еврейскаго квартала и устроилъ подобные же караулы въ другихъ частяхъ города для охраны площадей, вызываетъ вмѣшательство Вилетара, который въ письмѣ къ Дона, одному изъ уполномоченныхъ конференціи, говоритъ о неминуемомъ грабежѣ Гето солдатами и предлагаетъ замѣнить ихъ французской стражей.

Отплытіе далматинцевъ терпитъ тѣмъ не менѣе новыя и новыя проволочки, такъ какъ полки не хотятъ покинуть Венецію, не взявъ съ собою и Морозини. Только 12 мая, т. е. въ самый день собранія совѣта, они посажены на суда. Одинъ изъ корпусовъ, слѣдуя старинному обычаю, передъ отплытіемъ съ Піацеты даетъ залпъ, и это ничтожное само по себѣ обстоятельство вызываетъ въ засѣдавшемъ въ это время большомъ совѣтѣ такую панику, что члены его, изъ страха предъ наступающей революціей и желанія спасти собственную жизнь, спѣшатъ подать голосъ въ пользу предлагаемаго имъ дожемъ рѣшенія. На этомъ послѣднемъ собраніи можно было насчитать всего 537 присутствующихъ, что одно уже дѣлало его незаконнымъ, такъ какъ конституція требовала наличности по меньшей мѣрѣ 600 членовъ. Многіе изъ патриціевъ уже успѣли покинуть Венецію; другіе не рѣшались выйти изъ своихъ дворцовъ, такъ какъ ходилъ слухъ о замышляемомъ поголовномъ избіеніи.

Засѣданіе открылось рѣчью дожа, въ которой за краткимъ очеркомъ мѣръ, принятыхъ къ охранѣ республики, слѣдовало сознаніе, что по отзыву властей Венеція беззащитна. «Изъ общаго крушенія надо спасти по крайней мѣрѣ жизнь, вѣру и имущество. И вотъ почему, говоритъ Манинъ, мы рѣшаемся предложить вамъ отказъ отъ суверенитета. Это избавитъ васъ отъ необходимости проливать кровь согражданъ. Умоляю васъ именемъ неба, покоритесь жестокому року, который требуетъ, чтобы республикѣ положенъ былъ конецъ. Велики переживаемыя нами бѣдствія, но не малы также надежды на лучшее будущее; осуществленія ихъ мы вправѣ ждать отъ великодушной французской націи. Она увѣрила насъ, что возьметъ Венецію подъ свою защиту, сохранитъ нерушимо господствующую въ ней религію и обезпечитъ общественную помощь нуждающемуся дворянству. Она убѣдила насъ также въ томъ, что находящіяся въ обращеніи монеты и бумажныя деньги сохранятъ свою законную цѣну и что всѣмъ дарована будетъ амнистія, такъ что ею въ состояніи будутъ воспользоваться и недавно задержанные инквизиторы». Раздавшійся въ этотъ моментъ залпъ отплывающихъ далматинцевъ избавилъ дожа отъ необходимости считаться съ мнѣніями противниковъ: ихъ не оказалось. Со всѣхъ скамей раздались крики: довольно, довольно, къ рѣшенію, къ рѣшенію!

Декретъ, положившій конецъ четырнадцативѣковому существованію республики, принятъ былъ единогласно среди всеобщаго желанія покончить скорѣе и спасти собственную жизнь. Патриціи срывали свои мантіи и бѣжали толпою на площадь, при чемъ многіе, чтобы отклонить подозрѣніе, примыкали къ толпившемуся народу, покрывая своими аплодисментами рѣчи демагоговъ, въ числѣ другихъ генерала Салимбени, которому ввѣрена была раньше защита Вероны и который теперь среди толпы ждалъ обнародованія рѣшающаго участь республики декрета; при первомъ извѣстіи о немъ, онъ старческимъ голосомъ прокричалъ: да здравствуетъ свобода! [1])

---

[1]) Смотри Барцони, томъ II, стр. отъ 145 по 162. Esatto diario di quanto è sucesso dalli 2 sino a 17 Maggio 1797 nella caduta della Veneta Aristocratica Republica unitamente al trattato di Pace stipulato fra la medesima e la Republica Francese. Basilea, 1797, стр. отъ 12 по 27. Rela-

Голый перечень событій, ознаменовавшихъ собою послѣдніе дни республики, весьма несовершенно рисуетъ настроеніе, въ какомъ венеціанская аристократія рѣшилась на самоубійственный актъ отказа отъ собственной власти. Намъ необходимо обратиться къ частной корреспонденціи и поискать въ ней изображенія этого психологическаго момента. Она позволитъ намъ отнестись съ критикой къ тѣмъ огульнымъ обвиненіямъ въ измѣнѣ и предательствѣ, какимъ близкіе къ событіямъ, но все же писавшіе не подъ ихъ непосредственнымъ вліяніемъ, аналисты забрасываютъ Батагліа и другихъ сторонниковъ демократическихъ принциповъ и французскаго вліянія. 11 мая, т. е. за день до переворота, Липомано пишетъ своему зятю: «у меня нѣтъ силъ и умѣнія для того, чтобы изобразить, какъ должно, бѣдственное состояніе города и правительства. Да и не найдется достаточныхъ словъ. Все въ замѣшательствѣ, все разлагается, все близко къ совершенной погибели. Съ одной стороны упадокъ мужества и отчаяніе, съ другой—измѣна и терроръ. Нѣкоторые, какъ Батагліа, Рокка Санъ-Фермо и Джакомо Гримани, съ преступными намѣреніями стоятъ за всѣ уступки; дожъ и многіе другіе высказываются въ томъ же смыслѣ, но изъ страха, такъ какъ потеряли всякую надежду. Они утверждаютъ, что въ противномъ случаѣ неизбѣжна кровавая расправа со стороны внутреннихъ мятежниковъ и отдача города на разграбленіе внѣшнимъ врагамъ. Паника—причина тому, что число мятежниковъ кажется несравненно больше дѣйствительнаго и что всѣмъ приписывается намѣреніе приступить къ осуществленію преступнаго замысла. На самомъ же дѣлѣ заговорщики не прочь пойти на сдѣлку и добиться революціи мирнымъ порядкомъ. Ожидая съ минуты на минуту нападенія демагоговъ, правительство выстроило пушки на площади святого Марка. Два дня провели мы въ тревогѣ, а теперь распространяется слухъ, что и этихъ мѣръ защиты недостаточно, что славянскіе полки близки къ возстанію, что ихъ взволновали офицеры извѣстіемъ, будто предстоитъ

---

zione sommaria della perdita della veneta aristocratica Republica. Italia 1798, стр. 72 и 73. Lettera ingenua ad un'amico. aristocratico in cui viene descritto l'avvenimeto della distruzione del veneto Governo. Zurich 1797, стр. 24 по 27. Tentori. Raccolta Chronolgica, стр. 405 по 408.

обезоруженіе и сдача французамъ точь въ точь, какъ было въ Веронѣ. Прибавляютъ, что далматинцы намѣрены разграбить городъ. Такимъ образомъ, все клонится къ тому, чтобы увеличить ужасъ, неувѣренность въ будущемъ, разномысліе, невозможность согласить желанія и остановиться на одномъ-какомъ-нибудь рѣшеніи. Ежечасно происходятъ совѣщанія, но они только ведутъ насъ къ гибели, да и многое уже сдѣлано въ этомъ смыслѣ. Цѣлый годъ приготовляли мы средства къ защитѣ, а теперь объявляютъ, что все это ни къ чему: что мы не можемъ противиться, что намъ предстоитъ неизбѣжный погромъ. Говоря о созваніи большого совѣта, Липомано прибавляетъ: «я и многіе рѣшились не пойти на засѣданіе». Нѣсколько дней спустя въ новомъ письмѣ, сообщая о томъ, что рѣшеніе совѣта было принято большинствомъ 504 голосовъ, онъ замѣчаетъ: «мы кончили постыдно, жертвою отчаянія и измѣны».

То же впечатлѣніе производитъ рѣшеніе совѣта и на брата Альвизо Кверини, Паоло. «Не однимъ вамъ, живущимъ далеко отъ родины, трудно будетъ понять случившееся; не постигаемъ его и мы. Какъ въ самомъ дѣлѣ объяснить, что, располагая 500 пушекъ и не сдѣлавъ изъ нихъ ни одного выстрѣла, правительство сдалось на милость французамъ и обратило насъ въ ихъ рабовъ. При этомъ не принято никакихъ гарантій ни для религіи, ни для личной безопасности, ни для собственности. Французы будутъ располагать всѣмъ. Они сдѣлаются господами муниципалитета, будутъ давать ему приказы. Мы въ паникѣ и не видимъ предъ собою ничего, кромѣ страшной темени».

При извѣстіи о паденіи республики, другой современникъ заноситъ въ свой дневникъ: «потомство не повѣритъ тому, что въ нѣсколько дней государство, столь знаменитое величіемъ своихъ предпріятій и продолжительностью существованія, могло потерять одновременно и свободу, и независимость» [1]).

Но въ то время, какъ патриціи постыдно бѣжали изъ совѣта, отказываясь отъ дальнѣйшей защиты законовъ и конституціи,

[1]) Дневникъ аббата Джузеппе Дженари въ Падуѣ (La Republica Francese a Padova, framenti di una cronica inedita de l'abbate dot. Giuseppe Genari). Faustissime Nozze Toffolati-Marseille.

простой народъ, забывая свое политическое ничтожество при республикѣ и подчиняясь одному влеченію сердца, готовился сдѣлать послѣднюю попытку къ возстановленію только что павшаго правительства.

За часъ до сумерокъ кто-то изъ окна прокурацій сталъ махать бѣлымъ платкомъ, крича: «да здравствуетъ святой Маркъ»! Этотъ крикъ встрѣтилъ поддержку на площади и скоро заглушилъ собою голоса тѣхъ, кто торжествовалъ вновь пріобрѣтенную свободу. Толпа бросилась во дворцы наиболѣе популярныхъ патриціевъ, но ни одинъ изъ нихъ не согласился взять на себя руководительства народнымъ движеніемъ. Такъ же неуспѣшна была попытка склонить къ тому дожа и его ближайшихъ совѣтниковъ. При правильномъ руководительствѣ этотъ подъемъ народныхъ массъ далеко не принялъ бы того характера возстанія бѣдныхъ противъ богатыхъ, какое связано съ памятью объ этомъ послѣднемъ проявленіи венеціанскаго патріотизма. Энтузіазмъ на первыхъ порахъ былъ всеобщій; даже женщины брались за оружіе. Задержанный непопутнымъ вѣтромъ отрядъ далматинцевъ въ сто человѣкъ поспѣшилъ присоединиться къ быстро возраставшей толпѣ, внося нѣкоторую организацію въ ея нестройные ряды. Барцони разсказываетъ, что, замѣтивъ рисунокъ на выставкѣ одного книгопродавца, изображавшій побѣду младенца надъ венеціанскимъ львомъ, толпа набросилась на лавку и истребила въ ней все до тла. Этотъ анекдотъ показываетъ и необузданность народной ярости, и неспособность случайныхъ вожаковъ дать ей болѣе серьезное направленіе. При такихъ условіяхъ немудрено, если, несмотря на свою численность (современники говорятъ о 30,000 человѣкъ), инсургенты не предприняли никакого общаго дѣйствія, а разсыпались по частнымъ жилищамъ въ погонѣ за легкой добычей. Народное возстаніе грозило выродиться въ открытый грабежъ, жертвой котораго сдѣлались бы не одни сторонники демократіи. Не ранѣе двухъ часовъ ночи Бернардину Ренье удалось собрать двѣсти человѣкъ итальянскихъ войскъ и расположить пушки на мосту Ріальто. Солдатскіе пикеты остановили главный корпусъ мятежниковъ, двигавшійся съ праваго берега большого канала. На вопросъ: «кто идетъ»? толпа отвѣчала крикомъ: «да здравствуетъ свя-

той Маркъ»! Нѣсколькихъ пушечныхъ залповъ было достаточно, чтобы посѣять панику въ ея рядахъ. Послѣдовало общее бѣгство; на мѣстѣ оставлено 25 убитыхъ и много раненыхъ. 40 человѣкъ задержаны были и препровождены въ тюрьмы. Спокойствіе снова воцарилось въ Венеціи, и Вилетару, удалившемуся въ Местрэ при первомъ извѣстіи о безпорядкахъ, явилась возможность вернуться обратно для завершенія начатаго имъ дѣла.

Только что изложенныя событія нашли слѣдующую оцѣнку въ корреспондентахъ Альвизо Кверини. Братъ Паоло въ письмѣ отъ 17-го числа ставитъ мятежъ народа въ прямую связь съ рѣшеніемъ покончить съ республикой. «Наши мудрые руководители, говоритъ онъ не безъ ироніи, такъ легко остановившіеся на мысли превратить Венецію въ демократію, повидимому не поняли, что на смѣну одного правительства необходимо тотчасъ же создать другое. Они не позаботились объ этомъ, и мы впали въ полную анархію; ею и объясняется тотъ ужасъ, какой воспослѣдовалъ вскорѣ. Морозини одинъ въ состояніи былъ бы задержать или разсѣять народный мятежъ, участники котораго вооружены были одними кинжалами. Но онъ отплылъ въ Зару вмѣстѣ съ далматинцами и увезъ съ собою, какъ говорятъ, не мало денегъ. Во время засѣданія большого совѣта по всей лѣстницѣ и на площадкѣ передъ дворцомъ расположены были далматинцы. Морозини счелъ нужнымъ избрать этотъ именно моментъ для изданія приказа объ ихъ отплытіи. Выполняя его, они, неизвѣстно по какой причинѣ, преднамѣренно ли, или безъ расчета, рѣшили разрядить свои ружья. Данный ими залпъ произвелъ величайшее волненіе въ совѣтѣ и не мало повліялъ на исходъ преній. Но и послѣ удаленія далматинцевъ осталось въ городѣ не мало славянскихъ солдатъ, особенно уроженцевъ Катаро. Узнавъ о томъ, что республика перестала существовать, они съ обнаженными шпагами присоединились къ толпѣ, голосившей «да здравствуетъ святой Маркъ». Всѣмъ прохожимъ приказывалось снять шляпу и кричать то же. Мало-по-малу народъ сталъ нападать на такъ называемыхъ якобинцевъ. Въ Мерчеріи набросились на книгопродавца, выставившаго портреты французскихъ генераловъ и прокламаціи новаго правительства. Не оставивъ ничего въ лавкѣ, толпа бросилась въ погоню за тор-

говцемъ и настигла его у моста Баркаіоли. Отсюда она повела его на площадь и, грозя смертью, заставила выдать имена главныхъ якобинцевъ. Этотъ самый книгопродавецъ наканунѣ съ тріумфомъ велъ подъ руку одного изъ заключенныхъ въ Піомби и, показывая его прохожимъ, говорилъ, что 40 лѣтъ онъ былъ жертвою верховнаго трибунала и не могъ даже добиться того, чтобы ему сказали, въ чемъ его вина. На самомъ же дѣлѣ заключенный былъ отцеубійцею и предателемъ, уговорившимся выдать пашѣ въ Скутари крѣпость Castro Vechio. Теперь обстоятельства измѣнились, и книгопродавцу самому пришлось быть въ отвѣтѣ. Чтобы избавиться отъ бѣды, онъ согласился повесть толпу на дома якобинцевъ, между прочимъ въ казино Джакомо Фоскарини, въ кафе «dell' Carro», къ кондитеру Зорзи въ приходѣ святого Юліана, къ офицеру Спада въ приходѣ «Мадона del Orto», къ одному продавцу сыра въ san Toma и къ портному, торговавшему французскимъ платьемъ. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ произведенъ былъ такой погромъ, что и пожару не удалось бы причинить большаго. Все разграблено: мебель, деньги, драгоцѣнности; къ счастію, жильцовъ не оказалось на лицо, и дѣло обошлось безъ кровопролитія».

ГЛАВА VIII.

Венеціанская демократія и потеря независимости.

Трудно было представить себѣ условія менѣе благопріятныя для упроченія демократіи, чѣмъ тѣ, въ какихъ очутилась Венеція въ утро 13-го мая 1797 года. Срокъ перемирія истекъ наканунѣ, и можно было съ часу на часъ ждать прибытія французскихъ войскъ. Даже въ болѣе благопріятномъ случаѣ—заключенія мира съ врагомъ, новое правительство принимало на себя обязательства настолько тягостныя для чести и матеріальнаго благосостоянія республики, что немудрено было предвидѣть непопулярность его въ народѣ. Этотъ послѣдній и высказался уже открыто въ пользу стараго порядка, громя ночью жилища завѣдомыхъ патріотовъ и мѣсто собранія того революціоннаго сообщества, въ которомъ проложенъ былъ путь къ перевороту. Прибавимъ, что муниципалитетъ, въ руки котораго переданы были большимъ совѣтомъ верховныя права патриціата, отнюдь не могъ считать себя правильнымъ представительствомъ націи. Народъ не участвовалъ въ его избраніи; члены его назначены были, благодаря соглашенію дожа и конференціи съ главами заговорщиковъ и ихъ покровителемъ — французскимъ агентомъ. Тщетно настаивали они на томъ, что всѣ классы общества одинаково участвовали въ составѣ муниципалитета, что аристократія и простонародіе, не говоря о среднемъ сословіи, имѣли въ немъ своихъ представителей; ни одинъ изъ прежнихъ вождей республики не захотѣлъ связать своего имени съ судьбой этого, какъ полагали, эфемернаго пра-

вительства, слѣдуя примѣру дожа, отклонившаго отъ себя честь быть его предсѣдателемъ. Наиболѣе выдающимися членами временнаго муниципалитета, кромѣ названныхъ уже нами вожаковъ, Зорзи и Спада, были изъ прежнихъ патриціевъ сенаторъ Корнеръ или Корнаро, согласившійся занять постъ президента, Видманъ, также членъ сената, Бернардинъ Реньеръ, усмиритель мятежа 12-го мая, Леонардо Джустиніанъ, членъ стариннаго патриціанскаго рода и недавно еще одинъ изъ трехъ мудрыхъ, которымъ ввѣрено было верховное управленіе Terra Ferma. Магистратура поставила двухъ совѣтниковъ: Франческо Грити и Антоніо Бембо, засѣдавшихъ дотолѣ въ уголовной и гражданской кваранціяхъ. Изъ прежнихъ дипломатовъ бывшій посолъ въ Парижѣ, нѣкогда губернаторъ Вероны и позднѣе одинъ изъ прокураторовъ святого Марка, Альморо Пизани вошелъ въ составъ этого послѣдняго сколько нибудь-самостоятельнаго венеціанскаго правительства. Но руководящая роль далеко принадлежала не эксъ-патриціямъ, а такъ называемымъ якобинцамъ, къ числу которыхъ надо присоединить и Винченцо Дандоло, отнюдь не принадлежавшаго къ тому аристократическому роду, которому Венеція обязана самымъ славнымъ изъ своихъ дожей. Не изъ рядовъ патриціата вышли также Андреа Дольфинъ и Пауло Эриццо. Батагліа и Рокко Санъ Фермо, которымъ, какъ мы видѣли, суждено было играть не малую роль въ послѣднихъ событіяхъ и которыхъ народная молва болѣе или менѣе явно провозглашала сторонниками демократическаго переворота, не принадлежали къ составу временнаго правительства; но они согласились служить ему въ дипломатическихъ миссіяхъ къ Наполеону и директоріи. Рокко Санъ Фермо въ частности заступилъ въ Парижѣ мѣсто отозваннаго Кверини, титулъ котораго (nobile di Francia) не отвѣчалъ болѣе характеру совершившагося переворота.

Можно сказать, что въ данныхъ условіяхъ муниципія соединила въ своихъ рядахъ все, что было наиболѣе выдающагося въ томъ меньшинствѣ, которое со временъ французской революціи, а пожалуй и нѣсколько ранѣе, подъ сѣнью тайныхъ сообществъ и въ частности масонскихъ ложъ, выработало въ себѣ тѣ соціальные и политическіе идеалы, которые нашли вы-

раженіе въ масонскихъ принципахъ свободы, равенства и братства. Недоставало временному правительству только того, что составляетъ силу всякой представительной демократіи—народной поддержки. Сами члены его не обольщали себя надеждой на то, что чернь, готовая ежечасно поднять вѣками освященный кликъ «да здравствуетъ святой Маркъ», приметъ въ минуту опасности его сторону и воспротивится возможной реставраціи стараго порядка. Никто иной, какъ Дандало, съ прискорбіемъ заявлялъ, что простолюдины не считаютъ себя солидарными съ демократіей. Нравственный упадокъ народа, говорилъ онъ, такъ великъ, что онъ не чувствуетъ тѣхъ благъ, того драгоцѣннаго подарка, какой принесли ему принципы свободы и равенства [1]). Къ чести муниципалитета надо сказать, что онъ не упускалъ ни одного случая, чтобы сдѣлать новый порядокъ популярнымъ въ глазахъ націи и обратить его въ орудіе какъ матеріальнаго, такъ и нравственнаго прогресса народныхъ массъ. Стоило патриціямъ распустить болѣе ненужную имъ свиту челядинцевъ и кліентовъ, и Дандало поднялся съ предложеніемъ принудить ихъ къ сохраненію жалованія за прежними служителями. Его не остановило даже то соображеніе, что тѣмъ самымъ попирался провозглашенный революціей принципъ свободы контрактовъ.

Обезпечить дешевое продовольствіе отмѣной или сокращеніемъ косвенныхъ поборовъ съ хлѣба, вина, оливковаго масла сдѣлалось одной изъ постоянныхъ заботъ муниципалитета, котораго не пугала мысль о неизбѣжно проистекавшемъ отсюда увеличеніи дефицита [2]).

Не довольствуясь улучшеніемъ экономическихъ условій низшихъ классовъ, венеціанскіе демагоги не разъ агитировали вопросъ о поднятіи и умственнаго уровня массъ, въ частности о правильной пропагандѣ въ ихъ средѣ новыхъ политическихъ принциповъ. Этой цѣли должны были служить не однѣ газеты и брошюры, но и церковная проповѣдь. Приходскіе священники

---

[1]) Quadro sessioni publiche, № 35. Засѣданіе отъ 27-го іюля 1797 г.
[2]) Засѣданіе 21-го іюля 1797 г. Ibid., № 30-й.
Засѣданіе 25-го іюля, № 33-й.
Засѣданіе 27-го іюля 1797 г. Ibid., № 35-й.

призывались истолковывать паствѣ начала народнаго самодержавія и принципы свободы и равенства. Премія въ сто цекиновъ была назначена для поощренія тѣхъ, кто въ доступной народу формѣ займется изложеніемъ началъ демократіи и составленіемъ такъ называемаго гражданскаго катихизиса [1]). Желая найти корни въ прошломъ, демократія пыталась оживить память о прежнемъ борцѣ за равенство и суверенитетъ народный и обѣщала премію въ 50 цекиновъ тому, кто напишетъ основанную на документахъ исторію Баямонтэ Тьеполо, этого послѣдняго противника замкнутости, какая придана была большому совѣту реформою дожа Градениго [2]). Подъемъ народной нравственности также казался новымъ правителямъ однимъ изъ условій упроченія народоправства. Съ этою цѣлью они возобновили агитацію Анжело Кверини и Пизани въ пользу запрещенія азартныхъ игръ и закрытія казино или клубовъ, сдѣлавшихся игорными домами. Наконецъ, чтобы защитить неимущихъ отъ того болѣе или менѣе добровольнаго закабаленія, въ какомъ держали ихъ ростовщики, муниципалитетъ задавался мыслью о расширеніи системы публичныхъ ломбардовъ и о пониженіи процента съ вкладчиковъ. Общественная помощь, отъ которой не были исключены и обѣднѣвшіе дворяне, должна была найти новый источникъ въ пріуроченьи къ этой цѣли національныхъ имуществъ, увеличившихся благодаря конфискаціямъ и поступленію въ казну части дохода тѣхъ монастырскихъ корпорацій, которыя, за удаленіемъ иностранныхъ уроженцевъ, не сохранили въ своихъ стѣнахъ положеннаго числа братіи [3]).

Никто не воспользовался въ такой мѣрѣ выгодами новаго демократическаго порядка, какъ сектанты и иновѣрцы, начиная отъ грековъ и оканчивая евреями. Первые вошли въ муниципалитетъ съ представленіемъ объ отмѣнѣ стариннаго закона, которымъ республика святого Марка, желавшая примирить вѣротерпимость съ единовѣріемъ и запрещеніемъ религіозной пропаганды, предписывала погребеніе усопшихъ сектантовъ католическими патерами. Это ходатайство было уважено, и муници-

[1]) Засѣданіе 26-го іюля 1797 года, № 34-й.

[2]) Засѣданіе 9-го іюля, № 24.

[3]) Засѣданіе 30 го іюля 1797 г. Quadro sessioni publiche, № 38-й.

палитету заявлена благодарность въ формѣ торжественной депутаціи, во главѣ которой поставленъ былъ греческій патріархъ [1]).

Еще большія преимущества получила отъ произведеннаго переворота еврейская колонія. Какъ въ большинствѣ городовъ Италіи, въ Римѣ или Ливорно, евреи принуждены были и въ Венеціи ограничить свое мѣстожительство извѣстнымъ кварталомъ, такъ называемымъ Гето, ворота котораго замыкались на ночь. Теперь всѣ эти запреты были отмѣнены, въ ознаменованіе чего предписано сжечь самыя ворота. Евреи получили равноправіе съ прочими гражданами и отпраздновали эту побѣду обычнымъ демократическимъ порядкомъ—посажденіемъ древа свободы въ самомъ центрѣ своего квартала.

Въ короткомъ очеркѣ, каковъ настоящій, мы не можемъ дать, разумѣется, понятія обо всѣхъ соціальныхъ и политическихъ перемѣнахъ, какія задуманы и отчасти проведены были временнымъ правительствомъ, да въ этомъ и нѣтъ необходимости, такъ какъ реформаторы только спѣшили уподобиться въ своей дѣятельности французскому образцу, не прибавляя отъ себя много новаго и довольствуясь примѣненіемъ демократическихъ началъ свободы и равенства. Заходитъ ли рѣчь объ измѣненіяхъ въ наслѣдственномъ правѣ или о новой организаціи народной защиты, принципы 89 года служатъ руководящею нитью для реформаторовъ. То же можетъ быть сказано, когда дѣло идетъ о переустройствѣ податной системы, о содержаніи причта, о порядкѣ замѣщенія судебныхъ должностей и т. д. Приведемъ въ извлеченіи нѣкоторыя рѣчи; онѣ какъ нельзя лучше покажутъ и близость выставляемаго законодателями идеала къ тому, какого придерживалась Франція въ 89 году, и усвоеніе венеціанскими реформаторами самаго жаргона иностранныхъ демагоговъ. 28-го іюля обсуждается вопросъ объ организаціи національной гвардіи. Муниципалитетъ еще перваго высказался въ пользу демократическаго устройства народной обороны. Видманъ предлагаетъ теперь осуществить эту задачу образованіемъ національной гвардіи на слѣдующихъ основахъ. Необходимо, говоритъ

[1]) Засѣданіе 15 іюля 1797 года, ibid., № 27.

онъ, распространить свободу и равенство и на милицію. Если пристрастіе къ демократическимъ принципамъ желательно въ гражданахъ, то тѣмъ болѣе въ тѣхъ, кому ввѣрена защита родины. Отсюда между прочимъ тотъ выводъ, что гражданскіе суды призваны расширить свою компетенцію и на военные проступки, къ которымъ поэтому не должно быть примѣняемо иныхъ наказаній, кромѣ предусмотрѣнныхъ общимъ уголовнымъ кодексомъ; что заслуги и доблесть открываютъ всѣмъ равную возможность занять высшіе посты въ войскѣ и что особая военная дисциплина, соединенная съ чинопочитаніемъ, не только безполезна, но и вредна [1]).

Въ засѣданіи перваго іюня ставится на очередь вопросъ, въ какой мѣрѣ уваженіе къ религіи требуетъ ограниченія правъ печати. Патріархъ Венеціи обратился въ муниципалитетъ съ жалобой на вредъ, приносимый газетами и книгами религіи, морали и личному достоинству гражданъ. Эта петиція, восклицаетъ Дандало, противна свободѣ и равенству; она смѣшиваетъ политику съ религіей. Нѣтъ свободы, говоритъ въ свою очередь Сордина, тамъ, гдѣ нѣтъ вольной печати. Каждое ограниченіе правъ авторовъ и издателей было бы для нея роковымъ ударомъ. Разъ ходатайство будетъ принято, придется возстановить инквизицію. Можно при желаніи открыть преступленія противъ вѣры и въ трактатахъ по физикѣ, политикѣ и исторіи. Самъ «Общественный договоръ» Руссо не избѣжалъ бы общей участи. Вспомните примѣръ Галиллея. При этихъ словахъ раздаются въ средѣ присутствующихъ громкія браво, — петиція оставлена безъ вниманія, и вотированъ переходъ къ очереднымъ дѣламъ [2]). Но чего собраніе не рѣшается сдѣлать въ интересахъ религіи и нравственности, то подсказываетъ ему вскорѣ забота о собственномъ спасеніи. Изъ страха аристократической реакціи, въ виду многочисленныхъ памфлетовъ, критикующихъ его дѣятельность и самые принципы, на которыхъ она основана, муципалитетъ подымаетъ руку на свободу мнѣній. 24 іюля комитетъ общественнаго спасенія вноситъ на обсужденіе собра-

---

[1]) Quadro sessioni publiche, № 36.

[2]) Засѣданіе перваго іюня, ibid., № 20.

нія проектъ закона объ общественной безопасности, въ которомъ опредѣляется смертная казнь за одинъ призывъ къ неповиновенію и оживляется система доноса и шпіонства требованіемъ, чтобы какъ содержатели кофеенъ, такъ и старшины клубовъ доводили до свѣдѣнія властей обо всемъ, что будетъ сказано въ осужденіе существующаго порядка подъ страхомъ пятилѣтняго заключенія [1]).

Но если чрезвычайность условій, переживаемыхъ временнымъ правительствомъ, заставляетъ его не разъ отступать отъ провозглашеннаго имъ самимъ принципа свободы, то то же обстоятельство побуждаетъ его настаивать на возможно широкомъ примѣненіи другого начала—равенства. Оно одно могло прочно привязать къ нему народныя массы, слишкомъ невѣжественныя, чтобы дорожить въ одинаковой степени самопроизвольнымъ выраженіемъ своихъ мыслей словомъ или печатью.

Вотъ почему даже въ такихъ второстепенныхъ вопросахъ, какъ порядокъ погребенія, муниципалитетъ старается обезпечить торжество демократическихъ взглядовъ, постановляя, что отнынѣ для всѣхъ классовъ общества установленъ одинъ и тотъ же похоронный ритуалъ и отмѣнены издержки на восковыя свѣчи, взамѣнъ чего священникамъ обезпечено извѣстное вознагражденіе [2]).

Принципъ равенства долженъ восторжествовать и тогда, когда онъ вступитъ въ коллизію съ также принятымъ подъ охрану демократіи началомъ неприкосновенности собственности.

Отсюда затѣваемая отмѣна тѣхъ монополій, какія созданы были въ пользу членовъ цеховыхъ сообществъ, и распространеніе на всѣхъ лицъ, занимающихся извѣстнымъ ремесломъ или промысломъ, свободы открывать заведенія и лавки безразлично во всѣхъ кварталахъ города [3]).

Отсюда раздѣляемый венеціанскими демократами съ французскими дѣятелями 89 года предразсудокъ противъ всякаго рода корпорацій, которыя объявляются противорѣчащими требованіямъ

---

[1]) Засѣданіе 24 іюля, ibid., № 32.
[2]) Засѣданіе отъ 29 іюля 1797 г., № 37.
[3]) Засѣданіе 27 іюля 1797, № 35.

равенства. «Демократическіе принципы, говоритъ Видманъ, не допускаютъ ихъ существованія». Всякая корпорація предполагаетъ монополію, т. е. нарушеніе равенства, а потому не нужно больше ни института присяжныхъ повѣренныхъ, ни особаго медицинскаго общества; адвокатская и врачебная профессія должны быть открыты всякому [1]). Судьба цеховъ была предрѣшена; не хватило только времени для полной ихъ отмѣны. Муниципалитету во всякомъ случаѣ удалось высказать на этотъ счетъ свою точку зрѣнія, нападая въ лицѣ Дандало на такъ называемую arte di compravendi, другими словами, на цехъ скупщиковъ рыбы, монополія котораго находила оправданіе въ стремленіи установить болѣе или менѣе однообразныя цѣны на этотъ товаръ [2]). Та же политика проглядываетъ и въ сдѣланномъ Дандало предложеніи признать за всѣми право открывать суконныя фабрики безъ предварительнаго разрѣшенія. Собраніе отсрочиваетъ рѣшеніе этого вопроса до того момента, когда въ принципѣ провозглашена будетъ свобода ремеслъ [3]).

Увлеченіе равенствомъ доходитъ до того, что одинъ изъ депутатовъ, Грего, предлагаетъ ввести однообразіе даже въ костюмѣ, запрещая употребленіе такъ называемаго tabarro, или шелковаго армяка, и camelloto (камзола); но такъ какъ въ данномъ случаѣ равенство оказывается вступившимъ въ столкновеніе со свободой, умѣренной партіи удается провалить предложеніе и провести, какъ общее правило, свободу каждаго одѣваться, какъ вздумаетъ [4]). Принципъ братства, выставляемый въ заголовкѣ французскихъ декретовъ, а въ Венеціи замѣненный болѣе общей формулой гражданской добродѣтели, внушаетъ муниципалитету мысль создать для нуждающихся такое центральное учрежденіе благотворительности, при которомъ излишней сдѣлалась бы частная помощь и каждому обезпеченъ былъ насущный хлѣбъ даже при невозможности найти заработокъ. Дандало провозглашаетъ признаваемое еще Тюрго право на трудъ, говоря: «ни одинъ гражданинъ не можетъ быть лишенъ средствъ

---

1) Quadro sessioni publiche, № 62, засѣданія сентября.
2) Ibid., № 55, засѣданіе 27 августа.
3) Ibid., № 54.
4) Ibid., № 52, стр. 429.

существованія. Кто имѣетъ руки, долженъ найти также, чѣмъ жить; каждый долженъ имѣть свой кусокъ хлѣба». Съ этою цѣлью всѣ благотворительныя учрежденія церквей, монастырей и цеховъ соединяются въ одно цѣлое подъ именемъ casa patria— «домъ отечества», домъ, служащій не только пріютомъ для инвалидовъ труда, но и своего рода національной мастерской, въ которой правительство доставляетъ работу нуждающимся. Приступлено къ выполненію этого плана, по крайней мѣрѣ въ смыслѣ пріема пожертвованій. Первымъ благотворителемъ является Альвизо Мочениго, членъ муниципалитета; онъ уступаетъ въ пользу затѣваемаго учрежденія домъ въ приходѣ Санъ-Ваєсо съ скромнымъ доходомъ [1]) въ 219 дукатовъ [2]).

Демократія могла бы пустить корни въ Венеціи только при одномъ условіи, если бы ей удалось возсоединить провинціи и вернуть республикѣ ея прежнія границы. При установленіи временнаго правительства такой исходъ несомнѣнно имѣлся въ виду. Иначе большой совѣтъ въ послѣднемъ изъ обнародованныхъ имъ манифестовъ [3]) не говорилъ бы объ устройствѣ одного муниципалитета, но и особой центральной администраціи, въ которую вошли бы, на ряду съ представителями венеціанской городской общины, депутаты Terra Ferma, Истріи, Далмаціи, Албаніи и острововъ Леванта. Это общее для всѣхъ провинцій учрежденіе само получило наименованіе, свидѣтельствующее о намѣреніи примкнуть къ вновь созданной Бонапартомъ республикѣ. Большой совѣтъ говорилъ въ своемъ манифестѣ о муниципалитетѣ и департаментѣ, термины, очевидно заимствованные изъ Франціи и свидѣтельствующіе о готовности послѣдовать ея примѣру въ сферѣ мѣстнаго устройства и въ организаціи единаго и нераздѣльнаго государства, границы котораго обняли бы сверхъ прежнихъ владѣній республики св. Марка и всю Ломбардію.

Въ договорѣ о мирѣ, подписанномъ венеціанскими уполномоченными, Дона, Джустиніанъ и Мочениго, 14-го мая, также под-

---

[1]) Ibid., № 48 и 55, засѣданіе 15 и 27 августа.

[2]) Ibid., № 55 и 58, засѣданіе 27 августа и перваго сентября 1787.

[3]) Текстъ его отпечатанъ Musati въ его Storia diun lembo di terra т. IV, стр. 309.

разумѣвалось возвращенiе Terra Ferma къ Венецiи и сохраненiе за нею прежняго территорiальнаго состава. Такъ, по крайней мѣрѣ, понимали его депутаты, включая въ трактатъ статью, обѣщавшую удаленiе французскаго войска съ Terra Ferma немедленно по заключенiи общаго мира и объявляя въ дополнительныхъ тайныхъ параграфахъ, что обмѣнъ территорiй можетъ воспослѣдовать только по соглашенiю обѣихъ республикъ: венецiанской и французской. И дѣйствительно, депутаты получили со стороны Бонапарта обѣщанiе надѣлить Венецiю Феррарой и Равенной въ случаѣ уступки ею въ пользу цизальпинской республики Бергамо и Кремы [1]).

О союзѣ съ ломбардской республикой, разумѣется, нѣтъ еще и помину; къ мысли о немъ временное правительство само пришло, какъ увидимъ, не сразу, а только убѣдившись въ невозможности вернуть потерянныя на континентѣ владѣнiя.

Первыя сессiи муниципалитета заняты почти исключительно заботой о возсоединенiи съ Венецiей отдѣлившихся отъ нея муниципiй, уже успѣвшихъ произвесть въ своей средѣ демократическiй переворотъ. Временное правительство разсылаетъ въ Падую, Винченцу и другiе города Terra Ferma манифестъ, увѣдомляющiй объ установленiи демократiи. Въ немъ обѣщана полная амнистiя всѣмъ, за исключенiемъ участниковъ погрома 12-го мая, помощь деньгами обѣднѣвшему дворянству, исправный платежъ долговъ, заключенныхъ прежнимъ правительствомъ, и охрана родины, вѣры, собственности и личной безопасности гражданъ хотя бы силой оружiя [2]).

Въ отвѣтъ получены письма отъ муниципалитетовъ Падуи и Винченцы, а также депутацiи отъ болѣе близкихъ къ Венецiи городовъ. Прiемъ делегатовъ, чтенiе адресовъ наполняютъ собою все время, отведенное для публичныхъ сессiй. Въ протоколахъ собранiя однообразно значится: граждане такого-то или такого-то города или мѣстечка прибыли для братованiя (per fraternizzare); читается сочувственный адресъ. Громкiе

1) Текстъ договора отпечатанъ у Мартенса, Recueil des principaux traités, томъ VII, стр. 187 и 188. Смотри также Романинъ, томъ X, стр. 201.

2) Musatti, Storia di un lembo di terra, томъ IV, стр. 312.

аплодисменты. Такой-то или такой-то муниципалистъ проситъ слова, чтобы отвѣтить должнымъ образомъ на привѣтствіе. Онъ прославляетъ доблести народа, приглашаетъ его къ упроченію въ своей средѣ принциповъ равенства, свободы и той добродѣтели, которая должна быть руководительницей этихъ принциповъ. Рѣчь заканчивается обѣщаніемъ, что муниципалитетъ Венеціи направитъ всю свою дѣятельность къ упроченію общаго счастья. Затѣмъ слѣдуетъ братскій поцѣлуй между президентомъ и однимъ изъ членовъ делегаціи и приглашеніе присутствовать при дальнѣйшихъ дебатахъ. Все это не болѣе, какъ повтореніе порядковъ, практиковавшихся во Франціи и перенесенныхъ оттуда въ засѣданія миланскаго муниципалитета. Особенность составляетъ развѣ то обстоятельство, что обычное въ другихъ мѣстахъ упоминаніе о братствѣ замѣняется разсужденіями о добродѣтели, которая фигурируетъ на правахъ одного изъ членовъ тріединой Тройцы и въ заголовкѣ изданныхъ муниципалитетомъ декретовъ.

Прочитывая этотъ скучный перечень офиціальныхъ изліяній, отмѣчаешь тотъ любопытный фактъ, что теплота ихъ слабѣетъ по мѣрѣ географическаго удаленія той или другой мѣстности отъ столицы: Бурано, Мурано, Местрэ, Маламоко, Торчелло, Градо, еще полны энтузіазма; но Падуя и Винченца уже уступаютъ независимой отъ Венеціи Феррарѣ въ выраженіи своихъ демократическихъ и братскихъ чувствъ. Изъ устъ ихъ депутацій слышатся рѣчи объ аристократахъ, отнявшихъ у народа его естественное право, о радости, съ какой принято извѣстіе о паденіи ихъ желѣзнаго скипетра, и возвращеніи самодержавія въ руки народа. Но ни одного звука о желаніи составить одно цѣлое съ Венеціей, вступить въ отношенія подданства къ новой республикѣ. Отъ Вероны, Бресчіи и Бергамо не приходитъ вовсе никакихъ привѣтствій [1]). Члены муниципалитета продолжаютъ однако высказывать «сладкую надежду» о добровольномъ присоединеніи къ Венеціи всей Terra Ferma [2]).

Въ отвѣтномъ адресѣ на привѣтствіе депутатовъ Феррары,

---

[1]) Смотри Quadro sessioni publiche, № 1, 2 и 3-й, засѣданіе 23, 25 и 27 мая.

[2]) Засѣданіе 29 мая 1797 года, № 4. Рѣчь гражданина Галино.

говоря о дружбѣ, братствѣ и общности интересовъ, муниципалитетъ выдаетъ свою задушевную мысль и объявляетъ: города Terra Ferma, пока еще отдѣленные отъ Венеціи, должны побрататься съ нею и, полагаясь на честное преслѣдованіе муниципіей общаго блага, содѣйствовать упроченію и расширенію послѣдняго своимъ участіемъ [1]). Тревизо и Белуно одни отзываются на этотъ призывъ, да и то въ общихъ выраженіяхъ о братствѣ и дружбѣ, объ общности интересовъ, выгодахъ широкаго торговаго обмѣна, неизмѣнной ненависти къ тираніи и столь же вѣчной благодарности французамъ освободителямъ [2]). Другіе города, какъ, напримѣръ, Рювинье въ Истріи, устами своихъ делегатовъ выражаютъ одновременно два желанія; тѣснаго братства съ Венеціей и полной автономіи [3]). Надо видѣть, съ какимъ восторгомъ принята пятаго іюня депутація Портогруаро, открыто заявляющаго готовность связать свои судьбы съ судьбами Венеціи, чтобы убѣдиться, какъ сильно венеціанская демократія дорожила союзомъ съ континентальными городами. «Ваше появленіе, сказалъ делегатамъ Мочениго, произвело большую радость не только въ муниципалитетѣ, но и во всемъ народѣ. Къ чему воображать, что французы воспротивятся братскому единенію прежнихъ подданныхъ святого Марка! Отомстивши за старыя обиды, они теперь только озабочены мыслью, какъ бы обезпечить счастье всѣхъ. Пусть и другіе города Terra Ferma послѣдуютъ примѣру Портогруаро, который изъ всѣхъ мѣстностей, расположенныхъ по теченію Тальяменто, одинъ заявилъ пока о своихъ «драгоцѣнныхъ намъ чувствахъ».

Маркони приглашаетъ составить адресъ и послать депутатовъ ко всѣмъ континентальнымъ муниципіямъ, прежде входившимъ въ составъ республики. Дандало и Зорзи поддерживаютъ это предложеніе, рекомендуя назначеніе шестичленной комиссіи для выработки адресса. Зуліани обманываетъ себя и товарищей надеждой, что Terra Ferma тотчасъ же присоединится, какъ только пріобрѣтетъ увѣренность, что Венеція вполнѣ достигла сво-

---

1) Засѣданіе 31 мая, № 5.

2) Ibid.

3) Засѣданіе перваго іюня, № 6, стр. 44.

боды [1]). Изъ болѣе отдаленныхъ мѣстъ, изъ Монтови, Умаго и Пирана [2]) во Фріулѣ, приходятъ извѣстія о готовности остаться въ прежнемъ политическомъ союзѣ съ Венеціей, но Падуя и вся Terra Ferma продолжаютъ хранить глубокое молчаніе.

Уже въ засѣданіи 5 іюня, въ которомъ впервые показались депутаты изъ Фріуля, въ собраніи распространилось грозное извѣстіе, что феодальные сеньеры этой провинціи собираются продать ее Бонапарту. Уполномоченный Портогруаро не считаютъ возможнымъ опровергнуть этихъ слуховъ и даже связываютъ съ ихъ распространеніемъ фактъ посылки ихъ городомъ депутаціи къ муниципалитету въ качествѣ протеста противъ интригъ феодаловъ. Эти извѣстія не подкашиваютъ, однако, довѣрія правительства къ французскимъ властямъ, и когда посланный въ Венецію Барагвэ д'Илье вмѣстѣ съ министромъ-резидентомъ Лалеманомъ, показываются 22 іюня въ засѣданіи муниципіи, ихъ привѣтствуютъ радостные клики и французская нація объявляется сестрою молодой республики; мало этого, Дандоло указываетъ на необходимость ея покровительства и помощи въ сохраненіи исконныхъ владѣній Венеціи въ Истріи и Далмаціи [3]).

Между тѣмъ австрійскія войска, опираясь на текстъ Леобенскихъ соглашеній, постепенно занимаютъ эти провинціи, встрѣчая кое-гдѣ открытое сопротивленіе со стороны жителей, уступчивость и подчасъ тайную поддержку въ венеціанскихъ администраторахъ. Во главѣ всѣхъ дѣйствуетъ въ благопріятномъ австрійцамъ смыслѣ генеральный комиссаръ Андреа Кверини, братъ бывшаго парижскаго посла. Тщетно взывалъ онъ къ муниципалитету, прося его инструкцій. Не получивъ ихъ, онъ вступилъ въ переговоры съ вѣнскимъ дворомъ, что впослѣдствіи и сдѣлалось причиной возведенія его въ чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, съ титуломъ экселенцы и начальствомъ надъ арсеналомъ и венеціанскимъ флотомъ [4]). Съ такимъ же равнодушіемъ относится къ цѣлости венеціанскихъ

---

1) Засѣданіе 5 іюня, № 8.

2) Засѣданіе 9 и 11 іюня, № 10 и 11.

3) Quadro sessioni publiche, № 16.

4) Bibl. Querini Stampaglia. class. VII, cod. 86, переписка Андреа Квери. и съ его братомъ Джироллamо. Письмо отъ 12 февраля 1798 г.

владѣній и начальникъ далматинскихъ войскъ, уже извѣстный намъ патрицій Морозини. Въ письмѣ къ пріятелю, прочитанному въ засѣданіи муниципалитета, онъ, очевидно провѣдавши о судьбѣ, какая готовится его родинѣ, даетъ совѣтъ не принимать ни малѣйшаго участія въ «предательскомъ, глупомъ и узурпированномъ правительствѣ, которое нынѣ распоряжается судьбою Венеціи. Не обольщайтесь и не давайте обойти себя, прибавляетъ онъ; въ сентябрѣ увидимся навѣрное» [1].

Въ рѣзкомъ контрастѣ съ поведеніемъ венеціанскихъ патриціевъ стоитъ въ этой отдаленной окраинѣ, какъ и въ самомъ сердцѣ государства, поведеніе простого народа.

Извѣстіе о торжествѣ демократіи въ Венеціи разбило жителей Истріи на три враждебныя партіи: одни стояли за сохраненіе прежняго подданства, другіе желали присоединенія къ Австріи, третьи настаивали на независимости. Подъ предлогомъ охранить границу имперіи отъ демократической заразы и упрочить внутренній миръ и порядокъ, австрійцы вступили въ Истрію и заняли ее своими войсками. Тѣ же разногласія, что и въ Истріи, повторились въ Далмаціи. Зара рѣшительно отказывалась отъ установленія въ своей средѣ муниципалитета по образцу венеціанскаго. Комиссаръ временнаго правительства Зуліани принужденъ былъ удалиться изъ нея въ виду враждебности жителей къ новымъ порядкамъ. Въ Трегу поднято было знамя святого Марка. Въ Себенико вспыхнула открытая междоусобная война, жертвой которой должны были сдѣлаться земельные собственники. Изъ всѣхъ жителей Далмаціи одни высшіе слои заратинскаго населенія, ради ненависти къ народному правленію и благодаря подстрекательству собственнаго администратора, уже упомянутаго генеральнаго провизора Кверини, высказывались открыто въ пользу призыва имперскихъ полковъ для охраненія порядка и спокойствія. Австрійцы поспѣшили воспользоваться обстоятельствами и, высадившись 30-го іюня въ числѣ четырехъ тысячъ человѣкъ, водрузили въ Зарѣ свое знамя. Вскорѣ они распространили свое владычество на всю страну до самой Бокка ди Катаро.

---

[1]) Quadro sessioni publiche, № 33.

Объ отношеніи простого народа къ этой перемѣнѣ въ его политическихъ судьбахъ можно судить по слѣдующимъ разсказамъ очевидцевъ. Перваго іюля, читаемъ мы въ повѣствованіи одного заратинца, сняты были венеціанскіе штандарты съ цитадели и овощного рынка. При барабанномъ боѣ и въ сопровожденіи двухъ отрядовъ милиціи ихъ вынесли бережно на главную площадь, гдѣ собраны были всѣ милиціонеры. Бригадный генералъ Стратико сказалъ трогательную рѣчь собравшимся и повелѣлъ отнесть штандарты въ каѳедральный соборъ. Здѣсь отслуженъ былъ Te deum, послѣ чего со слезами на глазахъ Стратико, а за нимъ и весь отрядъ, въ числѣ 160 человѣкъ, подошли приложиться въ послѣдній разъ къ расположеннымъ на алтарѣ знаменамъ; такъ много пролито было слезъ, что знамена, прибавляетъ очевидецъ, точно были опущены въ воду. Церковь оглашалась воплями и стенаніемъ, весь народъ былъ въ отчаяніи; въ теченіе цѣлаго дня никто не вышелъ на улицу, свидѣтельствуя тѣмъ о своемъ горѣ [1]).

Еще большую преданность святому Марку обнаружило населеніе южной Далмаціи. Въ Перасто, въ Ризано, въ Глановичѣ, жители встрѣтили австрійцевъ съ оружіемъ въ рукахъ. Но, разумѣется, вскорѣ они принуждены были сдаться. Конецъ республики святого Марка ознаменовался въ Перасто трогательнымъ обрядомъ погребенія знаменъ подъ алтаремъ главной церкви. Старѣйшина общины произнесъ по этому случаю на венеціанскомъ нарѣчіи слѣдующее слово: «да знаетъ потомство и вся Европа, что Перасто достойнымъ образомъ и до послѣдней минуты поддерживало честь венеціанскаго знамени. Похоронимъ его теперь, обливъ предварительно нашими слезами. Въ теченіе 377 лѣтъ наша преданность и доблесть охраняли его и на морѣ, и на сушѣ противъ всѣхъ враговъ государства и церкви. Въ теченіе 377 лѣтъ мы жертвовали для тебя, о святой Маркъ, имуществомъ, кровью и жизнью, счастливые сознаніемъ, что ты съ нами и мы съ тобою и что всегда, при твоей помощи, мы были и будемъ неустрашимы и побѣдоносны!

---

1) Смотри Girolamo Dandolo, La caduta de la republica, Appendice, стр. 266.

Никто не видѣлъ насъ бѣгущими или разбитыми. Если бы переживаемыя нами печальныя времена, ознаменованныя непредусмотрительностью, раздорами, произволомъ, нарушеніемъ естественнаго и международнаго права, не отняли у тебя, святой Маркъ, всей Италіи, мы бы охотнѣе погребли себя съ тобою, чѣмъ видѣть то, что мы видимъ. Но теперь намъ остается только похоронить тебя въ нашемъ сердцѣ. Лучшей похвалой тебѣ могутъ служить проливаемыя нами слезы [1]).

Извѣстіе о потерѣ Далмаціи вызвало въ средѣ венеціанскихъ властей сильное отчаяніе. Не зная характера состоявшихся соглашеній между Наполеономъ и австрійцами, муниципалитетъ возложилъ всю отвѣтственность на патриціевъ, громко обвиняя ихъ въ измѣнѣ и предвидя возможность заговора въ самой Венеціи. Новый посолъ въ Парижѣ, Санъ-Фермо, поддерживалъ временное правительство въ этой увѣренности своими сообщеніями. Въ засѣданіи 29-го августа доложена присланная имъ меморія турецкаго резидента, обращенная къ директоріи и въ которой значилось, что Порта не можетъ отнестись равнодушно къ занятію двухъ провинцій дружественной ей державы и не допускаетъ мысли, чтобы оно произошло съ вѣдома и согласія начальника французскихъ войскъ. Порта сохраняетъ увѣренность, что директорія силою вернетъ отнятыя провинціи. Чтеніе встрѣчено аплодисментами, и народу временно возвращена иллюзія, что провинціи потеряны не безвозвратно. Еще раньше [2]), при одномъ извѣстіи о входѣ австрійскихъ войскъ, комитетъ общественнаго спасенія, назначенный муниципіей, опять-таки въ подражаніе французамъ, подымаетъ вопросъ о преслѣдованіи Кверини и Морозини и о конфискаціи ихъ имуществъ. Надежда на возвращеніе Истріи и Далмаціи не покидаетъ муниципалистовъ до самаго конца. Не раньше 3 октября въ стѣнахъ собранія доложена депеша Дандоло, посланнаго для личныхъ переговоровъ съ Наполеномъ. Въ ней значится, что генералиссимусъ соглашается на возсоединеніе всѣхъ земель, нѣкогда принадлежавшихъ святому Марку, включая въ ихъ

---

1) Dandolo, стр. 26 и 27 приложенія.

2) Quadro sessioni publiche, № 56.

число Истрію, Далмацію и Албанію, «нынѣ занятыя австрійскимъ тираномъ».

На самомъ же дѣлѣ французы не только не принимаютъ никакихъ мѣръ къ возвращенію напередъ уступленныхъ ими провинцій, но еще стараются обезпечить себѣ поскорѣе ту часть добычи, какая выговорена была въ проектѣ раздѣла венеціанскихъ владѣній въ Леобенѣ. По вѣрному замѣчанію Сореля, Наполеонъ еще въ эпоху италійскаго похода думалъ о томъ, чтобы сразиться съ Англіей на востокѣ и прогнать ее съ средиземно-морского побережья. Для этого ему одинаково были дороги и Анкона, передававшая въ его руки владычество надъ Адріатикой, и Іоническіе острова, обезпечивавшіе преобладаніе въ Архипелагѣ. Въ письмахъ къ директоріи онъ не разъ возвращается къ той мысли, что Франціи придется сразиться съ Англіей на востокѣ и потому захватить Египетъ. Возможность разрыва съ Турціей не пугаетъ его, такъ какъ, по его мнѣнію, раздѣлъ этой имперіи неизбѣженъ и Франціи надлежитъ только заблаговременно обезпечить себѣ часть добычи. Но Анкона и Іоническіе острова лежатъ на пути къ Леванту, точно также, Мальта и Эльба. Почему не захватить первую и не потребовать послѣдней отъ папы? Надо помѣшать присвоенію Австріей Рагузы, Неаполя, Анконы, Корфу, Занте и Кефалоніи [1]).

Чтобы осуществить по крайней мѣрѣ часть составленной такимъ образомъ программы, Наполеонъ, при открытіи военныхъ дѣйствій противъ венеціанцевъ, даетъ приказъ захватить острова Архипелага, входившіе въ составъ владѣній святого Марка. Въ письмѣ къ генералу Жентили, мы читаемъ: «вы сдѣлаете возможное и невозможное, чтобы завоевать привязанность къ намъ населенія. Если бы оно обнаружило склонность къ независимости, вамъ придется поддерживать въ немъ эту надежду и во всѣхъ вашихъ манифестахъ говорить о Греціи, Аѳинахъ и Спартѣ. Эленисту Арно предписано помогать Жентили въ составленіи

---

[1]) Письма къ директоріи отъ 26 мая, 16 августа и 13 сентября 1797 года. Приведены въ извлеченіи у Сореля (De Léoben à Campo-Formio. Revue des deux Mondes 1 апрѣля 1895 г., стр. 495).

этихъ манифестовъ. Самъ Бонапартъ пишетъ главѣ Маніотовъ, какъ къ достойному потомку Спарты. Острова заняты и 28-го іюня въ Корфу глава духовенства подноситъ французскому генералу въ подарокъ не что иное, какъ Одиссею, прибавляя: «читая эту книгу, вынесете уваженіе къ тому простодушному и мало свѣдущему въ наукахъ и искусствахъ населенію, которое живетъ на нашихъ островахъ. Совершенно въ духѣ этого привѣтствія, Бонапартъ распоряжается тѣмъ, «чтобы трехцвѣтное знамя было водружено на развалинахъ дворца Одиссея». Французскій полководецъ такъ дорожитъ своими новыми пріобрѣтеніями, что объявляетъ Корфу, Занте и Кефалонію болѣе драгоцѣнными для Франціи, чѣмъ вся Италія [1]). Венеціанскимъ патріотамъ приходится наложить на себя печать молчанія; рѣдко когда въ дебатахъ тотъ или другой изъ членовъ муниципалитета позволитъ себѣ упоминаніе въ числѣ другихъ потерянныхъ Венеціей царствъ и о Мореи. Кто нибудь изъ товарищей спѣшитъ прервать его замѣчаніемъ, что владѣнія въ Левантѣ не имѣютъ ничего общаго съ судьбами Италіи [2]). Въ засѣданіи 19-го августа постановлено даже, къ вящшему прославленію демократіи, отпечатать тотъ отчетъ, въ которомъ генералъ Жентили сообщаетъ о занятіи имъ Іоническихъ острововъ и посажденіи на нихъ древа свободы. Этимъ, думаетъ депутатъ Сордина, разсѣяны будутъ тревожные слухи, распространяемые о событіяхъ въ Левантѣ [3]).

Не меньше оптимизма обнаруживаютъ патріоты касательно возможнаго возсоединеніи Terra Ferma и образованія цѣлой сѣверо-италійской федераціи, въ составъ которой, наравнѣ съ Цизальпиной, вошла-бы и бывшая республика Святого Марка. Еще 3-го іюля комитетъ общественнаго спасенія возбуждаетъ вопросъ о пользѣ такого объединенія и предлагаетъ устройство своего рода плебисцита съ цѣлью узнать отношеніе къ нему

1) Письма къ Жентили отъ 26-го мая, къ главѣ Маніотовъ отъ 30-го іюля, къ директоріи отъ перваго и 16-го августа, 13-го и 16 го сентября 1797-го года, въ Correspondence de Napoléon 1-er; томъ III, приведены Сорелемъ. Ibid., стр. 496-я.

2) Quadro sessioni publichae, № 60-й, стр. 473.

3) Quadro sessioni publiche, № 50.

венеціанскаго населенія [1]). Этотъ плебисцитъ уже 5-го іюля даетъ 35,000 голосовъ въ пользу уніи. Предложено увѣдомить о результатѣ генералиссимуса и послать на конгрессъ въ Бассано Батагліа, приглашая города Terra Ferma къ отправкѣ каждая двухъ депутатовъ на тотъ-же конгрессъ. Поведеніе бывшихъ провинцій по отношенію къ метрополіи вызываетъ не разъ горькія жалобы со стороны муниципалистовъ. «Почему, восклицаетъ депутатъ Галино, онѣ не послѣдовали примѣру Франціи, которая не вздумала обращать департаменты въ независимыя государства, но озаботилась устройствомъ единой націи. Какая жалость, что каждый городъ Terra Ferma хочетъ отдѣлиться; иначе можно было-бы создать могущественную державу. Зуліани думаетъ, что лучшимъ средствомъ склонить Terra Ferma къ союзу — убѣдить ее въ томъ, что всѣ бѣдствія, на какія она жалуется, проистекли отъ аристократіи и что венеціанскіе демократы только желаютъ дружбы и равноправнаго единенія со всей Италіей. Знаете-ли вы, восклицаетъ онъ, какъ принято было въ Terra Ferma извѣстіе о потерѣ нами Истріи и Далмаціи? Со смѣхомъ и со всѣми признаками явнаго довольства. Венеція не будетъ-молъ болѣе первенствовать надъ нами; принуждена склонить шею и искать союза. Безумная и несправедливая ненависть, какую мы возбуждаемъ, — послѣдствіе преступленій, совершенныхъ павшимъ правительствомъ. Но почему дѣлать насъ отвѣтственными за ненавистное поведеніе тирановъ? Вѣдь мы терпѣли отъ него не меньше и даже больше другихъ. Знаете, какъ положить конецъ этой ненависти? Убѣдивши, что политика прежнихъ аристократовъ намъ чужда, что мы желаемъ единенія со всей Италіей, нимало не настаивая на первенствѣ Что, если бы послать патріотовъ-муниципалистовъ въ Тревизо, во Фріуль, въ Падую, Винченцу, съ приглашеніемъ принять участіе въ конгрессѣ, изъ котораго-бы вышло единство Италіи?» [2])

Несмотря на этотъ неоднократный призывъ, Terra Ferma хранитъ упорное молчаніе. Не изъ Падуи и Вероны приходитъ

---

1) Quadro sessioni publiche, № 21.

2) Quuadro sessioni publiche, № 22, стр. 176.

въ отвѣтъ предложеніе братства и единенія, а изъ Мантуи, дотолѣ состоявшей въ рукахъ австрійцевъ [1]). Дандоло объясняетъ противодѣйствіе Terra Ferma страхомъ, какъ-бы ей не пришлось участвовать въ покрытіи дефицита въ 43 съ лишнимъ милліона, оставленнаго прежнимъ правительствомъ. Чтобы успокоить ее, онъ старается показать, что Венеція богатствомъ своихъ публичныхъ и общественныхъ учрежденій, своимъ арсеналомъ, монетнымъ дворомъ, госпиталями, торговыми и ремесленными гильдіями, представляетъ такой значительный капиталъ, что Цизальпина можетъ только выиграть отъ союза съ нею [2]). Но все это, разумѣется, не ведетъ ни къ чему и Terra Ferma упорствуетъ въ своемъ отказѣ.

При такихъ условіяхъ трудно положить даже основы того департаментскаго устройства, о которомъ говорилось при самомъ провозглашеніи новаго правительства.

Кіоджіа, правда, выбираетъ депутатовъ для засѣданія рядомъ съ венеціанскими,—но этого далеко недостаточно, и открытіе департаментскаго собранія не можетъ состояться.

Не болѣе успѣшны попытки объединить сѣверную Италію, слившись съ Цизальпиной въ единую республику. Правда, Сантъ-Фермо увѣдомляетъ изъ Парижа, что вслѣдъ за паденіемъ Карно отозванъ и генералъ Кларкъ, якобы враждебный такому объединенію; такъ, что теперь все дѣло зависитъ отъ Бонапарта и достаточно послать ему запросъ о томъ, чтобы достигнуть желаемаго [3]).

Наполеонъ не только не оправдываетъ этихъ надеждъ, но послѣ заключенія договора въ Кампо-Форміо еще предписываетъ задержаніе венеціанскихъ уполномоченныхъ, посланныхъ заявить директоріи о готовности ихъ родины войти въ составъ единой сѣверо-италійской республики.

Терпя пораженіе въ основномъ вопросѣ, отъ котораго зависѣло будущее венеціанской демократіи, муниципалитетъ въ то же время поставленъ въ необходимость изыскивать средства къ покрытію громаднаго дефицита въ 48 милліоновъ, оставленнаго

---

[1]) Quadro sessioni publiche, № 63.

[2]) Ibid., № 50.

[3]) Quadro sessioni publiche, № 76.

ему прежнимъ правительствомъ, и удовлетворять денежнымъ обязательствамъ, принятымъ Венеціей при заключеніи мирнаго договора съ Бонапартомъ. Эти обязательства состояли въ платежѣ трехъ милліоновъ франковъ деньгами и трехъ другихъ пенькою, снастями и вообще корабельными принадлежностями, да еще въ уступкѣ трехъ морскихъ судовъ, по усмотрѣнію генералиссимуса, двадцати картинъ и пятисотъ рукописей по его выбору. Чтобы удовлетворить денежнымъ требованіямъ, уплата которыхъ въ размѣрѣ одного милліона должна была воспослѣдовать въ іюнѣ, муниципалитету трудно было разсчитывать на одинъ доходъ, доставляемый откупомъ косвенныхъ сборовъ съ табаку, соли и оливковаго масла. Съ потерею Terra Ferma эти доходы сократились болѣе чѣмъ на половину, благодаря возможности ввозить названные продукты, минуя Венецію, устьями По и портами Истріи. Простонародье, терпѣвшее при прежнемъ правительствѣ отъ дороговизны табаку, предалось открытой контрабандѣ, и хотя цѣны на табакъ и были понижены на половину, благодаря соглашенію правительства съ откупщикомъ, но все же потребовалось не мало усилій, чтобы положить конецъ контрабандѣ и спасти одну изъ тѣхъ доходныхъ статей, которыя не были еще исчерпаны павшимъ правительствомъ. О возобновленіи подоходнаго налога въ формѣ десяти или пятнадцати-процентнаго сбора нечего было и думать, такъ какъ жители уже уплатили его и доставленныя податью средства поглощены были затратами на оборону. Немного обѣщала также конфискація церковной утвари, такъ какъ и это средство было испробовано и, въ виду значительности накопившихся у правительства серебряныхъ сосудовъ и слитковъ, не легко было найти выгодныхъ покупателей, особенно имѣя въ виду всеобщее обѣднѣніе. Что оставалось дѣлать въ такихъ условіяхъ, какъ не прибѣгнуть къ насильственному займу. Комитетъ общественнаго спасенія предписалъ его производство въ засѣданіи 28 мая въ размѣрѣ одного милліона дукатовъ, съ обѣщаніемъ возмѣстить занятое доходомъ отъ проектируемой чрезвычайной подати. Но такъ какъ никто не вѣрилъ въ это обѣщаніе, то неудивительно, если заемъ встрѣтилъ съ самаго начала серьезную оппозицію. По настоянію Спады, рѣшено было замѣнить его добровольнымъ займомъ подъ

залогъ лежавшихъ въ монетномъ дворѣ серебряныхъ слитковъ и съ обязательствомъ платить выговоренный процентъ. Но и этимъ путемъ можно было реализировать всего на всего 3,568,000 венеціанскихъ лиръ. Чрезвычайный налогъ оказывался неизбѣжнымъ, и муниципалитетъ остановился на этой мысли въ серединѣ іюня, когда постановлено было, что общая сумма сбора въ 2,500,000 распредѣлена будетъ въ слѣдующемъ порядкѣ между владѣльцами недвижимой собственности, торговцами и мореплавателями, наконецъ, людьми зажиточными, хотя и не имѣющими земель и домовъ. Первые призваны были уплатить 1,200,000 дукатовъ, вторые 1,000,000, третьи всего 300,000. Для земельныхъ собственниковъ установленъ 4% сборъ съ цѣнности ихъ имуществъ, опредѣляемый размѣромъ арендной платы, которая признавалась также представляющей собою не болѣе 4% съ капитала. Очевидно, не всѣ недвижимости могли подвергнуться такой оцѣнкѣ. Дворцы патриціевъ, ими самими занимаемые, не были отнесены, правда, къ числу бездоходныхъ имуществъ, но получили особую оцѣнку. Тягость новаго сбора для патриціевъ еще возросла, благодаря тому обстоятельству, что мелкая земельная собственность, доходъ съ которой едва удовлетворялъ насущнымъ издержкамъ семьи владѣльца, изъята была отъ обложенія. Что касается до сбора съ торговцевъ, то значительная часть его возложена была на иностранныхъ купцовъ. Турки протестовали, ссылаясь на привилегіи, признанныя за ними договоромъ въ Пассоровицѣ. Нѣмцы нашли защитника въ лицѣ французскаго генерала, очевидно, руководимаго въ данномъ случаѣ тѣми же соображеніями, какія повели къ соглашенію въ Леобенѣ. Въ результатѣ оказалось, что налогъ всѣмъ своимъ бременемъ палъ на дворянство и высшую буржуазію, объединяя ихъ, такимъ образомъ, въ ненависти къ демократіи [1]).

Обложеніе аристократовъ непосильными тягостями не ограничивается сказаннымъ. Муниципалитетъ рѣшаетъ еще возложить на нихъ содержаніе національной гвардіи. Каждый обязанъ сна-

---

[1]) Memorie apologetiche di Giovanni Andrea Spada scritte da lui medesimo, parte seconda, Brescia, 1801, стр. 20 по 35.

рядить и доставить пропитаніе четыремъ гвардейцамъ. Джуліани, вносящій это предложеніе, считаетъ однако возможнымъ выгородить себя отъ обвиненія въ посягательствѣ на принципы. Вѣдь собственность болѣе всего нуждается въ той защитѣ, какую доставляетъ милиція, а кто, какъ не аристократы сосредоточиваютъ земли въ своихъ рукахъ? Постановлено обязать всѣхъ, чей доходъ выше пяти тысячъ дукатовъ, къ ежедневному выбору изъ своей среды десяти гражданъ, на которыхъ падало-бы вооруженіе 25 гвардейцевъ [1]). Задѣтые въ ихъ имущественныхъ интересахъ, дворянскіе роды Венеціи постоянно чувствовали себя оскорбленными въ своей чести, благодаря непрекращающимся нападкамъ на аристократію, какъ въ средѣ муниципалитета и того сообщества для публичнаго обученія, которому въ Венеціи суждено было играть роль якобинскаго клуба въ Парижѣ, такъ и со стороны многочисленныхъ газетчиковъ и памфлетистовъ, однообразно повторявшихъ обвиненія въ безтолковости и измѣнѣ, обнаруженныхъ яко бы венеціанской олигархіей въ послѣдніе годы и мѣсяцы ея существованія. Стоитъ заглянуть въ протоколы городского совѣта или прочесть рѣчи, произносимыя въ клубахъ, чтобы вынести впечатлѣніе о непрекращающейся враждѣ венеціанскихъ демагоговъ къ патриціанскимъ семьямъ. Четырнадцативѣковое существованіе Венеціи, ознаменованное побѣдами на отдаленномъ востокѣ, главенствомъ въ международной торговлѣ, внутреннимъ миромъ и процвѣтаніемъ, объявляется эпохою позора для человѣчества [2]). Олигарховъ обвиняютъ въ расхищеніи средствъ государства въ обложеніи народа непосильными тягостями [3]), въ полномъ невниманіи къ его умственнымъ интересамъ, въ тайномъ поощреніи его пороковъ, въ частности любви къ азартнымъ играмъ, однимъ словомъ, держать его въ цѣпяхъ невѣжества и бѣдности и въ вѣчномъ страхѣ правительства. Одно заглавіе выходящихъ въ это время памфлетовъ указываетъ на то, что на-

---

1) Quadro sessioni publiche, № 81.

2) Venezia gia 14 secoli non era niente. Ora è la meraviglia del Mondo. Quadro sessioni publiche, № 53.

3) Sotto l'ingustizia Aristocratica i pesi erano del Popolo quando i Beni reali dell' esistenza e della societa erano dei Proprietari. Ibid., № 75.

падки на аристократію составляли злобу дня и могли разсчитывать на широкій успѣхъ. «Паденіе венеціанской республики или рѣчь къ народу Венеціи о поведеніи тысячи его Тарквиніевъ», Рѣчь венеціанскаго народа къ аристократамъ» [1]), «Суверенъ, сдѣлавшійся подданнымъ», «Разсужденія, заимствованныя изъ Евангелія и клонящіяся въ пользу демократіи», «Нравственныя, политическія и экономическія средства бывшихъ дворянъ», «Заговоръ венеціанскихъ олигарховъ», — таковы обычныя заглавія этихъ брошюръ. Когда одинъ изъ участниковъ муниципалитета, Бембо, позволяетъ себѣ однажды не похвалу, а только вздохъ по адресу прежняго правительства, президентъ грубо останавливаетъ его, замѣчая, что такое поведеніе крайне неумѣстно и что павшее правительство не заслуживаетъ никакого соболѣзнованія. Аристократовъ обвиняютъ въ распространеніи ложныхъ слуховъ о предстоящемъ будто бы приходѣ австрійскихъ войскъ; пускается въ ходъ особый терминъ алармистовъ для обозначенія тѣхъ изъ нихъ, которые хотятъ повредить успѣхамъ демократіи возбужденіемъ тревоги въ жителяхъ. Несомнѣнные патріоты, въ родѣ Пезаро, объявляются предателями (scellerati) [2]); ихъ имуществу грозитъ конфискація за одинъ фактъ удаленія изъ предѣловъ Венеціи. Чтобы сдѣлать аристократовъ возможно ненавистными простонародью, муниципалитетъ на основаніи одного частнаго письма, въ которомъ Морозини критиковалъ его дѣйствія и пророчилъ ему гибель, не только принимаетъ мѣры къ захвату имуществъ этого аристократа въ казну, но и распоряжается публичнымъ сожженіемъ его восковой фигуры. Неудивительно, если въ такихъ условіяхъ дворяне спѣшатъ покинуть Венецію и удаляются въ свои загородныя резиденціи на берега Бренты. Но и это поведеніе кажется муниципалитету явнымъ заговоромъ противъ благополучія родины, такъ какъ послѣдствіемъ его можетъ быть только обнищаніе и голодъ. Чтобы задержать аристократовъ въ городѣ, муниципалитетъ возобновляетъ паспортную систему. Никто впредь не можетъ покинуть Венеціи, не запасшись предварительно осо-

---

1) Приложеніе къ № 23. Quadro sessioni publiche и къ номеру 43.
2) Ibid., № 75.

бой бумагой—carta di sicurezza, удостовѣряющей его личность и срокъ, на который онъ отпущенъ. Кто пропуститъ этотъ срокъ, подлежитъ сперва штрафу, а затѣмъ вызову на родину. Кто не подчинится приказу властей и продолжитъ свое отсутствіе [1]), лишается имуществъ. Вотъ какими мотивами защищаютъ демагоги эту мѣру, воскресившую худшія стороны стараго порядка. «Не будемъ смѣшивать, говоритъ Джуліани, свободы съ произволомъ. При аристократахъ свободными были только шпіоны и друиды (подъ которыми разумѣются члены духовенства). Научимся теперь, какъ руководить свободой. Предполагаемая мѣра позволитъ отличить добрыхъ отъ злыхъ. Полицейскій комиссаръ пріобрѣтетъ возможность имѣть точныя свѣдѣнія о каждомъ, но честный гражданинъ всегда готовъ принесть въ пользу свободы даже ту жертву, какой можетъ быть для него временное задержаніе». На замѣчаніе Буевича, что такихъ препятствій къ передвиженію не знала даже венеціанская олигархія, слѣдуетъ призывъ къ порядку, мотивированный тѣмъ соображеніемъ, что ораторъ признаетъ господство свободы тамъ, гдѣ на самомъ дѣлѣ было рабство (perche ricorda la libertà di tempo di schiavitu). Но такихъ стѣсненій не знаетъ ни одно современное правительство, восклицаетъ Молинъ. Видно, что вы не изучали исторіи французской революціи, слѣдуетъ отвѣтъ, который раскрываетъ намъ, такимъ образомъ, источникъ, откуда венеціанскіе демагоги заимствовали свою чисто якобинскую мѣру [2]).

Дѣйствуя въ томъ же направленіи, муниципалитетъ возлагаетъ на отвѣтственность патриціевъ даже такіе несчастные случаи, какъ пожары, весьма участившіеся къ началу осени. Слѣдуя опять-таки французскому образцу, Сордина требуетъ установленія революціоннаго трибунала для раскрытія мнимыхъ поджигателей [3]). Аристократамъ приписывается и рознь, постепенно проникшая въ среду муниципалитета и разбившая его на два лагеря: ярыхъ и умѣренныхъ. Первые въ числѣ 43 считали своими вождями Дандоло и Джуліани, вторые включили въ свои ряды нѣкоторыхъ аристократовъ-народолюбцевъ и та-

[1]) Засѣданіе 11 сентября 1797 года.

[2]) Quadro sessioi publiche, № 64.

[3]) Ibid., № 67.

кихъ патріотовъ, какъ Спада, поплатившихся заключеніемъ въ піомби за преданность къ демократическимъ принципамъ и возвращенныхъ къ свободѣ не ранѣе паденія самой аристократіи. Хотя президенту и удается примирить враждующія партіи, бросивъ ихъ въ объятія другъ друга, но съ слѣдующаго дня якобинское большинство возвращается къ принятію самыхъ ненавистныхъ для меньшинства мѣръ. 3 октября оно представляетъ цѣлый списокъ лицъ, виновныхъ въ удаленіи изъ Венеціи, и потому объявленныхъ эмигрантами. Ихъ имущества предложены къ конфискаціи, при чемъ часть должна быть пріурочена къ созданію центральнаго госпиталя подъ названіемъ «дома отечества» (casa patria), а другая пойти въ помощъ патріотамъ, т. е. ближайшимъ виновникамъ демократическаго переворота. Въ спискѣ на ряду съ уже извѣстными намъ Морозини и Андреа Кверини встрѣчаются имена представителей знаменитыхъ аристократическихъ родовъ Барбаро, Корнеръ, Донди Орололджіо, Дона, Соранцо, Мочениго. Всѣ попытки меньшинства отклонить принятіе такой мѣры, оказываются тщетными. Карминати объясняетъ причину суровостей противъ эмигрантовъ, говоря: къ чему клонились запреты и система паспортовъ? Очевидно, къ тому, чтобы своимъ удаленіемъ изъ Венеціи патриціи не повергли ее въ нищету, а поэтому безразлично, выбыли ли они въ собственныя помѣстья или удалились въ Миланъ. Чего ради бѣгутъ они изъ Венеціи; нѣтъ у нихъ что-ли театра, который они такъ любятъ, и другихъ развлеченій? Они удаляются въ надеждѣ сдѣлать ее добычей голода. Майнарди съ рѣдкимъ макіавелизмомъ замѣчаетъ, что не только не слѣдуетъ отказывать въ паспортахъ, но, наоборотъ, всячески содѣйствовать выѣзду патриціевъ, такъ какъ при невозвращеніи въ срокъ можно будетъ конфисковать ихъ имущества. Бенини находитъ, что это уже слишкомъ. Но и онъ настаиваетъ на необходимости стѣснить свободу передвиженія. «Дайте патриціямъ только волю выбыть изъ Венеціи, и они наводнятъ собою берега Брента и Терраліо. Стали бы мы удерживать враговъ народа, если бы ихъ присутствіе не было необходимо, какъ средство дать заработокъ нуждающимся. Къ тому, не безопасно выпускать ихъ изъ Венеціи; разъ очутившись въ своихъ помѣстьяхъ, они могутъ организо-

вать враждебное демократіи движеніе.» Народъ, занимающій трибуну, окружаетъ Бенини и многіе даютъ ему братскій поцѣлуй.

Описанное происходитъ третьяго октября; 8 въ засѣданіе является смѣнившій Барагвэ д'Илье, генералъ Баландъ; тотъ самый, который громилъ веронцевъ, возставшихъ въ защиту своихъ очаговъ. Муниципалитетъ дѣлаетъ ему овацію, а демократическіе листки прославляютъ «геніальность его наружности». Баландъ приноситъ отъ Бонапарта извѣстіе, что инквизиторы, арестованные синьеріей по его приказу, въ виду предстательства временнаго правительства и самой ихъ дряхлости, великодушно отпускаются имъ на свободу, но подъ условіемъ, чтобы половина ихъ имущества была конфискована и роздана патріотамъ, потерпѣвшимъ отъ безпорядковъ 12 мая. При этомъ нисколько не принимается въ разсчетъ, что самые эти безпорядки открылись тогда, когда инквизиторы были уже въ тюрьмѣ и, слѣдовательно, не могли принять въ нихъ никакого участія.

Французскій генералъ требуетъ также изгнанія изъ Венеціи всѣхъ эмигрантовъ, въ числѣ ихъ знаменитаго д'Антрега, котораго, повидимому, безъ всякаго основанія, считали ближайшимъ виновникомъ веронской Пасхи.

Предвидя возможность задержанія, д'Антрегъ спѣшитъ изъ Венеціи, переодѣтымъ и въ обществѣ русскаго посла Мордвинова. Его сопровождаетъ извѣстная актриса Санъ-Губерти, которой и поручена забота о храненіи тайныхъ бумагъ и корреспонденціи. Аванпосты задерживаютъ бѣглецовъ и, хотя Санъ-Губерти и удается уничтожить два портфеля, но третій съ бумагами, раскрывающими весь планъ тайныхъ переговоровъ Пишегрю съ Бурбонами, попадаетъ въ руки Бонапарта и служатъ ему со временемъ могущественнымъ орудіемъ къ устраненію опаснаго конкуррента, уже ознаменовавшаго себя завоеваніемъ Голландіи [1]. Большинство эмигрантовъ составляли не принявшіе гражданской присяги священники, болѣе или менѣе необезпеченные, болѣе или менѣе симпатичные простонародью. Ихъ удаленіе встрѣтило поэтому, если не протестъ, то сильное недовольство въ Венеціи. Многіе со временемъ получили воз-

[1] Sorel, Revue des deux Mondes, перваго апрѣля 1895, стр. 499 и 500.

можность найти заработокъ, благодаря тайному покровительству Наполеона, который видѣлъ въ нихъ надежныхъ агентовъ для проведенія собственной политики въ средѣ жителей папской области и обѣихъ марокъ.

Если ко всѣмъ указаннымъ причинамъ прибавить еще пристрастіе муниципалитета къ театральнымъ манифестаціямъ, въ которыхъ французы, ихъ великій полководецъ и даже его жена, Жозефина Богарнэ, вздумавшая посѣтить Венецію и нашедшая торжественную встрѣчу въ стѣнахъ собранія, объявляются освободителями Италіи и славословятся на ряду съ Брутомъ и Руссо, тогда какъ аристократы признаются тиранами и прахъ дожа Пьетро Градениго разсѣивается на вѣтеръ, то не мудрено будетъ понять злобу, какую бывшіе правители Венеціи постепенно накопили въ своемъ сердцѣ противъ муниципалитета. Она доходила до того, что Джовани Гримани въ Вѣнѣ отказывался даже предъявить протестъ противъ занятія Истріи и Далмаціи австрійскими войсками. На требованіе муниципалитета венеціанскій патрицій не постыдился отвѣтить: «я не могу быть посломъ несуществующаго правительства» [1]).

Переписка семьи Кверини какъ нельзя лучше знакомитъ насъ съ тѣмъ отношеніемъ, въ какое венеціанская аристократія стала ко временному правительству, и ту точку зрѣнія, съ какой она критиковала исходившія отъ муниципалитета мѣры. Вслѣдъ за событіями 12 мая Паоло Кверини пишетъ брату: «муниципалитетъ будетъ не болѣе, какъ рабомъ французовъ; хотя онъ и понизилъ цѣну на припасы путемъ сокращенія поборовъ съ хлѣба, оливковаго масла, соли и провозглашенія свободнаго торга рыбою, но народъ все же имъ недоволенъ. Правда, черни трудно подняться; десять или двѣнадцать тысячъ французовъ, занимающихъ Венецію, держатъ ее въ порядкѣ. Вы не узнаете больше вашей родины. Пушки расположены на площадяхъ святого Стефана и святого Павла, а также и въ другихъ мѣстахъ; вѣчно слышится громъ барабановъ, и проходятъ батальоны по улицамъ. Во всѣхъ домахъ отведены квартиры французамъ, которые распоряжаются всѣмъ, какъ хозяева, къ немалому не-

1) Spada, memoria apologeticha, часть вторая, стр. 52.

удобству и убытку дѣйствительныхъ владѣльцевъ. Объявленъ свободный ввозъ товаровъ и, чтобы замѣнить пошлины и создать новые источники дохода, неизбѣжными становятся децимы съ собственниковъ. Онѣ будутъ установлены, такъ какъ придется заплатить громадную сумму французамъ въ благодарность за свободу и избавленіе отъ ига аристократовъ». Возмущаетъ Кверини и поведеніе бывшихъ провинцій. Падуанцы, пишетъ онъ, на каждомъ шагу выступаютъ врагами венеціанцевъ и конфискуютъ ихъ земли и движимость. «Удивительное дѣло: почти повсюду демократія навязана была силой, и тѣмъ не менѣе дворяне сохранили свою собственность. Мы же, которые добровольно отказались отъ власти, соглашаясь на созданіе демократіи, наоборотъ, угнетены, оклеветаны, обобраны тѣми, которые въ теченіе вѣковъ были не столько нашими подданными, сколько нашими друзьями. Падуя въ этомъ отношеніи превзошла всѣхъ, изгоняя насъ со своей территоріи и объявляя, что навсегда разорванъ съ нами всякій союзъ. Падуя хочетъ слиться съ Ломбардіей. Какое безуміе! Какъ люди не хотятъ понять, что какова бы ни была судьба Венеціи, она по самому своему положенію, благодаря арсеналу и порту, всегда останется столицей, и не миновать Падуи того, чтобы снова сдѣлаться подданной къ ея немалому стыду и униженію» [1]).

Липомано въ свою очередь неистощимъ въ жалобахъ на клеветы, предметомъ которыхъ становятся бывшіе патриціи. «Ежеминутно, пишетъ онъ, выходитъ брошюра или газета, въ которой прославляется свобода и новый порядокъ вещей, да возводятся самыя незаслуженныя обвиненія противъ прежняго правительства. Спокойствіе только видимое; можетъ-ли быть оно, когда сердце неспокойно. Угрозы, терроръ, ежеминутное присутствіе людей вооруженныхъ, будутъ - ли то французскія войска, или патрули гражданъ, одни поддерживаютъ порядокъ. Но что будетъ съ нами и удастся ли намъ даже сохранить то, что нужно для существованія»?

Въ общемъ разгромѣ вопросы желудка начинаютъ пріобрѣтать перевѣсъ надъ остальными, и письма бывшихъ патриціевъ неза-

---

[1]) Письма отъ 17 и 20 мая.

мѣтно переходятъ отъ обсужденія политическихъ вопросовъ къ заботамъ о сохраненіи пріобрѣтеннаго. Все клонится къ тому, пишетъ Липомано 27 мая, чтобы уничтожить наше матеріальное благосостояніе. Благодаря отпаденію городовъ и провинцій, мы сдѣлались подданными стольких государствъ, сколько самостоятельныхъ территорій заключаетъ въ себѣ Terra Ferma. Всѣ они начали съ конфискаціи нашей собственности, но Бонапартъ воспротивился этому и приказалъ снять секвестръ. Тогда прибѣгли къ чрезвычайнымъ налогамъ съ цѣлью покрыть ими издержки на содержаніе французовъ [1]).

Изъ всѣхъ членовъ семьи Кверини, Джироламо всего болѣе даетъ подробностей о тягостяхъ, возложеныхъ на земли прежнихъ патриціевъ. Во многихъ провинціяхъ, пишетъ онъ, я принужденъ отказаться отъ имуществъ по невозможности удовлетворить невѣроятнымъ требованіямъ правительствъ. Въ Падуѣ берутъ 50% съ ренты, въ Веронѣ 200 и 300%. Въ этой послѣдней провинціи мы владѣемъ доходомъ въ 4 или 5 тысячъ лиръ и обложены 17,272. Въ Венеціи требуютъ уплаты впередъ годовой аренды съ домовъ (рѣчь идетъ объ уже упомянутомъ нами 4% сборѣ). Но этимъ не довольствуются, и проектирована чрезвычайная подать. Тягости такъ велики, что необходима трехгодичная рента для ихъ покрытія. Придется продать библіотеку, музей, оружія, картины, мебель, но все это обезцѣнено, такъ какъ у всѣхъ чувствуется недостатокъ денегъ. Даже серебро съ трудомъ поступаетъ въ продажу; унція его оплачивается всего 7 или 8 лирами [2]), что, при тогдашней дороговизнѣ серебра, представляетъ величину незначительную.

На ряду съ налогами устройство національной гвардіи и всеобщей воинской повинности, а также открытіе «патріотическаго сообщества», запугивающаго своимъ сходствомъ съ якобинскимъ клубомъ, упоминаются въ перепискѣ, какъ важнѣйшіе мотивы недовольства. Венеціанцы, пишетъ Липомано, не считаютъ себя

---

[1]) Письмо отъ 15 іюня.

[2]) Libertà, Virtú, Eguaglianza o L'ultimo ritornato dall' America. Dialogo di Tizio con Sempronio tenuto in Venezia, al caffe'di Simonetti in calle del ridotto a san Moise il giorno 5 Giugno 1797, anno primo della Libertà Italiana, стр. XXI, XXII-я.

19*

призванными къ несенію военной службы, такъ что созданіе гражданской гвардіи вызываетъ общее недовольство. Не ждалъ я, что и мнѣ придется служить солдатомъ, пишетъ въ свою очередь Паоло Кверини; остается запастись терпѣніемъ [1]).

Патріотическое общество, читаемъ мы въ той же перепискѣ, своими публичными лекціями заставляетъ многихъ призадуматься. Предложенія, дѣлаемыя въ немъ, напоминаютъ тѣ, какія еще недавно возникали въ средѣ якобинскаго клуба въ Парижѣ. Венеціанскихъ патриціевъ возмущаетъ также прославленіе Наполеона и французовъ, оваціи заднимъ числомъ по адресу демократовъ прошлыхъ столѣтій и между прочимъ Баямонта Тьеполо. Бонапартъ, котораго авторъ одной изъ распространеннѣйшихъ въ то время брошюръ объявляетъ «феноменомъ природы, человѣкомъ новаго чекана, героемъ надъ героями, достойнымъ своею доблестью всѣхъ похвалъ и всякой славы, величайшемъ стратегомъ, величайшемъ математикомъ, современнымъ Архимедомъ, современнымъ Александромъ, другомъ человѣчества, врагомъ насилія, защитникомъ порядка, заступникомъ угнетенныхъ и бичемъ тирановъ» [2]), въ ихъ изображеніи только озобоченъ тѣмъ, чтобы ограбить арсеналъ и дурачить венеціанцевъ, увѣряя, будто Истрія и Далмація захвачены австрійцами произвольно. Хорошо говорить это, не двигаясь съ мѣста, замѣчаетъ Паоло Кверини. Демократическія манифестаціи, какъ сопровождающіяся новыми оскорбленіями по адресу патриціевъ, глубоко задѣваютъ корреспондентовъ Альвизо Кверини. Паоло не безъ грусти сообщаетъ 17-го мая: древо свободы еще не посажено, но это воспослѣдуетъ вскорѣ. Десять дней спустя, сообщая о томъ, что церемонія отложена еще на нѣсколько дней, онъ говоритъ объ ужасахъ, распространяемыхъ печатью на счетъ прежняго правительства и въ частности по адресу инквизиторовъ, «этихъ пятисотлѣтнихъ тирановъ». Возмущаетъ его мысль и о балѣ по подпискѣ въ четыре франка, на которомъ женщины будутъ ходить безъ масокъ и французы явятся почетными гостями. Но самый

---

1) Смотри письма отъ 17, 20 и 27 мая.

2) Письмо отъ 15 іюня. Библіотека Кверини Стампалія, Class 7. Cod. 85. Serie di lettere di Girolamo Querini (1773 по 1820).

страшный ударъ его аристократическимъ убѣжденіямъ нанесенъ будетъ въ концѣ іюня торжественными похоронами, какъ онъ самъ выражается, Баямонту Тьеполо. По этому случаю на площади святого Марка водруженъ будетъ штандартъ съ надписью въ честь этого мнимаго демократа и уравнена съ землею могила Пьетро Градениго. «Кто бы могъ этому повѣрить, восклицаетъ оскорбленный патрицій. Увидимъ еще чудеса» [1]).

Не менѣе отрицательно отношеніе владѣтельныхъ классовъ Terra Ferma къ вновь установившимся порядкамъ. Надо прочесть дневникъ уже упомянутаго нами аббата Джузеппе Дженари, чтобы составить себѣ понятіе о томъ, какъ трудно было демократіи расположить въ свою пользу якобы освобожденныя ею населенія, главнымъ образомъ въ виду непосильныхъ тягостей, возложенныхъ французскимъ войскомъ, необходимости ограничить свободу и посягнуть на самый принципъ неприкосновенности собственности съ цѣлью избѣжать опасныхъ столкновеній съ мнимыми друзьями. Ежедневно, пишетъ 17-го мая аббатъ Дженари, муниципія обнародуетъ новые приказы; однимъ изъ нихъ запрещено говорить о текущихъ событіяхъ подъ страхомъ пени въ 12 дукатовъ, другимъ обѣщано денежное вознагражденіе доносчикамъ. Господа муниципалисты, вы, которые столько вопили противъ инквизиторовъ, какъ объяснить противорѣчія въ вашихъ поступкахъ? Что же вы сдѣлали съ нашей свободой мысли и слова? На слѣдующій день хроникеръ заноситъ въ свой дневникъ: французскій генералъ требуетъ 9000 цекиновъ, а муниципалитетъ не знаетъ, откуда добыть ихъ. 19-го, должно быть по случаю неисполненія этого запроса, французы проникаютъ въ каѳедральный соборъ и уносятъ изъ него серебряные сосуды. Одновременно муниципалисты срываютъ повсюду венеціанскій гербъ и уродуютъ крылатаго льва—эмблему святого Марка. 20-го, не довольствуясь утварью, французы требуютъ уже ракъ, въ которыхъ покоятся мощи святыхъ, и народъ, по выраженію очевидца, «трепещетъ отъ ужаса». Погромъ каѳедральнаго собора доставилъ французамъ 40,000 дукатовъ. Ободренные этимъ результатомъ, они рѣшились про-

---

[1]) Письмо отъ 22 іюня 1797 года.

известь то же въ другихъ церквахъ, не исключая той, въ которой покоятся мощи святого Антонія Падуанскаго. «Проклятые французы, значится въ дневникѣ, покончили 24-го мая свои грабительства въ церкви святого Антонія и то лишь потому, что завѣдующіе ею обязались выплатить имъ 1800 цекиновъ; въ противномъ случаѣ они грозили унесть раку съ языкомъ и челюстью святителя и тотъ серебряный ящикъ, въ которомъ хранится его пепелъ. А святой молчитъ и не дѣлаетъ ни одного изъ своихъ чудесъ»! 25-го монахи кармелитскаго ордена откупаются платежомъ 4000 лиръ отъ необходимости выдать серебряную утварь. 28-го французскій коммиссаръ уноситъ изъ церкви святой Юстины четырнадцать тысячъ унцій серебра и двѣ серебряныя статуи самой Юстины и святого Просдоцима. Перваго іюня монастырь въ Пралія обобранъ; унесено 4000 унцій серебра, 4000 дукатовъ и сто модіевъ пшеницы. Слѣдуя данному имъ приказу, крестьяне сосѣднихъ селеній одновременно «со слезами на глазахъ» приносятъ въ Падую серебро своихъ церквей.

Демократическій переворотъ ознаменовался здѣсь, какъ и повсюду въ Италіи, попыткой создать національную гвардію и подобіе якобинскаго клуба. 27 мая обнародованъ былъ декретъ, которымъ всѣ отъ 17-го по 60-й года жизни призваны къ оружію, а 29 открылось въ школѣ легистовъ первое засѣданіе патріотическаго сообщества. Раздоры не замедлили водвориться въ его средѣ. Особенно съ тѣхъ поръ, какъ аббатъ марки возбудилъ 31 мая вопросъ, въ какой мѣрѣ надлежитъ священникамъ участвовать въ рядахъ національной гвардіи. Оратору отвѣчалъ извѣстный патріотъ аббатъ Саванаролла, позволившій себѣ, по утвержденію нашего автора, рядъ личныхъ выходокъ и оскорбленій. Событія идутъ быстро. Отмѣтивши 7 іюня бурное засѣданіе патріотическаго клуба, авторъ дневника сообщаетъ десятаго, что манифесты исходятъ уже не отъ имени самодержавнаго народа Падуи, а отъ французской республики. 30-го генералъ Брунъ, въ рукахъ котораго сосредоточилось начальство дивизіей, получаетъ отъ Бонапарта приказъ смѣнить членовъ муниципалитета и назначить новыхъ, а 5 іюля Дже-

нари уже говоритъ, что слухъ о ближайшемъ прибытіи австрійскихъ войскъ все болѣе и болѣе упрочивается [1]).

Реформа внутренняго управленія, произведенная французами въ Падуѣ 30 іюня, четырнадцатью днями раньше воспослѣдовала и въ Веронѣ. Вмѣсто того, чтобы провозгласить всеобщее голосованіе, генералъ Ожеро предписалъ выборъ членовъ муниципалитета изъ лицъ, платящихъ не менѣе трехсотъ лиръ налога. Потребовалось вмѣшательство патріотическаго сообщества, чтобы понизить цензъ до ста лиръ прямого обложенія.

Избиратели должны были ограничиться выборомъ однихъ кандидатовъ. Послѣднее слово удержано было французами за собою. Когда 6 іюля представленъ былъ списокъ тѣхъ, кому народъ хотѣлъ поручить веденіе своихъ дѣлъ, Ожеро счелъ нужнымъ вычеркнуть половину именъ и замѣнить ихъ лицами по собственному усмотрѣнію [2]).

И въ Веронѣ обнаружилось стремленіе соединиться съ Цизальпиной. Народный плебисцитъ, организованный съ этой цѣлью, собралъ болѣе 60,000 голосовъ. На конгрессъ въ Бассано посланы были и отъ Вероны, и отъ Падуи депутаты съ цѣлью установить условія присоединенія къ Милану; но всѣ переговоры, разумѣется, не повели ни къ чему, такъ какъ судьбы Terra Ferma были уже предрѣшены Бонапартомъ.

Кратковременное владычество демократіи подъ эгидою французскаго войска стоило Веронѣ не мало денежныхъ пожертвованій. Въ іюлѣ возложена была на жителей подать въ три милліона семьсотъ тысячъ лиръ. Двухмѣсячное господство французовъ уже обошлось городу къ этому времени въ $8^1/_2$ милліоновъ, изъ которыхъ два милліона восемьсотъ тысячъ еще не были выплачены. За недостаткомъ денегъ пришлось обратиться къ реквизиціямъ, чрезвычайнымъ налогамъ и вымогательствамъ, жертвой которыхъ сдѣлались храмы и монастыри. 12 посланнымъ въ провинцію делегатамъ предписано было описать скирды

---

1) La Republica Francese a Padova..... Framenti di una cronaca inedita dell' abb—dot. Giuseppe Gennari (Faustissime Nozze Toffollati—Marseill).

2) Смотри Storia di Verona, dal. 1790—1822, D. Osvaldi Perini, томъ II, стр. 427 по 429.

хлѣба, стоги сѣна, наличное въ погребахъ вино и заготовленный для топлива лѣсъ. Установленъ одновременно налогъ на прислугу, однохарактерный съ тѣмъ, о какомъ говорилось въ нѣкоторыхъ французскихъ наказахъ 1789 года. Онъ имѣлъ подобіе налога на роскошь и падалъ поэтому не на кого иного, какъ на господъ. Признавалось, что число служителей можетъ быть показателемъ дохода, а такъ какъ имѣлось въ виду привлечь къ обложенію по преимуществу состоянія выше средняго, налогу придана была извѣстная прогрессивность. Кто имѣлъ двухъ служителей, платилъ за каждаго по десяти лиръ въ годъ, при четырехъ служителяхъ плата за каждаго была по пятнадцати лиръ, при семи—тридцать, при девяти—сорокъ, при одиннадцати—60, а при двѣнадцати и свыше—80. Одновременно открытъ заемъ съ обезпеченіемъ національнымъ имуществомъ. Но за недостаткомъ средствъ у жителей и въ виду ихъ недовѣрія къ новому правительству, предложеній почти не послѣдовало. Тогда рѣшились назначить коммиссію для описи церковныхъ имуществъ; на монастыри и храмы возложенъ былъ платежъ въ 1,000 дукатовъ, подъ страхомъ секвестра и конфискаціи. Одновременно предписанъ штрафъ въ 16 лиръ со всякаго, кто еще позволитъ именовать себя дворянскими титулами; но эта мѣра, только оскорбившая тѣхъ, противъ кого она была направлена, на самомъ дѣлѣ не принесла казнѣ никакого дохода [1].

Какъ и въ Венеціи, муниципалисты считали нужнымъ воспротивиться эмиграціи дворянъ изъ города и обложить тѣхъ, кто нарушалъ этотъ запретъ, высокими штрафами. Замѣнившій Ожеро въ серединѣ августа генералъ Брюнъ, извѣстный своимъ хищничествомъ по всей Италіи [2], снисходя къ ходатайству патріотическаго сообщества, согласился на изданіе приказа, которымъ запрещалось родителямъ и родственникамъ всякое сношеніе съ эмигрантами, въ частности посылка имъ денегъ. Сами эмигранты раздѣлены были на двѣ категоріи: тѣхъ, которые

[1]) Ibid., стр. 434 по 436.

[2]) Смотри на этотъ счетъ мемуары Ларевельеръ Лепо и въ частности донесенія, сдѣланныя директоріи ея дипломатическими агентами въ Италіи (томъ III названныхъ мемуаровъ).

покинули Верону до 25 апрѣля, эпохи демократическаго переворота, и тѣхъ, кто удалился изъ нея впослѣдствіи. У первыхъ конфисковывался весь доходъ, у вторыхъ половина его. Французскіе генералы присвоили себѣ право смягчать участь того или другого изъ эмигрантовъ, что, разумѣется, не замедлило сдѣлаться весьма выгодной для нихъ операціей. Муниципалитетъ конфисковывалъ одновременно вполнѣ или отчасти имущества монастырскихъ корпорацій, обращая ихъ зданія въ военные госпитали [1]).

Не мудрено, если при своемъ проѣздѣ чрезъ Верону, вслѣдъ за офиціальными привѣтствіями, Бонапарту пришлось прочесть расклеенную на стѣнахъ прокламацію со словами: «да здравствуетъ завоеватель Италіи и расхититель народовъ» [2]). Долгое время Верона, слѣдуя въ этомъ примѣру другихъ городовъ Terra Ferma и самой Венеціи, не хотѣла вѣрить распространившемуся еще съ іюля слуху о предстоящемъ прибытіи австрійцевъ. 20 октября по случаю проѣзда генерала Бертье, отправленнаго въ Парижъ съ текстомъ вновь заключеннаго договора, Брюнъ счелъ нужнымъ извѣстить муниципалитетъ о заключеніи мира, скрывая отъ него въ то же время ожидающую городъ участь.

Въ патріотическомъ сообществѣ или «собраніи для самообученія» послѣдовали тѣмъ не менѣе горячіе дебаты, едва не сопровождавшіеся его закрытіемъ. 27 австрійскій генералъ Шателеръ прибылъ для осмотра укрѣпленій, а 29 Бонапартъ при обратномъ проѣздѣ чрезъ Верону принужденъ былъ выслушать отъ убѣжденнаго патріота Джакомо Анджели горькіе упреки за неосуществленныя надежды и обѣщанія [3]). 19 ноября патріотическое общество собралось на послѣднюю изъ своихъ сессій. Аббатъ Вентури произнесъ нѣчто въ родѣ отходной, послѣ чего сожжены были всѣ эмблемы и символы сообщества. Тѣмъ не менѣе власти все еще преслѣдовали подъ наименованіемъ алармистовъ тѣхъ, кто открыто говорилъ о переходѣ Вероны во

---

[1]) Ibid., стр. 443 по 445.

[2]) Ibid., стр. 449.

[3]) Ibid., стр. 467 и 468.

власть австрійцевъ [1]). Французы продолжали обирать ее, унося изъ музея картины, статуи, тканные обои, книги и рукописи.

Только познакомившись въ частностяхъ съ тѣми непривлекательными сторонами, какими, благодаря чрезвычайности условій, сопровождалось торжество демократіи въ предѣлахъ республики святого Марка, можно понять отрицательное отношеніе, въ какое становится къ ней большинство выдающихся публицистовъ, не говоря уже о политическихъ дѣятеляхъ въ родѣ Пезаро и Антоніо Кверини [2]). Ихъ пропагандой подготовленъ былъ тотъ поворотъ въ общественномъ мнѣніи, который позволилъ австрійцамъ вступить въ обладаніе уступленной имъ областью, не проливши предварительно ни единой капли крови. Въ массѣ появившихся въ 1797 и слѣдующихъ годахъ брошюръ и трактатовъ, посвященныхъ, какъ мы видѣли, изложенію конечныхъ судебъ аристократіи или прославленію новаго порядка, особое мѣсто занимаютъ тѣ, которые появились за предѣлами Италіи: въ Цюрихѣ, Базелѣ или Лондонѣ. Ихъ авторами неизмѣнно яв-

---

[1]) Ibid., стр. 472. Мы не станемъ говорить въ подробности о томъ, что пережито было Бресчіей или Бергамо въ теченіе лѣта и осени 1797 года, такъ какъ съ отпаденіемъ отъ Венеціи оба города вошли въ сферу притяженія Цизальпинской республики и ихъ судьбы сложились далеко не по образцу прочихъ земель Terra Ferma. По соглашенію въ Леобенѣ теченіе Оліо должно было составить границу австрійскихъ владѣній и всѣ земли, расположенныя на правомъ берегу, отходили ко вновь созданной Бонапартомъ республикѣ. Достаточно сказать, что торжество французовъ въ Веронѣ было сигналомъ окончательнаго подавленія тѣхъ инсурекціонныхъ движеній, какія организованы были горцами Вальсабіи и Вальтромпіи. Ландріё и французскій генералъ Шевальє, проникшіе въ самое сердце этихъ долинъ, своими пушками разогнали жителей, которые вслѣдъ затѣмъ послали депутатовъ въ Сало для выраженія своей покорности. Смотри Riccobelli, Memorie storiche delle valli Trompia e Sabbia, стр. 167, томъ II. Mémoires de Landrieux, vol I, глава XVII.

[2]) Извѣстный ученый и литераторъ Пиндемонти, говоря о новыхъ принципахъ и въ частности о равенствѣ, пишетъ 21 октября 1797 года: природа не знаетъ его; все въ ней расположено по ступенямъ. Самую гармонію справедливо опредѣляютъ, говоря dissimilium concordia. Время и опытъ покажутъ, есть-ли основаніе предпочитать модныя ученія совѣтамъ прежнихъ мудрецовъ и указаніямъ природы (Nove lettere del cavaliere Ippolito Pindemonte, publicate per le nozze Cartolari — Sangiust di Teulada. Verona 1869 года, стр. 12).

ляются враги французовъ и покровительствуемаго ими режима. Извѣстный историкъ Барцони, Гвидо Эриццо, братъ генеральнаго коммиссара въ Веронѣ, Тонини и рядъ другихъ, имена которыхъ тщательно были скрыты отъ современниковъ и доселѣ остаются загадкой для историка. Насколько дружественные демократіи публицисты отличаются отсутствіемъ оригинальности и слѣпой подражательностью, настолько ея враги могутъ быть признаны самостоятельными въ критикѣ установленныхъ ею порядокъ и провозглашенныхъ ею принциповъ. Ни у кого, за исключеніемъ немногихъ французскихъ писателей въ родѣ Ривароля, Шамфора, Неккера, Мунье, Мале-дю-Пана и нѣкоторыхъ англійскихъ, съ Бёркомъ во главѣ, нельзя найти болѣе ѣдкихъ нападокъ на внутреннія противорѣчія, какія заключаетъ въ себѣ якобинская практика, постоянно жертвующая ею же самою выставленными принципами для достиженія временныхъ цѣлей. Возьмемъ, напримѣръ, автора діалога Гераклита съ Демокритомъ, отпечатаннаго въ 1797 году безъ обозначенія мѣста изданія. Въ этой бесѣдѣ двухъ философовъ древности, изъ которыхъ одинъ извѣстенъ своимъ трагическимъ, и другой своимъ комическимъ отношеніемъ къ дѣйствительности, разсматривается то положеніе, какое создано для Венеціи революціей 12 мая. Каждый относится къ ней согласно своему темпераменту, но у читателя получается цѣльное и вполнѣ отрицательное впечатлѣніе. Въ публичныхъ манифестахъ, жалуется Гераклитъ, говорится, что природа не терпитъ общественныхъ различій, а между тѣмъ на каждомъ шагу замѣтно въ поведеніи демократовъ желаніе унизить ближняго, преувеличить прежнія обиды и злоупотребленія властью. Всѣ и каждый ненавидятъ деспотизмъ на словахъ, а родъ человѣческій страдаетъ между тѣмъ подъ желѣзнымъ скипетромъ. Народъ, значится въ законахъ, самодержавенъ, свободенъ и имѣетъ право на счастье; на дѣлѣ же онъ угнетенъ и терпитъ въ слезахъ всякое насиліе. Какая-то зараза поднялась въ воздухѣ за послѣдніе семь мѣсяцевъ и заставляетъ людей требовать какой-то демократіи. На тронѣ прежнихъ Партечипани, Кандіани, Дандоли, Орсеоли, Мемми, Тьеполи, Контарини, Морозини и т. д., возсѣдаетъ какое-то темное сообщество, на-

зываемое муниципалитетомъ. Оно составлено изъ людей безъ нравственности, безъ религіи, безъ образованія и принциповъ, изъ мошенниковъ евреевъ, интригановъ неофитовъ, кабалистическихъ медиковъ, безызвѣстныхъ или лицемѣрныхъ юристовъ, презрѣнныхъ лодочниковъ и немногихъ честныхъ джентельменовъ, безполезныхъ по своей глупости. Эти мнимые законодатели наводятъ ежедневно страхъ на гражданъ своими законами и прокламаціями отъ имени самодержавнаго народа, который на дѣлѣ нисколько не участвовалъ въ ихъ созданіи и не передалъ имъ ни малѣйшей части своего самодержавія. Они готовы утверждать, что благо народа одно составляетъ цѣль ихъ дѣятельности, а между тѣмъ съ тѣхъ поръ, какъ водворился муниципалитетъ, положеніе гражданъ стало во многомъ хуже прежняго. Чувствуется забастовка въ промышленности, торговлѣ и мореплаваніи; неимущимъ недостаетъ заработка, и всѣ терпятъ убытки отъ чрезвычайности налоговъ и обѣднѣнія, при которомъ не мыслима болѣе взаимная поддержка. Съ тѣхъ поръ, какъ началось возрожденіе правительства, граждане распались на два враждебныхъ лагеря, и исчезло представленіе о принадлежности къ одной семьѣ. Демократы увѣряютъ, что аристократы были всегда неправы, и смѣшиваютъ ихъ поэтому съ грязью, а аристократы въ свою очередь смѣются надъ капризнымъ и измѣнчивымъ поведеніемъ патріотовъ, которые въ ихъ глазахъ просто сумасшедшіе. Изъ устъ всѣхъ новаторовъ слышатся рѣчи о братствѣ, всѣ цѣлуются, но никто не оказываетъ помощи ближнему; каждый старается воспользоваться чужимъ несчастіемъ и въ покупкахъ, и въ продажахъ. Я оплакиваю, прибавляетъ Гераклитъ, не только паденіе прежняго мудраго правительства, но и торжество ненавистнѣйшей изъ всѣхъ олигархій, олигархіи, которая рано или поздно вызоветъ гибель этого несчастнаго города. Кому неизвѣстно, что въ рядахъ муниципалитета имѣются честолюбивые интриганы, которые, нападая на деспотовъ и тирановъ, сами отымаютъ у другихъ право голоса и избранія. Они присвоили себѣ всѣ преимущества самодержавнаго народа и создали кровавый трибуналъ подъ наименованіемъ революціоннаго. Они издаютъ декреты точно мусульманскіе паши; подобно имъ, сѣютъ подозрѣніе противъ добро-

дѣтельныхъ граждапъ и конфискуютъ ихъ имущества. Какъ лава вулкана, они разносятъ повсюду опустошеніе и отчаяніе. Самые нелѣпые проекты возникаютъ въ ихъ головѣ. Сегодня рѣчь идетъ о созданіи какого-то «народнаго дома», завтра о вскрытіи могилъ съ цѣлью «демократизировать мертвыхъ». Созданное олигархами патріотическое общество, вмѣсто того, чтобы просвѣщать невѣждъ, становится разсадникомъ революціоннаго фанатизма, невѣрія и безнравственности. Его слѣдовало бы назвать не sala di publica instruzione, а sala di publica distruzione.

Въ отвѣтъ на всѣ эти жалобы Демокритъ разражается дружнымъ смѣхомъ. Безуміемъ объявляетъ онъ всякія соболѣзнованія о перемѣнахъ въ государственномъ устройствѣ. Вѣдь одинъ капризъ людской вызываетъ къ жизни имперіи и республики; достаточно новаго каприза, чтобы повергнуть ихъ въ прахъ. Все въ мірѣ дѣло случая. Вспомните бывшую олигархію, этихъ почтенныхъ старцевъ, которые думали, что ничегонедѣланье — лучшее средство предупредить всѣ случайности. Имъ казалось, что природа сама собою все устраиваетъ. Это была олигархія инерціи, замороженной крови. Та же, которая правитъ нами теперь, наоборотъ, отличается кровью кипучей, кровью ярыхъ безумцевъ. Лучшее названіе для теперешняго правительства—это asino-crazia. И въ доказательство своей мысли Демокритъ разсказываетъ объ утрѣ, проведенномъ имъ на засѣданіи муниципалитета. «Граждане, восклицаетъ одинъ изъ выведенныхъ говоруновъ, нѣтъ больше ристократіи; я невѣжа, не умѣю говорить, какъ эти образцовые ораторы. Теперь не время дѣлать конфеты» (намекъ на Зорзи, кондитора и демогога). Человѣкъ, котораго въ такомъ смѣхотворномъ видѣ изображаетъ Демокритъ, лодочникъ Дабала. Онъ говоритъ на самомъ дѣлѣ далеко неглупыя вещи, но на венеціанскомъ нарѣчіи, языкомъ простолюдина, въ которомъ ссылки на собственную неподготовленность къ занимаемому посту чередуются съ весьма характерными выходками противъ прежнихъ аристократовъ. Аплодисментами встрѣчаетъ публика юмористическія заявленія въ родѣ слѣдующихъ: кто большій воръ: тотъ, кто нашелъ мѣшокъ съ деньгами, или тотъ, кто набилъ его? Знайте, что деньги (bezzi) на берегахъ Бренты (въ

лѣтнихъ усадьбахъ аристократовъ). Этимъ соображеніемъ Дабала опираетъ предложеніе призвать къ отвѣту удалившихся на Бренту министровъ стараго порядка [1]). Другой разъ тотъ же Дабала вызываетъ не меньшій энтузіазмъ своимъ практическимъ предложеніемъ замѣнить по возможности латинскіе термины простонародными. «Граждане, сказалъ онъ, всѣ эти проекты говорятъ о законахъ и дисциплинѣ, но никто не понимаетъ, что именно они говорятъ, все по-латыни, никогда по-народному». По предложенію оратора, собраніе постановляетъ, что впредь даже рецепты должны быть изложены на мѣстномъ нарѣчіи и постоянный тарифъ установленъ на лѣкарства [2]). Изъ устъ того же Дабала слышатся вмѣстѣ съ нападками на купцовъ монополистовъ, отъ которыхъ все дорожаетъ, и подхваченная новымъ Демокритомъ фраза: «теперь не время дѣлать конфеты» [3]). Тотъ же Демокритъ приводитъ въ каррикатурномъ видѣ и рѣчи, произносимыя въ собраніи патріотическаго общества: «граждане! народъ на краю гибели, олигархи и оплачиваемые ими друиды распространяютъ ложные слухи; они смѣютъ утверждать, что подъ владычествомъ демократіи городъ впадаетъ въ бѣдность и нищенство. Лжецы, презрѣнные сикофанты, никогда Венеція не была богаче; вотъ вамъ, граждане, алгебраическое доказательство утверждаемаго. Кто собственникъ этого обширнаго города? Очевидно, самодержавный народъ. Теперь я спрашиваю безсмысленныхъ сикофантовъ, не украшенъ ли этотъ городъ мраморными дворцами, великолѣпными храмами, величественными мостами, и какова была бы цѣна всему этому при продажѣ»? Опять-таки не трудно узнать за этими преувеличеніями рѣчь Дандоло, доказывавшаго, что Венеція, несмотря на опустѣніе своей казны и тяготѣющій надъ нею дефицитъ, все же была бы самымъ цѣннымъ вкладомъ въ Цизальпинскую республику. Мысль объ устройствѣ національной гвардіи кажется новому Демокриту верхомъ безумія. Вѣдь по составу это какая-то мозаика, въ которую вошли и непримиримые враги

---

[1]) Засѣданіе 9 августа 1797 года. Quadro sessioni publiche, № 45.
[2]) Засѣданіе 13 августа. Ibid., № 47.
[3]) Qua no se tratta de far confetti. Засѣданіе 15 августа, № 48.

существующаго порядка. Они только надѣли мундиръ и запаслись паспортомъ, чтобы защищаться отъ остроумныхъ выходокъ патріотовъ. Діалогъ заканчивается слѣдующими словами жизнерадостнаго собесѣдника. «Сумасшедшими были тѣ, которые не сумѣли сохранить созданнаго столькими столѣтіями, и такими же сумасшедшими надо признать тѣхъ, кто на слабомъ основаніи думаетъ опереть ими самими непонятый новый порядокъ» [1]).

Два года спустя послѣ выхода въ свѣтъ только что изложеннаго памфлета, появляется такъ называемый «философски-демократическій словарь», въ которомъ одинъ за другимъ разсматриваются тѣ новые термины, какіе введены были въ употребленіе въ эпоху господства демократіи, и подъ предлогомъ ихъ разбора представляется цѣлый обвинительный актъ противъ новаго порядка. Послѣ рѣзкихъ нападокъ на Руссо, признаваемаго родоначальникомъ школы современныхъ демагоговъ, авторъ старается доказать, что опытъ убѣдилъ въ невозможности примирить свободу съ разумомъ, права человѣка, какъ излагаетъ ихъ знаменитая декларація, съ его обязанностями, и народное самодержавіе съ народнымъ благополучіемъ. На философовъ возлагается отвѣтственность за то, что подъ именемъ освободителей выступили новые тираны, а подъ именемъ республикъ оживленъ былъ деспотизмъ. Подъ названіемъ суевѣрія, продолжаетъ онъ, старались отвергнуть религію; общественнымъ благополучіемъ окрестили попытки упразднить независимость и ниспровергнуть законное правительство. Равенство сдѣлалось поводомъ для посягательства на собственность. Въ этомъ же духѣ авторъ толкуетъ часто встрѣчающіяся въ рѣчахъ демократовъ выраженія «общественный суверенитетъ, свобода, братство» и т. д. Въ противность Руссо, говорящему о блаженномъ состояніи людей до государства, авторъ, подходя гораздо ближе къ истинѣ, изображаетъ ихъ подобіемъ животныхъ. Выходъ изъ этого состоянія, полагаетъ онъ, открылъ не договоръ, а разумъ и собственный интересъ, подсказавшій людямъ

---

[1]) Dialogo tra Eraclito e Democrito redivivi sulla Revoluzione Politica di Venezia. 1797 годъ.

необходимость правительства ради внутренней и внѣшней защиты. Общественный договоръ Руссо, заканчиваетъ онъ, не болѣе, какъ химера, оскорбительная для человѣческаго существа, противная разуму, фальшивая по самой своей природѣ, опасная по послѣдствіямъ и безсмысленная по замыслу. Свобода въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимаютъ ее террористы, для автора словаря то же, что неограниченная возможность мерзавцамъ обирать и избивать честныхъ гражданъ, чѣмъ либо владѣющихъ. Въ смыслѣ же демократическомъ это владычество этихъ самыхъ мерзавцевъ, т. е. право тиранить и держать въ рабствѣ и угнетеніи лучшую часть общества. Что касается до равенства, то это пустой звукъ, лишенный всякаго значенія. Тѣ, кто проповѣдуютъ его, думаютъ, что достаточно снять ливрею, чтобы уподобить слугу патрону, и обозвать гражданиномъ, чтобы нищаго сдѣлать равнымъ богатому. Отымите дворянскій титулъ, и исчезнетъ якобы всякое различіе между невѣжею и образованнымъ, деревенщиной и благовоспитанностью. Авторъ иллюстрируетъ свою мысль сказкой, озаглавленной: Петиція осла къ республиканскому совѣту звѣрей. Вашъ братъ, значится въ ней, во всемъ равный вамъ, прибѣгаетъ къ вашей справедливости и жалуется на вредъ, причиненный ему судьбою. Мои длинныя уши и имя осла дѣлаютъ меня предметомъ общаго презрѣнія. Ваша мудрость должна найти средство противъ такой несправедливости, оскорбляющей естественное право равенства. Слѣдуетъ рѣшеніе совѣта: такъ какъ республиканскому равенству противорѣчитъ всякій внѣшній знакъ уничиженія и такъ какъ, съ другой стороны, нельзя дать всѣмъ звѣрямъ длинныя уши, то постановлено: у кого они длинны, тотъ долженъ ихъ отрѣзать. Запрещается одновременно носить титулы льва, слона, оленя. Въ республикѣ звѣрей не должно быть въ ходу другого наименованія, кромѣ животное. Остолбенѣлъ отъ изумленія бѣдный оселъ, узнавши о такомъ рѣшеніи; но позднѣе уже съ отрѣзанными ушами, онъ сталъ толковать о правительствѣ со львами, о политикѣ съ волками, о ловкости и силѣ съ тиграми. Его не пугала даже мысль говорить о мелодіи съ соловьями.

Не больше сочувствія вызываетъ въ нашемъ авторѣ и терминъ братство. Братованіе, о которомъ такъ часто заходитъ

рѣчь въ протоколахъ венеціанскаго муниципалитета, то же что «сегодня поцѣлуй, а завтра остріе кинжала».—Любопытно также его толкованіе терминовъ: демократъ, демократія и демократизировать. Демократъ это для него синонимъ безбожника, убійцы и человѣка, пользующагося правительственной должностью для всякаго рода плутень. Домократія пишется имъ демонократіей. Что же касается до слова демократизировать, то долгое время, говоритъ онъ, думали, что это то же, что установить народное правленіе, но опытъ убѣдилъ въ противномъ. Разъ демократизаціи подверглись самыя демократическія страны въ Европѣ, въ родѣ лѣсныхъ кантоновъ Швейцаріи, пришлось сознаться, что подъ этимъ терминомъ разумѣется нѣчто другое; оказалось, что онъ значитъ то же, что лишить государство его законнаго правительства, каково бы оно ни было, прогнать изъ его среды всѣхъ честныхъ людей и замѣнить ихъ плутами, сдѣлать изъ плутовъ народъ, а изъ народа рабовъ; отобрать у страны всѣ ея драгоцѣнности и увезть ихъ за-границу, упразднить религію и въ особенности католическую, угнетать ея служителей и т. п.

Сама конституція съ момента торжества демократіи кажется автору подобіемъ свиньи, откармливаемой на убой въ ближайшемъ году или въ ближайшіе два года. Едва возникла такая демократическая конституція, какъ ее объявляютъ верхомъ политической мудрости, чѣмъ-то божественнымъ, источникомъ народнаго благополучія; ей спѣшать присягнуть, обязуясь защищать до послѣдней капли крови. Но проходитъ годъ, и свинья готова на убой. То что было божественнымъ, становится никуда негоднымъ; то что обезпечивало народное благополучіе, признается источникомъ народныхъ бѣдствій. Прощай клятвы и присяги; nec plus ultra политической мудрости признается верхомъ безумія, что не мѣшаетъ однако всякой демократической конституціи объявлять себя неизмѣнной, вѣчной и т. п. [1]).

Уже въ приведенныхъ памфлетахъ не мало намековъ на тотъ порядокъ, какимъ новые принципы примѣняемы были фран-

---

[1]) Смотри Nuovo vocabolario filosofico-democratico indispensabile per ognuno che brama intendere la nuova lingua revoluzionaria. Venezia. 1799 годъ.

цузами и ихъ сторонниками въ Италіи. Но нигдѣ сатира не является столь прозрачной и не подымается въ то же время до такихъ высотъ, какъ въ замѣчательной брошюрѣ, изданной Виторіо Барцони въ Лондонѣ и озаглавленной «Римляне въ Греціи» [1]).

Основная мысль автора та, что французы, которыхъ онъ разумѣетъ подъ названіемъ римлянъ, прибыли насаждать гражданственность въ странѣ, стоящей несравненно выше ихъ по своей культурѣ и въ которой восхваляемые ими же принципы нашли уже давно единственно возможное и разумное примѣненіе. Отсюда и названіе ея Греціей, величественной, пишетъ авторъ, не по одной своей населенности и географическому положенію, но и по законамъ. Италія XVIII-го вѣка еще потому приближается, въ его глазахъ, къ старинной Элладѣ, что подобно ей не имѣетъ единства и раздѣлена на нѣсколько государствъ, не рѣдко враждующихъ другъ съ другомъ. Лакедемонія, Ахайя, Этолія, подъ которыми разумѣются Пьемонтъ, Ломбардія и республика Святого Марка, самыя могущественныя изъ нихъ, но во всѣхъ, прибавляетъ авторъ, живъ духъ чести и стремленіе къ славѣ. Барцони разсказываетъ о походѣ Наполеона, который названъ у него Фламиніемъ, и прибываетъ для выручки Италіи-Греціи изъ рукъ австрійцевъ-македонянъ. Фламиній-Бонапартъ объявляетъ многочисленнымъ народамъ полуострова, что по волѣ римскаго сената они отнынѣ будутъ свободны отъ Македоніи и станутъ управляться избранными властями. Восторгъ овладѣваетъ присутствующими. Они провозглашаютъ Фламинія спасителемъ, искупителемъ Греціи. Въ ихъ души проникаетъ убѣжденіе, что римляне приняли оружіе для гибели тиранновъ и что грекамъ можно пріобрѣсть свободу, не проливши капли крови. И дѣйствительно, сенатъ спѣшитъ оповѣстить, что не удержитъ за собой ни одной провинціи; это не помѣшаетъ однако Фламинію остаться въ нихъ со своими легіонами. Греки не замѣчаютъ, что избѣжавши ига честолюбиваго монарха, они сдѣлались игрушкой въ рукахъ побѣдителя, который отнынѣ будетъ распоряжаться ихъ судьбою по своему усмотрѣнію. Слѣпота на-

---

[1]) I Romani nella Grecia, Londra. 1797 годъ.

пала на нихъ; они не поняли, что свобода, полученная въ подарокъ, не болѣе, какъ маскированное рабство. Римскій сенатъ знаетъ, что ему приходится имѣть дѣло съ людьми, которыхъ нельзя удержать одной силой оружія, но лестью и измѣной. «Вотъ почему онъ и избралъ Фламинія. Хитрый, изобрѣтательный, глубокій и непроникаемый, не знающій ни святости клятвы, ни религіи, ни нравственности, лишенный всякихъ принциповъ и въ то же время способный принять обликъ добродѣтели, суровый по природѣ, гнѣвный, порывистый и въ то же время готовый приписывать другимъ всѣ страсти и пороки, таковъ Фламиній - Бонапартъ, искупитель рабовъ». Ему также легко войти въ роль тирана, какъ и обнаруживать сдержанность, умѣренность и способность къ соглашенію. Онъ готовъ ежеминутно поступиться дружбою и тѣми обязательствами, какія налагаетъ благодарность, самой даже славой, лишь бы добиться цѣли. Онъ не брезгаетъ клеветою, чтобы устранить однихъ, потерять въ общественномъ мнѣніи другихъ и тѣмъ уничтожить всякія препятствія къ своему честолюбію. Онъ всегда готовъ говорить народамъ то, что имъ дорого, скрывая то, къ чему самъ стремится. Подобно Орѳею, умѣвшему извлекать изъ лиры желательные звуки, онъ играетъ людьми и вырываетъ у нихъ нужные ему секреты. Однимъ словомъ, по честолюбію это новый Александръ, а по скупости новый Пигмаліонъ, предатель въ родѣ Лизандра и интриганъ по примѣру Пизистрата. Едва водворившись въ Колхидѣ, онъ требуетъ уплаты тысячи талантовъ въ возмѣщеніе издержекъ войны. Чтобы удержать грековъ въ рабствѣ, онъ разбиваетъ ихъ на мелкія республики и надѣляетъ каждую законами „двѣнадцати таблицъ", не обращая ни малѣйшаго вниманія на то, отвѣчаютъ ли эти римскіе законы природѣ грековъ, ихъ обычаямъ, религіи, привычкамъ, предразсудкамъ и самому климату страны. Для него важно имѣть такихъ сановниковъ, которые бы сдѣлались послушными орудіями его несправедливости и деспотизма. Вотъ почему онъ выбралъ ихъ въ средѣ самыхъ продажныхъ и испорченныхъ людей и объявилъ ихъ народными делегатами. Къ нимъ присоединено нѣсколько лицъ достойныхъ всѣхъ похвалъ; но ихъ положеніе то же, что семи мудрецовъ, приведенныхъ въ лупанарій. Послѣ тщетныхъ попытокъ про-

тиводѣйствія, они подпали вліянію большинства дурныхъ. Эти мерзавцы сдѣлали все возможное, чтобы создать для себя партію въ народѣ. Они стали льстить черни и постарались пріобрѣсть вліяніе на ея умы. Слово свобода увлекла толпу, которая смѣло пошла за вождями, повлекшими ее къ рабству. Такой исходъ уже потому былъ возможенъ, что подъ свободой разумѣлся разгулъ всѣхъ страстей, неповиновеніе нормамъ справедливости, презрѣніе къ ближнему, возмутительный развратъ, однимъ словомъ—хваленое гражданское равенство. Корифеи революціи всегда поощряли это безуміе капризной, невѣжественной и мнимо самодержавной толпы; это позволяло имъ руководить ею, возбуждать или укрощать ее по собственному усмотрѣнію. „Въ такихъ условіяхъ законы двѣнадцати таблицъ сдѣлались вскорѣ чистой теоріей. Признана была невозможность немедленнаго ихъ примѣненія и допущено отступленіе отъ самыхъ существенныхъ ихъ требованій. Мѣсто законовъ заняли временныя мѣры, часто обходимыя и нарушаемыя и которыя въ концѣ концовъ вовсе были забыты. Это не мѣшало, однако, признавать ихъ свободнымъ выраженімъ народной воли. Такъ какъ права подданныхъ и правителей не были строго опредѣлены, то первому встрѣчному интригану предоставлена была возможность пріобрѣсть тѣми или другими путями множество кліентовъ и обезпечить торжество своимъ чудовищнымъ принципамъ. Народные совѣты огласились кровожадными изліяніями, всегда встрѣчавшими поддержку въ многочисленныхъ сателитахъ на жалованіи, разсѣянныхъ среди публики. Любой комедіантъ пріобрѣлъ возможность прикрыть „страстью къ свободѣ“ свою манію къ деспотизму. Республиканская энергія сдѣлалась синонимомъ безумной жестокости. Умѣренность провозгласили инерціей, а противодѣйствіе революціонному фанатизму посягательствомъ на народное благополучіе. Скоро законодательный кодексъ свелся къ предписаніямъ о конфискаціи имуществъ и личнымъ преслѣдованіямъ. Эта охлократія злодѣевъ, отъ которой можно было ждать одичанія человѣческой природы, объявлена была организованнымъ республиканскимъ порядкомъ. Люди, голова которыхъ представляла настоящій вулканъ самыхъ чудовищныхъ бредней, образовали какую-то конгрегацію демократическихъ софистовъ. Странствую-

щіе ораторы ходили по циркамъ, повторяя затверженные уроки и догматизируя народъ. Ремесленникъ бросалъ орудіе своего промысла, чтобы заняться обсужденіемъ вопросовъ, которые для правильнаго рѣшенія потребовали бы столѣтій. На народныхъ собраніяхъ клялись вѣчной ненавистью монархистамъ, олигархамъ, аристократамъ, священникамъ; предложено было даже поклясться вѣчной ненавистью къ физическимъ бѣдствіямъ, къ бурямъ и вѣтрамъ. Всѣ должны были или сочувствовать и соглашаться или искать убѣжища отъ смерти въ изгнаніи. Еще немного и открылась бы эпоха новыхъ мартирологовъ... Фламиній съ улыбкою слѣдилъ за этими презрѣнными фарсами, руководя издали всей интригою, подкашивая въ корнѣ все, что было жизненнаго въ созданныхъ имъ республикахъ. Онъ расположилъ свои войска во всѣхъ и каждой изъ освобожденныхъ имъ странъ и поставилъ надъ ними префектовъ, отъ которыхъ непосредственно и зависѣли избираемые органы муниципій. Послѣ того, какъ по его же предложенію, греки были обезоружены, наложены были непомѣрныя контрибуціи. Онѣ взимались такъ часто, что можно было думать, что Фламиній находитъ особую прелесть въ ихъ умноженіи. Собственность народовъ казалась законной добычею римлянъ. Всѣ, начиная отъ самого Фламинія, его трибуновъ, преторовъ, комиссаровъ, и оканчивая послѣднимъ центуріономъ, позволяли себѣ нескончаемыя вымогательства, обнаруживая при этомъ алчность и скупость, еще не виданныя. Земледѣліе пришло въ упадокъ, торговля остановилась, всѣ классы общества сдѣлались равными только въ бѣдности. Пребываніе римлянъ въ Греціи ознаменовалось также порчею ея нравовъ, исчезновеніемъ обычаевъ старины, упадкомъ религіознаго культа. По примѣру римлянъ, греки свыклись съ мыслью о грабежѣ и насиліи и съ практикой террора. Появились люди-тигры, которыхъ трясла самая ужасная изъ всѣхъ лихорадокъ «кровофобія». Философскіе принципы сдѣлались орудіемъ истребленія собственныхъ гражданъ. Настоящіе республиканцы, ненавидѣвшіе дотолѣ одинъ деспотизмъ македонянъ, восчувствовали вражду и къ этому новому деспотизму Рима. Они не видѣли пользы въ перемѣнѣ ига и высказывали желаніе, чтобы ихъ родина добилась свободы по собственному почину. Римляне и ихъ сател-

литы обезпокоились этимъ и поставили всѣхъ настоящихъ друзей свободы подъ строгій надзоръ. Города наполнились шпіонами и суды завалены были обвиненіями. Греція умолкла и не имѣла даже смѣлости стонать отъ своихъ бѣдствій. Но такъ какъ само молчаніе могло показаться признакомъ недовольства, то не замедлили перейти къ восхваленіямъ и стали кадить какъ римлянамъ, такъ и поставленнымъ ими управителямъ. Въ самый разгаръ всѣхъ этихъ униженій и бѣдствій, Фламиній съ великолѣпіемъ сатрапа жилъ въ Колхидѣ, окруженный дворомъ, войскомъ и гвардіей. Изо всѣхъ столицъ Греціи спѣшили къ нему послы, умоляя о помощи или прося снисхожденія; онъ рѣдко внималъ ихъ жалобамъ, отвѣчалъ кратко и неопредѣленно. Послѣ многихъ и многихъ ходатайствъ удалось получить отъ него обѣщаніе исправить все со временемъ. Его филантропія обыкновенно сказывалась слѣдующимъ образомъ: когда у жителей уже забранъ былъ скотъ и лошади, онъ издавалъ эдиктъ, осуждавшій всѣ эти поборы; тайно предписавъ разгромъ церквей, онъ затѣмъ грозилъ наказать виновныхъ въ немъ, за святотатство. То же повторялось и по отношенію къ городскимъ ломбардамъ: съ одной стороны, тайное поощреніе тѣхъ, кто налагалъ на нихъ руку, съ другой—яростные нападки на виновныхъ. Присоединяя къ варварству глумленіе, Фламиній объявлялъ грековъ неспособными къ свободѣ и лишенными той природной гордости, которая присуща настоящимъ республиканцамъ—пересказъ извѣстныхъ словъ Наполеона о венеціанцахъ: „населеніе нелѣпое, презрѣнное и не созданное для свободы“ [1]. Но стоило только настоящему республиканцу произнесть слово осужденія противъ деспотизма Рима и Фламинія, его имущества подвергались конфискаціи, а самъ онъ заточенію. Если какое-либо селеніе отказывалось платить непомѣрную подать, Фламиній предавалъ его пламени. Не могъ забыть онъ одного — это нежеланія этолійцевъ (подъ которыми Барцони разумѣетъ венеціанцевъ) объявить себя въ его пользу при первомъ его появленіи въ Греціи. Чтобы наказать ихъ, онъ поднялъ провинціи противъ столицы; послали этолійцы депутатовъ въ Римъ,

---

[1] Письмо къ директоріи отъ 26 мая 1797 г.

прося о замиреніи провинцій, но сенатъ сдѣлалъ видъ, что не хочетъ ни во что вмѣшиваться. Обратились къ Фламинію и получили тотъ же отвѣтъ. Между тѣмъ мятежники, поддерживаемые его оружіемъ, набросились на тѣхъ, кто еще подчинялся правителямъ Этоліи, и кровь обагрила сыновъ одной матери. Римскія дружины не замедлили выступить открыто въ помощь мятежникамъ. Ярость овладѣла наконецъ этолійцами и побудила ихъ взяться за оружіе. Они набросились на солдатъ Фламинія и устроили имъ кровавую баню. Какъ тигръ ринулся Фламиній на этолійцевъ при извѣстіи о случившемся, грозя истребить поголовно ихъ вожаковъ. Но такъ какъ выгоднѣе было возложить на цѣлые города отвѣтственность за то, что сдѣлано было немногими, онъ предпочелъ замѣнить месть вымогательствомъ тяжкаго налога. Не довольствуясь этимъ, онъ предписалъ отсѣчь головы истиннымъ патріотамъ, возставшимъ въ защиту собственности, законовъ и очаговъ. Въ концѣ концовъ Фламиній заключилъ договоръ съ македонянами и согласился вернуть освобожденныя провинціи подъ прежнее иго. Такова была, заканчиваетъ Барцони, та роковая свобода, какой Фламиній надѣлилъ грековъ. Горькимъ опытомъ они научились тому, что значитъ военная республика. Только этимъ именемъ можно въ самомъ дѣлѣ, назвать порядокъ управленія, какой римляне установили въ средѣ якобы отпущенныхъ ими на волю народовъ [1]).

Не на однихъ французовъ падаетъ однако отвѣтственность за уничтоженіе вѣками освѣщенной республики Святого Марка. Въ ней повинны также и сами венеціанцы. Сторонники павшаго правительства сознаютъ эту истину и считаютъ нужнымъ дать посильный отвѣтъ на вопросъ, что вызвало этотъ небывалый еще въ мірѣ фактъ—распаденіе могущественной державы, возникшей не путемъ одного завоеванія, но и добровольнаго вступленія цѣлыхъ республикъ и синьорій подъ ея «мягкое владычество» (suave governo). Одни объясняютъ это ошибками правителей, другіе разъѣдающимъ вліяніемъ новыхъ доктринъ. Къ числу первыхъ надо отнести автора «Бесѣды Тиція съ Семпроніемъ». Въ формѣ діалога между только что вернувшимся изъ

---

[1]) I Romani nella Grecia, Londra, 1797.

Америки и ничего не знающимъ о событіяхъ Тиціемъ и не покидавшимъ Венеціи Семпроніемъ анонимный авторъ излагаетъ весь ходъ венеціанской революціи, при чемъ на каждомъ шагу оттѣняетъ отвѣтственность синьоріи и сената, ихъ недостатокъ энергіи и послѣдовательности въ дѣйствіяхъ, однимъ словомъ, ту рѣдкую политическую неспособность, какую славная нѣкогда своей дипломатіей и умѣніемъ управлять событіями венеціанская аристократія обнаружила въ послѣдніе годы своего существованія. Разсказавши вкратцѣ о переворотѣ, происшедшемъ во Франціи съ 1789 года, о военномъ вмѣшательствѣ европейскихъ дворовъ и побѣдахъ французовъ, Семпроній объявляетъ, что республика, установившаяся въ Парижѣ послѣ пятилѣтней войны, заставила большинство государствъ заключить съ нею мирные договоры и уступить въ ея пользу не только несмѣтныя суммы денегъ, но и драгоцѣннѣйшія сокровища изъ своихъ музеевъ, картинныхъ галерей и библіотекъ. Чтобы собрать воедино все присвоенное или уступленное, потребовалась бы такая же глубокая долина, какъ Іосафатъ—долина слезъ.—Но республика святого Марка, перебиваетъ Семпронія его собесѣдникъ, имѣла достаточно мудрости, чтобы воздержаться отъ всякаго участія въ общемъ европейскомъ безуміи. Не даромъ же я всегда утверждалъ, что сенатъ имѣетъ хорошую голову.—Не спѣши со своимъ заключеніемъ, отвѣчаетъ Семпроній: правда, Венеція въ числѣ первыхъ признала французскую республику и даже назначила посла въ Парижъ; но стоитъ тебѣ только прочесть письмо, отправленное Санъ-Фермо изъ Турина, при первомъ появленіи французовъ въ Піемонтѣ, чтобы убѣдиться, какую нелѣпость ты сказалъ, говоря о мудрости нашихъ правителей. Въ этомъ письмѣ, текстъ котораго приведенъ нами выше, говорилось о необходимости противодѣйствовать революціоннымъ доктринамъ, разсѣеваемымъ французскими комиссарами. Когда вслѣдъ затѣмъ французы, продолжаетъ Семпроній, предложили Венеціи объявить себя въ ихъ пользу, республика «вѣрная принципамъ», высказалась за нейтралитетъ.—Да, но вооруженный, перебиваетъ Тицій.—Ничуть не бывало, слѣдуетъ отвѣтъ.—Но вѣдь съ 1740 г. мы всегда держались началъ вооруженнаго нейтралитета?—Да, но всѣхъ тѣхъ, кто правилъ нами въ это

время, уже не оставалось въ живыхъ. Годъ прошелъ въ нескончаемыхъ битвахъ и осадахъ, Terra Ferma сдѣлалась квартирой то французовъ, то австрійцевъ. Оба непріятеля поступали съ нею такъ, какъ могутъ вести себя солдаты съ красивой и богатой дамой.—Горе намъ, восклицаетъ Тицій. Но что же дѣлалъ сенатъ?—Предусмотрительный сенатъ сдѣлался самымъ гостепріимнымъ домохозяиномъ, готовымъ содержать чужимъ добромъ всѣхъ, кто почтилъ его своимъ пребываніемъ. Онъ только увеличилъ налоги, установилъ новыя децимы, побудилъ къ патріотическимъ подаркамъ и захватилъ также часть церковной утвари. Города, селенія и замки Terra Ferma должны были платить, сколько могли и даже больше. Сенатъ не дѣлалъ только того, что долженъ былъ сдѣлать, хотя бы послѣ паденія Мантуи... Впрочемъ, не заставляй меня говорить больше, чѣмъ нужно... Писатель, очевидно, разумѣетъ, что сенату надлежало объявить себя открыто за или противъ французовъ и скорѣе за, чѣмъ противъ, такъ какъ побѣда была на ихъ сторонѣ.—Я понимаю тебя, говоритъ Тицій, но что же помѣшало сенату поступить такимъ образомъ? Онъ не сдѣлалъ этого по той причинѣ, что одинъ pater patriae высказался противъ. Разумѣется Пезаро, котораго Наполеонъ, а за нимъ и демократическая партія, обвиняли безъ всякаго основанія въ скрытіи предложеній, какія сдѣланы были Венеціи отъ имени французскаго генерала. Между тѣмъ, Бергамо, продолжаетъ Семпроній, возстало противъ республики, прогнало подесту и объявило себя свободнымъ.—Но что же сдѣлалъ сенатъ?—Сенатъ предписалъ созывъ консульты, и самъ ежедневно сталъ собираться на сессіи.—Прекрасно, говоритъ Тицій, и Бергамо вернулось къ повиновенію?—Ничуть не бывало; наоборотъ, нѣсколько дней спустя Бресчіа сдѣлала то же, что и Бергамо, и сенатъ снова созвалъ консульту и снова собрался на совѣтъ. Сало и Крема, Винченца и Падуя отдѣлились отъ Венеціи, и сенатъ каждый разъ созывалъ консульту и собирался на совѣтъ.—О проклятая консульта! восклицаетъ Тицій, и не менѣе проклятый сенатъ! Неужели же ничего не было предпринято другого?—Посланы были еще депутатами разныя лица для предупрежденія, для разговоровъ.—Но они же сдѣлали что-нибудь?—Ничего, что бы доставило какую-либо пользу.

Во всякомъ случаѣ война между Франціей и Германіей кончена, и заключенъ договоръ.—Да благословенъ будетъ императоръ! восклицаетъ Тицій, но скажи мнѣ поскорѣе условія этого договора.—Ихъ никто не знаетъ, такъ какъ они секретны.—Но какая тому причина?—И она составляетъ тайну.

Договоръ еще не былъ заключенъ, какъ послѣдовали безпорядки въ Веронѣ.—Но что же сдѣлалъ сенатъ? Опять консульта и опять собраніе.—Кончилось дѣло тѣмъ, что въ отмщеніе побѣдоносный генералъ прошелся со своими войскомъ до самыхъ оконечностей Terra Ferma, объявляя Венеціи, что, буде она не пожелаетъ демократизоваться, онъ нанесетъ ей войну.—Быть не можетъ! восклицаетъ Тицій.—Было, слѣдуетъ отвѣтъ, но всегда предусмотрительный сенатъ расположилъ триста пушекъ для защиты нашей лагуны, дѣлая столицу недоступной для Александровъ и Ганнибаловъ.—Да, говоритъ Тицій, но вѣдь провіантъ получается не изъ столицы?—Вотъ это только не сообразилъ сенатъ—такъ заваленъ онъ былъ дѣлами. Бонапартъ, навѣрное, помиралъ отъ смѣха, читая мудрыя рѣшенія нашихъ patri conscripti. Чтобы задержать Наполеона на пути въ Венецію, пришлось согласиться на всѣ требованія: начать преслѣдованіе противъ инквизиторовъ, открыть поцци и піомби, отпустить на волю всѣхъ, кто сидѣлъ въ тюрьмахъ за убѣжденіе. Вслѣдъ затѣмъ, по распоряженію того же сената, мы укрѣпили наши площади пушками, завели патрули и пикеты и расположили 5600 далматинскихъ солдатъ передъ храмомъ святого Марка. Четвертаго мая собрался большой совѣтъ, на которомъ и обнаружилось, что казна пуста и приходится идти на миръ съ Бонапартомъ. Наконецъ, 12-го уже умирающій совѣтъ пустилъ себѣ въ голову болѣе пятисотъ пуль (разумѣются избирательные шары) и лишилъ себя жизни, уступая мѣсто временной муниципіи.—И это послѣ четырнадцатисотлѣтняго существованія! восклицаетъ Тицій.—Нѣтъ, только послѣ пятисотлѣтняго, такъ какъ до закрытія большого совѣта, Венеція была демократіей.—Но что же послѣдовало затѣмъ?—Прощай титулы, прощай ваше превосходительство; допускается только званіе гражданина. Основу правительства составляетъ народовластіе, которое въ свою очередь опирается на свободу и равенство.—

Но что сталось съ Terra Ferma, съ Левантомъ, съ Далмаціей и Истріей? Ждутъ, что они побратаются съ нами. Впрочемъ, все зависитъ отъ освободителя и виновника нашего благополучія [1]).

Тогда какъ въ разговорѣ Тиція съ Семпроніемъ вся вина взваливается на патриціевъ и они одни призваны къ отвѣту за исходъ событій, въ «апологетическомъ посланіи изъ Цюриха къ бывшему члену муниципалитета Джустиніану Лолинъ, Гвидо Эриццо [2]), братъ генеральнаго комиссара въ Веронѣ и авторъ уже упомянутаго нами письма къ другу о разгромѣ венеціанской аристократіи, признаетъ дѣйствительнымъ виновникомъ происшедшаго новыя ученія, невѣрно понятыя и грубо примѣненныя. Авторъ принимаетъ на себя защиту павшей республики и намѣренъ найти ей оправданіе въ сочиненіяхъ не однихъ венеціанскихъ политиковъ, но и французскихъ мыслителей XVIII-го вѣка. Вольтеръ и Рейналь цитируются наравнѣ съ де-Лакруа; ихъ мнѣнія приводятся съ цѣлью доказать, что Венеція принадлежала къ числу наилучше управляемыхъ государствъ. У самого Руссо находитъ авторъ подтвержденіе той мысли, что павшее правительство не могло считаться ни аристократіей, ни тѣмъ болѣе олигархіей. Не сказалъ ли въ самомъ дѣлѣ женевскій мыслитель слѣдующія достопамятныя слова: «ошибочно считать Венеціанскую республику аристократіей. Правда, народъ не имѣетъ въ Венеціи никакого участія въ управленіи, за-то само дворянство здѣсь играетъ роль народа (La noblesse est peuple elle-même).

Но если нельзя считать Венецію чистой аристократіей; если она, по вѣрному замѣчанію кардинала Контарини, построена

---

[1]) Libertà, virtu, eguaglianza. L'ultimo ritornato dall'America. Dialogo di Tizio con Sempronio tenuto in Venezia, al caffe' di Simonetti in calle del ridotto a san Moise il giorno 5 Guigno 1797 anno primo della libertà italiana. Dalle Stampe del Cittadino Pietro Sola in Frezzeria.

[2]) Что авторомъ названнаго посланія былъ Гвидо Эриццо, я заключаю изъ слѣдующаго: Lettera apologeticha упоминаетъ о болѣе раннемъ письмѣ, посланномъ также изъ Цюриха и въ которомъ павшее правительство названо аристократическимъ. Но такимъ письмомъ можетъ быть только та Lettera ingenua ad un'amico sulla distruzione de Veneto governo aristocratico, которая признается Спадою написанной Гвидо Эриццо. Смотр. Memoria apologeticha di Giovani Andrea Spada, appendice, стр. 22-я.

по типу тѣхъ смѣшанныхъ государствъ, которыя древними признавались образцовыми; если самъ Монтескье считаетъ возможнымъ говорить о дожѣ, какъ объ ограниченномъ монархѣ, и сравнивать совѣтъ десяти съ эфорами Лакедемоніи, то какія же основанія имѣли, спрашивается, тѣ, кто разрушилъ это четырнадцать вѣковъ просуществовавшее зданіе, забывая, что, по словамъ того же Руссо, только старинные законы и учрежденія окружены всеобщимъ почетомъ? Источникъ сдѣланной ими роковой ошибки лежитъ въ новомъ ученіи о преимуществахъ представительной демократіи.

Этотъ политическій идеалъ, пишетъ Эриццо, въ наши дни револющіонировалъ всю Европу. Надѣются дать ему повсюду примѣненіе. Полагаютъ, что съ самаго появленія человѣка на землѣ не было правительства болѣе совершеннаго, болѣе отвѣчающаго естественному равенству. Правда, историки не говорятъ о немъ, такъ какъ оно никогда не существовало, ни у египтянъ, ни у арабовъ, ни у грековъ, ни у римлянъ, ни у одного просвѣщеннаго народа, когда-либо жившаго въ мірѣ. Но наши Солоны и Ликурги только высказываютъ философское соболѣзнованіе о невѣжествѣ прошлыхъ столѣтій и стольких народовъ, признававшихъ себя руководителями человѣчества. Нашему времени предстояло создать этотъ драгоцѣнный палладіумъ свободы. Трудно, конечно, опредѣлить ту сумму общественнаго благополучія, какую онъ доставитъ человѣчеству, такъ какъ никто не слышалъ и не видалъ его прежде. Опытъ нашихъ дней также ничего не говоритъ особеннаго въ его пользу, да и политическіе мыслители, мнѣніямъ которыхъ придается нынѣ всего больше значенія, выражаются на его счетъ не иначе, какъ отрицательно. Сорокъ лѣтъ назадъ Руссо, предвидя возможность его наступленія, остерегалъ французовъ, говоря, что идея представительства завѣщена намъ феодальнымъ правительствомъ, т. е. самымъ несправедливымъ и безсмысленнымъ изо всѣхъ правительствъ. Древнія республики и монархіи не знали его; «суверенитетъ недѣлимъ и неотчуждаемъ, а потому не можетъ быть представленъ».

Воспроизведши эти слова общественнаго договора и закончивъ извѣстнымъ утвержденіемъ Руссо, что «англичане свободны только

въ эпоху выборовъ и становятся рабами въ моментъ открытія парламента», Эриццо прибавляетъ отъ себя: кому неизвѣстно, что въ этой странѣ голоса продаются? Не будь у англичанъ смѣшаннаго образа правленія и не служи король и дворянство противовѣсомъ продажному народу, ихъ постигла бы неминуемая гибель, а между тѣмъ именно изъ Англіи заимствована мысль о народномъ представительствѣ,—мысль, которая положена въ основу тѣхъ демократій, какими хотятъ покрыть всю поверхность земного шара. Сомнѣваться въ томъ, что депутаты не являются представителями націи, считается нынѣ величайшимъ преступленіемъ, достойнымъ гильотины; и все же я рѣшаюсь протестовать противъ того, чтобы какой-нибудь Дабала могъ быть моимъ представителемъ. Я думаю, что личность моя неотчуждаема, и не могу допустить, чтобы при всей ограниченности моихъ умственныхъ и нравственныхъ способностей, мои взгляды выиграли бы отъ толкованія ихъ такими невѣжественными тварями, какой является этотъ печальный образецъ человѣчества; а вѣдь къ этому и сводится въ концѣ концовъ современный республиканскій порядокъ, навязанный намъ баіонетами и пушками. Не знаю также, какое право имѣютъ эти новыя правительства жаловаться на невѣжество прежнихъ, когда въ собственной средѣ, въ средѣ муниципалистовъ, едва можно открыть одного человѣка (Минготи), дѣйствительно знакомаго съ политикой; да и тотъ попалъ въ ихъ ряды противъ своей воли.

Не менѣе отрицательно относится Эриццо и къ другому современному ученію о гражданскомъ равенствѣ, ученію, поведшему за собою отмѣну дворянства и почетныхъ титуловъ. Аѳины и Спарта, говоритъ онъ, никогда не подымали руки на общественныя различія. Граждане Рима раздѣлены были на патриціевъ и плебеевъ, что не мѣшало Марію быть диктаторомъ въ то время, какъ лица благородной крови оставались въ тѣни. Я ничего не имѣю противъ того, чтобы въ демократіи всѣ допускаемы были къ занятію публичныхъ должностей, но ради торжества этого абсолютнаго равенства нѣтъ причины отымать у гражданъ ихъ собственностей, къ числу которыхъ я отношу и дворянскіе титулы. Я не вижу, почему частное землевладѣніе противорѣчитъ

въ меньшей степени естественному праву, чѣмъ дворянство? И то, и другое, несомнѣнно, созданы общественными соглашеніями, такъ какъ въ естественномъ состояніи такъ же мало различій между людьми, какъ и между моимъ и твоимъ. Нельзя поэтому не признать явнымъ противорѣчіемъ сохраненіе собственности и отмѣну дворянскихъ преимуществъ, которыя для многихъ венеціанцевъ являются единственнымъ законнымъ наслѣдіемъ, такъ какъ ихъ отцы и дѣды затратили свой достатокъ на общественное служеніе. Не думали же, въ самомъ дѣлѣ, демократы отмѣною титуловъ и сохраненіемъ имущественныхъ различій замѣнить аристократію рожденія аристократіей багатства? [1])

Этотъ попрекъ, напоминающій собою тотъ, какой сдѣланъ былъ во Франціи членамъ учредительнаго собранія, принимается венеціанскими демагогами за величайшую обиду; они не разъ считаютъ нужнымъ протестовать противъ него, какъ противъ гнуснѣйшей инсинуаціи павшаго правительства. При владычествѣ аристократіи, восклицаетъ въ засѣданіи перваго октября Джуліани, всѣ тягости падали на народъ, а вся собственность была въ рукахъ немногихъ счастливцевъ. Олигархи голосятъ теперь во всѣхъ публичныхъ собраніяхъ, что владычество дворянъ смѣнило владычество богатыхъ. Позаботимся же о томъ, чтобы установить права бѣднаго. Это будетъ лучшимъ отвѣтомъ на всѣ обвиненія [2]).

§ 5.

Знакомство съ литературой памфлетовъ открыло намъ существованіе въ Венеціи въ послѣдніе мѣсяцы ея независимости глубокой внутренней розни, которая не замедлила сказаться и на дебатахъ муниципальнаго собранія, и на отношеніи различныхъ классовъ общества къ его дѣятельности. Въ своихъ мемуарахъ Спада раскрываетъ намъ источникъ внутреннихъ несогласій, указывая на присутствіе въ стѣнахъ собранія двухъ партій, изъ которыхъ одна можетъ быть названа партіей умѣренныхъ, а

---

1) Lettera apologeticha sulla republica di Venezia diretta al N. H. Leonardo Justinian Lolin, exmunicipalista di Venezia, A. Zurich.

2) Quadro sessioni publiche, № 75.

другая партіей крайнихъ. Первые стояли за возможно мягкій переходъ отъ прежнихъ порядковъ къ новымъ; они серьезно отнеслись къ обѣщанію полнаго забвенія несогласій и обидъ, виновниками которыхъ признавались эксъ-патриціи. Оно высказано было при самомъ учрежденіи демократіи и предполагало не только всеобщую амнистію, но и защиту отъ печатной клеветы. Нападки на сторонниковъ павшаго порядка вызывали во многихъ недовольство. Авторъ бесѣды Тиція съ Семпроніемъ категорически утверждаетъ, что эта печатная травля возмущаетъ до глубины души большинство гражданъ. «Наши сердца, говоритъ Семпроній, болѣе склонны любить, нежели ненавидѣть». Поддерживаемый Галино, Спада вноситъ предложеніе, направленное къ ограниченію свободы печати въ томъ смыслѣ, чтобы требовать указаніе на книгахъ и брошюрахъ по крайней мѣрѣ имени издателя и обязывать его выдать автора каждый разъ, когда ему предъявленъ будетъ о томъ прямой запросъ со стороны комитета народнаго образованія при муниципалитетѣ. Это предложеніе, несмотря на противодѣйствіе Дандоло, сдѣлалось закономъ 18-го іюня. Виновные въ его нарушеніи подлежали присужденію къ шестимѣсячнымъ общественнымъ работамъ [1]). Но этотъ законъ вскорѣ оставленъ былъ безъ вниманія, и самыя грубыя выходки продолжали ежедневно поддерживать взаимное озлобленіе аристократовъ и демагоговъ. Въ самомъ собраніи о членахъ синьоріи, сената и большого совѣта говорилось въ послѣдніе мѣсяцы не иначе, какъ о «тиранахъ и Тарквиніяхъ», опиравшихъ собственное благополучіе на народныхъ бѣдствіяхъ. Каждый день приносилъ съ собою новыя и новыя мѣры къ упроченію той розни, какую революція породила между прежними и новыми правителями. Уже упомянутая нами carta di sicurezza, конфискаціи, проекты прогрессивнаго обложенія, ставили экспатриціевъ на стражу противъ новыхъ порядковъ и не встрѣчали одобренія въ рядахъ меньшинства умѣренныхъ. Въ сентябрѣ, одновременно съ извѣстіемъ о пораженіи реакціонеровъ во Франціи и революціи 18-го фрюктидора, приходитъ другое о заговорѣ, устроенномъ въ Генуѣ

---

[1]) Spada. Memorie apologetiche, часть II, страница 10.

францисканскимъ монахомъ въ союзѣ съ экспатриціями и на-
правленномъ къ тому, чтобы поднять простой народъ противъ
демократическаго муниципалитета. Эти слухи только оживляютъ
опасенія крайнихъ и ихъ органа—комитета общественнаго спа-
сенія. Напрасно Джовавичъ доказываетъ, что Венеція спокойна,
что въ ней нѣтъ внутреннихъ враговъ, что налоги взносятся
исправно и никто не думаетъ о контръ-революціи [1]). Въ бли-
жайшемъ засѣданіи Джуліани, пользуясь выходомъ въ свѣтъ
открытаго письма одного изъ сторонниковъ умѣренной партіи и
члена муниципалитета, графа Буіовичъ, въ которомъ стави-
лось на видъ, что комитетъ общественнаго спасенія, сосредото-
чивая въ себѣ всѣ власти, противорѣчитъ основному принципу
политической науки, другими словами, ученію о раздѣленіи вла-
стей, открыто призываетъ автора къ отвѣту, обвиняя въ от-
сутствіи патріотизма. «Олигархи клевещутъ, восклицаетъ онъ, а
вы даете имъ пищу для новыхъ нападковъ. Никто, какъ аристо-
краты и купленные ими сателлиты, одѣтые въ республиканскую
мантію, не виноваты въ раздорахъ, какіе возникли въ рядахъ
истинныхъ друзей родины. Имъ мы обязаны внутреннимъ разры-
вомъ между такими людьми, какъ Дандоло и Галино. Домъ Буіовича
сдѣлался центромъ олигархическихъ интригъ [2]). Каждое новое за-
сѣданіе стоновится предметомъ все болѣе и болѣе горячихъ раздо-
ровъ. Несогласія возникаютъ даже по вопросу о томъ, какъ будетъ
отпразднованъ праздникъ свободы, и удовольствуются ли, со-
гласно предложенію Джуліани, выставленіемъ статуи Руссо, какъ
единственнаго неизмѣннаго демократа, или, слѣдуя предложені-
ямъ Сордина и Дрововича, поставятъ рядомъ съ ней изобра-
женіе Бекаріи; «не одинъ дескать Руссо можетъ считаться
истиннымъ демократомъ, были и есть другіе». [3]) Наконецъ, дѣло
доходитъ до того, что въ засѣданіи третьяго октября тотъ же
Джуліани позволяетъ себѣ сказать: въ стѣнахъ муниципа-
литета 43 патріота одни готовы отстаивать съ нимъ священ-

---

1) Засѣданіе 23-яго сентября 1797 года. Quadro sessioni publiche, № 70.

2) Ibid., № 71, стр. 561.

3) Засѣданіе 29-го сентября. Ibid., № 74.

ныя права народа. Это заявленіе вызываетъ сперва тихій ропотъ на отдѣльныхъ скамьяхъ, но повторенное вторично, оно уже ведетъ къ открытому протесту со стороны Мочениго, Маркони и Джововичъ. Насъ 80, кричатъ они; мы честны, мы патріоты; кто эти 43? Мы не допустимъ такой обиды [1]). Президенту долгое время не удается возстановить порядка. Народъ, присутствовавшій въ качествѣ зрителя, принимаетъ участіе въ общемъ замѣшательствѣ. Слышатся крики и свистки. Приходится дать приказъ объ очисткѣ залы, и при появленіи гвардейцевъ многіе бѣгутъ безъ оглядки. Бенини предлагаетъ забвеніе и примиреніе, но умы возбуждены, и только въ засѣданіи 5-го октября, при общихъ аплодисментахъ присутствующихъ, удается возстановить, по крайней мѣрѣ, видимое единеніе сентиментальнымъ обмѣномъ поцѣлуевъ между всѣми членами муниципалитета [2]).

Этотъ новый «поцѣлуй Ламуретъ» былъ столь же краткосроченъ въ своемъ воздѣйствіи, какъ и его французскій образецъ. Въ засѣданіи одиннадцатаго октября дебатируется вопросъ о томъ, чтобы возложить на богатыхъ, на олигарховъ, вооруженіе національной гвардіи, а въ слѣдующемъ затѣмъ, отъ 13-го октября, послѣднемъ изъ публичныхъ засѣданій венеціанской муниципіи, читается текстъ прокламаціи къ народу, въ которой значится, что демократія спасена была въ прошлую ночь, благодаря патріоту Баланду все тому же герою веронской бойни. Онъ подавилъ попытку «нѣкоторыхъ друзей прежняго рабства», желавшихъ возстановить тиранію. Все засѣданіе проходитъ въ выраженіяхъ общественной признательности французскому генералу, національной гвардіи и комитету общественнаго спасенія. «Да здравствуетъ Баландъ», кричитъ собравшаяся на трибунахъ чернь, и кондиторъ Зорзи входитъ съ предложеніемъ послать особую депутацію къ герою дня съ выраженіемъ общественной признательности [3]).

Событія, подавшія поводъ къ такимъ демонстраціямъ, разска-

[1]) Ibid., № 76, стр. 600-ая и 601-ая.
[2]) Ibid., № 77.
[3]) Ibid., № 82-ой.

заны Спада въ слѣдующемъ видѣ: 12-го октября муниципалитетъ собрался на частное засѣданіе въ залѣ бывшаго сената. Бенини предложилъ ему перейти въ помѣщеніе дожа и его коллегіи, гдѣ комитетъ общественнаго спасенія объявилъ о необходимости признать себя постояннымъ и запретить выходъ кого-либо изъ своихъ членовъ. Между тѣмъ пришло извѣстіе объ арестѣ Джововича, того самаго, который протестовалъ противъ словъ Джуліани о 43-хъ патріотахъ и обнажилъ, по словамъ Спада, оружіе въ залѣ засѣданія. «Вечеромъ и я былъ позванъ въ составъ комитета, продолжаетъ повѣствователь, и взятъ подъ стражу отряда, составленнаго изъ поляковъ французской арміи. Бумаги мои были вскрыты и унесены, а утромъ самъ я переведенъ на островъ и въ крѣпость Санъ Джорджіо». Одинъ Джововичъ переданъ былъ на судъ верховнаго трибунала, но всему дѣлу положенъ вскорѣ конецъ Бонапартомъ, который, желая избѣжать новыхъ столкновеній въ средѣ муниципалитета и не одобряя поведенія Баланда, предписалъ отмѣну публичности засѣданій и отозвалъ начальника оккупаціоннаго корпуса, замѣняя его генераломъ Серюрье. Нѣсколько дней спустя Джововичъ объявленъ былъ судьями невиннымъ въ приписанномъ ему тайномъ заговорѣ. Такимъ образомъ, попытка установить терроръ въ Венеціи и повторить въ ней сцены, обезславившія собою засѣданія французскаго конвента, потерпѣла полное крушеніе [1].

Время, прошедшее съ заключенія мира въ Кампо-Форміо до прихода австрійскихъ войскъ, представляетъ собою эпоху тщетныхъ усилій патріотовъ предотвратить неизбѣжный исходъ событій сперва посылкой депутацій къ французскому генералиссимусу и къ директоріи, затѣмъ устройствомъ плебисцита, давшаго большинство голосовъ въ пользу сохраненія демократіи и отпора иноземцамъ. Депутація въ Парижѣ была задержана и не достигла своей цѣли, а принятая Наполеономъ выслушала отъ него заявленіе, что отъ самихъ венеціанцевъ зависитъ отстоять свою независимость. Съ цѣлью предупредить дальнѣйшее броженіе умовъ, опасное для сохраненія порядка, положенъ былъ конецъ сессіямъ патріотическаго общества народнаго образова-

---

1) Memorie apologetiche, стр. 16.

нія. Аристократы торжествовали, видя глубокое разочарованіе и упадокъ энергіи ихъ противниковъ. Французы съ каждымъ днемъ становились все болѣе и болѣе ненавистными, такъ какъ въ нихъ справедливо признавали дѣйствительныхъ виновниковъ неосуществившихся надеждъ и предстоящей печальной развязки. Переписка семьи Кверини даетъ возможность судить о томъ настроеніи, въ какомъ Венеція готовилась къ переходу подъ власть австрійцевъ. Перваго ноября Паоло Кверини пишетъ: въ Парижъ отправлено четыре посла: Дандоло, Сордина, Зуліани и Кирминати, а къ Бонапарту два, Спада и Пизани. И тѣ, и другіе уполномочены увѣдомить о желаніи венеціанскаго народа остаться при демократическомъ режимѣ. Это желаніе высказано было въ плебисцитѣ, состоявшемся 28-го октября; 23572 голоса подано было за или противъ. Большинство составили всего 1882 голоса [1]). Бонапартъ въ это время находился въ Миланѣ и распорядился задержаніемъ депутатовъ. Договоръ въ Кампо-Форміо утвержденъ былъ директоріей еще 25-го октября; всякія попытки измѣнить его оказывались тщетными. Но венеціанскіе демократы продолжали ухаживать за французами и чествовать ихъ героевъ. Сегодня, пишетъ Паоло Кверини, служатъ панихиду по генералѣ Гошу. Муниципалисты, не имѣя достаточно ружей для національной гвардіи, обратились съ просьбою о нихъ къ французскому генералу Серюрье, но послѣдній отвѣтилъ отказомъ. Очевидно, распоряженіе дано было изъ Милана; французы боялись оставить въ рукахъ проданныхъ ими венеціанцевъ необходимыя средства защиты. Одновременно продолжался грабежъ арсенала. Паоло Кверини уже пишетъ о томъ, что его запасовъ не хватаетъ для удовлетворенія всѣхъ требованій французовъ. Несмотря на то, что онъ снабженъ былъ всѣмъ необходимымъ, флотъ, армія и занятыя французами крѣпости истощили всѣ его средства. «Французы съ каждымъ днемъ становятся все болѣе и болѣе ненавистными, заявляетъ тотъ же Паоло 6-го ноября. Теперь уже для всѣхъ ясно, что они продали насъ. Народъ желаетъ скорѣйшаго прихода австрійцевъ. Вчера нѣсколько фран-

[1]) Raccolta di tutte le Carte Publiche VII, 324.

цузовъ, одѣтыхъ въ бѣлое платье, приняты были за австрійцевъ въ Канареджіо и встрѣчены громкими привѣтствіями. Отъ генерала Серюрье я слышалъ, что согласно приказу, данному Бонапартомъ, онъ покинетъ Венецію во главѣ войска не позже двухъ недѣль.» «Патріоты упали духомъ, пишетъ въ свою очередь Джироламо Кверини. Дѣла принимаютъ все лучшій и лучшій оборотъ. Сами французы, наши мнимые освободители, внесшіе съ собою рабство, опустошеніе и нищету, теперь измѣнили фронтъ и защищаютъ насъ отъ патріотовъ, удаляя всѣхъ, кто любилъ погромы и посягательства на чужую собственность или собирался отнять ее у владѣльцевъ и обратить на собственную пользу. Распущенъ революціонный трибуналъ и комитетъ общественнаго спасенія. Муниципалитетъ еще собирается, но въ небольшомъ числѣ, на короткій срокъ и почти ничего не предпринимаетъ. Самые горячіе патріоты эмигрировали, въ числѣ ихъ много иностранцевъ. Однимъ словомъ, все обѣщаетъ хорошее будущее, и ходитъ слухъ, что въ серединѣ мѣсяца все будетъ рѣшено. Да свершится же не божеская, а наполеоновская воля ко благу страны»! Радуетъ патриціевъ и пораженіе демократовъ, которыхъ они въ отмщеніе уже именуютъ «эксъ-патріотами», и возможность избѣжать конфискацій, благодаря паденію террора, и надежда снова вернуться къ должностямъ подъ владычествомъ австрійскаго дома. Пезаро, покинувшій Венецію со словами: «нѣтъ страны, которая бы не могла быть отечествомъ для порядочнаго человѣка», и нѣсколько мѣсяцевъ прожившій въ Швейцаріи, спѣшитъ теперь въ Вѣну, гдѣ встрѣчается съ Андреа Кверини и бывшимъ посломъ Гримани. Братья Кверини высказываютъ надежду о скоромъ возвращеніи его на родину, такъ какъ мѣры, принятыя къ конфискаціи его собственности, уже пріостановлены. Ихъ радуетъ также и то обстоятельство, что при посредничествѣ австрійцевъ другому члену семьи, Альвизэ, представится возможность выйти изъ той неволи, въ какую онъ попалъ на обратномъ пути изъ Франціи. Мы видѣли выше, что почти наканунѣ объявленія войны посолъ въ Парижѣ думалъ найти средство къ улаженію всѣхъ дѣлъ республики святого Марка въ подкупѣ одного изъ французскихъ директоровъ. Заручившись формальнымъ разрѣшеніемъ дожа и его

коллегіи и положившись на увѣреніе тайнаго агента Висковича, онъ выдалъ вексель въ 300,000 франковъ на имя одного генуэзскаго банкира. Баррасъ, по утвержденіямъ агента, брался склонить Бонапарта не только къ миру, но и къ возвращенію Венеціи отошедшихъ отъ нея провинцій. Такъ какъ это обязательство не было исполнено, Кверини отказался уплатить по векселю даже послѣ опротестованія его. Послѣдствіемъ всего этого было то, что при проѣздѣ черезъ Италію, онъ по дорогѣ изъ Турина въ Модену былъ задержанъ и подвергнутъ допросу. Весьма вѣроятно, что то и другое произошло съ вѣдома и желанія Бонапарта. Въ разоблаченіяхъ Кверини могли оказаться столь же цѣнныя данныя, какъ тѣ, какія доставлены были арестомъ бумагъ д'Антрэга, и будущій диктаторъ могъ воспользоваться ими, чтобы зажать ротъ соперникамъ или создать себѣ невольныхъ союзниковъ. Какъ бы то ни было, но имя Барраса не встрѣчается въ показаніяхъ, сдѣланныхъ Кверини. Его можно найти, однако, въ корреспонденціи французскаго посла съ инквизиторами и съ зятемъ Липомано. Оно вполнѣ подтверждаетъ тотъ фактъ, что Реубель, временно заподозрѣнный въ этой интригѣ, не принималъ въ ней на самомъ дѣлѣ никакого участія. Баррасъ, еще прежде вступившій въ подобную же сдѣлку съ португальскимъ министромъ чрезъ посредство того же Висковича, и на этотъ разъ не побрезгалъ услугами этого посредника. Исходъ во всякомъ случаѣ былъ печаленъ для Кверини. Его семьѣ не только пришлось понести значительныя денежныя утраты; но самъ парижскій посолъ провелъ рядъ мѣсяцевъ въ заточеніи и вышелъ изъ него уже послѣ прихода австрійцевъ [1]), благодаря настояніямъ брата Андреа и посредничеству Тугута.

Но если по указаннымъ причинамъ семья Кверини имѣла основаніе желать скорѣйшаго наступленія австрійскаго владычества, то она, заодно съ прочими аристократическими родами, съ ужасомъ смотрѣла на возможность остаться нѣкоторое время, благодаря удаленію французскихъ войскъ, съ глазу на глазъ съ демагогами. «Лишенные французовъ, пишетъ Паоло, мы попа-

---

[1]) Подробности обо всемъ этомъ смотри въ моемъ вступленіи къ депешамъ венеціанскихъ пословъ въ эпоху французской революціи.

демъ въ руки нашихъ разбойниковъ правителей, а поэтому лучше до поры до времени выбраться изъ Венеціи; да и кто поручится, что сами французы, подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ, не вздумаютъ разыграть той или другой комедіи. Придется считаться и съ эксъ-патріотами, озлобленными до нельзя, и не безъ причины, на мнимыхъ друзей, которыми они такъ сильно скомпрометированы».

Все говоритъ о близкомъ паденіи демократіи. 6-го ноября Паоло Кверини увѣдомляетъ о закрытіи народнаго клуба, пресловутой «залы самообразованія»; 11-го о томъ, что приказано снова разставить скамьи въ залѣ большого совѣта въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ расположены были до переворота. Народъ по этому случаю обнаруживаетъ свою ненависть къ обманутому и обманувшему его надежды муниципалитету. Красовавшееся въ залѣ знамя растерзано и попрано ногами. Съ девятаго ноября мѣсто муниципалитета заняла избранная имъ коммиссія, въ составъ которой вошли почти исключительно умѣренные: Буевичъ, Мочениго, Галино и вернувшіеся изъ Милана Пизани и Спада. Французы, прежде чѣмъ очистить Венецію, точно въ отмщеніе репрессалій, произведенныхъ австрійцами въ Майнцѣ, рѣшились покончить разгромъ арсенала, порчею судна Викторія, продажей его матеріала и сожженіемъ знаменитаго Буцентавра, на которомъ дожъ имѣлъ обыкновеніе выѣзжать въ Лидо въ день своего избранія, празднуя союзъ Венеціи съ Адріатикой. Одновременно сняты были со святого Марка знаменитые византійскіе кони, когда-то украшавшіе входъ въ святую Софію въ Константинополѣ, а съ паденіемъ Наполеона снова возвращенные въ Венецію. Все это, а также распространяемый слухъ о предстоящемъ сожженіи арсенала, наводило панику на жителей и предвѣщало возможность общаго замѣшательства. Патріоты изъ числа крайнихъ подымали вопросъ о томъ, чтобы покинуть городъ не раньше, какъ возместивъ изъ имущества прежнихъ инквизиторовъ убытки, понесенные ими во время мятежа 12-го мая. Но этому воспротивилась временная коммиссія и тотъ чрезвычайный полицейскій комитетъ, которому Спада предложилъ поручить заботу о сохраненіи внутренняго порядка. Еще до своего при-

хода австрійцы вступили въ переговоры съ правителями чрезъ посредство своего посла барона Гамбургъ [1]).

Прибытіе австрійскихъ войскъ, ожидаемое еще съ середины ноября, между тѣмъ откладываемо было со дня на день. Андреа Кверини сообщалъ изъ Вѣны самые тревожные слухи. Правда, 19-го декабря онъ еще писалъ своимъ братьямъ въ Венецію: «армія императора не замедлитъ занять городъ, послѣ чего французы покинутъ его. Отъ души желаю, чтобы это случилось, какъ можно скорѣе. Жду, не дождусь минуты, когда положенъ будетъ конецъ бѣдствіямъ родины и самъ я, не подвергаясь опасности, въ состояніи буду вернуться въ лоно моей семьи». Но пророчество о немедленномъ вступленіи австрійцевъ не осуществлялось; хотя двадцатаго декабря тотъ же Кверини изъ устъ самого императора слышалъ, что крайнимъ срокомъ назначено 30-е декабря, но и въ этотъ день австрійцы еще остаются за предѣлами республики. Все здѣсь, сообщаетъ Андреа изъ Вѣны, держится въ секретѣ, никто не можетъ проникнуть того, что готовится. Каковъ будетъ планъ дѣйствій, какъ устроено будетъ правительство, все составляетъ тайну. Пезаро между тѣмъ шевелится и, по словамъ Кверини, надѣется чего-то достигнуть. Самъ Андреа менѣе спокоенъ. Хотѣлось бы ошибиться, пишетъ онъ 23-го декабря, но будущее рисуется мнѣ въ черномъ свѣтѣ. Мнѣ кажется, что наши бѣдствія еще далеко не кончены. Только 30-го увѣдомляетъ онъ о назначеніи особаго коммиссара, которому поручено установленіе временнаго правительства. Онъ долженъ освѣдомиться объ измѣненіяхъ, внесенныхъ за послѣдніе мѣсяцы муниципалитетомъ и французами. Опасенія Кверини исчезли: демократіи положенъ будетъ конецъ, и все будетъ возстановлено по старому. Коммиссаромъ назначенъ Пелегрини, который въ прежнее время исполнялъ правительственныя функціи въ Миланѣ, слѣдовательно человѣкъ знакомый съ дѣлами Италіи и отношеніями партій. Успокаиваетъ Андреа также то обстоятельство, что члены промежуточной коммиссіи, съ Дольфиномъ во главѣ, не только не пользуются уваженіемъ, но даже ненавистны вѣнскому двору.

[1]) Смотри Memorie apologetiche di Giouani Andrea Spada, часть II, стр. отъ 61-ой по 75-ую.

Но его опасенія снова оживаютъ въ началѣ января 1798-го года. Еще 30-го прошлаго мѣсяца, пишетъ онъ, Венецію должны были занять австрійцы; сегодня шестое, и не только не слышно объ оккупаціи, но не приходитъ даже извѣстій о томъ, чтобы войска пустились въ путь. Мы живемъ среди Вавилонскаго столпотворенія. Ничего нельзя понять. Одни говорятъ, что войска будутъ третьяго, другіе десятаго, третьи семнадцатаго числа, а между тѣмъ прошло три мѣсяца со времени заключенія мира въ Кампо-Форміо. Венеція ограблена, арсеналъ почти уничтоженъ, того и смотри, послѣдуетъ на дняхъ разгромъ города. Я огорченъ до глубины души и потерялъ всякую надежду. На дняхъ постараюсь удалиться изъ Вѣны. На разстояніи ходъ событій не будетъ дѣйствовать на меня столь удручающимъ образомъ. Прошу васъ, будьте предусмотрительны и ничего не теряйте изъ виду. Мнѣ кажется, что наступила самая опасная минута. То, что приходится видѣть и слышать, повергаетъ всѣхъ насъ въ большое безпокойство.—Войска все не входятъ, пишетъ тотъ же Кверини 9-го числа. Жду, не дождусь ихъ прибытія, чтобы самому поспѣшить въ Венецію по дѣламъ. А между тѣмъ теперешніе владыки разоряютъ ее всячески. «Бѣдная страна! Кучка злодѣевъ и толпа трусовъ и эгоистовъ привели ее на край погибели. Теперь они торжествуютъ величіе своего предпріятія; но потомство возненавидитъ ихъ справедливой ненавистью. Прибавилъ бы многое, да лучше молчать».

17-го слѣдуетъ, наконецъ, давно ожидаемая оккупація подъ начальствомъ генерала Валиса. 21-го австрійцы занимаютъ и Верону. И тамъ, и здѣсь они приняты съ восторгомъ. Толпа кричитъ, машетъ платками, и одни только члены муниципалитета считаютъ нужнымъ при подачѣ ключей города облачиться въ траурную одежду [1]).

Спада въ своихъ мемуарахъ слѣдующимъ образомъ разсказываетъ о вступленіи австрійскихъ войскъ въ Венецію. Когда генералъ Валисъ высадился на Піацету, т. е. площадку передъ дворцомъ дожа, бывшій адмиралъ Коррeръ произнесъ ему рѣчь отъ имени несуществовавшаго уже флота. То же сдѣлалъ отъ

---

[1]) Storia di Verona di Osvaldò Perini, томъ II, стр. 475-ая.

имени также упраздненной арміи генералъ Новелеръ. Патріархъ Джованелли [1]) встрѣтилъ австрійскаго военачальника при входѣ въ базилику святого Марка, послѣ чего отпѣтъ былъ Te Deum. Народъ толпился на площади и въ окнахъ обѣихъ прокуратій, замѣнившихъ свое недавнее наименованіе «галлерей равенства и свободы» прежнимъ.

Андреа Кверини празднуетъ конецъ независимости своей родины, говоря въ письмѣ отъ 24-го января: «австрійцы приняты съ радостью и участіемъ». Его довольство увеличивается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что самъ онъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники съ титуломъ «ваше превосходительство», назначенъ главнымъ комендантомъ флота и инспекторомъ арсенала. Четыре другихъ патриція также получаютъ высокія мѣста и титулы дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ, а именно патріархъ, Пезаро, бывшій посолъ Гримани и Агостино Гардони, одинъ изъ инквизиторовъ. Всѣ эти назначенія послѣдовали однако не ранѣе 12-го февраля, когда окончательно рѣшенъ былъ такъ сильно волновавшій всѣхъ вопросъ, оставить ли за Венеціей вновь установленные ею демократическіе порядки, или вернуться къ старинѣ съ тѣми измѣненіями, какихъ требовала перемѣна подданства. Генералъ Валисъ получилъ инструкцію не мѣнять сразу ни управленія, ни управителей. Въ Удине и Тревизо, въ Падуѣ, Винченцѣ, Ровиго и Веронѣ, какъ и въ самой Венеціи, власть оставлена была временно въ рукахъ тѣхъ изъ членовъ муниципалитета, которые не сочли нужнымъ эмигрировать и воспользоваться той готовностью, съ какой цизальпинская республика принимала ихъ въ число своихъ гражданъ [2]).

Въ началѣ весны 1798 года у прежнихъ патриціевъ уже не оставалось сомнѣнія въ томъ, что Австрія будетъ искать въ нихъ опоры для своей власти. Андреа Кверини заканчивалъ свою переписку съ братьями, говоря: наконецъ-то моя родина освобождена отъ тѣхъ мерзавцевъ, которые разорили и уничтожили ее [3]).

[1]) Memorie apologetiche, часть III, стр. 3.

[2]) Spada, часть III, стр. 3.

[3]) Смотри Biblioteca Querini Stampaglia. Class. VII., cod 86. Lettere di Andrea Querini.

На самомъ дѣлѣ его родина становилась завоеванной провинціей и подчинялась приказамъ иноземнаго правителя. Равнодушіе, съ какимъ это событіе встрѣчено было европейскими дворами, еще недавно бывшими свидѣтелями такого же разгрома Польши, свидѣтельствуетъ о томъ, какое слабое значеніе имѣлъ еще въ области политики такъ называемый національный вопросъ. Впрочемъ, въ данномъ случаѣ равнодушіе было болѣе извинительно. Венеція сама по себѣ не имѣла ни этнографическаго, ни антропологическаго единства. Составленная изъ разноплеменныхъ народностей, грековъ, славянъ, итальянцевъ, частью путемъ завоеванія, частью добровольнаго только по виду подчиненія, она могла держаться лишь до тѣхъ поръ, пока въ вошедшихъ въ ея составъ народностяхъ не пробудилось стремленія къ политической жизни.

Освобождая простой народъ отъ прямыхъ податей, Венеція въ то же время отказывала своимъ провинціямъ въ самоуправленіи и строгимъ контролемъ за мыслью и словомъ держала подданныхъ въ искусственномъ удаленіи отъ всякой самодѣятельности. Не удивительно поэтому, если стремленіе къ итальянскому объединенію, къ федералистическому ли, или къ централизованному государству, никогда не могло разсчитывать на поддержку со стороны республики святого Марка. Когда подъ вліяніемъ французскаго примѣра и при содѣйствіи французскихъ войскъ возникла для Италіи возможность завоевать себѣ независимость отъ Австріи, ломбардскіе патріоты сразу увидѣли въ Венеціи скорѣе врага, нежели союзника. Когда ихъ надежды близки были къ осуществленію, даже демократическому правительству не удалось разсѣять тѣхъ предубѣжденій противъ венеціанской политики, какія порождены были всей предшествующей исторіей. Предложеніе слиться съ Ломбардіей было, какъ мы видѣли, отклонено. Но лишенная своихъ континентальныхъ владѣній, Венеція теряла характеръ итальянской державы. Она становилась не болѣе, какъ конгломератомъ объединенныхъ политикой земель и народовъ, которыхъ та же политика могла разъединить безъ существеннаго ущерба для ихъ культурнаго роста. Поражаетъ при этомъ только привязанность далматинцевъ къ правительству, отнимавшему у нихъ всякую самодѣятельность, и

равнодушіе столичнаго населенія къ своимъ дальнѣйшимъ политическимъ судьбамъ. Первая объясняется тою историческою ролью оплота христіанства противъ турокъ, какую Венеціи суждено было играть, начиная съ паденія Византіи. Теперь эта роль переходила на двѣ новыя державы, Австрію и приблизившуюся къ Черному морю со времени завоеванія Крымскаго царства Россію.

Историческое объясненіе терпитъ также и равнодушіе самихъ венеціанцевъ къ вопросу о томъ, быть ли имъ подданными Австріи, или сохранить свою независимость и изолированность послѣ потери не только левантійскихъ владѣній, Далмаціи и Истріи, но и земель Terra Ferma. Не говоря уже о враждебности къ демократіи, патриціанскіе роды задѣты были въ своихъ экономическихъ интересахъ отпаденіемъ тѣхъ провинцій, въ которыхъ лежали ихъ помѣстья. Подданство Австріи почти возстановляло прежнее территоріальное единство республики святого Марка, такъ какъ въ пользу Цизальпины отходили только земли на правомъ берегу Оліо. Оно ограждало поэтому имущественные интересы патриціевъ, цѣлость ихъ земельныхъ владѣній и удаляло отъ нихъ кошмаръ прогрессивныхъ налоговъ и конфискацій.

Въ свою очередь простой народъ, удержанный въ тѣсной экономической и нравственной зависимости отъ дворянства и скорѣе принужденный подчиниться произведенному французами демократическому перевороту, чѣмъ лично заинтересованный въ торжествѣ народнаго самодержавія, видѣлъ въ подчиненіи Австріи возможность того свободнаго торговаго обмѣна на восточномъ побережьѣ Адріатики, въ которомъ за послѣднія столѣтія лежалъ главный источникъ его заработковъ. Не слѣдуетъ терять изъ виду, что промышленный классъ Венеціи былъ численно незначителенъ и что съ открытія Америки и занятія турками Балканскаго полуострова, не говоря уже о Малой Азіи и Египтѣ, венеціанская торговля по преимуществу ограничилась Адріатикой и Архипелагомъ. Но острова послѣдняго отошли къ Франціи. Порты Далмаціи и Истріи неминуемо были бы закрыты при сохраненіи венеціанцами ихъ независимости. Отвергнутый Италіей, народъ Венеціи могъ обезпечить свои матеріаль-

ные интерессы тѣснымъ союзомъ только съ той державой, которая гарантировала ему свободу торга на адріатическомъ побережьѣ. Такимъ образомъ, экономическіе интересы, при полномъ крушеніи надеждъ на политическую независимость и возсоединеніе провинцій подъ новымъ демократическимъ режимомъ, беря верхъ надъ патріотизмомъ, побуждали одинаково дворянство и простой народъ смотрѣть на австрійцевъ и какъ на освободителей отъ французскаго ига, и какъ на источникъ будущаго экономическаго благоденствія. Наименѣе итальянское изъ всѣхъ государствъ Италіи, республика святого Марка была принесена въ жертву идеѣ итальянскаго объединенія; она послужила выкупомъ цизальпинской, лигурійской и другихъ болѣе или менѣе эфемерныхъ республикъ, начало которымъ было положено италійской компаніей.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ПРИЛОЖЕНІЕ I.

О Мемуарахъ Ландріе [1])

Вопросъ объ участіи французовъ въ революціяхъ Бергамо и Бресчіи рѣшенъ окончательно сознаніемъ главнаго вожака всего движенія, Jean Landrieux. Хотя въ своихъ мемуарахъ онъ и дѣлаетъ попытку возложить всю отвѣтственность на Наполеона, но, какъ мы сейчасъ покажемъ, это утвержденіе является болѣе или менѣе голословнымъ и не въ состояніи поколебать тѣхъ серьезныхъ возраженій, какія начальникъ французской арміи въ Италіи не разъ приводилъ противъ него.

Ландріё, мемуары котораго были написаны уже въ эпоху полнаго разрыва съ Наполеономъ и десятки лѣтъ спустя послѣ событій, приписываетъ себѣ одному честь поднятія Бергамо и Бресчіи и отрицаетъ существованіе въ этихъ провинціяхъ какихъ-либо тайныхъ обществъ, способныхъ подготовить движеніе (стр. 110). Это сообщеніе стоитъ въ рѣзкомъ противорѣчіи съ тѣмъ, что намъ извѣстно о дѣятельности масонскихъ ложъ и о существованіи въ средѣ дворянства и высшихъ слоевъ буржуазіи съ трудомъ скрываемыхъ симпатій къ французамъ и ненависти къ синьеріи.

По мнѣнію Ландріё, печальный исходъ франко-австрійской войны для Венеціи вызванъ, съ одной стороны, коварствомъ На-

---

1) Mémoires de l'adjudant géneral Jean Landrieux, publiés par Léonce Grasilier. Tome I. Bergame-Brescia.

полеона, а съ другой—продажностью членовъ венеціанскаго сената. Но если повѣрить на слово утвержденію автора, что при самомъ началѣ военныхъ дѣйствій судьба республики святого Марка была одинаково рѣшена и въ Парижѣ, и въ главномъ штабѣ оккупаціонной арміи; что уже при отбытіи Бонапарта въ Италію венеціанскія владѣнія обречены были служить вознагражденіемъ Австріи за потерю земель на Рейнѣ, и что согласіе австрійцевъ вступить въ переговоры, повѣдшіе къ заключенію мира въ Campo Formio, не имѣетъ другой причины, кромѣ увѣренности въ упраздненіи въ ея пользу республики святого Марка: то какой, спрашивается, интересъ могъ побудить Наполеона поднять въ тылу своей арміи движеніе, которое даже при благопріятномъ исходѣ пошло бы на пользу австрійцамъ, затрудняя въ то же время для него отступленіе въ Италію?

Желая доказать, что онъ дѣйствовалъ на основаніи полномочій, данныхъ ему начальникомъ италійскаго похода, Ландріё довольствуется передачей простой бесѣды, какую генералъ Бертье, а не Наполеонъ, велъ съ нимъ и съ генераломъ Кильменомъ въ Миланѣ 16-го вентоза въ пятый годъ республики. Разговоръ происходилъ съ глазу на глазъ, и такъ какъ никто, помимо Ландріё, не упоминаетъ о немъ ни словомъ, то у насъ нѣтъ средствъ провѣрить точности той передачи, какую даетъ ему авторъ. Вотъ въ буквальномъ переводѣ то, что на этотъ счетъ содержатъ въ себѣ разбираемые мемуары. «Нѣкоторые австрійскіе агенты, сказалъ якобы генералъ Бертье, даютъ понять, что имѣй мы возможность распорядиться венеціанскими владѣніями, не трудно было бы достигнуть уступки Ломбардіи и Мантуи, а можетъ быть даже Бельгіи со стороны императора; но чтобы зажать ротъ Европѣ, необходимо создать достаточные мотивы для нападенія на Венецію и упраздненія ея независимости... Одно побережье Адріатики обѣщаетъ Австріи гораздо большія выгоды, чѣмъ Миланъ и Мантуя. Если бы вопреки ожиданіямъ дипломаты отказались отъ такого вознагражденія, мы могли бы сохранить Венецію за собою... Но для этого необходимо прежде всего поднять Terra Ferma противъ синьеріи. Сдѣлать это вамъ будетъ не трудно, не компрометируя въ то же время французской арміи. Неспособная выставить войска про-

тивъ возставшихъ, Венеція обратится за помощью къ жителямъ горныхъ долинъ, а этого будетъ достаточно, чтобы вызвать междоусобія во всей Terra Ferma. Тогда, ссылаясь на силу принятыхъ обязательствъ, вы наивно потребуете отъ вожаковъ крестьянскихъ бандъ сложенія оружія. На ихъ отказъ вы отвѣтите нападеніемъ, давая въ то же время понять возставшимъ, что вы за нихъ, но что они не должны оглашать этого. Города Terra Ferma возьмутся за оружіе, устроятъ у себя муниципалитеты. Венеція же, которую обманываютъ надеждой на союзъ съ Вѣною, покажетъ себя высокомѣрной и станетъ безпокоить тылъ нашей арміи; тогда вы подымете жалобы на нарушеніе нейтралитета. Надо, чтобы вся Европа услышала ваши вопли. Не ждите никакого явнаго приказа ни отъ начальника арміи, ни отъ меня. Мы не намѣрены писать вамъ объ этомъ; даже въ томъ случаѣ, если понадобится остановить ваши дѣйствія, приказъ будетъ данъ вамъ словесно, а пока и не теряя времени возстановляйте всѣхъ, подавляйте все» (révoltez tous, écrasez tout. (Глава II, стр. 89).

По собственному сознанію Ландріё, Кильменъ не рѣшался предпринять никакихъ опредѣленныхъ дѣйствій на основаніи этихъ, очевидно, лишенныхъ всякаго офиціальнаго характера полномочій. Бонапартъ и Бертье, будто бы сказалъ онъ въ бесѣдѣ, хитрецы, которымъ ничего не значитъ поставить насъ въ затрудненіе; предположите, что директорія отставила его за ту или другую оплошность; какъ оправдаемъ мы нашъ образъ дѣйствій, ссылаясь на одни устныя полномочія (стр. 113 и 114). Поколебленный этими соображеніями, Ландріё уже собрался было послать Бертье формальный отказъ отъ всякаго участія въ затѣваемыхъ интригахъ, когда послѣ новой бесѣды онъ, заодно съ Кильменомъ, остановился на мысли дать дѣлу дальнѣйшій ходъ, принимая въ то же время всѣ мѣры къ тому, чтобы возстаніе провинцій не могло быть ему приписано. Авторъ мемуаровъ не скрываетъ того, что Кильменъ поддался въ этомъ случаѣ его вліянію. Бертье и начальникъ арміи, говоритъ онъ, были убѣждены, что я дѣлаю изъ него, что хочу (стр. 118). Но приписывая себѣ такимъ образомъ иниціативу, Ландріё заявляетъ, что постарался выгородить свою отвѣтственность пря-

мымъ полномочіемъ отъ Кильмена. Въ отвѣтъ на посланное ему четвертаго марта письмо послѣдовалъ весьма неопредѣленный и вполнѣ объяснимый обстоятельствами приказъ генераламъ, занимавшимъ своими отрядами венеціанскіе города и земли, усилить бдительность, считать себя вступившими съ республикой святого Марка въ отношенія войны (de se regarder comme en état de guerre avec la République de Venise) и быть готовыми выполнить всѣ приказы, какіе даны будутъ имъ самимъ или его адъютантами (стр. 127).

Всякій безпристрастный читатель согласится, что въ приведенныхъ словахъ не заключается никакой санкціи революціонной дѣятельности въ провинціяхъ Terra Ferma. Они находятъ себѣ естественное объясненіе въ убійствѣ десятковъ и сотенъ французовъ подданными республики святого Марка и приписываемомъ ея правительству намѣреніи перейти отъ плохо соблюдаемаго нейтралитета къ открытой враждебности. Слухи о томъ, что синьерія призываетъ славянскія войска изъ Далмаціи съ цѣлью направить ихъ противъ французовъ и что со дня на день можетъ послѣдовать заключеніе ею союза съ Австріей, вполнѣ оправдываютъ тѣ мѣры предосторожности, на какія намекаетъ обращеніе Кильмена къ состоявшимъ подъ его начальствомъ генераламъ. Во всемъ, что сообщаетъ Ландріё о поведеніи Кильмена въ эпоху возстаній Бергамо и Бресчіи, нельзя найти ничего, что бы доказывало приписываемую ему двуличность. Начальникъ тайной полиціи въ арміи, таковъ былъ дѣйствительный характеръ предоставленныхъ автору мемуаровъ полномочій, дѣйствуетъ все время по собственному почину, жалуясь нерѣдко на тѣхъ, кто подобно Куто рѣшаются предупредить его въ посылкѣ агентовъ революціи въ Бергамо и Бресчію. Когда Лермиту, котораго мемуары считаютъ виновнымъ въ многочисленныхъ подлогахъ и нажившимъ состояніе торговлей фальшивыхъ брильянтовъ (стр. 220), удается произвесть coup d'état въ первомъ изъ названныхъ городовъ, Ландріё пишетъ Кильмену, что Куто позволилъ этому бандиту пользоваться именемъ французовъ, компрометируя ихъ тѣмъ самымъ въ глазахъ венеціанцевъ (стр. 229 и слѣд.).

Приведенный въ текстѣ моего сочиненія докладъ Ландріё о

революціи въ Бергамо въ мартѣ 1797 года выдается имъ за нѣчто напередъ условленное съ Кильменомъ и ставящее себѣ задачей обойти венеціанцевъ и общественное мнѣніе Европы. Но ничто не говоритъ намъ, что такъ было на самомъ дѣлѣ и что, грозя суровой отвѣтственностью тѣмъ изъ французовъ, которые примутъ ближайшее участіе въ мѣстныхъ волненіяхъ, Кильменъ имѣлъ въ виду только отвести глаза венеціанскаго агента Фоскарини отъ дѣйствительнаго виновника переживаемаго потрясенія. Ничто не доказываетъ также, чтобы занятіе Кремы, при открытомъ на этотъ разъ участіи автора мемуаровъ, было напередъ условлено съ начальникомъ французскаго оккупаціоннаго корпуса. Шумное неодобреніе Наполеономъ образа дѣйствій Ландріё и фактъ перемѣщенія его въ другой корпусъ сами по себѣ, очевидно, ничего не доказываютъ. Но если принять во вниманіе то, что говоритъ намъ авторъ мемуаровъ о своихъ честолюбивыхъ замыслахъ, правда скоротечныхъ и не получившихъ даже начала исполненія; если принять во вниманіе, что служебная его карьера была сразу прервана и что даже въ позднѣйшіе годы Наполеонъ и Мюратъ относились къ нему враждебно [1]), то не покажется невѣроятной уже высказанная нами въ текстѣ нашего сочиненія догадка, что принявшіе участіе въ революціяхъ Terra Ferma французскіе начальники дѣйствовали по собственной инціативѣ и не безъ разсчета на личную выгоду. Слѣдующее сообщеніе Ландріё въ этомъ отношеніи весьма характерно: излагая причины, побудившія его принять изъ рукъ муниципалитета въ Бресчіи назначеніе на постъ «главнаго военнаго начальника, посредника и полномочнаго министра всѣхъ провинцій Terra Ferma», Ландріё объявляетъ, что въ теченіе недѣли онъ лелѣялъ честолюбивую надежду сдѣлаться едва ли не наслѣдственнымъ монархомъ всей сѣверной Италіи; только пассивной оппозиціи Кильмена и увѣщаніямъ главы революціоннаго муниципалитета въ Бресчіи, Парро, удалось помѣшать ея осуществленію [2]).

---

[1]) Смотри біографическій очеркъ Леонса Гразилье въ приложеніи къ мемуарамъ Ландріё, стр. 5.

[2]) Страница 366 и 369.

Это обстоятельство заставляетъ насъ видѣть въ авторѣ мемуаровъ не безпристрастнаго свидѣтеля пережитыхъ имъ событій, а адвоката, чтобы не сказать подсудимаго, ищущаго очернить своихъ противниковъ и обѣлить себя самого. Къ числу явныхъ выдумокъ, сдѣланныхъ съ этой цѣлью, надо отнесть и обвиненіе одного изъ правителей Вероны, Джіованелли, въ томъ, что онъ продался Наполеону. Это сообщеніе сопровождается другимъ еще болѣе изумительнымъ: чтобы дать Наполеону возможность начать войну съ Венеціей, Джіованелли будто бы устроилъ кровавую баню французовъ въ Веронѣ. Обвиненіе настолько нелѣпо и такъ противорѣчитъ всему, что намъ извѣстно о дѣйствительномъ ходѣ событій, что нѣтъ необходимости останавливаться на его критикѣ.

ПРИЛОЖЕНІЕ II.

Частная переписка секретаря совѣта десяти съ друзьями.

Моя работа была уже окончена, когда проѣздомъ черезъ Венецію я получилъ отъ профессора Джаколи случайно разысканную имъ переписку секретаря совѣта десяти Джузеппе Градениго съ родственниками и аббатомъ Тентори, авторомъ такъ часто упоминаемаго мною сборника документовъ, относящихся къ паденію венеціанской независимости. Эта переписка обнимаетъ собою періодъ наполеоновскихъ войнъ, водворенія демократическихъ порядковъ и перехода бывшей республики святого Марка къ Австріи. Содержаніе писемъ, какъ нельзя болѣе подтверждаетъ ту точку зрѣнія, какую мы старались провести, характеризуя, на основаніи переписки братьевъ Кверини и ихъ зятя Липомано, отношеніе бывшихъ правителей Венеціи къ демократической муниципіи и ко вступленію въ ихъ родину австрійскаго войска. И Градениго, и Тентори, какъ мы сейчасъ увидимъ, не прочь смотрѣть на иноземцевъ, какъ на избавителей отъ якобинскаго террора. Съ момента потери власти частные интересы берутъ у нихъ верхъ надъ общественными; забота объ охраненіи собственности отъ дѣйствительныхъ или воображаемыхъ нивелляторовъ выступаетъ на первый планъ. 8-го октября Градениго пишетъ зятю Тьеполо изъ Карбонеры, куда онъ удалился въ надеждѣ «не видать болѣе ни демагоговъ, ни французовъ», что онъ пользуется здѣсь всѣми благами жизни и желаетъ своему родственнику провесть время въ Венеціи «наименѣе скверно».

Письмо заканчивается шутливо демократическимъ привѣтствіемъ: поклонъ и братство, а подпись гласитъ: гражданинъ такой-то... Слѣдующія затѣмъ письма помѣчены Венеціей; въ одномъ изъ нихъ отъ 29-го октября не безъ злорадства сообщается, что голосованіе по вопросу, перейти ли Венеціи въ руки имперіи, или остаться демократіей, далеко не дало того большинства въ пользу послѣдней, о какомъ говорятъ патріоты. Я слышалъ, пишетъ онъ, отъ лицъ, которыя дали себѣ трудъ провѣрить приходскіе списки, что число шаровъ, поданныхъ въ пользу имперіи, значительно превосходитъ то, какое получено демократіей. Говорятъ, что муниципалитетъ держитъ результаты въ тайнѣ и запрещаетъ говорить о нихъ. Отъ его имени заявлено отдѣльнымъ округамъ, что дѣло идетъ вовсе не объ отраженіи силой австрійской оккупаціи, а только о томъ, чтобы заявить передъ лицомъ просвѣщенной націи о постоянствѣ и мужественной доблести венеціанцевъ. Градениго совѣтуетъ своему зятю не покидать Карбонеры и жить въ своемъ помѣстьѣ, пока невыяснена будетъ судьба Венеціи и посланные въ Парижъ коммиссары не вернутся съ положительнымъ или отрицательнымъ отвѣтомъ отъ директоріи. Дѣло идетъ о сохраненіи Венеціей ея независимости или о переходѣ къ Австріи. Я лично, прибавляетъ онъ, жду отрицательнаго отвѣта. Жестокая бѣда грозитъ намъ одинаково и въ томъ, и въ другомъ случаѣ; никому, вѣдь какъ намъ, пришлось бы покрыть издержки войны, если бы французы вздумали продолжить ее ради насъ съ австрійцами. Градениго говоритъ о жалобахъ и свободныхъ рѣчахъ, какія раздаются въ кофейняхъ и на площади святого Марка, о невозможности помѣшать открытому выраженію мыслей и прибавляетъ: не знаю, къ худу ли это или къ добру. Злословіе не щадитъ болѣе самого Бонапарта: говорятъ, что онъ продалъ насъ, что Вильетаръ дѣлаетъ всѣ усилія, чтобы побудить насъ къ защитѣ, и что поэтому генералъ Серюрье намѣренъ удалить его, какъ человѣка опаснаго для сохраненія спокойствія [1]). Но я ничему этому не вѣрю. Два дня спустя, сообщая о томъ, что ходитъ слухъ, будто 12.000 австрійцевъ

---

[1]) Письмо отъ перваго ноября 1797.

показались въ предѣлахъ венеціанскихъ владѣній, Градениго прибавляетъ: «я жажду только мира и тишины (desidero solo la quiete e la tranquillita), которыхъ нельзя имѣть въ теперешнихъ несчастныхъ обстоятельствахъ. Патріоты думаютъ, что Бонапартъ прямо или косвенно намѣренъ содѣйствовать нашему возрожденію и что возникнутъ такія комбинаціи, которыя помѣшаютъ намъ погибнуть постыдно. Опираютъ это мнѣніе на томъ соображеніи, что распространившаяся за послѣднія десять лѣтъ модная философія породила въ умахъ такой энтузіазмъ, который сдѣлаетъ насъ доблестными и способными отвоевать свободу и независимость. На слѣдующій день въ новомъ сообщеніи значится: въ кафе предаютъ проклятію муниципалистовъ, ходитъ ужасный bon mot; говорятъ, что прежнее правительство отдало государство въ залогъ, а временная муниципія, нашедши квитанцію, проглотила ее, такъ что теперь отъ государства ничего не осталось. Хотя и господствуетъ спокойствіе, но я не теряю своихъ страховъ, такъ какъ въ ушахъ моихъ постоянно раздается, что мужество нашихъ заслуженныхъ патріотовъ не допуститъ погибели свободы. «Не знаю, куда скрыться, чтобы спасти свою кожу. Я столько думалъ объ этомъ, что наконецъ нашелъ: брошусь въ объятія француженки, мадамъ Жеромбъ. Она спасетъ меня и отъ пушекъ, и отъ картечи, и отъ обнаженныхъ шпагъ нашихъ героевъ». Въ письмѣ отъ 5-го ноября Градениго торжествуетъ побѣду умѣренной партіи въ муниципалитетѣ. Джіововичъ, подвергшійся, какъ мы видѣли, аресту, за мнимый заговоръ противъ демократіи, не только отпущенъ на свободу, но и принятъ съ тріумфомъ въ городской совѣтъ. Залъ публичнаго образованія, эта венеціанская пародія клуба якобинцевъ въ Парижѣ, закрытъ по распоряженію генерала Серюрье. Прекращены также собранія комитета общественнаго спасенія. Національная гвардія подчинена начальнику французскаго оккупаціоннаго корпуса. «Все это служитъ залогомъ сохраненія мира и спокойствія». Серюрье требуетъ сверхъ того заложниками нѣкоторыхъ главъ террористовъ, въ томъ числѣ Ломбардо. Они распространяли по городу всякіе ужасы съ цѣлью возбудить народъ. Градениго сообщаетъ также съ видимымъ удовольствіемъ отвѣтъ Бонапарта коммиссарамъ, посланнымъ какъ къ нему

лично, такъ и къ парижской директоріи: «Ваша миссія безполезна, такъ какъ правительство уже утвердило миръ своимъ согласіемъ». Спада и Пизани пишутъ изъ Бергамо, что не нашли въ Бонапартѣ ни малѣйшаго желанія воспротивиться силой австрійской оккупаціи. Ходитъ слухъ, что Мурано намѣренъ прибѣгнуть къ оружію, чтобы отразить австрійцевъ. «Не вѣрю, такъ какъ это было бы безуміемъ». Завтра всѣ иностранцы будутъ изгнаны изъ Венеціи манифестомъ Серюрье, не исключая и тѣхъ, которые состоятъ членами муниципалитета. «Вотъ рядъ извѣстій, предсказывающихъ близкую смѣну правительства и конституціи». Градениго заканчиваетъ свое письмо, несмотря на весь трагизмъ положенія, слѣдующей пошлой шуткой: «былъ у госпожи Жеромбъ, чтобы расположить ее къ принятію меня въ случаѣ нужды; она обѣщала мнѣ свое покровительство, жалѣя въ то же время о недостаткѣ грудей, и увѣряя, что я все же не буду имѣть причинъ къ недовольству». На слѣдующій день новое письмо: вышедшіе манифесты Серюрье приглашаютъ народъ не обнаруживать безпокойства по случаю военныхъ приготовленій. Они направлены къ охраненію мира, которому грозитъ кучка дурныхъ патріотовъ, только озабоченныхъ мыслью о производствѣ безпорядковъ. Въ 24 часа приказано иностранцамъ покинуть Венецію. Національная гвардія и полиція поставлены непосредственно подъ начальство Серюрье. Подтверждается извѣстіе о томъ, что договоръ о мирѣ получилъ санкцію директоріи, что на островѣ святого Георгія французы нагружаютъ корабли военными принадлежностями, что нанято много судовъ для доставки войскъ въ Рагузу и Левантъ. Вчера 2.000 солдатъ прибыли въ Венецію, а сегодня подходятъ все новые и новые отряды. Дома, пока пощаженные этими гостями, на этотъ разъ не избѣжатъ общей участи, такъ какъ негдѣ помѣстить офицеровъ. «Пощади меня, Боже»! Утромъ говорили, что Морозини показался у входа въ портъ съ главной эскадрой, но слухъ этотъ не оправдался. Кстати о немъ разсказываютъ, что, будучи въ Тріестѣ и слыша, что одна баржа отправляется оттуда въ Венецію, онъ поспѣшилъ къ капитану, родомъ венеціанцу, но ничего не знавшему о событіяхъ, и попросилъ его разыскать Ломбардо и Сталимене, (тѣхъ двухъ, которые подожгли чучело, его изображавшее). Ка-

питанъ долженъ былъ успокоить ихъ на счетъ добраго здоровья Морозини и увѣрить, что скоро онъ надѣется держать ихъ въ своихъ объятіяхъ. Капитанъ продѣлалъ все, что было ему сказано, а Ломбардо и Сталимене «застыли» отъ изумленія. Не дурную также шутку разыграли третьяго дня со священникомъ прихода Санъ Николо. Въ этомъ приходѣ расположенъ залъ «публичнаго образованія». Ночью въ день его закрытія два лица явились въ домъ каноника, разбудили его и стали умолять, чтобы онъ немедленно отправился провѣдать состоящаго при смерти больного; священникъ ворча поднялся съ постели и, открывъ двери, сказалъ просителямъ: ну что же, пойдемъ къ больному? не стоитъ больше, отвѣтили они, такъ какъ больной уже скончался. На вопросъ, о комъ идетъ рѣчь, послѣдовалъ отвѣтъ: о несчастномъ клубѣ патріотическаго образованія. Священникъ отъ души выругался и вернулся въ свою спальню.

9-го ноября Градениго сообщаетъ о задержаніи по приказу Серюрье нѣсколькихъ террористовъ и въ числѣ ихъ Ломбардо. То же грозитъ и другимъ, если они не убѣгутъ во-время. Текстъ мирнаго договора долженъ быть отпечатанъ для распространенія въ народѣ. Говорятъ, что сегодня его прочтутъ въ публичномъ засѣданіи. Въ Венеціи на каждомъ шагу встрѣчаются «свирѣпыя рожи» (musi duri); повидимому, для муниципалитета наступили тѣ же роковые дни, какіе пережиты были прежнимъ правительствомъ наканунѣ его паденія. На лицахъ главныхъ вожаковъ и муниципальныхъ чиновниковъ встрѣчаешь то же выраженіе гнѣва, стыда, смущенія и отчаянія, какое выступало еще недавно на лицахъ аристократовъ. Есть, впрочемъ, и не теряющіе надежды; они увѣрены, что коммиссары, посланные въ Парижъ, сдѣлаютъ что-то неимовѣрное, тогда какъ на самомъ дѣлѣ они могутъ только сломать себѣ шею. Вчера прибыло нѣсколько австрійцевъ съ положеніемъ; говорятъ, военные; вѣрно для того, чтобы подготовить нужное для вступленія войскъ и принять мѣры къ спокойствію. Большинство населенія ликуетъ, такъ какъ ждетъ, не дождется минуты, когда наступитъ конецъ теперешнимъ порядкамъ (Gli abitanti esulano la maggior partee sono contenti, non bramando se non il momento che il cambiamento si verifichi).

На этомъ обрывается переписка Градениго съ его зятемъ; но его пріятель аббатъ Тентори, корреспонденція котораго покрываетъ тотъ же періодъ времени, въ письмѣ отъ 25-го ноября рисуетъ намъ настроеніе, въ какомъ жители провинцій готовились къ переходу подъ австрійское владычество. По его словамъ, «всѣ говорятъ теперь свободно и жаждутъ наступленія великаго момента. Богъ все устроитъ къ лучшему, онъ воззритъ на насъ жалостливымъ окомъ и явитъ намъ свое милосердіе». Вся семья, начиная отъ хозяйки дома, въ наилучшемъ настроеніи. Въ Тревизо всѣ пользуются большимъ спокойствіемъ. Муниципалисты, въ числѣ ихъ Зорзи, покидаютъ Венецію. Послѣдній, говорятъ, высланъ въ Terra Ferma по приказу Серюрье. Самъ муниципалитетъ еле дышетъ. Число членовъ, посѣщающихъ его засѣданія, ничтожно, и все зависитъ отъ французскаго генерала. Но близокъ уже «моментъ великой перемѣны». Пока мы вполнѣ подъ властью меча. У насъ водворилось военное правительство, но оно не грозитъ любящимъ покой гражданамъ; напротивъ, Серюрье высылаетъ террористовъ, напримѣръ, Ломбардо, главнаго организатора «залы общественнаго образованія». Клубъ закрытъ въ тотъ самый день, когда проповѣдовалась въ немъ необходимость стоять и умереть за демократію [1]). Аббатъ Тентори даетъ своему корреспонденту совѣтъ держаться вдали отъ Венеціи въ Монте-Белуно. «Мы переживаемъ канунъ великой перемѣны, а пока старайтесь развлекаться и проводить пріятно время въ добромъ обществѣ».

---

[1] Письма отъ 6-го, 7-го и 25-го ноября.

ПРИЛОЖЕНІЕ III.

Венеціанская публицистика въ послѣдній годъ республики.

Въ самомъ текстѣ моего сочиненія я не имѣлъ возможности познакомить читателя какъ слѣдуетъ съ содержаніемъ тѣхъ политическихъ брошюръ, которыя наводнили Италію со времени похода Наполеона. Я остановился только на тѣхъ изъ нихъ, которыя носятъ характеръ своего рода манифестовъ, обнародуемыхъ время отъ времени борющимися партіями, или проливаютъ свѣтъ на то, какими причинами объясняли сами современники событій еще невиданный въ исторіи фактъ внезапнаго паденія четырнадцативѣковой республики. Въ настоящее время я бы хотѣлъ, разумѣется въ общихъ чертахъ, познакомить читателя съ той любопытной страницей въ исторіи развитія политической мысли, какую представляетъ критика французской революціонной доктрины итальянскими и въ частности венеціанскими писателями. Тѣмъ самымъ я исключаю изъ моего очерка ту массу летучихъ листковъ и памфлетовъ, въ которыхъ то въ чисто дидактической формѣ, поученій, посланій и катехизисовъ, то въ формѣ діалоговъ между защитниками старыхъ и поборниками новыхъ порядковъ излагались принципы 1789 года. Повторяю сказанное уже въ текстѣ: всѣ произведенія подобнаго рода отличаются рѣдкимъ отсутствіемъ оригинальности, всѣ написаны по одному шаблону и подражаютъ французскимъ образцамъ. Вотъ, напримѣръ, весьма распространенный лѣтомъ 1797 года католико-де-

мократическій катехизисъ священника Антоніо Заливани, заключающій въ себѣ комментарій на знаменитую декларацію правъ человѣка и гражданина. На вопросъ, какое правительство всего болѣе обезпечиваетъ личную безопасность и собственность, авторъ отвѣчаетъ въ духѣ деклараціи и общественнаго договора Руссо: то, въ которомъ народъ самъ завѣдуетъ своими интересами, другими словами—демократическое. Отъ священника легко ожидать, что онъ постарается подкрѣпить свои воззрѣнія текстами ветхаго и новаго завѣта. Тѣ самые выраженія и примѣры, которые въ XVII-мъ вѣкѣ позволяли англичанину Фильмеру, автору Patriarcha, доказывать первенство и преимущество монархій, приводятся теперь въ пользу народнаго правленія. Сыны Адама, увѣряетъ авторъ, живя семьями, жили подъ демократическимъ образомъ правленія. Братство нарушено было потомками Каина, которые сдѣлались первыми аристократами; и послѣ потопа семья Ноева управлялась на началахъ народовластія; но честолюбіе и высокомѣріе опять создали тирановъ и аристократовъ. На преимущество демократіи указываетъ и самъ Христосъ, говоря: тотъ, кто пожелаетъ быть выше другихъ, долженъ быть послѣднимъ.—Вліяніе Руссо сказывается въ опредѣленіи авторомъ понятія закона. Законъ—верховная воля народа; его не могутъ поэтому создавать народные представители, такъ какъ воля народная, или что то же суверенитетъ, неотчуждаема. Въ духѣ деклараціи правъ авторъ понимаетъ равенство не въ смыслѣ нивеллированія состояній, а только въ смыслѣ равнаго подчиненія всѣхъ одному и тому же закону. Катехизисъ заканчивается изложеніемъ обязанностей человѣка въ обществѣ: онѣ вытекаютъ изъ того, что декларація говоритъ о правахъ человѣка; къ числу ихъ принадлежитъ защита общества, служба ему, подчиненіе законамъ и уваженіе къ правительственнымъ органамъ. Сочиненіе разсчитано на широкое обращеніе въ публикѣ, написано языкомъ, какъ нельзя болѣе доступнымъ [1]), но въ немъ нѣтъ очевидно и проблеска какой-либо самостоятельности.

[1]) Смотри Catechismo cattolico-democratico del cittadino Antonio Zalivani, parroco di S. Niccolo. Venezia presso il cittadino Antonio Dal-Fabro libraio, registrato. al Comitato di Publica Instruzione li 3 messidor 21 giugno 1795, anno I della Liberta italiana.

Насколько демократическая печать безцвѣтна и не оригинальна, настолько реакціонная отличается живостью, талантомъ и замѣчательной критической способностью. Французская революція и порядки, порожденные ею въ сосѣднихъ странахъ, едва ли нашли послѣ Бёрка и Малэ дю-Пана болѣе опаснаго антогониста, чѣмъ венеціанецъ Витторіо Барцони.

Условія рожденія и воспитанія не подготовили Барцони къ безпристрастной оцѣнкѣ тѣхъ новыхъ ученій о естественномъ правѣ и народномъ суверенитетѣ, которыя, благодаря сочиненіямъ Монтескьё, Руссо и ихъ мѣстныхъ подражателей, напримѣръ Филанджіери, уже начинали волновать умы итальянскихъ патріотовъ, создавая въ масонскихъ ложахъ тайныхъ союзниковъ надвигающейся революціи. Родомъ изъ Лонато, Барцони сперва воспитывался въ веронской семинаріи, а затѣмъ въ падуанскомъ университетѣ по юридическому факультету. Свою публицистическую дѣятельность онъ началъ съ изданія въ 1794 году дидактической поэмы въ прозѣ, озаглавленной «Пустынникъ Альпъ». Въ ней изображенъ схимникъ, живущій на вершинѣ горы; до него доходитъ слухъ о происходящемъ во Франціи, о пережитой ею грозной революціи. Молодой человѣкъ, по имени Лоренцо, съ энтузіазмомъ относящійся къ новыми доктринамъ, при встрѣчѣ со схимникомъ слышитъ отъ него горькія истины и поучается критическому отношенію къ демократіи и республикѣ. Основная мысль автора, передаваемая устами схимника, та, что не можетъ быть конституціи образцовой и примѣнимой ко всѣмъ народамъ и государствамъ; хороши только тѣ учрежденія, которыя имѣютъ корни въ прошломъ, отвѣчаютъ характеру жителей, ихъ обычаямъ, привычкамъ, имѣютъ за себя историческое право и силу времени.

Достаточно того, чтобы въ странѣ граждане пользовались защитою жизни, чести и имущества; требовать бо̀льшаго значитъ искать неподвижности могилы, ибо жизнь необходимо полна страданій. Въ настоящее же время всѣ помѣшаны на томъ, какъ бы ниспровергнуть существующее и создать на его мѣстѣ нѣчто новое. Вѣрятъ въ возможность того, чтобы законы одни управляли дѣйствіями людей, не понимая, что это допустимо только въ вымышленномъ государствѣ. Думаютъ, что при демокра-

тической конституціи нѣтъ необходимости въ репрессіи и что какая-нибудь декларація отвлеченныхъ правъ человѣка избавитъ его отъ всякаго притѣсненія.

Химерой считаетъ Барцони принципъ народнаго суверенитета, «современное, какъ онъ выражается, превознесеніе правъ толпы и непогрѣшимости ея хотѣній». Истинной волей народа можетъ быть только справедливость, но справедливость никогда не была прирожденной добродѣтелью народныхъ собраній. Вотъ почему и суверенитетъ никогда не лежалъ въ народѣ.

Ученіе о равенствѣ также находитъ въ Барцони принципіальнаго противника. Все говоритъ, по его мнѣнію, о неодинаковости физическихъ и духовныхъ силъ людей. Какое же можетъ существовать равенство въ пользованіи правами. Опытъ доказываетъ, говоритъ онъ, что народныя собранія на дѣлѣ никогда не осуществляли сами независимой власти. Они доступны были подкупу и насилію, а это значитъ, что равноправный народъ въ дѣйствительности никогда не былъ сувереномъ. Толпа всегда была въ услуженіи: то у людей, льстившихъ, подобно Марату, низкимъ ея инстинктамъ, то у людей, подчинявшихъ ее себѣ страхомъ, примѣромъ чему можетъ быть Робеспьеръ. Она была игрушкой въ рукахъ Филиппа Орлеанскаго, дѣйствовавшаго на нее подкупомъ, и у Юлія Цезаря, увлекшаго ее своими побѣдами, и у Демосѳена, подчинившаго ее силою своего краснорѣчія.

Сочиненіе Барцони появилось въ надлежащій моментъ, когда всѣ правительства и многіе народы Европы запуганы были успѣхами французской революціи и ея прозелитизмомъ за границей. Неудивительно поэтому, что «Альпійскій схимникъ» перепечатанъ былъ нѣсколько разъ и переведенъ на многіе европейскіе языки.

Но не это сочиненіе составило извѣстность Барцони и обратило на него вниманіе побѣдоноснаго вождя французскихъ дружинъ. Начало его преслѣдованіямъ и мученической славы положило открытое письмо къ Бонапарту, отпечатанное 17 апрѣля 1797 года, вслѣдъ за печальнымъ исходомъ веронской пасхи. Взывая къ милости побѣдоноснаго вождя, онъ говоритъ съ нимъ языкомъ, въ которомъ можно признать скорѣе строгаго цензора, нежели скромнаго просителя. Барцони ставитъ на видъ

тягость военнаго гнета, установленнаго французами въ свободномъ и ни въ чемъ неповинномъ городѣ, и объясняетъ этимъ обстоятельствомъ вспышку народной ярости. Высказанныя здѣсь мысли развиты имъ подробнѣе въ сочиненіи, напечатанномъ три года спустя, подъ заглавіемъ: «Революціи, пережитыя венеціанской республикой». Тутъ выступаетъ во всей его наготѣ вызывающее поведеніе непрошенныхъ гостей, которые сумѣли обратить нейтралитетъ Венеціи въ орудіе своихъ честолюбивыхъ замысловъ и, истощивъ ее своими реквизиціями, отобравъ все, что было въ ней цѣннаго, продали ее затѣмъ австрійцамъ. Къ чести автора надо сказать, что онъ безпристрастно распредѣляетъ отвѣтственность за печальный исходъ республики и не освобождаетъ отъ нея самихъ венеціанцевъ. Стремленіе къ матерьяльной обезпеченности и миру, неспособность къ пожертвованіямъ, отсутствіе настоящихъ государственныхъ людей, слабость правительства, недостатокъ прозорливости, готовность подчинять временнымъ интересамъ необходимую заботливость о будущемъ, все это выставлено имъ въ живыхъ краскахъ съ неумолимою твердостью судьи, призывающаго къ своему трибуналу друзей и враговъ и не щадящаго ничьей слабости и ничьего нерадѣнія.

Мы не разъ пользовались его указаніями и оцѣнками въ текстѣ нашего сочиненія и не считаемъ нужнымъ поэтому останавливаться съ большей подробностью на содержаніи этого по своему характеру не политическаго, а историческаго трактата. Насъ интересуетъ болѣе журнальная дѣятельность Барцони; его участіе въ основаніи одного изъ первыхъ періодическихъ органовъ, вышедшихъ вслѣдъ за провозглашеніемъ въ Венеціи демократической республики и установленіемъ временнаго муниципалитета.

Его журналъ носилъ названіе «Уравнителя» (Equator) и старался всячески выставить на посмѣяніе политику новыхъ правителей и принципы, которыми они руководствовались. Предметомъ нападокъ является, какъ онъ самъ говоритъ, «геній демократіи, спустившійся съ облаковъ на эту лучшую часть Европы, со скрижалію неотъемлемыхъ правъ человѣка въ лѣвой рукѣ и съ сѣкирою въ правой». Его ненависть вызы-

ваетъ «обычный пріемъ насаждать Евангеліе свободы ударами шашки и пушечными выстрѣлами, жертвовать міромъ ради конституціонныхъ фразъ». Венеціанскіе демагоги выступаютъ у него во образѣ новыхъ тирановъ, для которыхъ не имѣютъ святости принятыя ими самими обязательства. Сдѣлавшись народными представителями, они стали тщеславнѣе аристократовъ. «Ненавистные лицемѣры; на словахъ они восхваляютъ свободу, на дѣлѣ же стремятся только къ произволу»; имъ хотѣлось бы ослѣпить народъ личиною самопожертвованія, республиканской суровостью, абсолютнымъ равенствомъ, и все для того, чтобы деспотически присвоить себѣ его права. Нѣтъ ругательствъ, которыми бы Барцони не обсыпалъ новыхъ правителей Венеціи: авантюристы, содержатели игорныхъ домовъ, воры, разбойники, проститутки, вотъ имена, которыми слѣдовало бы назвать, говоритъ онъ, тѣхъ, кто украшаетъ себя званіемъ гражданина и думаетъ, что демократія служитъ купелью, въ которой можно омыться отъ прежнихъ грѣховъ.

О позднѣйшемъ и наиболѣе выдающемся сочиненіи редактора Уравнителя, о его «Римлянахъ въ Греціи» сообщено подробно въ одной изъ главъ настоящаго сочиненія.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Страница.	*Строка.*	*Написано.*	*Надо читать.*
11	24	Ferme	Ferma
15	19	advocatori	avvocatori
19	10	вещей	вопросовъ
29	30	считается	признается
30	26	ооторымъ	которымъ
38	25	адвъкатов	адвокатовъ
44	20	турка	турокъ
49	34	Кефалонію	Кефалоніи
66	1	неограниченоб удетъ	неограничено будетъ
71	.11	образовало	образовывало
73	16	помѣстей	помѣстій
75	24	релулируемыхъ	регулируемыхъ
95	25	обнаруживило	обнаруживало
111	10	di	dei
111	33	Барра	Барраса
115	13	Неаполь	Въ Неаполѣ
138	15	confidenti	confidente
142	10	ихъ	французовъ
144	17	confidenti	confidente
173	33	предоставятъ	представятъ
180	5	Флоріани	Флоріанъ
180	12	Конфиденти	Конфиденте
182	34	Вотанъ	Ботанъ
201	7	отраженіи	отраженіе
207	5	въ революція	революція
209	8	провинціи	провинцій
215	22	VIII	IX
221	8	Эмиліи	Эмилп
221	37	собранны	собранныя
232	13	циспаденской	циспаданской
263	16	принадлежала	не принадлежала экспатриціямъ
265	5	катихизиса	катехизиса
279	19	вящшему	вящему
284	30	держать	въ желаніи держать
287	36	тому	тому же
294	25	марки	Марки

Каррьеръ. Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры. Въ 4 т. Перев. *Е. Корша*. М. 1874 г. Ц. 16 р.

Корсакъ. Первоначальные уроки грамматики. М. 1879 г. Ц. 60 к.

Ковалевскій, М. Происхожденіе современ. демократіи. 1895. т. II. Ц. 2 р. 50 к. т. III. Ц. 2 р.

Куглеръ. Руководство къ ист. искусства. 2 т. Пер. *Е. Корша*. 1870. Ц. 10 р.

— Руководство къ ист. живописи. Пер. *И. Васильева*. 1870. Ц. 7 р.

Куно-Фишеръ, Г. Лессингъ, какъ преобразователь нѣмец. литерат. Пер. *И. Разсадина*. 1882. Ц. 1 р. 25 к.

Курціусъ. Исторія Греціи. т. II и III. Пер. *А. Веселовскаго* и *М. Корсакъ*. 1880—1883. Ц. 9 р.

Лотце. Микрокозмъ. 3 тома. Перев. *Е. Корша*. М. 1870 г. Ц. 6 р. 50 к.

Лавелэ. Балканскій полуостр. Пер. *Н. Васильева*. 1889. Ц. 6 р.

Лависъ и Рамбо. Всеобщая исторія. Т. I. 1896. Ц. 3 р.

Лампрехтъ, К. Исторія герман. народа. Пер. *П. Николаева*. 1894. 3 т. Ц. 11 руб.

Лёббокъ. Красоты природы и чудеса міра. Пер. *А. Павлова*. 1893. Ц. 1 р. 50 к.

Лессингъ, Г. Гамбургская драматургія. Перев. *И. Разсадина*. 1883. Ц. 3 р.

Любке. Исторія пластики. Съ 231 рис. Пер. *В. Чаева*. 1873. Ц. 6 р.

Моммсенъ. Римская исторія III. т. Ц. 16 р. 50 к.

Магаффи. Исторія классич. періода греч. литерат. 2 т. Пер. *А. Веселовскаго*. 1882. Ц. 6 р.

Марта. Философы и поэты моралисты во вр. Римск. имп. Пер. *М. Корсакъ*. 1879. Ц. 2 р.

Матеріалы для біографіи *Н. А. Добролюбова*. 1890. 2 р.

Мауреръ. Введеніе въ ист. общин., подворн., сельск. и город. устр. и обществ. власти. Пер. *Е. Корша*. 1880. Ц. 2 р. 75 к.

Моммсенъ. Римская исторія. 3 т. Ц. 16 р. 50 к.

Морлей, Дж. Руссо. Пер. *В. Невѣдомскаго*. 1882. Ц. 2 р. 50 к.

— Дидро и энциклопедисты. 1881. Ц. 2 р. 50 к.

Николаевъ, П. Активный прогрессъ. М. 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.

Нефедовъ, Ф. Сочиненія. 2 т. 1894. Ц. 3 р.

Пелисье. Литер. движеніе въ XIX ст. Пер. *Ю. Доппельмайеръ*. 1896. Ц. 2 р.

Пешель, О. Исторія эпохи открытій. Пер. *Э. Циммермана*. 1885. Ц. 3 р.

Полонскій, Я. На закатѣ. Стихотворенія. 1882. Ц. 1 р. 25 к.

Рибо. Современная англійская психологія. М. 1878 г. Цѣна 2 руб.

Риль, А. Теорія науки и метафизики, 1888. Ц. 2 р.

Саади-Ширази. Гюлистанъ (Цвѣтникъ розъ). Съ персидскаго подлинника. Пер. *И. Холмогоровъ*. М. 1882 г. Ц. 1 р.

Столповская А. Очеркъ исторіи культуры китайскаго народа. Ц. 3 р.

Страбонъ. Географія въ 17 книг. Пер. *Ѳ. Мищенко*. 1879. Ц. 10 р.

Суриковъ. Полное собраніе. Съ порт. авт. и біогр. *Соловьева-Несмѣлова*. 1884. Ц. 3 р.

Суриковъ. Стихотворенія. Изд. трет. 1877. Ц. 1 р.
Тьюкъ, Х. Духъ и тѣло. М. 1888 г. Пер. *П. Викторова*. Ц. 2 р. 50 к.
Тренделенбургъ. Логическія изслѣдованія, въ 2 том. М. 1868 г. Ц. 4 р.
Тикноръ. Исторія испан. литерат. 3 т. 1886. Ц. 9 р. 50 к.
Токвиль, А. Воспоминанія. Пер. *В. Невѣдомскаго*. 1893. Ц. 2 р.
Трайль. Общественная жизнь Англіи. Пер. *П. Николаева*. Т. I. Ц. 2 р.
Тэнъ. Титъ Ливій. Критич. изслѣд. 1885. Ц. 1 р. 50 к.
Финлей. Греція подъ римскимъ владычествомъ. М. 1876 г. Цѣна 4 р.
Файфъ. Исторія Европы XIX ст. 1890. Ц. 2 р. 50 к.
Фиске, Д. Открытіе Америки. 2 т. Пер. *П. Николаева*. 1892. Ц. 4 р.
Фойгтъ, Г. Возрожденіе класс. древности, или первый вѣкъ гуманизма. 2 т. Пер. *И. Разсадина*. 1884. Ц. 6 р. 50 к.
Фрикенъ. Римскія катакомбы и памятники первонач. христ. искусства. 4 т. Ц. 6 р. 50 к.
— Итальянское искусство въ эпоху возрожденія. 1891. 2 ч. Ц. 4 р.
Фриманъ. Историч. географія Европы. Пер. подъ ред. *И. Лучицкаго*. 1892. 2 т. Ц. 6 р.
— Методы изуч. исторіи. Пер. *П. Николаева*. 1894. Ц. 2 р.
Фулье, А. Исторія философіи. Пер. *П. Николаева*. 1894. Ц. 3 р.
— Отрывки изъ сочин. велик. философовъ. 1895. Ц. 3 р.
Шекспиръ, В. Драматическія произведенія. Пер. *Н. Кетчера*. 9 ч. Ц. 10 р.
Шмидтъ, К. Исторія педагогики. т. I, III, IV, I, IV, II. Пер. *Э. Циммермана*. 1880. Ц. 17 р. 50 коп.
Экономическая библіотека: 1) *Смитъ, А.* Ц. 1 р., 2) *Рикардо.* Ц. 1 р., 3) *Милль.* Ц. 1 р., 4) *Мальтусъ.* Ц. 1 р., 5) *Бентамъ и Юмъ.* Ц. 1 р., 6) *Сэ и Бастія* Ц. 1 р., 7) *Кенэ.* Ц. 1 р.

Печатаются.

Лампрехтъ. Ист. герман. народа. Т. IV.
Викторовъ, П. Ученіе о личности. Т. II.
Грегуаръ. Ист. Франціи. Т. IV.
Ковалевскій, М. Экономическій ростъ Европы.
(Выйдетъ въ непродолжительномъ времени 2-е изданіе «Происхожденія современной демократіи»).
Рамбо. Всеобщая исторія. Т. II.
Брандесъ. Фердинандъ Лассаль.
Гаспари. Ист. итал. литерат. Т. II.
Герцбергъ. Исторія Византіи.
Іодла. Истор. этики. Т. II.
Лансонъ. Исторія франц. литерат. Т. I.
Трайль Обществ. жизнь Англіи. Т. II.
Библіотека экономистовъ: *Родбертусъ, Шмоллеръ, Кэрисъ, Ле-Плэ.*

